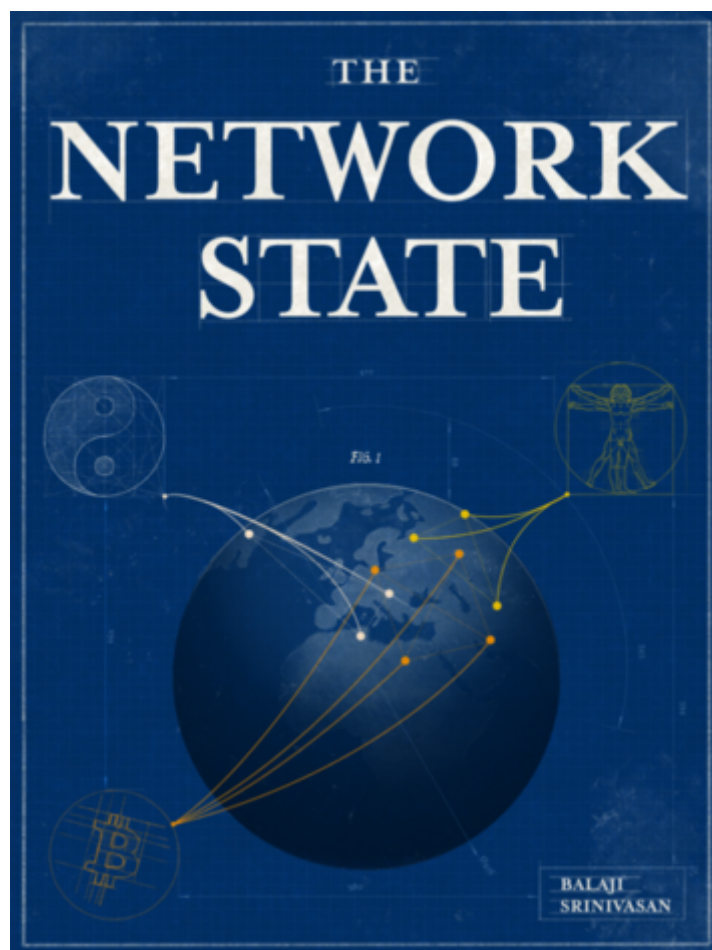

Сетевое государство

Автор книги – Баладжи Шринивасан, чьи интересы лежат в основном в области криптовалютных технологий. Оригинал выложен автором на отдельном сайте, так что здесь я его не привожу. Перевод начат каналом Русский Кripto Фронтиръ, далее подхвачен мной.

Спонсоры перевода:

1. Покерная компания <https://worldpokerdeals.com/>
2. Кripto-сообщество <https://t.me/cp0xdotcom>
3. Сообщество [Chaotic Good](#)

Оглавление

1. Быстрый старт

1.1. Преамбула

1.2. Сетевое государство одним предложением

1.3. Сетевое государство одной картинкой

1.4. Сетевое государство одной тысячей слов

1.5. Сетевое государство в одном эссе

2. История как траектория

2.1. Пролог

2.2. Микроистория и макроистория

2.3. Политическая власть и технологическая истина

2.4. Бог, Государство, Сеть

2.5. Люди Бога, люди Государства, люди Сети

2.6. Если фейковые даже новости, то что
говорить об истории?

2.7. Фрагментация. Фронтир. Четвёртая
стадия. Будущее – это наше прошлое.

2.8. Левые это новые правые это новые левые

2.9. Единая заповедь

3. Трёхполярный мир

3.1 НУТ, КПК, ВТС

3.2. Устаревающее и вневременное

3.3. Двухполярная Америка и трёхполярный
мир

3.4. Моральная власть, военная власть,
денежная власть

3.5. Подчинение, Сочувствие, Суверенитет

3.6. Конфликты и альянсы

4. Децентрализация,
рецентрализация

4.1. Возможные версии будущего

4.2. Социополитические оси

4.3. Техноэкономические оси

4.4. Обозримое будущее

4.4.1. AR-очки соединяют физический и цифровой миры

4.4.2. Экспериментальная макроэкономика

4.5. Американская Анархия, Китайский Контроль и Международный Центризм

4.6. Условия победы и неожиданные концовки

4.7. На пути к рецентрализованному центру

4.7.1. В защиту рецентрализации

5. От национальных государств к сетевым государствам

5.1. Почему именно сейчас?

5.2. О национальных государствах

5.3. О сетевых государствах

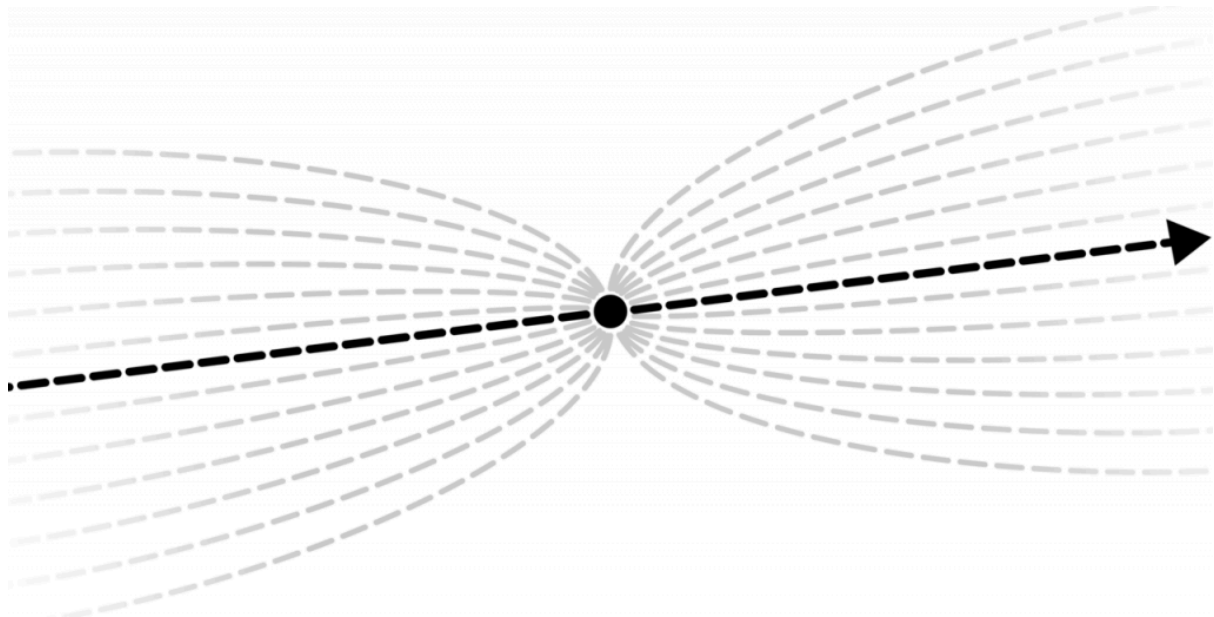
6. Приложения

6.1 Благодарности

6.2 О проекте 1729

1.1. Преамбула

Сетевое государство. 1. Быстрый старт.

Если вы тот человек, который заглядывает в начало только для того, чтобы понять, стоит ли читать всё целиком, то вам повезло. Потому что мы подготовили краткое изложение тех концепций, которые стоят за стартап-сообществами и сетевыми государствами:

- Одним предложением
- Одной картинкой
- Одной тысячей слов
- Одним эссе

И разумеется, для полного погружения вы можете просто прочесть её целиком, страницу за страницей.

Кстати о страницах: каждый раздел этой книги лежит в сети в открытом доступе в виде отдельной веб-страницы.

Например, адрес этого раздела –

<https://ancapchan.info/the-network-state/1-1/>. Это позволяет напрямую ссылаться на любой фрагмент книги во время обсуждений¹. Более того, в отличие от обычной книги, эта представляет собой нечто вроде постоянно обновляемого динамического книжного приложения. Последнюю версию книги вы всегда можете найти онлайн.

Читая эту книгу, думайте о ней как об инструментарии, а не как о манифесте. Вам не нужно соглашаться со всем, чтобы извлечь пользу. По этой причине книга имеет модульную структуру. Глава 1 – это обзор идей. В Главах 2, 3 и 4 представлен анализ, который ведет к тревожному прогнозу на ближайшее будущее, касающемуся проблем распада государств в США и усиления государственного контроля в КНР. А в Главе 5 представлено предлагаемое нами решение для сохранения либеральных ценностей в нелиберальном мире: стартап-сообщества и сетевые государства.

Если вы сторонник истеблишмента США или КПК, то можете вообще не согласиться с нашей постановкой проблемы. Если вы биткойн-максималист, то, вероятно, согласитесь не со всеми аспектами предлагаемого нами решения. Если вы носитель иных идей, то можете лишь отчасти согласиться с некоторыми проблемами или их решениями, в том виде, в котором мы их сформулировали. Тем не менее мы считаем,

что идея сетевого государства достаточно гибка, чтобы вы могли модифицировать её и использовать как свою собственную.

Но что же такое это ваше сетевое государство?

---

¹ Очевидная функция, но отсутствующая в традиционных электронных книгах.

1.2. Сетевое государство одним предложением

Сетевое государство. 1. Быстрый старт.

Одним неформальным предложением:

Сетевое государство — это тесно связанное онлайн-сообщество, способное к коллективным действиям, которое собирает через краудфандинг территории по всему миру и в конечном итоге получает дипломатическое признание от уже существующих государств.

Когда мы думаем о национальном государстве, то сразу же подразумеваем территории, но, размышляя о сетевом государстве, то мы должны немедленно задуматься о разумах. То есть, если система национальных государств начинается с карты земного шара и отводит каждый участок земли отдельному государству, то система сетевых государств начинается с восьми миллиардов людей по всему миру, и каждый разум оказывается вовлечён в одну или несколько сетей.

Вот более сложное определение, которое расширяет этот концепт и и заранее охватывает многие пограничные случаи:

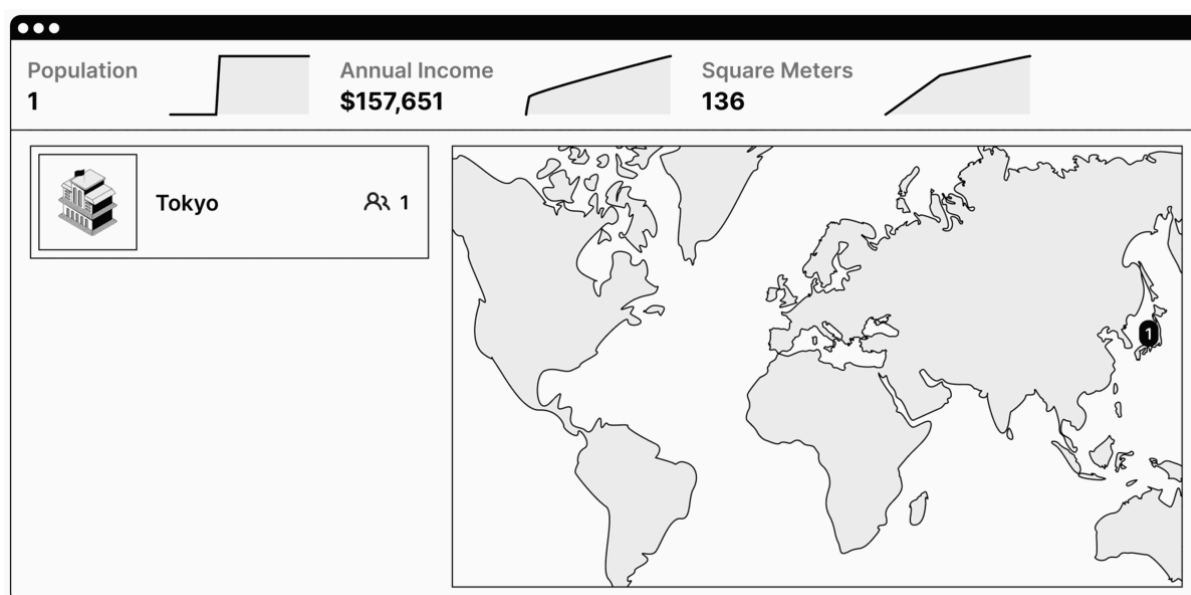
Сетевое государство — это социальная сеть, для которой характерны моральные инновации, чувство национального самосознания, признанный основатель, способность к коллективным действиям, личный уровень цивилизованности, интегрированная криптовалюта, ограниченное социальным смарт-контрактом правительство, действующее на основе консенсуса, архипелаг собранных краудфандингом физических территорий, виртуальный капитал и сетевой реестр, доказывающий наличие достаточно большого населения, дохода и суммарной площади недвижимости, чтобы добиться определенного дипломатического признания.

Так, это явное переусложнение! Вышло длинно, потому что есть много интернет-феноменов, для которых характерны некоторые, но не все свойства сетевого государства. Например, ни Биткоин, ни Facebook, ни DAO – не сетевые государства, потому что каждому из них не хватает определенных качеств, таких как дипломатическое признание, которые оказываются ключевыми для всего, что мы готовы счесть наследниками национальных государств.

(Вы можете промотать до Главы 5, где мы расшифровываем каждую часть этого определения, но если вы прочитаете весь текст подряд, то он будет более осмысленным. Как бы то ни было, техническое определение национального государства выглядит таким же многосоставным, потому что оно должно исключать сущности, о которых мы обычно не задумываемся, например, безгосударственные нации.)

1.3. Сетевое государство одной картинкой

Сетевое государство. 1. Быстрый старт.

Картинка выше дает представление о том, как выглядит на карте сеть из миллиона человек. Точнее, она изображает сетевое государство с населением 1,7 миллиона человек, годовым доходом более 157 миллиардов долларов и площадью 136 миллионов квадратных метров.

Первое, что мы отмечаем, это то, что сетевое государство не является физически централизованным, как национальное государство, и не ограничено масштабом, как город-государство. Оно географически децентрализовано и объединено Интернетом.

Второе, что мы отмечаем: дать старт такому виду государства можно буквально с одного вашего компьютера. Точно так же, как Facebook вырос из ноутбука одного человека, сетевое государство с миллионом человек, владеющее глобальным архипелагом физических территорий, может начаться как стартап-сообщество из одного человека, как это показано на гифке.

Третья отмечаемая особенность – то, насколько для сетевого государства необходим мониторинг населения в режиме реального времени. Показанная инфографика объединяет в себе концепции, относящиеся к деньгам, компаниям и странам, позволяя нам сфокусировать внимание на *росте* количества людей, годового дохода и площади недвижимости.

Непрерывный рост — это непрерывный плебисцит, вотум доверия со стороны уже вовлеченных в проект людей, а равно и со стороны тех, кто, находясь снаружи, только подаёт заявки. Грубо говоря, успешное сетевое государство привлекает иммигрантов, а неуспешное сетевое государство теряет их.

Это не означает, что каждое сетевое государство должно расти до бесконечности или что все государства должны принимать людей одного типа, но означает, что сообщество сетевых государств в целом сосредоточено на создании привлекательных обществ, к которым люди хотят присоединиться. Разные государства могут ориентироваться на разные показатели; представьте себе сетевое государство, нацеленное на улучшение средней продолжительности

жизни своих граждан, или государство, нацеленное на доказуемое смещение общего распределения доходов в сторону увеличения богатства. Вы получите то, что измеряете.

1.4. Сетевое государство одной тысячей слов

Сетевое государство. 1. Быстрый старт.

Технологии позволили нам создавать новые компании, новые сообщества и новые валюты. Но можем ли мы использовать технологии для создания новых городов или даже новых стран? Ключевая концепция заключается в том, чтобы сначала создать облако, а затем приземляться — но никогда не приземляться до конца — начинать с онлайн-сообщества, а затем материализовывать его в реальном мире. Этот путь занимает семь шагов:

1. *Создайте стартап-сообщество.* Это просто интернет-сообщество, стремящееся стать чем-то большим. Такое может основать любой, как любой может основать компанию или запустить

криптовалюту². А легитимность основателя зависит от того, решат ли люди следовать за ним.

2. *Организируйте его в группу, способную к коллективным действиям.* При наличии достаточно целеустремленного онлайн-сообщества следующим шагом будет его организация в сетевой союз. В отличие от социальной сети, у сетевого союза есть цель: он координирует своих участников для получения взаимной выгоды. И, в отличие от традиционного профсоюза, сетевой союз создается не только для противодействия какой-либо конкретной корпорации, поэтому он может предпринимать самые разные коллективные действия³. Объединение в союз – это ключевой шаг, поскольку он превращает неэффективное за пределами сферы общения сообщество в группу людей, работающих вместе для общего дела.
3. *Постройте офлайновую сеть доверия и онлайнową криптоэкономику.* Начните проводить личные встречи в реальном мире, увеличивая их размах и продолжительность, и одновременно создавайте внутреннюю экономику с использованием криптовалюты.
4. *Создавайте опорные точки в реальном мире.* Как только будет создано достаточное доверие и накоплены достаточные средства, начните краудфандинг на квартиры, дома и даже города (пример 1, пример 2, пример 3), чтобы привлечь цифровых граждан в реальный мир в сообщества с совместным проживанием.
5. *Соедините офлайн узлы в сеть.* Соедините эти опорные точки вместе в сетевой архипелаг, набор связанных через интернет физических территорий, распределенных по всему миру. Узлы сетевого архипелага могут варьироваться от квартиры одного

человека до офлайн сообществ произвольного размера. Физический доступ к узлам предоставляется обладателям Web3 криптопаспорта, а для бесшовной связи офлайна и онлайна используется смешанная реальность.

6. *Обеспечьте блокчейн-реестр.* Когда сообщество достаточно вырастет, вам будет необходим постоянный криптографически проверяемый реестр, который будет демонстрировать рост численности населения, доходов и площади недвижимости. Именно так стартап-сообщество докажет свою силу скептикам.
7. *Добейтесь дипломатического признания.*
Стартап-сообщество значительного масштаба должно в конечном итоге быть в состоянии вести переговоры о дипломатическом признании по крайней мере с одним существующим правительством, и так, постепенно наращивая суверенитет, неуклонно становиться настоящим сетевым государством.

Ключевая идея заключается в том, чтобы заселить физическое пространство из облака, и сделать это по всей Земле. В отличие от идеологически разобщенного и географически централизованного традиционного государства, которое объединяет миллионы конфликтующих в одном месте, Сетевое Государство идеологически едино, но географически децентрализовано. Люди разбросаны по миру группами разного размера, но их сердца бьются в унисон.

Когда население и экономика стартап-сообщества вырастет до величин, сопоставимых с показателями традиционных государств, с миллионным населением и миллиардными

доходами, оно должно в конечном итоге⁴ получить признание от существующих суверенных государств — и, в конечном счете, от ООН — так же, как недавно это сделал Биткоин, став полноценной национальной валютой.

---

² Важно отметить, что так же, как нельзя “просто” основать крупную компанию, нельзя “просто” основать сетевое государство. Поэтому вы начинаете с стартап-сообщества, которое для сетевого государства является тем же, чем обычный стартап для компании Google. Это эмбриональная форма.

³ Действия включают в себя: краудфандинг, трудоустройство, оптовые закупки и коллективный торг с корпорациями и государствами. Важно отметить, что сетевой союз — это уже вещь, полезная сама по себе даже в качестве конечной цели. Точно так же, как малый бизнес может приносить пользу клиентам, не становясь публичной компанией, сетевые союзы могут приносить пользу своим членам, не становясь сетевыми государствами.

⁴ Обратите внимание на последовательность: стартап-сообщество → сетевой союз → сетевой архипелаг → сетевое государство. Сначала нарастите свои коллективные мускулы, чтобы делать реальные дела, затем обзаведитесь реальными деньгами и недвижимостью и, наконец, станьте настоящим признанным государством.

1.5. Сетевое государство в одном эссе

Сетевое государство. 1. Быстрый старт.

Проект — это не нация, хотя и может ею стать. Здесь мы описываем мирный, воспроизводимый процесс превращения онлайн-сообщества, основанного на проекте, в физическое государство с виртуальной столицей: *сетевое государство*, сиквел национального государства.

Мы хотим иметь возможность мирно запустить новое государство по той же причине, по которой нам нужен голый участок земли, чистый лист бумаги, пустой текстовый буфер или новый стартап. Потому что мы хотим построить что-то новое без исторических ограничений.

Финансовый спрос на чистый лист очевиден. Люди покупают миллионы акров свободной земли и ежегодно создают сотни тысяч новых компаний, тратя миллиарды только на то, чтобы стартовать с нуля. И теперь, когда можно создавать не только новые компании, но и новые сообщества и даже новые валюты, мы видим, как люди стекаются, желая создавать и их.

Общественная ценность чистого листа также очевидна. Только в технологическом секторе возможность создавать

новые компании за последние несколько десятилетий создала богатство в триллионы долларов. В самом деле, если представить себе мир, в котором вы не можете просто получить чистый лист бумаги, а должны сперва стереть старый, где вы не можете просто приобрести голую землю, но должны снести стоящее здание, где вы не можете просто создать новую компанию, но вам придётся реформировать существующую фирму, то мы видим бесконечный конфликт из-за ограниченных ресурсов.

Чтобы представить себе этот странный мир, возможно, не придётся слишком напрягать воображение. Он похож на наш. В далеком прошлом люди могли писать только на глиняных табличках, в недалеком прошлом их казнили за предпринимательство, а в буквально в нашем настоящем идут споры о замене древней бензоколонки. Во всех этих случаях начинать с нуля было технологически невозможно, политически невозможно или юридически наказуемо.

И сегодня, со всеми этими странами, городами, нациями, правительствами, учреждениями и большей частью физического мира, мы находимся именно в такой реальности. Поскольку совершенно новое немыслимо, мы боремся за старое.

Но, возможно, мы сумеем это поменять.

1.5.1. Как создать новую страну

Есть как минимум шесть способов создать новую страну; три обычных и три нетрадиционных. Мы представим их только для того, чтобы высказаться затем в пользу седьмого.

1.5.1.1. Выборы

Самый обычный способ создать новую страну — это завоевать на выборах достаточную власть, чтобы либо (а) переписать законы существующего государства, либо (б) создать новое с нуля, имея признание международного сообщества. Это наиболее широко обсуждаемый путь и, безусловно, по нему идут толпы — возможно, даже слишком большие толпы.

1.5.1.2. Революция

Второй очевидный путь — политическая революция. Мы не советуем пытаться это сделать. Особо важные выборы иногда называют революциями, хотя революция обычно связана с кровопролитием. Революции случаются нечасто, но все знают, что они означают новое правительство.

1.5.1.3. Война

Третий общепринятый способ образования нового государства — выиграть войну. Мы также не советуем

пытаться это сделать. Война, конечно, это способ, не полностью независимый от двух вышеназванных. Действительно, как выборы, так и революции могут привести к войнам, которые в конечном итоге приведут к формированию новых политических образований. Как и революция, война нечаста и нежелательна, но является средством перекройки государственных границ.

1.5.1.4. Микронации

Теперь переходим к нестандартному. Самый очевидный из нетрадиционных подходов — и тот, о котором думает большинство людей, когда они слышат о концепции «создания новой страны» — это когда какой-нибудь чудак устанавливает флаг на морской платформе или спорном участке земли и объявляет себя королем ничего. Если проблема с выборами в том, что ими озабочено слишком много людей, то проблема с этими так называемыми микронациями заключается в том, что они заботят слишком мало людей. Поскольку государство (как и валюта) по своей сути есть общественное дело, несколько человек в глуши не смогут организовать армию, обеспечить соблюдение законов или получить признание других стран. Более того, хотя существующее государство может довольствоваться тем, что позволяет людям безобидно устраивать ролевые игры в фейковую страну у себя на заднем дворе, реальная угроза суверенитету обычно приводит к ответу настоящим оружием, будь то Фолкленды или Сахалин.

1.5.1.5. Систединг

Вот тут уже начинается более интересное. Задуманный Патри Фридманом и поддержанный Питером Тилем, систединг в сущности начинается с наблюдения, что существуют круизные лайнеры, и задаётся вопросом, можем ли мы перейти от нескольких недель плавания к полупостоянному обитанию в международных водах (с частыми швартовками, конечно). Если стоимость круизных лайнеров упадёт, этот подход станет более осуществимым. Но хотя есть люди, которые живут на круизных лайнерах круглый год, мы ещё не видели масштабирования этой практики₆.

1.5.1.6. Космос

Возможно, самый престижный из способов создания новой страны – это идея колонизации других планет. В отличие от систединга или микронаций, освоение космоса началось на правительственном уровне и было прославлено во многих фильмах и телесериалах, поэтому оно имеет более высокую степень социальной приемлемости. Этот путь обычно воспринимается как временно технически невыполнимый, а не просто сумасшедший. SpaceX Илона Маска — это организация, серьезно обдумывающая логистику создания нового государства на Марсе.

1.5.1.7. Сетевые государства

И, наконец, мы приходим к нашему предпочтительному методу: сетевому государству. Наша идея состоит в том, чтобы начать с облака, а после спуститься на землю. Вместо

того, чтобы начинать с физической территории, мы начинаем с цифрового сообщества. Мы создаем стартап-сообщество, организуем его в сетевой союз, совместно финансируем физические узлы сетевого архипелага и — в нужный момент — в конечном итоге ведем переговоры о дипломатическом признании, чтобы стать настоящим сетевым *государством*. Мы строим зачаточное *государство* как проект с открытым исходным кодом, мы организуем нашу внутреннюю экономику вокруг удаленной работы, мы культивируем собственные понятия о цивилизованности, мы моделируем архитектуру в виртуальной реальности и создаем искусство и литературу, которые отражают наши ценности.

Когда мы совместно приобретаем территорию в реальном мире, это не обязательно *непрерывная* территория. Потому что недооцененный факт заключается в том, что *интернет позволяет нам создавать сетевые анклавы*. Иными словами, сетевому архипелагу не обязательно приобретать всю свою территорию в одном месте в одно время. Он может соединить тысячу апартаментов, сотню домов и дюжину тупичков в разных городах в новое фрактальное государство со столицей в облаке. Члены сообщества мигрируют между этими анклавами и прикупают территории неподалёку, при этом каждое отдельное или совместное жилище — это совершенно независимая возможность для экспансии. И если для традиционного государства есть лишь четыре направления для расширения (север, восток, юг и запад), то для тысячи анклавов таких направлений становится четыре тысячи.

То, что мы описали до сих пор, очень похоже на этническую диаспору, в которой эмигранты рассредоточены по всему

миру, но связаны каналами связи друг с другом и с родиной. Фишка в том, что в нашем случае это обратная диаспора: сообщество, которое сначала формируется в интернете, строит культуру онлайн, и только потом собирается лично для строительства жилья и инфраструктуры. В некотором смысле вы можете думать о каждом физическом аванпосте этого цифрового сообщества как об *облачном посольстве*, похожем на самопровозглашённые посольства Биткойна, которые возникли по всему миру, чтобы помочь людям лучше понять Биткойн. Новички могут посетить виртуальную или физическую часть сетевого государства, провести бета-тестирование и принять решение – уйти или остаться.

Теперь, после всех этих разговоров о посольствах и странах, можно вполне утверждать, что сетевые государства, такие как вышеупомянутые микронации, также являются просто ролевой игрой. Однако, в отличие от микронаций, они устроены так, чтобы быть *масштабной* ролевой игрой, подвигом воображения, практикуемым большим количеством людей одновременно. И опыт криптовалют за последнее десятилетие показывает нам, насколько мощной может быть такая общая ролевая игра.

1.5.2. Минимальная необходимая инновация

Давайте на секунду остановимся и подведем итоги. Основное различие между седьмым методом (сетевые государства) и

предыдущими шестью (выборы, революция, война, микронации, систединг и космос) заключается в том, что седьмой метод балансирует между практичностью и непрактичностью.

В наше время стало возможным создавать онлайн-сообщества на миллионы человек, запускать цифровые валюты на миллиарды долларов и проектировать здания в виртуальной реальности, а затем совместными усилиями воплощать их в реальность. Концепция сетевого государства объединяет многие *существующие* технологии, а не требует изобретения новых, таких как ракеты, способные летать на Марс, или морские поселения, пригодные для постоянного обитания. В то же время она избегает очевидных путей, вроде выборов, революций и войн — все они слишком уродливы, и ни один из них не оставляет достаточно места для индивидуальной инициативы.

Другими словами, сетевое государство берёт самый надежный набор технологий из имеющихся в нашем распоряжении – тот, что построен вокруг Интернета – и использует его для обхода политических блокпостов, не дожидаясь будущих физических инноваций.

1.5.3. Что считать новой страной?

После описания этих семи методов внимательный читатель заметит, что мы немного поторопились с определением того, что такое «новая страна».

Во-первых, что мы *подразумеваем* под новой страной? Одно из определений состоит в том, что создание новой страны означает заселение совершенно новой территории, например колонизацию Марса. Другое определение гласит, что простое изменение формы правления на самом деле меняет страну, например, переход Франции от Второй Французской республики ко Второй Французской империи. Вместо того, чтобы использовать эти строгие или расплывчатые определения, мы будем использовать как *численные*, так и *социальные* определения новой страны.

Численное определение начинается с того, что мы представляем себе гипотетический сайт nationalrealestatepop.com, похожий на coinmarketcap.com, который агрегирует криптографически проверенные реестры стартап-сообществ, стремящихся стать сетевыми государствами. Эта информационная панель будет отображать в режиме реального времени количество членов сообщества, площадь недвижимости, принадлежащей этим членам, и доход сообщества ончейн. Стартап-сообщество с пятью миллионами человек по всему миру, тысячами квадратных миль (несмежных) принадлежащих сообществу земель и миллиардами годового дохода, будет иметь неоспоримую значимость, выраженную в числах.

Это, в свою очередь, приводит нас к *социальному* определению: новая страна — это та, которая дипломатически признана другими странами как легитимное государство, способное к самоопределению. Государство с достаточным количеством таких двусторонних отношений будет иметь общественную значимость, позволяющую присоединиться к группе ранее существовавших государств, таких как АСЕАН, ОАГ,

Африканский союз, ЕС или Организация Объединенных Наций.

Эта комбинация численных и социальных показателей соответствует появлению криптовалюты. Первоначально игнорируемый, а затем высмеиваемый как очевидная неудача, через пять лет после своего изобретения Биткоин достиг рыночной капитализации в миллиард долларов (численный успех) и впоследствии был включен в список CNBC и Bloomberg наряду с акциями «голубых фишек» (форма общественного признания). На каждом шагу Биткоин мог бы продолжать расти в цифрах сам по себе, и за ним следовало бы большее общественное признание. К 2020 году он изменил траекторию деятельности Народного банка Китая, МВФ, Goldman Sachs, JP Morgan и Всемирного банка. К 2021 году биткоин стал законным платежным средством в Сальвадоре, суверенном государстве. И уже к середине 2022 года за ним последовала Центральноафриканская Республика, а десятки других стран, включая Панаму, всерьёз рассматривали для себя аналогичную возможность.

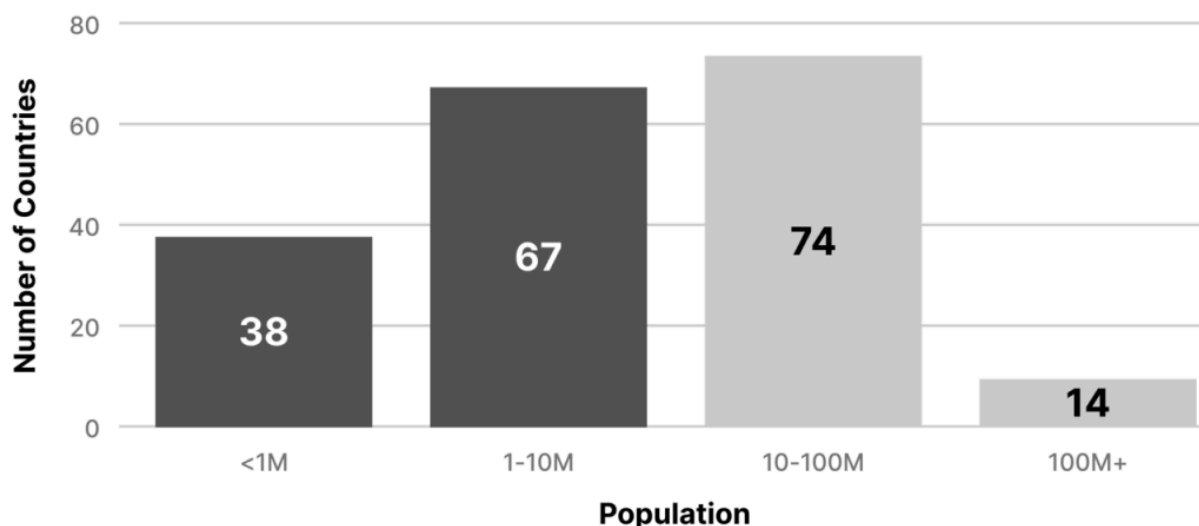
1.5.4. Большинство стран – маленькие

Криптовалюта может достичь подобных высот, потому что деньги имеют как количественные, так и социальные аспекты.⁷ Цифры могут быть накоплены до того, как последует общественное признание. Как только Биткоин доказал, что его нельзя легко подделать или взломать, общей

веры миллионов держателей криптовалюты по всему миру оказалось достаточно, чтобы поднять BTC от нулевой стоимости до рыночной капитализации в миллиарды долларов, а оттуда и до листинга на каждой бирже и в Bloomberg Terminal. Этот сетевой эффект проложил дорогу к ещё большим численным значениям и запустило цикл положительной обратной связи.

Может ли стартап-сообщество пойти по тому же пути? Да. Криптографически проверяемый реестр может доказать, что такое-то стартап-сообщество имеет от 1 до 10 миллионов приверженцев, большие запасы криптовалюты, годы непрерывного существования и физические активы по всей земле. Затем этот количественный вес можно было бы использовать для умножения социального веса – через дипломатическое признание.

Почему? Потому что большинство стран – маленькие. Новое государство с населением от 1 до 10 миллионов человек было бы сопоставимо с большинством существующих государств. Из 193 признанных ООН суверенных государств 20% имеют население менее 1 миллиона человек, а 55% – менее 10 миллионов человек. Сюда входят многие страны, которые обычно признаются полностью легитимными, такие как Люксембург (615 тыс.), Кипр (1,2 млн), Эстония (1,3 млн), Новая Зеландия (4,7 млн), Ирландия (4,8 млн) и Сингапур (5,8 млн). Подобное «количество пользователей» удивительно мало по стандартам сетевой индустрии!

Source: <https://archive.ph/Dhepn>

Конечно, просто количество — это еще не все. Имеют значение также сила приверженности к нашему гипотетическому сетевому государству, а также время обладания собственностью, учтённой как собственность сетевых граждан, процент собственного капитала, хранящегося в валюте сетевого государства, и доля членов сообщества среди общего числа контактов гражданина.

Тем не менее, как только мы вспомним, что у Facebook более 3 миллиардов пользователей, у Twitter более 300 миллионов, а у многих отдельных влиятельных лиц более 1 миллиона подписчиков, не так уж и безумно представить, что мы можем построить стартап-сообщество из 1-10 миллионов человек с подлинным чувством национального самосознания, с интегрированной криптовалютой и планом по краудфандингу многих территорий по всему миру. С помощью интернета мы можем в цифровом виде сшить эти разрозненные анклавов вместе в политическое образование нового типа, которое получит дипломатическое признание — **сетевое государство**.

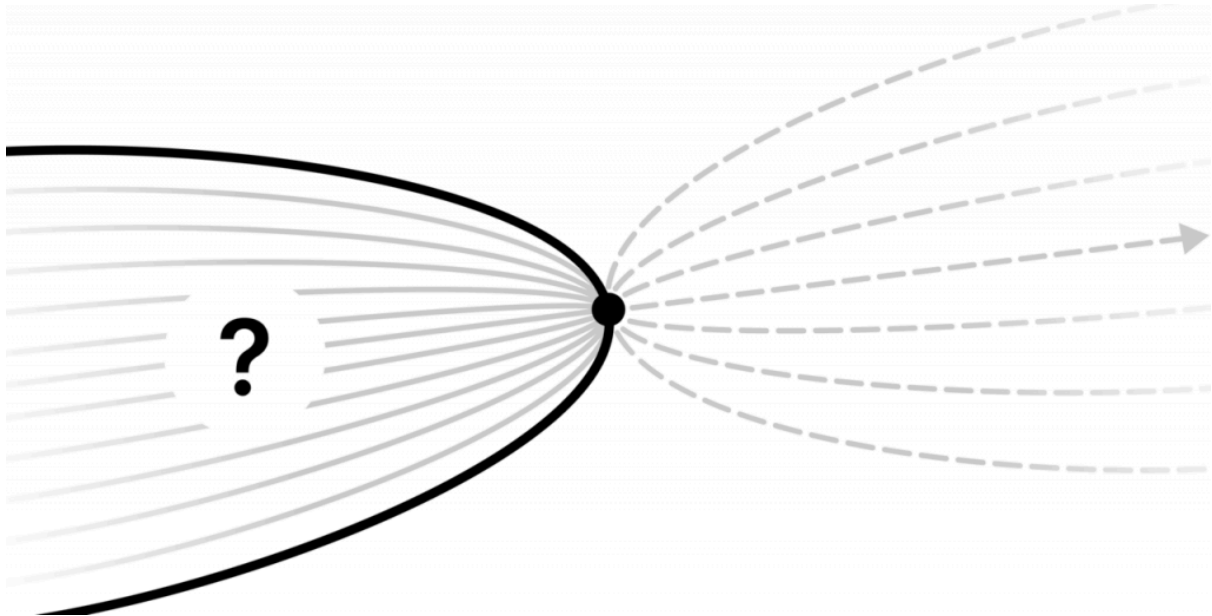
5 Тут имеются в виду так называемые ролевые игры живого действия (live-action roleplaying games), именуемые на русскоязычном пространстве просто ролевыми играми. Также ролевыми играми часто называют ситуацию, когда взрослые занимаются каким-то бессмысленным притворством.

6 Мы действительно полагаем, что систединг в долгосрочной перспективе можно возродить. Почему? Потому что его можно сделать частью парадигмы сетевого государства. Вам просто нужно вырастить стартап-сообщество, способное скинуться на круизный лайнер. Конечно, ваше общество не начнет с чего-то столь дорогого; для начала нужно будет получить гораздо более скромные участки территории по всему миру и соединить их в сетевой архипелаг. Но как только у вас есть стартап-сообщество с десятками тысяч членов, становится возможным нечто достаточно безумное, вроде круизного лайнера, финансируемого за счет краудфандинга.

7 Технический факт существует совершенно независимо от того, что думает любой человек (например, значение g или гравитационной постоянной), в то время как политический факт полностью связан с тем, что думают люди (например, положение национальной границы).

2.1. Пролог

Сетевое государство. 2. История как траектория.

Наша история – это пролог к сетевому государству.

Это *не* очевидно. Основание стартап-сообщества, как мы его описали – это про рост сообщества, написание кода, краудфандинг земель и, в конечном итоге, достижение дипломатического признания, позволяющего стать сетевым государством. Какое отношение ко всему этому имеет история?

Вкратце: если технологическая компания в первую очередь занимается технологическими инновациями, а затем корпоративной культурой, то в стартап-сообществе все

наоборот. В первую очередь речь идет о культуре сообщества, и лишь затем о технологических инновациях. И хотя инновации в технологиях означают прогнозирование будущего, инновации в культуре означают исследование прошлого.

Но почему? Возьмём технологическую компанию, например, SpaceX. Вы опираетесь на неизменные во времени законы физики, извлеченные из данных наблюдений. Эти законы говорят вам, как атомы сталкиваются и взаимодействуют друг с другом. Изучение этих законов позволяет сделать то, чего раньше никогда не делалось, как бы доказывая, что история не имеет значения. Но тонкость в том, что в этих законах физики в сильно сжатом виде закодированы результаты бесчисленных научных экспериментов. Вы учитесь на человеческом опыте, а не пытаетесь заново вывести физический закон с нуля. Чтобы коснуться Марса, мы встаем на плечи гигантов.

Для стартап-сообщества у нас еще нет вечных математических законов.⁸ Из того, что можно уподобить физике человечества, самое близкое, что у нас есть – это история. Она предоставляет множество описаний того, как человеческие субъекты сталкиваются и взаимодействуют друг с другом. Правильный курс изучения истории закодирует в сжатой форме результаты бесчисленных социальных экспериментов. Вы можете учиться на человеческом опыте, а не заново создавать социальные законы с нуля. Выучите немного истории, чтобы не повторять ее.

Это теоретический аргумент. Но есть и эмпирический. Мы знаем, что технологические инновации эпохи Возрождения начались с повторного открытия истории. И мы знаем, что Отцы-Основатели США глубоко интересовались историей. В обоих случаях шаг вперёд делался с опорой на прошлое. Так что, если вы технолог, желающий проложить путь новому стартап-сообществу, вот вам доводы для понимания, почему исторические исследования важны.

Логистический аргумент, пожалуй, самый убедительный. Подумайте, насколько проще использовать iPhone, чем создавать Apple с нуля. Для потребления можно просто нажать кнопку, а для производства необходимо кое-что знать о том, как строятся компании. Точно так же одно дело действовать как простой гражданин заранее построенной кем-то страны, и совсем другое – создать её с нуля. Чтобы построить новое общество, было бы полезно иметь некоторые знания о том, как создавались страны. В первую очередь – о логистике этого процесса. И это снова переносит нас в область истории.

2.1.1. Почему история имеет решающее значение

Вы не сможете научиться новому, не пытаясь это использовать. Один день погружения в новый язык важнее недели изучения учебников. Один день попыток создать что-то с помощью языка программирования важнее недели освоения теории.

Точно так же история, которую мы учим – это *прикладная* история: важнейший инструмент как для будущего президента стартап-сообщества, так и для его граждан, акционеров и сотрудников. Это то, что вы будете использовать ежедневно. Почему?

- *История – это о том, как выигрывать в споре.*
Рассмотрите в качестве примеров Проект 1619, или группу, занимающуюся фейковыми публикациями по изучению обид, или даже просто гляньте, как подадут в газетах поступки какого-нибудь несчастливого. Если вы – это процесс майнинга криптовалюты, то люди, контролирующие дискурс – это история майнинга. Многие тысячи людей постоянно заняты «наступательной археологией», раскопками недавнего и далёкого прошлого в поисках какого-нибудь полезного инцидента, который они могут описать, чтобы еще больше деморализовать свою политическую оппозицию. Это научная версия просмотра чьих-то старых твитов. Это история, превращенная в оружие, история как заведение дел на оппозицию. Вы просто не сможете выиграть спор против таких людей, опираясь только на чистую логику; вам нужны факты, поэтому вам нужна история.
- *История определяет законы.* Есть эмпирический закон Мура – экспоненциальное увеличение плотности транзисторов в послевоенный период. А есть закон Эрума – экспоненциальное снижение эффективности фармацевтических исследований и разработок в тот же период — этакий “обратный закон Мура”. То есть за последние несколько десятилетий под руководством FDA каким-то образом был обеспечен огромный рост затрат на разработку лекарств, даже

несмотря на то, что наши компьютеры и наши знания о человеческом геноме значительно улучшились. Подобные явления можно наблюдать в энергетике (где производство энергии застопорилось), в авиации (где максимальные скорости упёрлись в потолок) и в строительстве (где сегодня мы строим медленнее, чем семьдесят лет назад).

Очевидно, что даже формулирование закона Эрума требует детального знания истории, знания того, как всё было раньше. Менее очевидно, что если мы хотим изменить закон Эрума, если мы хотим снова внедрить инновации в физическом мире, нам также понадобится знание истории.

Причина в том, что за каждой FDA стоит талидомид, точно так же, как за каждым TSA стоит 11 сентября, а за каждым Сарбейнсом-Оксли стоит Enron. Регулирование скучно, но инциденты, которые приводят к регулированию, совсем не скучны.

Эта история используется для защиты древних регуляций; если их изменить, люди умрут! Таким образом, чтобы легализовать физические инновации, вам нужно стать контристориком. Только когда вы поймете историю легитимизации регулирующих органов лучше, чем их сторонники, вы сможете построить альтернативу, которая их превзойдёт: новую парадигму регулирования, способную противостоять как злоупотреблениям американских регуляторных органов, так и злоупотреблениям, которые они якобы предотвращают.

- *История определяет мораль.* Религии начинаются с изучения историй. Вы можете думать о них, как о выдуманных историях, но это все равно истории. Сказки о далёком прошлом, вымышленные или нет, описывают, как когда-то вели себя люди и как им следовало вести себя. В этих историях есть мораль.

Политические доктрины также основаны на уроках истории. Именно так происходит самооправдание истеблишмента. Механизм распространения этих уроков истории – это, например, газета истеблишмента, в которой большинство статей на самом деле не о том, что правда или ложь, а о хорошем и плохом. Попробуйте увидеть это сами. Просто взглянув на заголовок любого выпуска с представителем истеблишмента, вы можете мгновенно уловить моральный урок: некий -изм — это плохо, наша система правления — хорошая, создатели таких-то технологий — плохие, и так далее. И если вы заглянете на один уровень глубже, если вы спросите, *почему* какая-либо из этих вещей хороша или плоха, вы снова получите урок истории. Почему этот -изм плох? Что ж, позвольте мне *преподать* вам одну историю...

Внедрение подобных моральных предпосылок — это игра с нулевой суммой. В рамках одного сообщества есть место лишь для ограниченного количества моральных уроков, потому что способность мозга к моральным вычислениям ограничена. Таким образом, вы получите совершенно другое общество, если 99% людей будут соотносить свою ограниченную моральную память с такими принципами, как «тяжелый труд — хорошо, меритократия — хорошо, зависть — плохо,

благотворительность — хорошо», чем если бы 99% людей усвоили такие речёвки, как «социализм — хорошо, цивилизованность — плохо, принуждение к законности — плохо, грабежи — хорошо».¹⁰ Вы можете попытаться представить сценарий, в котором эти два набора моральных ценностей не находятся в прямом конфликте, но эмпирически люди с первым набором моральных ценностей будут отдавать предпочтение предпринимательскому обществу, а люди со вторым набором ценностей — нет.¹¹

- *История – это то, как вы развиваете привлекательные медиа.* Конечно, вы можете сочинять полностью вымышленные истории. Но даже художественная литература часто имеет своего рода исторический первоисточник. «Властелин колец» основан на материале средневековой Европе, спагетти-вестерны — на мифах о Диком Западе, фильмы о Бонде — на установках Холодной войны и так далее. И, конечно же, мифы, оправдывающие любой политический порядок, будут основаны на истории.
- *История — это истинная ценность криптовалюты.* Биткойн стоит сотни миллиардов долларов, потому что это криптографически проверяемая история того, кто владел какими монетами. Чтобы получить полное представление об этой концепции, прочтите «Машину правды».
- *История рассказывает, кто главный.* Почему Оруэлл сказал, что тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее, а тот, кто контролирует настоящее, контролирует прошлое? Потому что учебники истории пишут победители. Тайно или нет, но это делается, чтобы рассказать историю великого триумфа нынешнего истеблишмента над его прошлыми врагами. Единственная история,

известная большинству людей в США — это 1776, 1865, 1945 и 1965 годы — история революций, мировых войн и активистских движений, которые неизбежно ведут к солнечным холмам большего политического равенства.¹² Это очень похоже на историю, которую преподавали своим детям Советы, где всё прошлое интерпретировалось через призму классовой борьбы, приводя советских граждан в сегодняшний день, где они неизбежно продвигались от такой промежуточной стадии, как социализм, к... коммунизму! Китайские школьники изучают столь же избирательную историю, где акцент делается на (реальных) ошибках европейских колонизаторов и японцев, а ошибки Мао преуменьшены. И даже любой успешный стартап рассказывает историю своего основания, в которой сглажены острые углы.

Короче говоря, учебник истории представляет вам этакий путь героя, который вопреки всему прославляет триумф его авторов из истеблишмента. Даже когда в исторической трактовке речь идёт о мнимых жертвах, как в советских учебниках, посвящённых виктимизации пролетариата — если вы внимательно присмотритесь, то обнаружите, что нынешний правящий класс, заказавший написание учебника, обычно оправдывает себя как защитника этих жертв. Вот почему одним из первых действий любого завоевательного режима является переписывание учебников истории (кликните по каждой из четырёх ссылок), чтобы рассказать вам, кто сейчас главный.

- *История определяет вашу политику найма.* Почему медиакорпорации читают технологическим компаниям лекции о «разнообразии»? Не потому ли, что эти самые медиакорпорации, будучи на 20–30

пунктов более белыми, чем технологические компании, и впрямь глубоко переживают по поводу разнообразия? Или это потому, что после обвала доходов печатных СМИ в 2009 году медиакорпорации, пытаясь нащупать новую бизнес-модель, обнаружили, что определенные слова привлекают трафик, а затем удвоили его, повышая цену своих акций и нанося при этом удары своим конкурентам?¹³ Наконец, если вы погружены в историю *ещё* немного глубже, вы знаете, что компания New York Times (которая породила многие подобные иеремиады) — это организация, в которой контролирующая семья Охс-Зульцбергер буквально наживалась на рабстве, не позволяла женщинам быть издателями, на протяжении десятилетий исключала геев из отдела новостей, запустила процесс передачи руководства, в котором участвовало трое кандидатов — цисгендерных гетеросексуальных мужчин, приходящихся друг другу кузенами — и в итоге совершенно случайно получила нового издателя, который оказался сыном предыдущего.¹⁴

Предположим, вы основатель компании. Как только вы узнаете эту историю, и когда ее узнают все ваши друзья, сотрудники и инвесторы, и как только вы поймете, что ни одна храбрая медиакорпорация, представляющая истеблишмент, никогда не сообщила бы вам об этом такими словами¹⁵, вы окажетесь за пределами матрицы. Вы мысленно освободили свою организацию. Пока вы не управляете корпорацией, основанной на наследственном кумовстве, где нынешний парень, управляющий всем, наследует компанию от отца отца своего отца, вы более разнообразны и демократичны, чем владельцы The New York Times

Company. Вам не нужно слкшать лекции ни у них, ни у кого-либо из их сотрудников или вообще у кого-либо из их круга общения, включая всех журналистов, обслуживающих истеблишмент. Теперь у вас есть моральное право нанимать тех, кого вам нужно, в рамках закона, как это сейчас делают SpaceX, Shopify, Kraken и другие. Вот так небольшое знание истории восстанавливает контроль над вашей политикой найма.

- *История — это то, как вы исправляете наше разрушенное общество.* В мире инженерии на историю тратятся многие миллиарды долларов. Однако мы не думаем об этом таким образом. Мы называем это вскрытием, просмотром логов или, скажем, запуском так называемого отладчика типа машина времени, чтобы найти воспроизводимую ошибку. Как только мы её найдем, мы можем захотеть выполнить отмену, выполнить команду git revert, восстановить из резервной копии или вернуться к ранее заведомо исправной конфигурации.
- Подумайте ещё раз об этом: на микроуровне знание *подробного прошлого* системы позволяет нам выяснить, что пошло не так. А возможность частично *отмотать* прошлое, чтобы перейти к другой ветке (с помощью git revert), даёт нам возможность исправить эту ошибку. Это не означает выбросить все и вернуться в эпоху пещерных людей с пустым git-репозиторием, как это делают карикатурные традиционалисты, желающие «вернуть время вспять», или анархо-примитивисты, желающие положить конец индустриальной цивилизации. Нет, это лишь означает, что нужно немного отмотать назад, чтобы затем двигаться вперед по другому пути¹⁶, поскольку

прогресс имеет как величину, так и *направление*. Все эти концепции применимы к отладке ситуаций и в более широком масштабе, чем компании – например, в масштабе сообщества или страны.¹⁷

Теперь вы понимаете, почему история полезна. Основатель простой стартап-компании, вероятно, может обойтись и без неё, молчаливо передав изучение истории тем, кто формирует законы и мораль общества. Но президент стартап-сообщества не может этого сделать, потому что новое сообщество предполагает моральные, социальные и правовые инновации по сравнению со старым, а это требует знания истории.

2.1.2. Почему история имеет решающее значение для стартап-сообществ

Мы подогрели аппетит некоторыми конкретными примерами того, почему история вообще полезна. Теперь мы опишем, почему она особенно полезна для стартап-сообществ.

Мы начнем с представления функционально полезного набора инструментов для размышления о прошлом, глядя снизу вверх и сверху вниз: истории, записанной в

бухгалтерской книге, в отличие от истории, написанной победителями.

Мы используем эти инструменты, чтобы обсудить появление нового Левиафана, Сети, претендента на звание самой могущественной силы в мире, истинного равной (и дополняющей) как Богу, так и Государству как механизмам социальной организации.

А затем мы соберем все сказанное вместе, чтобы перейти к ключевой концепции этой главы: идее Единой Заповеди, исторически обоснованной социально-политической инновации, которая привлекает граждан в стартап-сообщество так же, как и технологически обоснованная коммерческая инновация привлекает клиентов в стартап-компанию.

Если стартап начинается с выявления экономической проблемы на сегодняшнем рынке и представления технологически обоснованного решения этой проблемы в виде новой компании, то стартап-сообщество начинается с выявления моральной проблемы в сегодняшней культуре и представления исторически обоснованного решения этой проблемы в форме нового общества.

2.1.3. Почему стартап-сообщества – это не только про технологии

Подождите, а почему стартап-сообщество должно начинать с *моральных* проблем? И почему решение этой моральной проблемы должно быть исторически обоснованным? Разве это не может быть просто сообщество, ориентированное на технологии, где люди решают задачи с помощью уравнений? Нас интересует Марс и продление жизни, а не пыльные истории о несуществующих городах!

Быстрый ответ можно услышать в выступлении Пола Джонсона (метка 11:00), где он отмечает, что религиозные колонии ранней Америки преуспевали быстрее, чем коммерческие колонии, потому что у первых была цель. Немного более длинный ответ заключается в том, что в стартап-сообществе вы просите людей не покупать продукт (что является экономическим, индивидуалистическим подходом), а *присоединиться* к сообществу (что является культурным, коллективным подходом). Вы утверждаете, что культура вашего стартап-сообщества лучше, чем окружающая культура; косвенно это означает, что в мире существует некий моральный дефицит, который вы исправляете. История вступает в игру, потому что вам нужно (а) написать исследование этого морального дефицита и (б) опираться на прошлое, чтобы найти альтернативные социальные устройства, в которых этот моральный дефицит не возникал. Технологии могут быть частью решения, и расчёты тоже вполне могут потребоваться, но в тот момент, когда вы подробно пишете о любой социальной проблеме, вы обнаруживаете, что пишете *историю* этой проблемы.

Для получения более подробной информации вы можете перейти к разделу 2.9.3. Примеры параллельных обществ — или вы можете ненадолго придержать своё недоверие, продолжить чтение и поверить нам, что этот

исторический/моральный/этический аспект просто может быть тем самым недостающим ингредиентом для построения стартап-обществ, которые всё ещё не получили полного распространения в современном мире.

2.1.4. Прикладная история для стартап-сообществ

Вот план этой главы.

1. Начнем с истории снизу вверх. Раздел 2.2 Микроистория и макроистория устраняет разрыв между траекторией изолированной воспроизводимой системы и траекториями миллионов взаимодействующих людей. Поскольку эти траектории, как маленькие, так и крупномасштабные, теперь могут быть квантифицированы и записаны в цифровом виде, это становится историей, сохранённой в реестре, кульминацией которой является криптоистория Биткойна.
2. Далее мы обсудим историю сверху вниз. Это история, написанная победителями, история, концептуализированная теми, кого Тайлер Коуэн называет «линейными экстраполяторами», история, которая оправдывает нынешний порядок и провозглашает его стабильным и неизбежным. Это теория политической власти против технологической истины.

3. Затем мы поговорим об истории власти, давая имена силам, которые мы только что описали, путем определения трёх кандидатов на звание самой могущественной силы в мире: Бога, Государства и Сети. Представление о *трёх* главных движущих силах, а не об одной, позволяет нам выйти за рамки чисто богоцентрических религий и понять *доктрины*, ориентированные на Левиафана, которые неявно лежат в основе современного общества.
4. Затем мы применим это к истории борьбы за власть. Используя оптику Бога/Государства/Сети, мы можем по-другому понять конфликты Синих с Красными и Технологий со СМИ как многостороннюю борьбу между Народом Божьим, Народом Государства и Народом Сети.
5. В разделе 2.6. Если новости фейковые, представьте, какова история мы рассказываем о том, как Народ Государства использовал свою власть для искажения давней и недавней истории, и как Сеть теперь исправляет это искажение.
6. Показав степень, до которой история была искажена и тем самым вытеснена (неявным) историческим нарративом, в котором дуга истории изгибается в сторону неизбежной победы американского истеблишмента¹⁸, далее мы обсуждаем несколько альтернативных теорий прошлого и будущего в разделе 2.7. Фрагментация, Фронтир, Четвёртый поворот, Будущее это наше прошлое. Эти тезисы описывают не чистую победу прогрессистов по всем направлениям, а скорее набор циклов, крутых поворотов и зеркальных отражений, набор исторических траекторий, гораздо более сложных, чем повествование о линейной неизбежности, просачивающееся через учебники и СМИ.

7. Затем мы обратим наше внимание на левых и правых, понятия, которые сейчас, во время переоценки концепций, только сбивают с толку. Этому посвящён раздел 2.8. Левые это новые правые это новые левые. Извините! Мы больше не можем избегать политики. Стартап-сообщества не ограничиваются исключительно технологиями. Но обратите внимание, что по большей части этот раздел это *не* приложение старых понятий к текущим событиям. Мы утверждаем, что для построения стартап-сообщества вам действительно нужна теория, касающаяся левых и правых, но это не означает простого выбора стороны.

Почему? В то время как политический *потребитель* вынужден выбирать одну из готового меню ту или иную партийную платформу, *основатель* политического сообщества может сделать что-то другое: построить идеологию. Чтобы проинформировать об этом, мы покажем, как левые и правые менялись сторонами на протяжении истории, и что любое успешное массовое движение имеет *оба* компонента: и революционный левый, и правящий правый.

8. Наконец, мы приходим к выводу, вознаграждающему нас за все предшествующие рассуждения: Единой Заповеди. Используя только что введенную терминологию, мы можем изложить ее в нескольких абзацах. (Если нижеследующее непонятно, прочитайте главу, затем вернитесь и перечитайте этот кусок текста.)

Если движение истории в одном направлении не предначертано заранее, если нынешний истеблишмент может пережить серьёзнейшие

потрясения в форме фрагментации и Четвертого поворота, если его власть на самом деле возникла в большей степени из расширения фронта, а не из расширяющегося избирательного права, если история и впрямь каким-то образом движется вспять, согласно тезису «Будущее — это наше прошлое», если революционные и правящие классы фактически поменялись местами, если новый Левиафан, то есть Сеть, действительно возвышается над Государством, и если внутренние американские конфликты можно рассматривать не как политические споры, а как священные войны, как столкновения Левиафанов... тогда предположение линейных экстраполяторов, что всё будет идти так, как всегда, совершенно неверно! Но вместо того, чтобы признать свою неправоту, они попытаются использовать политическую власть для подавления технологической правды.

Что этому противопоставить? Криптоисторию и стартап-сообщества. Теперь у нас есть история, которую ни один истеблишмент не может легко испортить — криптографически проверяемая история, впервые опробованная в Биткойне и расширенная с помощью криптооракулов. У нас также есть теория исторической осуществимости, истории как траектории, а не неизбежности, идея о том, что желаемое будущее наступит только в том случае, если вы приложите индивидуальные усилия. Но какова именно природа этого желаемого будущего?

В конце концов, многие группы расходятся по идеям не только со старым порядком, но и друг с другом, поэтому общее решение не сработает, и ему легко

противостоять. Вот тут-то и приходит на помощь Единая Заповедь.

Учтём контекст: современный человек часто морально сдержан, но политически – евангелист. Он не решается говорить о том, что морально, а что аморально, потому что не его дело говорить, что правильно. Тем не менее, когда дело доходит до политики, эта неуверенность часто заменяется властной уверенностью в том, как должны жить другие, в сочетании с энтузиазмом по навязыванию своих убеждений под дулом пистолета, если это необходимо.

Между этим нулем и ∞ , между полным отказом от моральных дискуссий и навязыванием полноценной политической доктрины, мы предлагаем одну: Единую заповедь. Создайте новое общество со своим собственным моральным кодексом, основанным на вашем понимании истории, и призовите населить его тех людей, которые согласны с вами.¹⁹ Мы не говорим, что вам нужно придумать свои собственные новые Десять заповедей, заметьте, но вам действительно нужна *Одна Заповедь*, чтобы обеспечить выделение нового стартап-сообщества.

Вот конкретные примеры возможных Единых Заповедей: «доступ к интернету 24/7 – плохо» (образует Общество Цифровой Субботы), или «углеводы – это плохо» (образует Кето-кошерное общество), или «традиционное христианство – это хорошо» (что ведёт к обществу Бенедиктинского выбора), или «продление жизни – это хорошо» (что ведет к обществу отрицателей FDA).

Вы можете подумать, что эти Единые Заповеди звучат тривиально или амбициозно до нереалистичности, но в этом отношении они похожи на технологии; фраза «140 символов» звучало тривиально, а слово «многократно ракеты» казалось нереальным, но в результате это привело к появлению Twitter и SpaceX соответственно. «Единая заповедь» похожа на технологии и в другом отношении: она *фокусирует* стартап-сообщество на одной моральной инновации, точно так же, как технологическая компания *фокусируется* на техноэкономической инновации.

То есть, как мы увидим, каждое стартап-общество, основанное на Одной Заповеди, предполагает деконструкцию истории истеблишмента в одной конкретной области, создании заменяющего ее нарратива в виде новой Единой Заповеди, а затем *доказывает* социально-экономическую ценность этой Единой Заповеди, используя её для привлечения граждан-подписчиков. Например, если вы можете привлечь 100 тысяч подписчиков в свое кето-кошерное общество с помощью глубоких исторических исследований эпидемии ожирения, а затем показать, что в результате они значительно похудели, вы докажете, что истеблишмент глубоко ошибается по ключевому вопросу. Это либо подтолкнёт его к реформам, либо не приведёт к реформам, и в этом случае вы привлечете ещё больше граждан.

Ключевой момент здесь в том, что мы можем применить к стартап-сообществам все методы стартап-компаний. Финансирование, привлечение подписчиков, расчет оттока, поддержка клиентов —

для всего этого есть свои мануалы. Просто SaaS в этих мануалах будет означать не Software as a Service, а Society as a Service, общество как услуга.

Другие стартап-сообщества также будут параллельно критиковать истеблишмент, выстраивая свои связи и вынимая граждан из-под его влияния с помощью своих собственных, исторически обоснованных Единых Заповедей, и тем самым стимулируя изменения в других измерениях. Наконец, различные успешные изменения могут быть скопированы и объединены вместе, так что второе поколение стартап-обществ начнет отстраиваться от истеблишмента двумя, тремя или N заповедями. Так может выглядеть мирная, параллельная, исторически обусловленная реформа разрушенного общества.

Отлично! Я знаю, что последние несколько абзацев потребовали тяжёлой работы, но вернитесь и перечитайте их после прочтения всей второй главы. Основная цель нашего небольшого введения заключалась в том, чтобы доказать: история является *прикладным* предметом и без неё невозможно построить новое общество.

Без подлинной моральной критики истеблишмента, без сети, имеющей идеологические корни и подкрепленной историей, ваше новое общество будет в лучшем случае модным залом Starbucks, закрытым сообществом, которое отличается лишь своими удобствами, закуской, которую истеблишмент может съесть на досуге, ничтожным и бездушным проектом, не имеющим другого направления, кроме потребительства.²⁰

Но с такой критикой — с пониманием того, что истеблишмент лишён моральных качеств, с чёткой артикуляцией того, в чём именно он не соответствует, с Единой Заповедью, которой могут следовать другие, и с видением исторического прошлого, которое лежит в основе вашего нового стартап-сообщества, так же как видение технологического будущего лежит в основе новой стартап-компании — вы уже на верном пути.

Возможно, вы даже начнёте видеть перед собой вашу декларацию, последовательную критику статус кво, которая привлечёт вашу первую сотню подписчиков, основополагающий документ, который вы опубликуете, чтобы дать старт вашему стартап-сообществу.

Теперь давайте вооружим вас инструментами для её написания.

---

8 Хотя Питер Турчин над этим работает. См. его монографию «Война и мир и война». Затем взгляните на «Принципы меняющегося мирового порядка» Рэя Далио, «Четвёртый поворот» Штрауса и Хоу, «Уроки истории» Уилла и Ариэля Дюрана и художественную трактовку психоистории Азимова.

9 Почему здесь и на протяжении всей главы мы говорим о «стартап-обществах», а не о «сетевых государствах»? Потому что стартап-сообщество — это эмбриональная форма сетевого государства, точно так же, как стартап — это

эмбриональная форма публичной компании. Более того, многие стартап-сообщества смогут достичь своих целей, не получая дипломатического признания, необходимого для того, чтобы стать сетевым государством, точно так же, как многие стартап-компании могут работать неопределённо долго, не выходя на биржу. См. раздел Параллельные общества: союзы цифровых сетей, чтобы получить представление о том, чего можно добиться чисто цифровым сетевым союзом или сетевым архипелагом, который просто покупает немного земли без необходимости полного дипломатического признания.

¹⁰ Вот примеры того, как люди пишут о том, как хорош социализм (Улучшит ли социализм нашу жизнь?), плоха цивилизованность (Когда цивилизованность используется как дубинка против цветных), плохо принуждение к законности (Да, мы имеем в виду буквально отменить полицию) и хороши грабежи (В защиту лутинга).

¹¹ Когда мы пишем о моральных предпосылках, то намеренно опускаем часть фразы. Вместо того, чтобы писать «тяжелая работа – это хорошо», мы пишем «тяжелая работа – хорошо». Почему? Отказ от «это» отражает основной когнитивный процесс. На данный момент речь идет не о продуманных аргументах, а о интуитивном выражении фундаментальных моральных ценностей.

¹² Разве это не верно в целом, спросите вы? Что осталось за кадром? Начните вот с этого списка чтения.

13 Чтобы вы не подумали, что я преувеличиваю, насколько тяжёлым было положение для NYTCO, вот цитата из книги бывшего редактора NYT Джилл Абрамсон «*Торговцы правдой*»: «Новая цифровая реальность почти убивает две почтенные газеты [NYT, WaPo] со стареющей читательской аудиторией, одновременно создавая двух медиа-гигантов [BuzzFeed, Vice] с растущей и непостоянной аудиторией миллениалов». Интернет представлял реальную угрозу для NYTCO, поэтому они стали BuzzFeed, чтобы конкурировать с ними. То, что произошло дальше, вас удивит.

14 Вот их история рабовладения, противостояния женщинам-издателям, предвзятое отношение к геям в редакции новостей и история кумовской преемственности.

15 Распространенная стратегия – «сообщать, но не расследовать» проблему в другой медиакорпорации. Таким образом, они могут заявить, что история была (номинально) освещена, но Рассел делает текст совершенно бессильным, меняя достаточно слов, чтобы удалить все эмоциональные оценки, но одновременно иметь возможность заявить, что факты были сообщены. Контраст с ситуациями, когда они на самом деле вцепляются кому-то в горло и пытаются уволить – как они часто делают за сущие пустяки с людьми за пределами СМИ – разительный.

16 Отмена Акта Вольстеда – это один из наичистейших примеров. Сухой закон был отменён, и общество пошло по другому пути.

¹⁷ Лишь немногие страны, такие как Эстония и Сингапур, на данный момент опираются на кодовую базу точно так же, как технологическая компания вроде Google. Но по их стопам последуют и другие. Это один из тезисов нашей книги. И концепция «недавней истории, полезной для отладки» по-прежнему применима, даже если эквивалент git revert будет реализован в бумажных законах, а не в цифровом коде.

¹⁸ Концепция исторической неизбежности встречается как в американской демократии, так и в советском коммунизме, во многих религиях и даже в вымышленных сеттингах вроде того, что описан в Озимандисе. Зеркальное отражение этой концепции можно увидеть и в таких работах, как Суверенная личность. Это можно понять так: «свидетели неизбежности» обычно выявляют реальную и мощную тенденцию, не моделируя при этом соросовскую рефлексивность и индивидуальную инициативу. Между тем на любой тренд существует рефлексивная реакция («противник тоже делает ход»), и к тому же могут найтись личности, готовые положить начало новым трендам.

¹⁹ Этот процесс происходит полностью по обоюдному согласию. Если людям нравится общество, они присоединяются в качестве подписчиков; если после присоединения оно им разонравится, они отменяют подписку.

²⁰ Здесь следует упомянуть WeWork. Я действительно уважаю то, что построил Адам Нейман; это достойный и востребованный людьми продукт, который безумно сложно создать, даже если он не оправдал себя в качестве

инвестиции. Однако проблема WeWork в том, что на самом деле это было *не сообщество*. Это легко проверить: вы не можете, закончив свою работу в WeWork, просто закрыть свой ноутбук и уйти. Также вы не можете просто пообщаться там в общем помещении. Все окружающие для вас – обычные чужаки. Да, в WeWorks можно было арендовать и закрытые офисы, но места общего пользования больше напоминали Starbucks или зал ожидания аэропорта, чем сообщество. Короче говоря, чтобы действительно иметь настоящее сообщество, вам потребуется как физическая граница с возможностью контролировать допуск, так и идеологическая моральная граница.

2.2. Микроистория и макроистория

Сетевое государство. 2. История как траектория.

При взгляде снизу вверх история это записи в реестрах. Если всё, что произошло, достоверно записано, история как дисциплина — это просто анализ логов. Чтобы понять эту точку зрения, мы обсудим идею истории как траектории. Затем мы введем понятия микроистории и макроистории по аналогии с микроэкономикой и макроэкономикой. Наконец, мы объединим всё это с новой концепцией криптоистории.

2.2.1. История как загадочная эпопея извилистых траекторий

Что произойдет, если подбросить предмет в воздух? Первое, что приходит на ум — это траектория полета мяча. Брось его и засвидетельствуй форму кривой. Самая обычная парабола, упражнение по физике для новичков. Но есть и более сложные траектории.

- Бумеранг летит вперед и возвращается в исходную точку

- Заряженная частица в постоянном магнитном поле подвергается воздействию силы, направленной под прямым углом, и движется по окружности.
- Ракета с достаточным количеством топлива вместо возвращения обратно может покинуть атмосферу Земли.
- Крученный мяч, вследствие эффекта Магнуса, может отклоняться от линии броска по пути к месту назначения.
- Пуля, выпущенная в достаточно толстый желатин, останавливается, даже не ударившись о землю.
- Дрон, снабжённый двигателем, может перемещаться по сколь угодно сложной траектории, например, по спирали, или имитируя полёт шмеля.

Итак, то, как система развивается со временем — её траектория — может быть чем-то сложным и нелогичным, даже если система имеет скромный размер. Эту аналогию удобно применять к истории. Если траектория полёта одного неодушевлённого объекта может быть такой удивительной, подумайте о динамике огромной системы со множеством действующих лиц, притом весьма одушевлённых.

Представьте себе, что на карте появляются миллиарды людей, образуя кластеры, наталкиваясь друг на друга, размножаясь, и заливая наблюдателя петабайтами данных о себе на протяжении всего времени наблюдения. Это и есть история.

А временной масштаб ещё более затрудняет изучение. Камню, который вы подбрасываете в воздух, не потребуются десятилетия, чтобы завершить полёт по своей траектории. А людям потребуются. Таким образом, исторический

наблюдатель может буквально умереть, не увидев последствий своего действия.

Более того, субъекты исследования *не хотят*, чтобы их изучали. Простой камень — это не самолёт-невидимка. У него нет ни мотива, ни средств, чтобы обманывать вас относительно траектории своего полета. А у людей есть. Даже помещённые под микроскоп, люди пытаются сделать так, чтобы объектив запотел.

Итак: масштаб огромен, сроки велики, а измерения не просто зашумлены, но и намеренно искажены.

Мы можем закодировать все это во фразе: история — это *загадочная эпопея извилистых траекторий*. Загадочная, потому что рассказчики ненадёжны и часто намеренно вводят в заблуждение. Эпопея, потому что временные рамки настолько велики, что вам приходится сознательно выбирать рамку наблюдений вне пределов своего собственного опыта и вне пределов любой человеческой жизни, чтобы увидеть закономерности. Извилистых, потому что тут хватает кривых, циклов, коллапсов и прочих неочевидных закономерностей. И траекторий, потому что история, в конечном счете, связана с эволюцией человеческих существ во времени, что соответствует физической идее динамической системы, набора движущихся и взаимодействующих частиц.

Сложите всё это вместе, и вы уничтожите как точку зрения линейного экстраполятора о том, что сегодняшний порядок

останется в основном стабильным в краткосрочной перспективе, так и самоуспокоительную позицию, вроде «луч морального прогресса протяжён, но постепенно он движется в сторону справедливости». Вы также оспорите идею о том, что падение буржуазии «и победа пролетариата одинаково неизбежны», или что «никакие страны, придерживающиеся биткоинового стандарта, не будут воевать друг с другом», или даже что технологический прогресс был быстрым, поэтому он таковым и останется, и никакого коллапса общества не произойдёт.

Эти фразы исходят из разных идеологий, но каждая из них словесно выражает идею “камень летит строго по параболе”. История на самом деле совсем не такова. Она гораздо сложнее. Тренды, конечно, существуют, и эти фразы действительно выделяют реальные тенденции, но есть и *противодействие* этим трендам, сопротивление, возникающие в ответ на приложенные силы, есть синтезы, формирующиеся из тезисов и антитезисов, и есть откровенные коллапсы. Другими словами, динамика весьма сложна.

А как мы изучаем сложные динамические системы? Первая задача – измерение.

2.2.2. Микроистория — это история воспроизводимых систем.

Микроистория — это история воспроизводимой системы, в которой достаточно мало переменных, поэтому её можно сбросить и воспроизвести с самого начала в серии контролируемых экспериментов. Это история как количественная траектория, история как точная запись измерений. Например, это может быть запись всех прошлых значений вектора пространства состояний в динамической системе, учёт всех ходов, сделанных двумя детерминированными алгоритмами, играющими в шахматы друг против друга, или хроника всех инструкций, выполняемых журналируемой файловой системой после сброса к заводским настройкам.

Микроистория — прикладной предмет, где точные исторические измерения имеют прямое техническое и коммерческое значение. Мы можем видеть это на примере таких технологий, как фильтр Калмана, который использовался для управления космическим кораблём, использовавшимся при посадке на Луну. Желающие могут обратиться к полной технической информации, но если огрублять, то фильтр Калмана использует прошлые измерения $x[t-1], x[t-2], x[t-3]$ для оценки текущего состояния системы $x[t]$, действия, которое следует предпринять $u[t]$, и соответствующего прогноза будущего состояния $x[t+1]$ в случае, если это действие будет предпринято. Например, он использует прошлую скорость, направление движения, уровень топлива и т.п., чтобы рекомендовать, как следует управлять космическим челноком на текущем временном интервале. Важно отметить, что если *микроистория* недостаточно точна, если доверительные интервалы вокруг каждого измерения слишком широки или, скажем, оценка скорости вообще неверна, то фильтр Калмана не работает, и проект Аполлон просто не запустят.

На поверхностном уровне фильтр Калмана напоминает анализ временных рядов, распространенный в финансах. Ключевое отличие состоит в том, что фильтр Калмана используется в *воспроизводимых* системах, тогда как финансы обычно являются *невоспроизводимой* системой. Если вы используете фильтр Калмана для направления дрона из точки А в точку Б, но в вашем коде есть ошибка, и дрон терпит крушение, вы можете просто взять дрон²¹, вернуть его на стартовую площадку в точке А и попробовать ещё раз. Поскольку вы можете повторять эксперимент снова и снова, вы в конечном итоге сумеете получить очень точные измерения и работающий алгоритм управления. Это воспроизводимая система.

Однако в финансах вы обычно не можете просто продолжать запускать торговый алгоритм, который приносит деньги, и получать тот же результат. Со временем ваши контрагенты адаптируются и поумнеют. Ключевым отличием от нашего примера с дроном является наличие одушевлённых объектов (других людей), которые не всегда будут делать одно и то же при одних и тех же входных данных.²² Фактически, они часто могут проявлять враждебность, наблюдая за вашими действиями и реагируя на них так, чтобы намеренно сбить с толку ваши прогнозы, особенно если они могут получить от этого выгоду. В финансах, в отличие от физики, прошлые результаты не являются гарантией будущих результатов. В отличие от ситуации с дронами, рынок – это не воспроизводимая система.

Таким образом, у микроистории есть свои ограничения, но это невероятно мощная концепция. Если у нас есть достаточно хорошие измерения прошлого, мы сможем в самом буквальном смысле лучше предсказывать будущее.

Если у нас есть узкие доверительные интервалы для наших измерений прошлого, если распределение вероятностей $P(x[t-1])$ имеет высокие пики, то мы получаем соответственно узкие доверительные интервалы для настоящего $P(x[t])$ и будущего $P(x[t+1])$. И наоборот, чем больше неуверенности в своем прошлом, чем большую неопределённость вы имеете в том, откуда и куда вы направляетесь, тем больше вероятность того, что ваша ракета упадет. Это мир по Оруэллу более буквально, чем он когда-либо предполагал: тот, кто контролирует прошлое, контролирует будущее, в прямом смысле, поскольку у него есть лучшая теория контроля. Только цивилизация, обладающая сильной способностью к точной микроистории, могла когда-либо добраться до Луны.

Это мощная аналогия с цивилизацией. Группа людей, которые не знают, кто они и откуда пришли, никогда не доберётся до Луны, не говоря уже о Марсе.

Можем ли мы сделать это чем-то большим, нежели аналогия?

2.2.3. Макроистория — это история невоспроизводимых систем.

Макроистория — это история невоспроизводимой системы, в которой слишком много переменных, чтобы состояние системы можно было легко сбросить и воспроизвести с

самого начала. Это история, которая не предполагает прямых контролируемых экспериментов. Пример для небольших масштабов – непредсказуемый поток турбулентной жидкости; в очень большом масштабе это история человечества.

Мы полагаем, что макроистория и микроистория образуют единый континуум. Почему? Давайте выделим несколько пунктов, а затем свяжем их все вместе.

- Во-первых, наука прогрессирует, беря явления, которые раньше считались невозпроизводимыми (и, следовательно, непредсказуемыми) системами, изолируя ключевые переменные и превращая их в воспроизводимые (и, следовательно, предсказуемые) системы. Например, постулаты Коха включают идею патогенного воздействия, которая превратила расплывчатую концепцию заражения через «миазмы» в воспроизводимый феномен: подвергаете мышь воздействию определенного микроорганизма в лабораторных условиях, и возникает инфекция, но не иначе.
- Во-вторых, и в тесной связи с первым пунктом, наука движется вперед за счет совершенствования приборов и лучшего ведения учета. Звездные карты обеспечили надёжную навигацию. Документирование Йоганном Бальмером точного расстояния между спектрами излучения водорода привело к созданию квантовой механики. Тщательный подсчет разных сортов гороха, проведённый Грегором Менделем, привёл к созданию современной генетики. Вещи, которые мы считали просто недоступными человеческому

пониманию — звёзды, атом, геном — стали вещами, которые люди могут понять, просто посчитав.

- В-третьих, откуда мы вообще что-либо знаем об истории Древнего Рима, Египта или средневековой Европы? Из артефактов и письменных источников. Тысячи лет назад люди записывали отзывы клиентов на каменную табличку, одно из первых приложений для планшетов (в оригинале *tablet*, что означает и *таблицу*, и *планшет* – прим. переводчика). Мы знаем, кем были Абеляр и Элоиза, из их писем друг другу. Мы знаем, какими были римляне, из их записей. В значительной степени наши знания об истории извлечены из того, что люди записывали.
- В-четвертых, сегодня у нас ведётся цифровая документация в беспрецедентных масштабах. Миллиарды людей используют социальные сети каждый день вот уже почти десять лет. У нас также есть миллиарды телефонов, которые ежедневно снимают фотографии и видео. У нас есть бесчисленные потоки данных с разных инструментов. И у нас есть очень ёмкие жесткие диски для хранения всего этого. Таким образом, если считать необработанные байты, мы, вероятно, записываем за день больше информации, чем все человечество записывало до 1900 года. Это, безусловно, самая полная летопись человеческой деятельности, которую мы когда-либо имели.

Теперь мы можем разглядеть континуум²³ между макроисторией и микроисторией. Мы накапливаем точные количественные микроисторические измерения, и обычно подобное приводило к появлению качественно нового знания... причём уже в масштабе миллиардов человек и на протяжении уже второго десятилетия.

Таким образом, синонимом для «больших данных» могла бы быть «большая история». Все данные представляют собой записи прошлых событий, иногда недавнего прошлого, порой последних месяцев или лет, а иногда (в случае с Google Книгами или проектом Цифровой Микеланджело) речь идёт о десятилетиях или столетиях. В конце концов, как по-другому можно назвать хранение данных на компьютере? *Памятью*. Память, как в смысле человеческой памяти, так и в смысле истории.

Эта память имеет коммерческую ценность. Адепт технологии, пренебрегающий историей, гарантирует, что его пользователей будут эксплуатировать. Доказательства? Рассмотрим системы репутации. Они есть на любом масштабном рынке. *История* поведения водителя или пассажира Uber на платформе частично предсказывает их будущее поведение. Без многолетних рейтингов, без воспоминаний о прошлых действиях миллионов людей эти платформы были бы разрушены мошенничеством. Макроистория приносит деньги.

Это всего лишь один пример. Существуют огромные краткосрочные и долгосрочные стимулы для записи всех этих данных, всей этой микроистории и макроистории. И будущие историки²⁴ будут изучать нашу цифровую летопись, чтобы понять, какой цивилизацией мы были.

2.2.4. Блокчейн Биткойна — это технология надежной макроистории

Однако в концепции цифровой макроистории есть некоторые подвохи: мусор, боты, цензура и фейки. Как мы покажем, Биткойн и обобщённые решения на его основе предоставляют мощный инструментарий для решения этих проблем.

Во-первых, давайте разберемся с проблемами мусора, ботов, цензуры и фейков. Макроисторические логи в основном хранятся на разных корпоративных серверах, в Twitter, Facebook и Google. Сообщения, как правило, не имеют цифровой подписи или криптографической метки времени, поэтому большая часть контента исходит (или может исходить) от ботов, а не от людей. Неудобную цифровую историю можно удалить, оказав достаточное давление на централизованные медиакомпании или академических издателей, подвергая цензуре правдивую информацию во имя удаления «дезинформации», как мы уже имели возможность наблюдать. А появление ИИ позволяет создавать весьма реалистичные подделки прошлого и настоящего. Если мы не будем осторожны, мы можем утонуть в фейковых данных.

И как же кто-то в будущем (или даже в настоящем) сможет узнать, было ли реальным конкретное событие, которое он

непосредственно не наблюдал? Один ответ даёт блокчейн Биткойна. Это самая строгая форма истории, известная человечеству, история, технически и экономически устойчивая к пересмотру. Благодаря сочетанию криптографических примитивов и финансовых стимулов очень сложно фальсифицировать, кто, когда и какую именно транзакцию записал в блокчейн Биткойна.

Кто инициировал этот перевод, какое количество биткойнов он отправил, какие метаданные он прикрепил к транзакции и когда произошла отправка? Эта информация записывается в блокчейн, и ее достаточно, чтобы дать общую историю всей экономики Биткойна с 2009 года. И если вы суммируете всю эту историю до сегодняшнего дня, вы также получите информацию о том, сколько BTC хранится на каждом адресе. Это иммедиалистская модель истории, где прошлое даже не совсем прошлое — оно с нами каждую секунду.

Попробуем немного вдаваться в подробности: *почему* блокчейн Биткойна настолько устойчив к переписыванию истории? Чтобы фальсифицировать адрес отправителя всего в одной транзакции, вам нужно будет подделать его цифровую подпись. Чтобы фальсифицировать, что отправлено, вам нужно сломать хэш-функцию. Чтобы фальсифицировать время отправления, вам нужно будет испортить временную метку. И всё это вам нужно провернуть, каким-то образом не нарушая все остальные записи, криптографически связанные с этой транзакцией, через механизм составных заголовков блоков.

Некоторые даже называют блокчейн Биткойна не цепью блоков, а цепью времён, потому что, в отличие от многих других блокчейнов, его механизм доказательства работы и подстройка сложности обеспечивают статистически регулярный интервал времени между блоками, что имеет решающее значение для его функции обеспечения цифровой истории.

(Я понимаю, что сейчас и далее мы разбираем сугубо технические понятия. Наше стремительное путешествие может спровоцировать либо согласное кивание головой, либо растерянное почёсывание головы. Если вам нужны более подробные сведения, мы дали ссылки на определения каждого термина, но полное их объяснение уже выходит за рамки данной работы. Однако популярное описание вы можете глянуть в «Машине правды», а технические подробности — в Курсе криптографии Дэна Бонеха.)

Тем не менее, вот что важно даже для технически неподкованного читателя: блокчейн Биткойна даёт *историю, которую трудно фальсифицировать*. Если не случится прогресса в квантовых вычислениях, прорыва в чистой математике, ранее не замеченной ошибки в коде или очень дорогостоящей атаки 51%, которую, вероятно, сможет организовать только Китай, то переписать историю блокчейна Биткойна или что-либо записанное туда — практически невозможно. И даже если такое событие действительно произойдёт, это не станет мгновенным сожжением Александрийской библиотеки Биткойна. Хэш-функция может быть заменена квантово устойчивой версией, или место Биткойна может занять другая цепочка, устойчивая к указанной атаке, и резервная копия реестра

всех исторических транзакций Биткоина будет сохранена в новом протоколе.

При этом мы не утверждаем, что Биткоин непогрешим. Мы утверждаем, что это лучшая из когда-либо изобретенных технологий для записи человеческой истории. И если концепция криптовалюты сможет пережить изобретение квантового дешифрования, мы, вероятно, будем думать о начале криптографически проверяемой истории как о начале письменной истории, произошедшей тысячелетия назад. Общества будущего могут думать о 2022 годе “после рождества Христова” как о 13 году “после пришествия Сатоши”, а о блочных часах как о новом универсальном времени.

2.2.5. Блокчейн Биткоина может хранить события, не относящиеся к Биткоину

По цене одной транзакции блокчейн Биткоина может обобщённо обеспечить криптографически проверяемую запись любого исторического события, доказательство существования.

Например, вне сети существует некое важное событие, и вы хотите сохранить его для истории. Предположим, это знаменитая фотография Сталина с его приспешниками, и вы

предвкушаете переписывание истории. Метод доказательства существования, который мы собираемся описать, не сможет напрямую доказать, что сами *данные* в файле соответствуют реальности, но вы можете зафиксировать для будущего наблюдателя *метаданные* этого файла — ответы на вопросы “кто”, “что” и “когда”.

В частности, при наличии доказательства существования будущий наблюдатель сможет подтвердить, что данная цифровая подпись (кто) поместила данный хэш фотографии (что) в блокчейн в данное время (когда). Этот будущий наблюдатель вполне может подозревать, что фотография всё еще может быть фальшивой, но он будет знать, что она для этого её требовалось подделать именно тогда и именно той стороной, которая контролировала этот кошелек. И это доказательство появится в сети за несколько лет до того, как будет опубликована отредактированная официальная фотография Сталина. Это неправдоподобно со всех точек зрения. Кто мог подделать что-то настолько конкретное за несколько лет до случившегося? Куда более вероятно, что подделана была официальная фотография, а не её более раннее доказательство существования.

Итак, давайте предположим, что такой ограниченный уровень доказательств кажется вам достаточным. Вы готовы заплатить эту цену, чтобы будущие поколения могли увидеть неизгладимые исторические записи. Как бы вы поместили это доказательство в блокчейн Биткойна?

Это можно сделать, организовав свой произвольно большой внешний набор данных (фото или что-то гораздо большее) в

дерево Меркла, вычислив строку фиксированной длины, называемую корнем Меркла, а затем записав этот корень в блокчейн Биткоина через OP_RETURN. Этот алгоритм предоставляет инструмент для подтверждения существования любого цифрового файла.

Вы можете совершать подобное как одновременно для одного фрагмента данных, так и в качестве периодического резервного копирования метаданных любой цепи, не связанного с Биткоином. Таким образом, теоретически вы могли бы помещать цифровую сводку многих гигабайт данных из другой цепи в блокчейн Биткоина каждые десять минут по цене одной транзакции BTC, тем самым доказывая её существование. Это эффективно «поддержит» этот другой блокчейн и придаст ему некоторые свойства необратимости Биткоина. Назовём такую цепь *подцепью*.

По аналогии с промышленным использованием золота, этот вариант «промышленного» использования биткоин-транзакций может оказаться весьма важным. Подцепь вне Биткоина, в которой каждые десять минут появляются многие миллионы транзакций, скорее всего, сможет генерировать достаточную экономическую активность, чтобы легко оплатить одну биткоин-транзакцию.²⁵

И по мере того, как все больше людей будут пытаться использовать блокчейн Биткоина, учитывая его ограничения по мощности, может оказаться, что *только* для таких способов промышленного использования будет оправдана оплата достаточных комиссий майнерам, поскольку прямое

индивидуальное использование блокчейна Биткойна может стать слишком дорогим.

Это означает, что мы можем использовать метод доказательства существования для регистрации в блокчейне Биткойна произвольных данных, включая данные из других цепей.

2.2.6. В блокчейнах можно хранить историю экономики и общества

Мы только что подробно рассмотрели, как можно добавить одну транзакцию в блокчейн Биткойна, чтобы доказать, что какое-либо историческое событие действительно произошло. Теперь давайте уменьшим масштаб.

Как уже отмечалось, весь объём того, что представляет собой блокчейн Биткойна — это не что иное, как история всей биткойн-экономики. Каждая транзакция записывается с момента $t=0$. Учитывается каждая доля BTC, вплоть до одной стомиллионной биткойна. Ничего не потеряно.

За исключением, конечно, всех оффчейн-данных, которые сопровождают транзакцию — например, личностей отправителя и получателя, причины транзакции, кодов проданных товаров и так далее. Обычно есть веские причины,

по которым эти вещи остаются конфиденциальными или частично конфиденциальными, поэтому лучше считать, что это не баг, а фича.

Проблема в том, что мы подали дизайн Биткоина немного упрощённо, на самом же деле он не гарантирует, что публичные транзакции останутся конфиденциальными. Действительно, есть такие компании, как Elliptic и Chainalysis, которые занимаются именно деанонимизацией публичных биткоин-адресов и транзакций. Об истории биткоин-экономики корректнее говорить, что она находится в гибридном состоянии, где все имеют доступ к необработанным данным транзакций, но приватные участники (такие как Elliptic и Chainalysis) могут добыть для себя гораздо большее количество информации и, в частности, деанонимизировать многие транзакции.

Более того, Биткоин может выполнять *только* биткойн-транзакции, а не все другие виды цифровых операций, которые вы могли бы осуществить, используя больше блочного пространства. Но над этой проблемой работают.

- Технологии с нулевым разглашением, такие как ZCash, Ironfish и Tornado Cash, позволяют подтверждать ончейн только то, что хочется обнародовать, и не более того.
- Блокчейны смарт-контрактов, такие как Ethereum и Solana, расширяют возможности того, что можно сделать ончейн, за счет более высокой сложности.

- Децентрализованные социальные сети, такие как Mirror и DeSo, объединяют социальные события с финансовыми транзакциями.
- Системы именования, такие как служба имён Ethereum (ENS) и служба имён Solana (SNS), позволяют прикрепить к транзакциям в цепи некую идентичность.
- Корпоративные системы позволяют представлять в сети корпоративные абстракции выше уровня простой транзакции, например финансовые отчеты или даже полностью программируемые эквиваленты компаний, такие как DAO.
- Новые методы доказательства, такие как доказательство платежеспособности и доказательство местоположения, расширяют набор вещей, которые можно криптографически подтвердить ончейн на всё той же базе кто/что/когда в блокчейне Биткойна.
- Криптосертификаты, невзаимозаменяемые токены (NFT), непередаваемые взаимозаменяемые токены (NTF) и непередаваемые невяимозаменяемые токены (Soulbounds) позволяют представлять ончейн нефинансовые данные, такие как дипломы или разрешения.

В чём смысл всего этого? Если блоковое пространство продолжит увеличиваться, всё больше цифровой истории нашей экономики и общества будет записываться в блокчейнах – данные будут оставаться конфиденциальными, но криптографически проверяемыми. Хорошей аналогией тут будет увеличение пропускной способности сети, которая теперь позволяет нам загружать мегабайт джаваскрипт-кода на мобильный телефон для запуска веб-приложения, что было бы немислимым пижонством в 2000 году.

Это прорыв в цифровой макроистории, который решает проблемы мусора, ботов, цензуры и фейков. Публичные блокчейны не изолированы внутри корпораций, а общедоступны. Они предоставляют новые инструменты, такие как стейкинг и идентификацию в стиле ENS, что позволяет отделить ботов от людей. Они могут включать в себя множество различных методов доказательства, включая доказательство существования и многое другое, и это поможет в решении проблемы дипфейков. И они могут иметь очень высокий уровень сопротивления цензуре, платя комиссию за транзакцию для хеширования состояния своей цепи в блокчейне Биткойна.

2.2.7. Криптоистория — это криптографически проверяемая макроистория

Таким образом, мы видим, что расширение блокового пространства движется к тому, чтобы дать нам *криптографически проверяемую макроисторию*, или для краткости криптоисторию.

Это журнал всего, что миллиарды людей решили сделать публичным: каждый децентрализованный твит, каждое публичное пожертвование, каждое свидетельство о рождении и смерти, каждая запись о браке и гражданстве, каждая регистрация криптодомена, каждое слияние и поглощение оформленной ончейн организации, каждый

финансовый отчет, каждая публичная запись — всё имеет цифровую подпись, временную метку и хешируется в свободно доступных публичных реестрах²⁶.

Дело в том, что практически всё человеческое поведение сейчас имеет цифровую составляющую. Каждая покупка и переписка, каждая поездка в Uber, каждое прикосновение к кардридеру и каждый шаг с Fitbit — всё это создает цифровые артефакты.

Таким образом, теоретически мы могли бы прийти к тому, что вы просто загружаете публичный блокчейн сетевого государства и воспроизводите на своём клиенте всю криптографически подтвержденную историю сообщества.²⁵ Это будущее публичных записей, концепция, которая становится для бумажной системы традиционного государства тем же, чем бумага стала для устной передачи знаний.

Это также и представление о том, какой станет макроистория. Это не разбросанные артефакты — тут письмо Абеяра, там каменные таблицы египтян. Это полный лог, криптоистория. Объединение микроистории и макроистории в одном гигантском наборе данных, поддающемся криптографической проверке. Мы называем эту неуничтожимую, вычислимую, цифровую, достоверную историю реестром записей.

Эта концепция является основой сетевого государства. И её можно использовать как во благо, так и во зло. В

децентрализованной форме реестр записей позволяет человеку противостоять сталинскому переписыванию прошлого. Это высшее выражение взгляда снизу вверх на историю как на то, что записано в реестре. Но легко можно представить себе и уродливую форму, в которой криптографические проверки удалены, доступ для чтения/записи централизован, а идея тотальной цифровой истории используется государством для создания системы всепроникающей пожизненной слежки в духе АНБ или китайского цифрового рейтинга.²⁷

Это, в свою очередь, приводит нас ко взгляду на историю сверху вниз, к будущей траектории, которой мы хотим избежать, где политическая власть используется для победы над технологической истиной.

---

²¹ Да, он может сломаться. В этом случае всегда можно использовать новый, ту же модель с того же завода.

²² Поклонники функционального программирования поймут, что это похоже на разницу между чистыми и нечистыми функциями. Чистая функция, такая как $\sin(x)$, всегда возвращает один и тот же результат при одних и тех же входных данных. Нечистая функция, такая как `number_of_users()`, этого не делает, обычно потому что существует какая-то внешняя переменная состояния, например, ссылка на базу данных.

23 Это похоже на континуум между микроэкономикой и макроэкономикой (оспариваемый кейнсианцами, которые говорят, что правительства и домохозяйства принципиально различны) или континуум между естественным и искусственным интеллектом (оспариваемый теми, кто считает, что человеческий интеллект — это *sui Generis*, а не нечто, постепенно сформированное в ходе эволюционного процесса и могущее быть сформированным посредством вычислительного процесса), или континуум между микроэволюцией и макроэволюцией (оспаривается теми, кто думает, что эволюция последовательностей ДНК принципиально отличается от эволюции видов или (это более разумное возражение), что абиогенез всё ещё не полностью экспериментально подтверждён).

24 Предположим, что мы преодолеем Великий Фильтр.

25 Но как эти небиткоиновые блокчейны могут быть криптографически проверяемыми, если они не основаны на доказательстве работы? Короткий ответ: даже блокчейн, использующий proof-of-stake, может через OP_RETURN хешировать последние блоки своей цепи в каждом новом блоке Биткойна. При примерно 10 минутах между блоками это 144 транзакции в день или 52 560 транзакций в год. Хотя комиссии за биткоин-транзакции могут со временем вырасти, на данный момент они составляют от одного до шестидесяти долларов США, поэтому хеширование обойдётся в сумму от 52 тысяч до 3 миллионов долларов США в год в виде комиссий биткоин-майнерам, если поставить целью «делать резервную копию в Биткойне» каждые 10 минут. Если ограничиться бэкапом каждый час, затраты составят 1/6 этой стоимости, а раз в день — всего 1/144. Такой уровень цен доступен для любого внешнего блокчейна, который имеет

значительные оборотные объёмы. Группа под названием Veriblock провела некоторое исследование по этому вопросу, которое они называли доказательством доказательства, и представила работающий продукт, который в какой-то момент составлял значительную долю так называемых транзакций OP_RETURN, но теперь прекращен, как и выпуск USDT через протокол Omni.

Некоторые выступают против использования OP_RETURN таким образом, но никому не требуется разрешения, чтобы использовать эту особенность Биткоина. Поэтому я считаю вполне вероятным, что блокчейны с proof-of-stake, имеющие большие обороты, будут в той или иной форме хешированы в блокчейне Биткоина. Это решает проблему, которую Виталик Бутерин назвал слабой субъективностью, когда для выяснения, на какую цепь следует опираться, необходимо использовать некоторую информацию, внешнюю по отношению к блокчейну, в то время как для Биткоина действует полностью объективная методика: «цепь с самой большой накопленной работой — это правильная цепь, которой следует следовать».

Такая объективная методика была бы полезна в том случае, когда множество выглядящих реальными блокчейнов одновременно публикуются в интернете высокомотивированным злоумышленником, контролирующим также социальные сети (это может быть, например, Китай), так что вам придется выбрать правильную цепь из головы этой гидры с помощью одного лишь вашего верного компьютера. Вы можете сориентироваться, сперва найдя в этом хаосе правильный блокчейн Биткоина, а затем уже в нём при помощи

“доказательства доказательства” отыскать правильные концы всех остальных блокчейнов.

Криптополитические последствия подобных действий забавны, потому что некоторым биткоин-максималистам не нравится использование OP_RETURN, а некоторые пользователи небиткоиновых блокчейнов хотят иметь свои собственные полностью автономные экосистемы, но именно описанная комбинация приведёт к (а) постоянному потоку комиссий для майнеров биткоинов, помогающему улучшить безопасность Биткоина, и (б) предоставлению для других блокчейнов бэкапа на крайний случай, что обеспечит уже их безопасность.

26 Всё это также можно хешировать в блокчейне Биткоина с помощью описанной ранее техники корня Меркла по цене всего лишь одной (1) биткоин-транзакции. Это не решит так называемую проблему доступности данных, но решит проблему доказательства существования.

27 Для реестра это будет то же самое, что цифровая валюта Центрального банка (CBDC) для Биткоина: нечто, что перенимает некоторые концепции, но отнимает свободу. Как мы увидим позже, они соответствуют соответственно доброкачественной и вредоносной версиям синтеза сети/государства.

2.3. Политическая власть и технологическая истина.

Сетевое государство. 2. История как траектория.

Если смотреть сверху вниз, историю пишут победители. Речь идет о торжестве политической власти над технологической истиной.

Почему власть заботится о прошлом? Потому что мораль общества вытекает из его истории. Когда китайцы говорят о западном империализме, они имеют в виду не просто какую-то забытую драку в Южно-Китайском море, но и то, как это связано с поколениями колониализма и угнетения, с Альянсом восьми наций, опиумными войнами и так далее. И когда вы видите, что в американском твиттере кого-то осуждают как адепта какого-нибудь -изма, тут тоже вступает в силу история. Опять же, чем плохи эти -исты? А это вытекает из истории -изма...

Таким образом, когда вы слушаете историю режима (а вы делаете это каждый раз, когда слышите, как официальные органы режима хвалят или осуждают кого-то), вам следует слушать критически.

2.3.1. Политическая власть как движущая сила истории

Как власти используют историю? Какие методы они используют? История это не просто случайный набор имен и дат. У них есть проверенные методы анализа архивов, комплектования свиты героев и злодеев прошлого, превращения документов в (политически) полезные притчи. Вот две таких модели.

- *Политическая детерминистская модель: историю пишут победители.* Люди слышали это высказывание, но серьезное отношение к нему имеет глубокие последствия. Например, тот, кто утверждает, что пишет «первый набросок истории», уже тем самым оказывается одним из победителей. С другой стороны, история – это то, что полезно режиму. Классическим примером является Катынский лес: признание того, что это сделали Советы, лишило бы легитимности их послевоенный контроль над Польшей в период 1945–1991 годов, но как только СССР развалился, раскрытие правды стало допустимым.
- *Модель политического талисмана: историю пишут победители, которые притворяются, что действуют от имени проигравших.* Это вариант политической детерминистской модели, также известной как «наступательная археология», который в наше время практикуется истеблишментом в США, КНР и РФ, и все при этом изображают себя жертвой. Техника

состоит в том, чтобы выбрать талисман, на защиту интересов которого *претендует* государство, например, советский пролетариат – а затем проштудировать историю, чтобы найти худшие примеры того, как нынешний соперник государства делает с выбранным талисманом что-то плохое.

Возьмите эти реальные события, разместите их на первой полосе и убедитесь, что о них знают все. И наоборот, убедитесь, что события, не относящиеся к повествованию, игнорируются или подавляются как табу. Опять же, если взять СССР в качестве примера, там это включало в себя поиск бесконечных (реальных!) примеров того, как западные капиталисты обманывают рабочий класс, и замалчивание куда более худших (также реальных!) случаев, когда советские коммунисты подавляли свой рабочий класс, а также случаи, когда сам рабочий класс ведет себя неблагоприятно. Обобщение на другие контексты оставлено в качестве упражнения для читателя, но сейчас особенно на слуху российский пример того, что американец назвал бы «моральным обязательством по защите» (R2P).

Такие методы используются для написания истории, которая выставляет государство в выгодном свете. Вот ещё примеры:

- *Коммунистическая партия Китая*: Сегодняшние китайские СМИ освещают Альянс восьми наций, опиумные войны и тому подобное исключительно в рамках своего внутреннего дискурса, как показывающие злонамеренность европейских

колонизаторов, буквально ведущих войны, чтобы держать Китай порабощённым и сидящим на наркоте. В их истории для внутреннего употребления не упоминаются уйгуры, Тяньаньмэнь и тому подобное. При председателе Си КПК действительно обратила внимание на внутреннюю проблему коррупции, начав кампанию «Тигры и мухи»... но отчасти это связано с тем, что антикоррупционная кампания оказалась политически полезной против его внутренних врагов и, похоже, никак не затронула его союзников.

- *Истеблишмент США*: Сегодняшний истеблишмент США активно освещает события 4 июня 1989 года и вторжение РФ в Украину 2022 года, потому что это реальные события, которые выставляют Китай и Россию в плохом свете, а США – в хорошем. Но он никак не упоминает Альянс восьми наций 1900 года (когда США помогли вторгнуться в Китай с «коалицией желающих» защищать европейский империализм) или украинский Голодомор 1932 года (когда Уолтер Дюранти из The New York Times Company помог Советской России задушить Украину), поскольку тут критика идёт в противоположном направлении.

Сейчас в нарративах США также не делается упор и на Культурную революцию (которая становится слишком похожа на современную Америку), или на западных журналистов, таких как Эдгар Сноу, которые помогли Мао прийти к власти, или на всю уродливую историю американской поддержки русского и китайского коммунизма. Это не просто вопрос возраста событий — в конце концов, контролируемые режимом средства массовой информации возвращаются во времени дальше,

когда это удобно, искажая ради сегодняшних заголовков события 1619 года, однако их машина времени почему-то заикается на 1932 или 1900 годах. В современной Америке, как и в современном Китае, история, которая на слуху — это история, которую истеблишмент считает политически полезной против своих внутренних и внешних конкурентов.

- *Британская империя*: Британцы как в Первой, так и во Второй мировой войне по понятным причинам подчёркивали зло Германии, но не зло своего союзника России — далеко не в той же степени, не говоря уже про свое собственное зло во время Опиумных войн, или про желание Индийского субконтинента дышать свободно, и так далее. (Этот вопрос куда менее политизирован, поскольку Великобритания больше не является претендентом на звание чемпиона мира в супертяжелом весе, поэтому никто не обижается, когда кто-то указывает на её прошлую корыстную непоследовательность. Действительно, документирование грехов Соединённого Королевства теперь стало лёгкой домашней подработкой для всех, кто озабочен добродетелью Британии, поскольку победить побежденную империю гораздо легче, чем бороться с табу в империи, которая пока жива.)

Суть в том, что как только вы оторветесь от цивилизации, в которой вы выросли, и посмотрите на вещи в сравнении, методы политической истории станут очевидными. Один из этих приёмов заслуживает особого упоминания — это версия «истории злодеяний» в мирное время:

Одним из наиболее проверенных временем методов мобилизации общественной ожесточённости против врага и оправдания военных действий являются истории о зверствах. Этот метод, по словам профессора Лассвелла, использовался «с неизменным успехом во всех известных человечеству конфликтах».

Эта концепция так же полезна в мирное время, как и во время войны. Почему? Потому что государства подталкивают своих людей к участию в войнах, подчеркивая по существу оборонительный характер своих действий и дикое поведение врага. Но война — это политика другими средствами, поэтому политика — это война другими средствами. Даже в мирное время государство опирается на силу. И такое применение силы требует оправдания. История о зверствах — это инструмент, используемый для убеждения людей в законности применения государственной силы.

Рене Жиар, в рамках своей позиции, назвал бы это «обосновывающим убийством». Как только вы увидите эту технику, вы увидите ее повсюду. Несколько смягченные версии этой истории о злодеяниях – это основной приём, используемый для оправдания расширения политической власти.

- Если мы не заставим людей разуваться в аэропорту, люди умрут!
- Если мы не запретим людям добровольно принимать экспериментальные лечебные препараты, люди умрут!

- Если мы не создадим агентство по дезинформации, чтобы помешать людям оставлять враждебные комментарии в Интернете, люди умрут!

Действительно, почти всё в политике подкреплено историями о зверствах.²⁸ За большей частью действий правительства обычно стоит реальное, иногда фальшивое, иногда преувеличенное жираровское обосновывающее убийство (или, по крайней мере, обосновывающая травма).

Иногда история злодеяний оформляется в терминах борьбы с терроризмом, иногда в терминах защиты детей... но общая концепция такова: «Произошло что-то настолько ужасное, что мы должны использовать (государственную) силу, чтобы предотвратить повторение этого». Зачастую при этом полностью игнорируются смерти, вызванные самой этой силой. Например, когда FDA «предотвратила» смерти, приняв после истории с талидомидом суровые регуляции в отношении одобрения лекарств, это привело к гораздо большему количеству смертей из-за закона Эрума и отставания в разработке лекарств.

А иногда история о злодеяниях оказывается совершенно фальшивой; До того, как Ирак был ложно обвинён в хранении оружия массового поражения, его ложно обвиняли в выбрасывании младенцев из инкубаторов.

Разумеется, эти опасения не всегда будут подтверждаться. Тот факт, что существует стимул имитировать (или преувеличивать) зверства, не означает, что все злодеяния

являются фальшивыми или преувеличенными.²⁹ Да, вы должны знать, что государства всегда «проваливаются», преувеличивая серьезность нарушений против них самих или против талисманов, на представление интересов которых они претендуют, пытаясь привлечь на свою сторону общественность, будь то китайская, американская или русская.

Но как только вы осознаете историческую модель политической власти, следующая цель — защититься как от Сциллы, так и от Харибды, как от чрезмерной доверчивости, так и от чрезмерного цинизма. Потому что, как история о зверствах является инструментом политической власти, так и отрицание геноцида, к сожалению, является таким же инструментом — как мы можем видеть из получившего Пулитцеровскую премию репортажа «Нью-Йорк Таймс» о сталинском украинском голодоморе.

Чтобы поддерживать этот баланс, знать, когда государства лгут и когда не лгут, нам нужна форма истины, достаточно мощная, чтобы стоять вне любого государства и судить его с высоты своего авторитета. Способ реагировать на официальную статистику не рефлексивной верой или недоверием, а беспристрастным, независимым расчётом.

Криптоистория «снизу вверх», которую мы представили в предыдущем разделе, отлично для этого подходит. Но чтобы полностью оценить это, нам нужна родственная теория: технологическая истина исторической теории.

2.3.2. Технологическая истина как движущая сила истории

Модель истории с позиций политической власти даёт нам полезный взгляд на вещи: история часто представляет собой чисто ленинское «кто/кого» и чисто шмиттовское «друг/враг». Но утверждать, что история всегда описывает исключительно грубое применение политической власти, было бы немного сухо³⁰. В конце концов, общество должно распространять и правдивые факты, например, о природе, иначе окажется, что урожай не растёт³¹, а политический класс *теряет* власть.

Это приводит к нас к использованию другой оптики для анализа истории – более технологически сфокусированной.

- *Технологическая детерминистская модель: технология является движущей силой истории.* В то время как политическая детерминистская модель подчёркивает, что история пишется (и, следовательно, искажается) победителями и тем самым пропагандирует только то, что полезно для данного государства, технологическая детерминистская модель отмечает, что существуют некоторые ключевые области — главным образом в науке и технике — где многие общества (если не большинство) получают выгоду от передачи технических фактов без искажений. В конце концов, существует непрерывная цепь от Архимеда,

Арьябхаты, Аль-Хорезми и прочей древности до всей нашей существующей науки и техники. Сотни лет спустя нас уже не так уж заботят государственные законы времен Исаака Ньютона, но нас волнуют законы Ньютона. В этой модели все политические идеологии существовали во все времена — меняется лишь то, является ли данная идеология в тот или иной момент технологически осуществимой в качестве организующей системы для человечества. Таким образом: политическая мода приходит и уходит циклично, поэтому абсолютным показателем общественного прогресса является уровень технологического развития культуры, например, по шкале Кардашева.

- *Модель траектории: истории — это траектории.* Мы уже упоминали эту концепцию раньше, когда обсуждали историю как загадочную эпопею извилистых траекторий, но повторить не помешает. Если вы технически подкованы, вы можете задаться вопросом, почему в этой книге мы уделяем так много места истории. Один из ответов состоит в том, что истории — это траектории динамических систем. Если вы можете потратить всю свою жизнь на изучение волновых уравнений, уравнений диффузии, временных рядов или уравнений Навье-Стокса (а вы можете), то вы можете сделать то же самое для человеческой динамики. Говоря более подробно, мы знаем из физики (и Стивена Вольфрама!), что очень простые правила могут создавать невероятно сложные траектории динамических систем. Например, для уравнения Навье-Стокса мы можем разделить эти траектории на ламинарный поток, турбулентный поток, невязкий поток, несжимаемый поток и т. д., чтобы описать различные способы, которыми поле

скоростей может развиваться с течением времени. Эти классификации основаны на измерениях течения жидкостей с течением времени. И изучение хотя бы одного из этих типов траекторий может стать целой исследовательской дисциплиной.

И всё это богатство обеспечивает динамика неодушевленных предметов. Теперь сравните это с макроскопическими движениями миллионов разумных агентов. Аналогичным образом вы можете попытаться вывести правила поведения людей в ситуациях ламинарных хороших времён, бурных революционных времён и т. д., изучая имеющиеся у нас записи о человеческом поведении — данные, которые неизбежно производят люди.

Эта аналогия на самом деле очень точна, если задуматься о виртуальной экономике и истории поведения человека в социальных сетях и криптосистемах. Имея всю полноту времени и всю полноту по-настоящему открытых данных, мы, возможно, даже сможем разработать психоисторию в духе Азимова, то есть способ предсказать макроскопическое поведение людей в определенных ситуациях, без требования к знанию всех микроскопических деталей. Мы уже можем в некоторой степени делать это для искусственных сред, таких как игры³² и рынки, и всё больше человеческих сред буквально становятся цифровыми.³³

- *Статистическая модель: история помогает прогнозировать.* С точки зрения статистики, история необходима для точного расчета будущего. См. любую статью по анализу временных рядов или машинному обучению — или фильтр Калмана, который делает

эту концепцию очень явной. Перефразируя Оруэлла, без точной количественной записи прошлого вы не сможете контролировать будущее, в том смысле, что теория, на которую опирается ваш контроль, буквально не будет работать.

- *Модель спирали: линейная и циклическая история могут сосуществовать.* С точки зрения прогрессиста, история представляет собой линейный тренд постепенного увеличения свободы, и те, кто выступает против этого, находятся на неправильной стороне истории³⁴. Другие считают историю циклической, постоянной петлей, в которой единственное, что остаётся на долю технологов — это изобретать велосипед, или где «сильные люди создают хорошие времена, хорошие времена создают слабых людей, слабые люди создают тяжёлые времена, а тяжёлые времена создают сильных людей». Но есть и третья точка зрения, взгляд на историю как восходящую спираль. Утверждается, что с одной точки зрения история действительно прогрессивна, с другой — она действительно циклическа, и примирение состоит в том, что с каждым поворотом штопора мы продвигаемся немного вперед в технологическом отношении, а не теряем всё нажитое. С этой точки зрения попытки восстановить непосредственно предыдущее состояние маловероятны, поскольку движение вспять во времени невозможно, но если пройти по спирали вперёд ровно на виток, можно достичь хорошего приближения к желаемому прошлому. Или всегда можно просто прийти к коллапсу.
- *Модель Озимандиаса: цивилизация может рухнуть.* История показывает нам, что технологический прогресс не является неизбежным. Это довольно ясно демонстрируется в подкасте «Падение

цивилизаций». Один из хороших примеров – Гобекли-Тепе. Вы можете думать об этом как астроном (где следы всех разумных форм жизни в космосе? Правда ли, что Вселенная это тёмный лес?) или как антрополог (как все эти развитые цивилизации просто берут и полностью вымирают?). Появляется отрезвляющая мысль о том, что наша цивилизация может быть просто лучшим игроком в этой онлайн-стратегии на данный момент: мы продвинулись дальше всех, но у нас нет гарантии, что мы победим, прежде чем убьем себя³⁵, как все другие цивилизации до нас.

- *Модель Ленски: организмы в ходе эволюции не упорядочены по степени совершенства.* Ричард Ленски провёл знаменитую серию долгосрочных эволюционных экспериментов с кишечной палочкой, в ходе которых он каждый день отбирал свежую культуру бактерий, замораживал ее в анабиозе и тем самым в течение десятилетий сохранял снимок того, как выглядел каждый день эволюции на поверхности планеты. Удивительная особенность бактерий заключается в том, что их можно разморозить и реанимировать, поэтому Ленски мог взять старый штамм *E. coli* с 1173-го дня и поместить его в пробирку с сегодняшним штаммом, чтобы увидеть, который будет лучше воспроизводиться в ближайшем будущем, если считать по количеству организмов. Результат показал, что *история не образует строгой упорядоченности*. Тот факт, что штамм 1174 дня превзошел штамм 1173 дня, а штамм 1175 дня превзошел штамм 1174 дня и так далее, не обязательно означает, что сегодняшний штамм всегда будет побеждать штамм 1173 дня. Сложность биологии такова, что она больше похожа на

непредсказуемую игру типа
«камень/ножницы/бумага».

- *Модель крушения поезда: те, кто не знает истории, обречены ее повторить.* Ещё один подход к истории — думать о ней, как о серии дорогостоящих экспериментов, в ходе которых люди часто делали определенный выбор, казавшийся в то время разумным, и в конечном итоге оказывались в бедственном положении. Это, например, коммунизм: идея, убедительная для многих, но история показывает, что она на самом деле не даёт хороших результатов на практике.
- *Модель лабиринта идей: те, кто подстраивается под историю, никогда не изобретут будущее.* Это контраргумент к модели крушения поезда: прошлые результаты не всегда определяют будущие результаты, и иногда для внедрения инноваций необходимо иметь мышление новичка. Как правило, это лучше работает для добровольных технологий и инвестиций, чем для модификаций общества сверху вниз, таких как коммунизм. Одним из инструментов для этого является концепция, которую я недавно написал, под названием «лабиринт идей». Здесь важно, что даже если бизнес-предложение не сработало в прошлом, это не обязательно означает, что оно не сработает сегодня. Технологические и социальные предпосылки могли кардинально измениться, и двери, ранее закрытые, теперь могут открыться. В отличие от законов физики, общество не является инвариантным во времени. Как однажды признался даже ведущий мировой антитехнологический блог:

Виртуальная реальность была полным провалом вплоть до того момента, пока не перестала им быть. Таким образом, компания последовала курсом, намеченным несколькими другими прорывными технологиями. Они не развиваются итеративно, постепенно становясь всё более полезными. Вместо этого они, если смотреть со стороны, вообще не развиваются, продвигаясь вперед урывками, сквозь спирали стыда, сквозь банкротства, шумиху и сокращения бюджетов – пока однажды, внезапно развернувшись, они полностью, тотально не побеждают.

- *Модель Райта-Фишера: история – это то, что выживает в естественном отборе.* В популяционной генетике существует важная модель возникновения и распространения мутаций, называемая моделью Райта-Фишера. Когда возникает новая мутация, она встречается только у 1 человека из N . Как она достигает N из N , 100%, того, что называется «фиксацией»? Ну, во-первых, возможно, она никогда этого не сделает. Она может просто не закрепиться. Она также может достичь уровня N из N просто по счастливой случайности, если популяция N невелика — это известно как «фиксация через генетический дрейф», когда люди с мутацией просто размножаются больше, чем другие. Но если мутация дает некоторые выборочные преимущества, если она помогает воспроизводить своего хозяина в конкурентной среде, то у неё есть более чем реальный шанс достичь 100%. Точно так же и исторические идеи можно рассматривать как способствующие или, по крайней мере, не мешающие распространению в популяции их носителей, часто авторитетов, которые пишут эти истории. Некоторые из этих идей

возникли благодаря глупой удаче, в то время как другие представляют собой утверждения, которые принесли выборочную пользу режиму – часто за счет делегитимации соперников и легитимизации собственного правления, или путем предоставления режиму новых технологий. Это теория мемов, идеологической эволюции; идеологические мутации, которые увеличивают технологическое преимущество или политическую власть, выигрывают в естественном отборе.

- *Вычислительная модель: история — это ончейн-популяция; всё остальное – редактирование истории.* Есть замечательная книга Франко Моретти «Графики, карты и деревья». Это вычислительное исследование литературы. Аргумент Моретти заключается в том, что любое другое исследование литературы по своей сути предвзято. Выбор книг для обсуждения сам по себе является неявной редакционной работой. Вместо этого Моретти эксплицитно создаёт полную базу данных с полными текстами и пишет код для создания графических представлений этой базы. Аргумент здесь заключается в том, что только вычислительная история может представить всю популяцию в статистическом смысле; всё остальное — это просто предвзятая выборка.
- *Геномная модель: история — это то, что показывает нам ДНК (и языки, и артефакты).* Книга Дэвида Райха «Кто мы такие и как мы сюда попали» представляет собой каноническое популярное изложение этой школы мысли, наряду со старой книгой Кавалли-Сфорца «История и география человеческих генов». Краткий аргумент таков: наша истинная история записана в наших генах. Обычные тексты можно подделать, исказить или потерять, а

геномику (современную или древнюю) — нет. Языки и артефакты для исторической реконструкции немного менее надежны в качестве сигнала, хотя они часто соответствуют тому, что показывают новые геномные исследования о закономерностях древних миграций.

- *Модель дерева технологий: история — это великие личности, действующие в рамках возможного.* Теория великих исторических личностей утверждает, что такие люди как Исаак Ньютон и Уинстон Черчилль формировали события. Контраргумент гласит, что этих людей несло течением, более сильным, чем они сами, и что на их месте другие сделали бы то же самое. Например, едва ли не на каждого Ньютона найдётся Лейбниц, который тоже мог бы изобрести дифференциальное исчисление. Ни одну из этих позиций невозможно *полностью* проверить без эксперимента, подобного эксперименту Ленски, в котором мы заново прогоняем историю с теми же начальными условиями, однако полезной моделью для согласования этих двух точек зрения является дерево технологий из *Civilization*. Вкратце, вся известная наука представляет собой внешний край кроны дерева, и человек может расширить это дерево в заданном направлении. Например, у Сатоши не было своего Лейбница; в то время, когда другие были сосредоточены на социальных, мобильных и локальных технологиях, он работал над совершенно другой парадигмой. Но он был ограничен доступными субтехнологиями, такими концепциями, как Hashcash, цепочки временных меток и эллиптические кривые. Точно так же, как да Винчи мог задумать вертолет, но вряд ли построил его из доступных на тот момент материалов, модель

дерева технологий допускает индивидуальную свободу действий, но подчиняет ее ограничениям того, что может быть достижимо одним человеком в данную эпоху. Главное преимущество модели дерева технологий заключается в том, что (как и лабиринт идей) его можно сделать *видимым* и доступным для навигации, как это было сделано Институтом долголетия Форсайта.

Возможно, вас немного удивит тот факт, что различных моделей понимания истории (назовем их *историческими эвристиками*) существует не меньше, чем парадигм программирования. Откуда такое разнообразие? Дело в том, что изучение истории, как и идею стратегии государственного строительства, которую мы представим позже, можно уподобить некой разновидности программирования или, по крайней мере, технике анализа данных. То есть история — это *анализ логов*.

- *Модель сбора данных: история как анализ логов.* Здесь мы имеем в виду «логи» в самом общем смысле – всё, что общество записало или оставило после себя; Да, документы, но также физические артефакты, гены и произведения искусства, точно так же, как «запись» в логах может содержать двоичные объекты, а не просто текст.
- Если продолжить аналогию, то, вы можете попытаться отладить программу, работая вслепую, без логов, или, как вариант, вы можете попытаться просмотреть каждую строку логов. Но вместо любой из этих крайностей наилучших результатов можно добиться, если у вас есть метод для *преобразования* логов во что-то действенное.

Вот почему существуют исторические эвристики. Это стратегии, позволяющие извлечь информацию из всех документов, генов, языков, транзакций, изобретений, крахов и успехов людей с течением времени. История – это полная запись всего, что сделало человечество. Это очень богатая структура данных, о которой мы только начали думать как о структуре данных.

Теперь мы можем думать о письменной истории как о (неполной, предвзятой, зашумлённой) выжимке из этого полного лога. В конце концов, если вы когда-либо находили репортерское описание видеосвидетельства без ссылки на первоисточник, или находили видео, вводящее в заблуждение благодаря съёмке с определённого ракурса, вы поймёте, почему доступ к *полному* логу публичных событий – это огромный шаг вперёд.

2.3.3. Столкновение политической власти и технологической истины

Теперь мы определили модели истории сверху вниз и снизу вверх. Столкновение этих двух моделей, оруэлловского релятивизма истеблишмента³⁶ и абсолютной истины блокчейна Биткойна, политической власти и технологической истины... Это столкновение заслуживает изучения.

Давайте приведем три конкретных примера, когда политическая власть столкнулась с технологической истиной.

- Тесла > New York Times. Илон Маск использовал инструментальную запись поездки Теслы, чтобы опровергнуть статью NYT. Компания New York Times утверждала, что в автомобиле разрядился аккумулятор, но логи показали, что они специально катались на машине туда-сюда, пока заряд не иссяк, и сведения в статье об истории вождения были ложью. Его числа перевернули их буквы.
- Метка времени > Макрон, NYT. Пользователи твиттера использовали временную метку фотографии, чтобы опровергнуть предполагаемую фотографию бразильских пожаров, которую опубликовал Эммануэль Макрон и без всякой критики перепечатала NYT. С помощью обратного поиска изображений была найдена та самая картинка, сделанная фотографом, умершим в 2003 году, поэтому ей было больше десяти лет. Это имело большое значение, потому что *The Atlantic* буквально призывала к войне с Бразилией из-за этих (фальшивых) фотографий.
- Доказуемый приоритет патента. Китайский суд использовал временную метку в блокчейне для установления приоритета в патентном иске. Одна компания доказала, что она не могла нарушить патент другой, поскольку её заявка была сохранена в блокчейне до того, как другая компания подала свою заявку.

В первом и втором примерах сотрудники компании New York Times просто исказили факты, как они обычно это делают, распространяя политически полезные утверждения против двух своих вечных оппонентов: основателя технологической компании и иностранного консерватора. Независимо от того, были ли эти искажения сделаны намеренно или из-за невнимательности, «слишком благоприятной, а потому не требующей проверки», в обоих случаях они были попытками осуществления политической власти, которые натолкнулись на кирпичную стену технологической истины. В третьем примере китайская политическая система делегировала блокчейну работу по выяснению того, что является истиной.

Во всех трех случаях технологии предоставили более надежные средства определения того, что является истиной, чем предыдущие золотые стандарты – будь то «бумажка с печатью» или воля правящей партии. Это децентрализовало определение истины, отобрав часть инструментов у централизованного истеблишмента.

2.3.4. Определения политической и технологической истины

Не всегда возможно обеспечить децентрализованное определение истины без участия политического истеблишмента. Некоторые истины по своей сути относительно (и, следовательно, относятся к политическим), тогда как другие поддаются абсолютной проверке (и, следовательно, технологические).

Вот ключ: это истина, если другие в неё верят, или это истина независимо от того, во что верят люди?

Политическая истина истинна, если все верят в её истинность. К этой категории относятся такие вещи, как деньги, статус и границы. Вы можете поменять картинку, переписав факты в мозгу людей. Например, вопросы о том, сколько стоит доллар, кто президент и где проходит граница страны — всё это зависит от представлений, заложенных в головах людей. Если достаточное количество людей поменяют мнение, рынки начнут двигаться, президенты сменятся, а границы сдвинутся.³⁷

И наоборот, техническая истина верна, даже если ни один человек не верит в её истинность. К этой категории относятся факты из математики, физики и биохимии. Они существуют независимо от того, что у людей в головах. Например, какова величина π , скорости света или диаметра вируса.³⁸

Это две крайности: политические истины, которые можно изменить, переписав софт в мозгу людей, и технические истины, которые существуют независимо от этого софта.

2.3.5. Баланс политической власти и технологической истины

Как только вы неохотно признаете, что *не каждый* аспект социально-политического порядка может быть выведен на основе объективного расчета и что некоторые вещи *действительно* зависят от произвольного консенсуса, вы понимаете, что нам необходимо поддерживать баланс между политической властью и технологической истиной.³⁹

На этот счет у китайцев есть ёмкая поговорка: отсталые будут побеждены. Если ты плохо разбираешься в технологиях, тебя побьют политически. И наоборот, у американцев тоже есть поговорка: «Ты – и какая армия?» Не имеет значения, насколько ты хорош как индивидуальный технолог, если тебя значительно превосходят в политическом отношении. А если ты достаточно непопулярен, у тебя не будет политической власти для реализации изменений в физическом мире.

Объединение этих взглядов заставляет нас искать баланс между национализмом и рационализмом, где первый понимается в самом широком смысле как «групповая идентичность». Это баланс между политической властью и технологической истиной, между стабилизирующими группу нарративами и неудобными фактами. Вам нужно и то, и другое.

Вот как соотносятся политические и технологические теории истории. Технологическая история — это история того, что работает; политическая история — это история того, что помогает сохранить власть. Собираем все части вместе:

- У нас есть политическая теория истории, которая утверждает, что «социальные и политические стимулы способствуют распространению политически полезных нарративов».
- У нас есть технологическая теория истории, которая утверждает, что «финансовые и технические стимулы способствуют распространению технологических истин».
- У нас есть ряд примеров, показывающих, как политически влиятельные игроки были ограничены децентрализующей технологией.
- У нас есть ещё больше примеров, которые показывают, что некоторые факты действительно определяются общественным консенсусом, тогда как другие поддаются децентрализованной проверке.
- И мы понимаем, почему группам для выживания необходимо и то, и другое; отсталые будут побеждены, а непопулярные вообще никогда не будут иметь политической власти.

Можем ли мы обобщить эти наблюдения в более широкий тезис, во всеобъемлющую теорию, включающую столкновение политической власти и технологической истины как особый случай? Можем. И это подводит нас к рассуждениям про Бога, Государство и Сеть.

²⁹ Не все законы контрпродуктивны, хотя многие новые законы действительно таковы. Это связано с тем, что новые законы подобны коду, который запускается в производство, даже не будучи прочитанным (не говоря уже о проверке), часто в условиях серьёзного противодействия, затрагивает миллионы граждан, почти не даёт возможности проконтролировать, чтобы желаемые результаты и впрямь были получены, плюс цикл обратной связи с клиентами чрезвычайно медленный, а способов отказаться от использования закона чрезвычайно мало. И тем не менее, *не* все законы плохи!

³⁰ Есть забавный мем, иллюстрирующий ограниченность политической истории. «Время реально», — говорит Аристотель. «Время — это иллюзия разума», — говорит Иммануил Кант. «Время было изобретено часовыми компаниями, чтобы продавать больше часов», — говорит Карл Маркс.

³¹ Конечно, некоторые режимы действительно препятствовали передаче основных научных фактов. Трофим Лысенко, как известно, сказал, что пшеница могла бы стать рожью, если бы этого захотел рабочий класс. Он вызвал вполне предотвратимый голод и уничтожил менделистов-генетиков за их буржуазную веру в не позволяющую таких фокусов биологию. Его идеология на какое-то время принесла ему политическую власть... но с какой целью? Подданные, правившие в рамках политической идеологии, которая полностью отрицала технологическую истину, в конечном итоге умирали, что означало политическую власть ни над кем. С высоты птичьего полёта это можно считать формой давления естественного отбора против распространения советского коммунизма в

частности и против чисто политической детерминистской модели мира в целом. Мозговой вирус, который быстро убивает своего хозяина – это плохой мозговой вирус. Другими словами, чрезмерная ложь на службе политической власти влечет за собой последствия, хотя этим последствием может быть просто смерть как управителя, так и управляемых.

32 В истории нельзя повторить эксперимент. А вот в шахматах можно. Вы можете восстановить исходное состояние и переиграть игру.

33 Это открытая метавселенная и дополненная реальность. Но также это социальные сети и финансовые приложения. Очень большая часть человеческих взаимодействий теперь имеет что-то цифровое посередине, точно так же, как в течение последних нескольких столетий в середине у них был лист бумаги от государства (например, свидетельства о рождении и смерти, реестры собственности и т. д.)

34 Люди, которых сочли выступающими против должного хода истории, не просто проигрывают – им приходится против меняющегося морального климата, который в первую очередь осудит их за саму эту борьбу.

35 Навал Равикант как-то твитнул о концепции «завершителя», единственного человека, способного положить конец человечеству.

36 Под этим мы подразумеваем, что если вся истина относительна и оказывается функцией властных отношений, политическая партия, находящаяся у власти, может просто диктовать, что является истиной. Это сплав релятивистской деконструкции Фуко и социального конструирования истины из романа “1984”. Если $2+2$ — это то, что говорят власть имущие, то угадайте, что? Те, кто у власти, скажут $2+2=5$, если захотят, и даже заставят лауреатов премии Филдса сражаться за это утверждение.

37 Это то, чем истеблишмент США призван манипулировать в глобальном масштабе, а китайский истеблишмент хорошо умеет делать внутри страны.

38 Именно здесь истеблишмент США особенно недалёковиден, зато китайский истеблишмент достаточно силен. Большинство американских политиков не имеют технического образования, известные журналисты не умеют решать элементарные математические задачи, и лишь немногие из людей, вовлечённых в американский истеблишмент, построили что-то более сложное, чем книжная полка. Между тем, китайский истеблишмент полон инженеров и реально *строил* свою страну последние 40 лет, хотя следующее поколение китайских лидеров может уже не иметь такого опыта.

39 Блокчейны действительно переносят всё больше политических аспектов в сферу технологий, превращая общественное согласие по поводу границ в общественное согласие по поводу чисел. Но софт в головах людей по-прежнему имеет значение, поскольку блокчейны

работают только в том случае, если достаточное количество людей владеют своим базовым активом (поддерживая ненулевую цену), соглашаются использовать одну и ту же версию программного обеспечения узла и кошелька и так далее. Сравните это, скажем, с вертолетом, для работы которого вообще не требуется никакого общественного консенсуса, поскольку он зависит исключительно от законов физики.

2.4. Бог, Государство, Сеть

Сетевое государство. 2. История как траектория.

Столкновение между взглядами на историю сверху вниз и снизу вверх, между историей, написанной победителями, и историей, записанной в реестре, между политической властью и технологической истиной... это — столкновение Левиафанов.

Чтобы понять это, представьте себе, что два школьника дерутся на детской площадке. Вскоре один из них говорит: «Мой отец может побить твоего отца!» В этой банальности есть глубина. Даже в очень раннем возрасте ребенок верит, что может обратиться к высшей силе, Левиафану, могущественному человеку, который может смести с поля его врагов, включая Роберта с детской площадки.

Люди в этом плане не так уж отличаются от детей. У каждой доктрины есть свой Левиафан, тот перводвигатель, который воспаряет над всем. Для религии это Бог. Для политического движения это Государство. А для криптовалюты — это Сеть. Эти три Левиафана воспаряют над склонными к ошибкам людьми, чтобы заставить их вести себя просоциально.

Как только мы выйдем за рамки Бога, как только мы осознаем, что существует не один, а *три* Левиафана в гоббсовском понимании, многое становится ясным.

Движения, не являющиеся религиями, которые поклоняются Богу, часто представляют собой политические движения, поклоняющиеся Государству, или криптоплемена, поклоняющиеся Сети. Многие прогрессивные атеисты ни в коем случае не являются антиэтатистами; они поклоняются государству, как если бы оно было Богом. И многие либертарианские атеисты, возможно, не верят в Бога *или* в Государство, но они верят в Сеть – будь то социальная сеть или криптовалюта.

Это заслуживает некоторого пояснения.

2.4.1. Какова самая могущественная сила в мире

Первым Левиафаном был Бог. В 1800-х годах люди не воровали, потому, что действительно боялись Бога. Они верили так, как нам сейчас трудно понять, они мыслили о Боге как об активной силе в мире, пылкой и всепроникающей. Они хотели, чтобы у власти были богобоязненные люди, потому что человек, искренне верящий в Бога, будет вести себя хорошо, даже если ни один человек не сможет его наказать. То есть общественность могла положиться на могущественного лидера, который действительно верил, что вечное проклятие является наказанием за нарушение религиозных заповедей, *даже если* ни один человек не мог увидеть, провинился ли он. По крайней мере, такова наша сегодняшняя рационализация, почему людям важно было быть по-настоящему

«богобоязненными», хотя они могли и не формулировать это таким образом. Бог был высшей силой, Левиафаном.

К концу 1800-х годов Ницше написал, что «Бог мёртв». Он имел в виду, что критическая масса интеллигенции больше не верит в Бога, не так, как их предки. В отсутствие Бога теперь возвысился новый Левиафан, который существовал и раньше, но приобрел куда большую важность: Государство. Итак, почему бы вы не воровали в 1900-е годы? Потому что даже если бы вы не верили в Бога, вас бы наказало государство. Полное глобальное вытеснение Бога Государством (что уже явно происходит во Франции с 1789 года) привело к гигантским по масштабу войнам 20-го века: демократический капитализм против нацизма против коммунизма. Эти новые религии заменили “Бога” на “Власть” и поставили Государство над Богом в качестве самой могущественной силы на земле.

Это подводит нас к настоящему. Сегодня, как вы можете видеть из этого и этого графиков, мёртв не только Бог. Умирает уже Государство. Потому что здесь, на заре XXI века, вера в Государство резко падает. Вера в Бога также потерпела крах, хотя, возможно, ожидается некоторое зачаточное возрождение религиозной веры. Но именно Сеть — интернет, социальная сеть, а теперь и криптосеть — и есть следующий Левиафан.

Итак: в 1800-е годы вы бы не стали воровать, потому что вас поразит Бог, в 1900-е годы вы бы не воровали, потому что вас накажет Государство, а в 2000-е годы вы не можете воровать, потому что вам не позволяет Сеть.40 Либо толпа начнёт

атаковать вас в соцсетях, либо криптовалютная сеть не позволит вам воровать, потому что у вас нет закрытого ключа, либо (в конечном итоге) вашу кражу раскроет сетевой ИИ, либо всё вышеперечисленное.

Другими словами, какова самая могущественная сила в мире? В 1800-х годах Бог. В 1900-х годах армия США. А в 2000-х годах – шифрование. Потому что, как выразился Ассанж, никакое насилие не может решить определенные виды математических задач. Поэтому не имеет значения, сколько у вас ядерного оружия; если собственность или информация защищены криптографией, государство не может конфисковать ее, если сперва не решит уравнение.

2.4.2. Паяльники не масштабируются

Очевидное возражение на последний тезис заключается в том, что такое государство, как Венесуэла, всё ещё может выбить из человека то самое решение уравнения, провести пресловутую атаку с помощью паяльника, чтобы получить пароль и закрытые ключи – но сначала силовикам придётся узнать офлайн-идентичность владельца ключей, привязать её к физическому местоположению, убедиться, что оно находится в их юрисдикции, отправить (дорогой) спецназ и повторять это с бессчётным количеством людей в бессчётном количестве мест, имея при этом дело с разными дополнительными сложностями, такими как анонимные ремейлеры, мультиподписи, доказательство с нулевым

знанием, ловушки мёртвой руки и блокировки по времени. Таким образом, шифрование как минимум увеличивает стоимость государственного принуждения.

Другими словами, конфисковать биткойны не так просто, как напечатать бумажных денег. Это не то, что такое враждебное государство, как Венесуэла, может массово захватить одним нажатием клавиши, им нужно обходить дом за домом. Единственным реальным способом решения этой проблемы масштабируемости была бы дешёвая автономная армия полицейских дронов с искусственным интеллектом, на что в конечном итоге может быть способен Китай, но это будет дорого в разработке, и мы ещё этого не достигли.⁴¹

Ну а до тех пор история успешного сохранения псевдонимности Сатоши Накамото, частичного противодействия Apple требованиям ФБР и устойчивости сети Биткойна к запрету майнинга китайским государством показывают, что псевдонимность и криптография Сети уже *частично* препятствуют, по крайней мере, некоторым действиям Государства в области слежки и насилия.

Таким образом, шифрование ограничивает правительства так, как не может ни одно законодательство. И, как подробно описано в этой статье, речь идет не только о защите частной собственности. Речь идет об использовании шифрования и криптографии для защиты свободы слова, свободы объединений, свободы договоров, использования псевдонимности для предотвращения дискриминации и кэнселинга, внедрения индивидуальной приватности и

действительно равной защиты в рамках доктрины “верховенства кода” — даже если аналогичные бумажные гарантии государства будут становиться ещё более пустыми. Потому что компьютер всегда выдаёт один и тот же результат при одном и том же входном коде, в отличие от человеческой судебной системы, склонной к ошибкам и политизированной предвзятости при попытках насаждения закона.

В этом смысле Сеть – это следующий Левиафан, поскольку по ключевым параметрам она становится более могущественной и более *справедливой*, чем Государство.

2.4.3. Сеть это следующий Левиафан

Когда мы говорим, что Сеть — это следующий Левиафан (это утверждение можно сократить до «Сеть > Государство»), полезно дать конкретику. Вот несколько конкретных примеров, когда версия конкретной социальной практики, представленная Сетью, более эффективна, чем версия Государства.

1. *Шифрование > Государственное насилие.* Когда существует надёжное шифрование, которое правительство не может взломать, это означает коммуникации, которые не могут подслушивать государства, транзакции, которые они не могут перехватывать, и цифровые границы, куда они не могут проникнуть. Это означает не что иное, как

способность организовывать группы вне государственного контроля и, таким образом, уменьшение возможностей государства к контролю.

2. *Криптоэкономика > Фиатная экономика.* Мы только что обсуждали это в контексте того, что Сеть Биткойна — это деньги, которые государство не может легко заморозить, конфисковать, запретить или напечатать. Теоретически это всего лишь частный случай шифрования, но его последствия широки: любые финансовые инструменты, корпоративные механизмы, бухгалтерский учёт, расчёт заработной платы и тому подобное могут осуществляться ончейн вне контроля государств.
3. *Одноранговая Сеть > Государственные СМИ.* Существует два типа государственных СМИ: контролируемые государством СМИ, как китайское «Синьхуа-нет», или контролирующее государство СМИ, как американская «Нью-Йорк Таймс». Последние контролируют государство, первые контролируются государством, но все они борются против свободы слова. Сетевые P2P-коммуникации для них — анафема, особенно если при этом используется сквозное шифрование. Здесь в подтверждение своих слов особенно уместно привести цитаты — архивные ссылки, например, на Google Books, или NCBI, или archive.is — даже если официальные каналы Государства в настоящее время не поддерживают эту точку зрения.
4. *Социальный > Национальный.* Социальные сети меняют многое, но самым важным является то, что они меняют природу сообществ. Ваше сообщество — это ваша социальная сеть, но не обязательно люди, живущие рядом с вами. Когда сетевая идентичность более заметна, чем отношения соседства, это бросает вызов самой предпосылке Вестфальского

государства, которая заключается в том, что (а) люди, которые *географически* живут рядом друг с другом, разделяют общие ценности и (б) поэтому законы должны основываться на географических границах. Альтернатива состоит в том, что только люди, находящиеся *геодезически* рядом на графе социальных связей, разделяют общие ценности, и поэтому законы, которые ими управляют, должны основываться на границах сетевых сообществ.

5. *Мобильный > Стационарный*. Мобильные устройства делают нас мобильнее. А закон является функцией широты и долготы; меняя свое местоположение, вы меняете местные, государственные и федеральные законы, которые к вам применимы. Таким образом, миграция это столь же мощный способ изменить закон, по которому вы живёте, как и выборы. Карантинные меры из-за COVID-19 могут быть только началом попыток государства контролировать обеспечиваемый Сетью физический отток подданных. Но в обычных обстоятельствах смартфоны помогают людям передвигаться всё свободнее, в то время как границы физических государств куда более неподвижны.
6. *Виртуальная реальность > Физическая близость*. В качестве дополнения к мобильному интернету Сеть предлагает ещё один способ отказаться от физического окружения, контролируемого Государством, а именно: надеть гарнитуру VR (или AR), и в этот момент вы попадаете в совершенно другой мир, где вас окружают другие люди и другие законы.
7. *Удаленно > Лично*. Сеть позволяет работать и общаться из любой точки мира. В сочетании с мобильной связью это ещё больше увеличивает рычаги воздействия на государство. Концепция сетевого

государства как деления мира по людям, а не по земле, здесь особенно важна, поскольку сетевые государства изначально созданы для получения дохода от добровольной подписки на него людей со всего мира. Диаспора – это и есть государство.

8. *Международный > Национальный*. Сеть дает людям больше возможностей *выбирать*, под воздействие какого конкретного государства они попадают. Например, они могут в несколько кликов переместить сервер из страны в страну, на котором размещен их веб-сайт.
9. *Смарт-контракты > Законы*. Государственная правовая система, основанная на бумажных документах – дорогостоящая и непредсказуемая. Аналогичный набор фактов в двух разных городах одной и той же страны может привести к разным решениям. Юристы стоят дорого, бумажные контракты содержат опечатки и нелогичности, а международные соглашения варьируются от сложных до невозможных. Мы всё ещё находимся на заре смарт-контрактов, но по мере того, как мы получаем хорошо отлаженные и формально проверенные библиотеки контрактов, в этой области Сеть будет перехватывать эстафету у Государства. Представьте себе настоящее международное право: оно осуществляется через программный код, а не посредством бумажек, за пределами границ, унаследованных от территориальных государств, и производится глобальными технологами, а не юристами, работающими в конкретных странах.
10. *Криптографическая проверка > Официальное подтверждение*. Возможно, самая важная область, в которой Сеть сильнее государства, — это природа самой истины. Как бы невероятно это ни звучало, блокчейн – это самое важное достижение в истории с

момента появления письменности, поскольку он представляет собой криптографически проверяемую, высокореплицируемую, нефальсифицируемую и доказуемо полную цифровую запись системы. Это окончательный триумф технологического подхода к истории, поскольку теперь существуют технические и финансовые стимулы для передачи истинных фактов, независимо от социально-политических преимуществ, которые любое правительство может иметь для их сокрытия. Вкратце, этот *реестр записей* представляет собой историю, написанную Сетью, а не Государством.

Эти примеры можно множить и далее. Как упоминалось ранее, Uber и Lyft являются лучшими регуляторами, чем основанная на бумажных документах государственная система лицензирования таксистов, электронная почта превосходит USPS, а SpaceX опережает НАСА. Если говорить о границах, то следует размышлять о телеприсутствии, обеспечиваемом Сетью (которое разрушает физические границы) и его шифровании (которое возводит цифровые границы). Или, если вас интересует, скажем, перепись населения США, Сеть предоставляет опрос в режиме реального времени, который гораздо более актуален, чем процесс, проводимый Государством раз в десять лет.

Короче говоря, если вы сможете привлечь Сеть к решению какой-либо проблемы, это часто будет самым мощным решением. По сути, это то, что постоянно делает каждый основатель стартапа: он пытается найти способ сделать что-то при помощи Сети, минуя Государство. Для этого есть приложение!

Это концептуально важно, потому что основатель стартап-сообщества, который может перепозиционировать конкретный конфликт так, чтобы Сеть противостояла Государству, имеет шанс на победу. Но если он будет действовать методами, доставшимися в наследство от Государства, он окажется аллигатором, выброшенным из воды, и, скорее всего, проиграет.

2.4.3.1. Сеть > Государство: деплатформинг Трампа

Применяя формулировку «Сеть > Государство» к недавним событиям, поразмыслим о январе 2021 года, когда — по указанию компании New York Times и всех основных медиа — Google, Apple, Amazon, Facebook и Twitter объединились, чтобы провести деплатформинг действующего президента и вымарать из Интернета приложение его сторонников.

Это было неоспоримым доказательством бессилия правительства США, поскольку «самый влиятельный человек в мире» явно не был уже самым могущественным человеком даже в своей стране. Неофициальная Сеть (истеблишмент США) взяла верх над формальным Государством (правительством США)⁴².

Очевидно, что Трамп и республиканцы не контролировали события. Менее очевидно, что избравшиеся демократы тоже их не контролировали. Да, конечно, многие из них добавили к этой какофонии свои голоса. Но поскольку Первая поправка

ограничивает возможности правительства сдерживать высказывания, они не могли приказать руководителям технологических компаний заглушить голоса оппозиции, а вот медиамагнаты – могли. А поскольку окончательный контроль над этими сетями находится в частных руках, последнее слово оставалось не за государственными чиновниками.

Другими словами, люди, реально держащие руку на пульте – это больше не выборные должностные лица государства. *Ощущает* ли правительство США свою ответственность? Вот что означает Сеть > Государство.

2.4.4. Государство – это всё ещё Левиафан

Хочу внести ясность: Сеть выигрывает *не каждый* конфликт с Государством. Во многих случаях фактический результат — «Государство > Сеть». Безусловно, конфликт между этими двумя Левиафанами будет определять нынешнее столетие так же, как конфликт между Левиафанами – Богом и Государством – сформировал прошлое.

Вот некоторые примеры расклада «Государство > Сеть»: арест Росса Ульбрихта правительством США, преследование Джулиана Ассанжа и Эдварда Сноудена, жёсткие меры Китая в отношении криптовалюты, регулирование GDPR Европейским Союзом, ковидные локдауны, которые мешали

любому цифровому кочевнику сбежать, растущее число отключений интернета государством, а также стремление американского истеблишмента подвергнуть интернет цензуре.

Давайте рассмотрим несколько особо важных случаев: исход технологических компаний из Сан-Франциско, политическое поражение основателей технологических компаний в Китае, запрограммированная предвзятость ИИ и цифровой деплатформинг критиков истеблишмента как на Западе, так и на Востоке.

1. *Правительство Сан-Франциско > Основатели технологических компаний в районе залива.* Невзирая на то, насколько компетентными основатели технологических компаний Сан-Франциско были в Сети, политические миллиардеры из городского правительства Сан-Франциско сумели использовать свой контроль над Государством, чтобы превратить город в адскую дыру. Намеренно или нет, но это привело к тому, что новые деньги, потенциальный конкурент истеблишмента, ушли из города.

Да, в последнее время были предприняты некоторые успешные попытки вернуть эти компании назад, но, похоже, слишком мало и слишком поздно. Это похоже на то, как цена акций демонстрирует некоторый восходящий тренд после гигантского и необратимого падения. Потому что монополия района залива закончилась. Технологии теперь глобально децентрализованы в Web3, а Сан-Франциско (и даже Силиконовая долина) потеряли свои позиции бесспорной технологической

столицы мира. Вам больше не нужно ехать в район Залива, чтобы создать стартап — вы можете основать его и профинансировать откуда угодно.

В целом это хорошо: тот факт, что технологии больше не сильно зависят дисфункции на всех трёх уровнях — Сан-Франциско/Калифорнии/США — имеет решающее значение для будущего мира. Также обратите внимание, что, хотя поражение технологий в Сан-Франциско произошло из-за ситуации “Государство > Сеть”, причина, по которой эти компании вообще выжили, и могут побороться за ещё один день жизни, заключается в удалённой работе, которая и позволила обеспечить уход этих компаний из Сан-Франциско. А удаленная работа — это случай “Сеть > Государство”.

2. *КПК > Основатели китайских технологических гигантов.* Примерно до 2018 года КПК прославляла основателей китайских технокорпораций. Представьте себе, если бы Цукербергу и Дорси дали места в Сенате США за их вклад в экономику, пригласив их в истеблишмент, а не держа в удалении, и вы поймете, каким был тон. Джек Ма (основатель Alibaba), Пони Ма (основатель Tencent) и их коллеги либо состояли в 95-миллионной КПК (<7% населения страны), либо восхвалялись средствами массовой информации КПК.

Потом все изменилось. Как и в Америке, в Китае было собственное технологическое бегство, вызванное действиями истеблишмента.⁴³ Сигналом к нему стала огромная цена приостановки масштабного IPO ANT Financial под каким-то предлогом со стороны регулирующих органов. За последние несколько лет КПК посчитала то, что она считает «национальными

интересами» важнее огромных сумм денег, понеся в итоге по меньшей мере триллион долларов издержек из-за ковидных локдаунов, закрытия IPO и молниеносных запретов целых отраслей, таких как игровая индустрия и биткоин-майнинг.

Это выглядит глупостью. Возможно, это и есть глупость. Или, может быть, они знают что-то, чего не знаем мы. Первые действия КПК по запрету иностранных социальных сетей в 2000-х и 2010-х годах выглядят в ретроспективе дальновидными, поскольку, если бы они не создали свои собственные Weibo и WeChat, тогда американские руководители в Кремниевой долине могли бы организовать деплатформинг любого из них или устроить за кем угодно в Китае слежку одним нажатием клавиши. Так что, если транслировать, что есть «вещи поважнее, чем деньги», и готовиться к конфликту, это, к сожалению, может поставить КПК в более выгодное положение в будущем.

Как бы то ни было, китайский техноколлапс — это пример ситуации «Государство > Сеть». Контролируемое КПК китайское государство победило международную сеть китайских технокорпораций. Но оно не победило навсегда, поскольку многие из самых амбициозных китайских основателей технологических компаний и инвесторов в них теперь используют Сеть, чтобы уехать за границу и сбежать из китайского Государства.

3. *Запрограммированная предвзятость ИИ.* Джон Стоукс подробно написал об «этике ИИ», и я советую вам прочитать его работу. Но вкратце, вся эта отрасль работает на то, чтобы при балансировке весов в

нейросетях в некоторых случаях подкладывать гирьку на весы, что особенно заметно у таких влиятельных технологических гигантов, как Google. Речь идет о том, чтобы члены американского истеблишмента всегда заглядывали технологам через плечо, следя за тем, чтобы их код на 100% соответствовал требованиям режима⁴⁴, точно так же, как Советский Союз поступал со своими комиссарами, НСДРП поступала с *gleichschaltung*, а Си поступал с Сюэси Цянго.⁴⁵

Фундаментальная концепция заключается в том, что над технологической областью должен быть утверждён моральный контроль. «Этика» ИИ на самом деле не оспаривает, что истинно, а что ложно, она оспаривает, что хорошо, а что плохо. А что плохо? Всё, что продвигает политически неблагоприятный нарратив. Вот конкретный пример: в 2021 году многие считали, что Украина – это коррумпированная страна, полная нацистов из батальона «Азов». Если бы сторонники предвзятого ИИ имели успех, то к середине 2022 года эти сообщения были бы реклассифицированы как «дезинформация» и опущены на 10-ю страницу результатов поиска⁴⁶.

Обычно на это отвечают, что при выборе любого обучающего набора машинного обучения всегда есть элемент произвола, а при настройке любого алгоритма приходится давать какие-то оценки, так кто же скажет, что означает «непредвзятость»? Но цель здесь состоит в том, чтобы убедиться, что этот произвол не будет случайным или подчинённым вкусам отдельного исследователя, а вместо этого последовательно указывает в одном «этически одобренном» направлении, будь то повестка NYT (в

вотчинах демократии США) или КПК (в Китае). Фактически это новая форма централизованного политического контроля.

Также обратите внимание, что само название этой сферы было выбрано так, чтобы отразить возможную атаку. Что, вы против *этики* для ИИ? (Это те же люди, которые насмешливо говорят об «этике журналистики», когда им это удобно.)

Поэтому термин «предвзятость ИИ» мне кажется куда уместнее, но не в контексте *изучения* предвзятости, а в контексте изучения того, как *обеспечить* предвзятость ИИ. И сила, которой обладают люди, её обеспечивающие, огромна. Несколько фанатиков в нужных местах в крупных технологических компаниях могут и будут искажать результаты гугления, полученные миллиардами людей, до тех пор, пока монополия Google не будет разрушена, или пока честные люди в Google не начнут добиваться прозрачности своих алгоритмов.⁴⁷ Новаяз для леваков в Google это не антиутопия, а инструкция по эксплуатации.

И они вполне могут победить. Эпизод, в котором Мерриам-Вебстер изменил свой словарь в режиме реального времени в политических целях, — это только начало; новый Google собирается использовать свою мощь для централизованного изменения *мышления*.

Это значительно хуже, чем Baidu, который более чётко фильтрует поисковые запросы, «проблемные» для КПК. Потому что люди, обеспечивающие предвзятость ИИ, делают вид, что делают это для

бессильных, тогда как на самом деле они делают это для сохранения власти истеблишмента США.

4. *Цифровой деплатформинг.* Еще один пример того, как Государство кроет* Сеть, а политическая власть направлена против технологической правды, можно увидеть в затыкании рта недовольным режимом голосам в социальных сетях.

Как всегда, в Китае это особенно наглядно. Скажите что-нибудь, что не нравится КПК на Sina Weibo, и ваш пост исчезнет, а возможно, исчезнет и ваша учетная запись, и, возможно, вас приведут «на чай» силы безопасности. Но на Западе, если вы скажете в Твиттере что-то, что не нравится режиму, ваш пост исчезнет, а возможно, исчезнет и ваш аккаунт, а в американских протекторатах, таких как Великобритания, вас могут привести «на чай» силы безопасности.

Что, не ожидали подобного, да? Но кликните по этим ссылкам. Единственная причина, по которой законы о разжигании ненависти в британском стиле ещё *не пришли* в США — это Первая поправка, которая также в некоторой степени ограничила всю массу частных попыток контроля над высказываниями и мыслями.

Тем не менее, уже в 2019 году мы можем увидеть сближение американской и китайской систем в этом отношении. Точно так же, как WeChat заблокировал упоминание о площади Тяньаньмэнь, Facebook заблокировал упоминание о предполагаемом разоблачителе. В техническом плане это то же самое. На Востоке это официальная государственная цензура, а на Западе — неофициальная частная цензура. Разница несущественна, поскольку это

цензура, предписанная истеблишментом Китая и США соответственно. Существенная разница в том, что на Западе существует третья фракция децентрализованного сопротивления цензуре.

Дело в том, что иногда Сеть > Государство (и это нечто новое), а иногда Государство > Сеть (чего ожидает большинство людей), и конкуренция между этими Левиафанами будет определять наше настоящее.

Но всегда ли это конкуренция, или может случиться и кооптация?

2.4.5. Тезис, антитезис, синтез

Как выразился Ларри Эллисон, «тщательно выбирайте своих конкурентов, потому что вы станете во многом похожими на них». Это версия гегелевской диалектики, разработанная основателем технологии, в которой тезис и антитезис смешиваются, образуя синтез.

Другими словами, когда у вас есть три Левиафана (Бог, Государство, Сеть), которые продолжают бороться друг с другом, они не останутся чистыми формами. Вы увидите, как люди смешивают их вместе, чтобы создать новые виды социальных порядков, новые гибриды, новые синтезы в гегелевском смысле. Мы уже упоминали китайскую версию

этого слияния («отсталые будут побеждены») в контексте политической власти и технологической истины, но она выходит за рамки одного лишь определения истины и касается того, как организовано само общество. Например:

- *Бог/государство*: США середины века были «для бога и страны». Они выступали против СССР, где люди поклонялись Государству как Богу. (Хотя в США также был компонент одноранговой Сети в форме разрешения капитализма в пределах своих границ, и в СССР Сеть также была в форме «Коммунистического Интернационала», глобальной сети шпионов, разжигающих коммунистическую революцию.)
- *Бог/Сеть*: это может быть что-то вроде мормонов, или еврейской диаспоры до основания Израиля, или любой религиозной диаспоры, связанной той или иной коммуникационной сетью. Это сообщество общих ценностей, соединенное коммуникационной сетью, без формального государства.
- *Бог/Государство/Сеть*: это что-то вроде еврейской диаспоры после создания Израиля. Наша модель «Единой заповеди» также опирается на этот синтез, поскольку стартап-сообщество может быть основано на традиционной религии или на моральном императиве, который находится на одном уровне со многими религиозными практиками, такими как, скажем, веганство.

Это были политические примеры смешения Левиафанов, но есть и другие взгляды на эту концепцию.

2.4.6. Синтез: Сеть/Бог

Одним из важных синтезов, заслуживающих особого упоминания, является «Сеть/Бог»: Сетевой Бог, Бог ИИ, GPT или DALL·E, который даёт мгновенные сверхчеловеческие ответы на сложные вопросы, используя знания всего человечества.

В конце концов, люди уже доверяют Google, как если бы это был Бог или, по крайней мере, исповедальня. В 1980-е годы вышла популярная детская книга «Ты здесь, Бог? Это я, Маргарет». Мы можем легко представить себе приложение, в котором люди обращаются к ИИ-богу за советом.

Этот бог не обязательно должен быть ИИ общего назначения. Он мог бы нести определённую мораль. Его можно настроить и обучить на конкретных сегментах данных, а не всей сети в целом. Как вам идея приложения “Что бы сделал Иисус?” Китайское приложение *Xiexi Qiangguo* фактически можно рассматривать как раннюю версию этой идеи: «Что бы сделал Си Цзиньпин?» — хотя с таким же успехом можно соорудить и децентрализованные версии.

Что бы сделал Ли Куан Ю? Что бы сделал Давид Бен-Гурион? Что бы сделал Джордж Вашингтон? Что бы посоветовали в вашей ситуации люди, которых вы уважаете? Языковая модель, обученная на их корпусах материалов — на всех общедоступных текстах и аудио, которые они произвели за свою жизнь, и которые могут составлять многие миллионы

слов — может достичь результатов наподобие показанного в научно-фантастических фильмах, где ИИ программно оживляет людей. Версия 1 уже есть, её просто нужно дополнить VR-симулятором. И хотя в таких произведениях, как «Её» и «Черное зеркало» подобное изображается в негативном ключе, на самом деле не очевидно, что получать интерактивные советы из приложения Ли Куан Ю хуже, чем получать их из книг Ли Куан Ю.

2.4.7. Синтез: Сеть/Государство

Изучение синтеза Бога/Государства/Сети подводит нас к слиянию, которое нас больше всего интересует: Сеть/Государство, одним из вариантов которого является вынесенное в заголовок книги сетевое государство. И есть несколько разных способов достичь слияния Сеть/Государство.

Первый — это описанный в первой главе процесс создания с нуля, когда интернет-лидер создаёт достаточно большой сетевой онлайн-союз, чтобы затем он мог накраудфандить достаточно территории и в конечном итоге добиться дипломатического признания. Но стоит обсудить и другие сценарии, в которых существующие правительства сливаются с сетью — как позитивный, так и негативный синтез Сети/Государства.

2.4.7.1. Позитивные синтезы: BTC, Web3, эффективность

Начнём с наблюдения, что компании, города, валюты, сообщества и страны — всё становится сетями.

По аналогии мы привыкли думать о книгах, музыке и фильмах как о разных вещах. Затем все они стали представлены пакетами, отправленными через интернет. Да, мы слушали музыку в аудиоплеерах и просматривали книги в электронных книгах, но их фундаментальная структура стала цифровой.

Точно так же сегодня мы думаем об акциях, облигациях, золоте, кредитах и искусстве как о разных понятиях. Но все они представлены в виде дебета и кредита в блокчейнах. Фундаментальная структура опять же стала цифровой.

Теперь мы уже начинаем думать о различных типах групп людей – будь то сообщества, города, компании или страны – по сути, как о сетях, где фундаментальной структурой становятся цифровые профили и то, как они взаимодействуют.

Это очевидно для сообществ и компаний, которые уже могут быть полностью цифровыми и взаимодействовать удалённо, но даже уже существующие города и страны начинают моделироваться таким образом, потому что (а) их граждане⁴⁸

часто географически удалены, (б) концепция гражданства сама по себе становится похожей на единый цифровой вход в систему, (в) многие функции правительства 20-го века уже были де-факто переданы частным сетям, таким как (электронная) доставка почты, регулирование гостиниц и такси, (г) города и страны всё чаще обзаводятся новыми гражданами онлайн, (д) так называемые «умные города» всё чаще управляются через компьютерный интерфейс, и (е) по мере того, как страны выпускают цифровые валюты центральных банков, а города, вероятно, последуют этому примеру, каждая полития будет публично торговаться в Интернете, точно так же, как компании и монеты.

И это касается только ранее существовавших политий, которые модифицируют себя с учетом особенностей сети. А есть ещё и самое фундаментальное сетевое свойство сетевых государств *de novo*, описанное здесь: а именно то, что сами граждане сначала собираются в облаке и только затем совместно приобретают землю.

Вот несколько примеров того, как уже существовавшие государства интегрируются с сетью: (а) интеграция Сальвадора с сетью Биткойна, (б) закон Вайоминга о децентрализованной автономной организации (DAO) и норвежский законопроект об интеграции реестров с сетью Ethereum, и (в) такие места, как Эстония и Сингапур, где каждый рабочий процесс правительства уже ведется онлайн. В каждом из этих случаев города и государства объединяются в сети для предоставления новых услуг, полезных для граждан.

Это та щадящая версия слияния Сети и Государства, к которой люди будут сами стремиться.

2.4.7.2. Негативные синтезы: USG, ССР, Monopoly

Злокачественная версия слияния сети и государства — это то, что произошло в Китае и происходит в Америке на федеральном уровне с применением суровых мер в сфере технологий. И в китайском, и в американском случае государство «приобретает» централизованные технологические компании под дулом пистолета, сливаясь с Сетью сверху.

В Китае рецептом было (а) несколько лет демонизации в СМИ плюс (б) обязательные сессии «Мыслей Си Цзиньпина» с последующим (в) обезглавливанием и квазинационализацией — как это происходит с Alibaba и ByteDance. В Америке во время бегства технологических компаний все было очень похоже: (а) несколько лет демонизации в СМИ плюс (б) квазиобязательный переход к активизму внутри компании согласно текущей либеральной повестке, за которым следовали (в) применение антитрастового законодательства, регулирование и квазинационализация.

Иногда обезглавливание оказывается насильственным (первой целью стал Uber), а иногда квазидобровольным. Действительно, одно из объяснений, почему многие из

основателей крупнейших технологических компаний ушли в отставку в середине 2022 года, за исключением Цукерберга, состоит в том, что они не хотели подвергаться личной демонизации во время антимонопольного процесса без возможности его выиграть. В Китае более очевидно, что это не было личным выбором: Джек Ма больше не контролирует компанию, которую он основал, и многие другие китайские основатели были аналогичным образом освобождены от своих обязанностей.

Другими словами, как китайский, так и американский истеблишмент придумали поводы для фактического захвата компаний, ранее контролируемых учредителями.⁴⁹

То есть, какими бы ни были поверхностные оправдания, это враждебное поглощение централизованных технологических компаний централизованными государствами. После захвата эти компании превратятся в машины тотальной слежки и инструменты социального контроля. В Китае это уже очевидно. Но и в Америке применение антитраста может означать нулевое доверие (zero trust).

Уточню: отчасти это прогноз на будущее, и, возможно, его можно предотвратить, но после любого якобы «экономического» ужесточения законодательства нацбезопасность США может получить всё, что когда-либо хотело, в плане бэкдоров для Google и Facebook. АНБ не нужно будет заниматься взломами, оно получит ключ от парадного входа. А затем и АНБ, скорее всего, в свою очередь взломают, и все ваши данные разойдутся по всему интернету.

Это та вредоносная версия слияния Сети и Государства, из которой люди хотят выйти.

2.4.8. Синтез: Бог, Государство и Сеть

Можем ли мы в современную эпоху объединить всех трёх Левиафанов? Есть что-нибудь подходящее?

Да. Мягкая версия синтеза сети/государства, которую мы только что описали, предлагает более высокую административную эффективность, экономическую отдачу и уровень принятия со стороны граждан. Но этот синтез пока не предлагает более высокой *цели*, или большей значимости.

Забегая вперёд, скажу, что именно здесь на помощь приходит Единая Заповедь. Идея заключается в том, что для построения стартап-сообщества у вас может не быть ни желания, ни необходимости в запуске совершенно новой религии, но вам всё равно нужны какие-то моральные инновации. Если всё, что вы можете предложить — это более высокий уровень жизни, люди могут прийти как потребители, и это будут неправильные люди. Гражданин-потребитель приходит, чтобы наслаждаться великим обществом, а не жертвовать ради того, чтобы сделать общество великим. Такие люди не поймут *ценности*, лежащие в основе привлекательности вашего стартап-сообщества. И вы, вероятно, не сможете *построить* общество с такими высокими стандартами жизни и настолько привлекательное без лежащей в основе высокой

цели, так же как ни Apple, ни сама Америка изначально не были созданы исключительно ради денег. Вам надо привлекать производителей, а не потребителей, и для этого вам нужна цель.

Этой высшей целью может быть традиционная религия, как в «Варианте Бенедикта» Рода Дреера, но это также может быть доктрина с глубоко продуманной «Единой заповедью», моральной инновацией, которая переворачивает одну из базовых предпосылок общества, сохраняя при этом все остальные нетронутыми.

Например, принятие, казалось бы, тривиальной моральной предпосылки о том, что «сахар — это плохо», и её серьезное воплощение в жизнь для построения кето-кошерного общества предполагает целенаправленные, но всеобъемлющие изменения в каждом ресторане, продуктовом магазине и в каждой тарелке в пределах юрисдикции. Дополнительные примеры мы приведем позже.

2.4.9. Новый Левиафан, новые государства

Концепция трех Левиафанов объясняет, почему сетевое государство отныне возможно. Сеть — это новый шериф в городе, новый Левиафан, новая сила, которая во многих отношениях более могущественна, чем Государство. Это изменило баланс сил. Одновременно с возникновением

синтезов возникают и конфликты между Сетью и Государством. И это во многом объясняет сегодняшнюю нестабильность: когда Левиафаны борются, когда Годзилла сражается с Кинг-Конгом, земля дрожит.

---

40 Сеть это не то чтобы совершенно новая сила в человеческих делах, но сейчас она обретает новую мощь. В качестве одного из примеров Сетей до Интернета можно назвать коммунизм как синтез Государства/Сети, в котором Советское государство – основной слой, а международная сеть коммунистов-революционеров «Коминтерн» — вторичный (особенно после убийства Троцкого). В качестве другого примера см. в книге Джейкоба Буркхардта «Сила и свобода» раздел «Культура», где она показана как третья сила наряду с Церковью и Государством. Он пришел к аналогичным выводам почти 200 лет назад, а я обнаружил их только спустя годы после моего выступления в 2015 году о Боге, Государстве и Сети.

41 Это работает иначе: автономные дроны — способ для государства вести войну, не платя слишком уж большому количеству людей, поскольку вместо этого достаточно просто заряжать свои дроны. Пропаганда, распространяемая через социальные сети, — это другая альтернатива дорогим агитаторам, ходящим от двери к двери. Для таких коалиций, как КПК или Нью-Йорк Таймс, подобные методы – просто способ обойти экономические ограничения на военные действия, налагаемые Биткоином. См. книгу «Золото, кровь и сила» и нашу последующую главу «Триполярный мир».

42 Существует веский аргумент в пользу того, что власть президента неуклонно снижается со времен Рузвельта, которого можно рассматривать как диктатора, проработавшего четыре срока, консолидировавшего власть, преследовавшего своих врагов и правившего до самой смерти. Все эти попытки в «имперское президентство», такие как меморандумы Джона Ю и указы Обамы, можно переосмыслить как попытки добиться чего-то от своей позиции в Белом доме, *несмотря на то*, что в реальности власть президента становится всё более размытой.

Действительно, сегодня в США существует нечто похожее на «конституционную монархию», а именно «бюрократическое президентство», при котором президент в ключевых отношениях становится всё более рудиментарной фигурой. Некоторые из осознающих это думают, что ситуацию можно изменить с помощью «настоящих выборов». Другие полагают, что придётся начать с нуля, со стартап-сообществ и сетевых государств.

43 Действительно, за многими событиями в Америке теперь следуют аналогичные события в Китае, или наоборот. Вот лишь некоторые примеры: (а) интернет-цензура, (б) национализм + социализм, (в) социальные кредитные рейтинги / культура отмены, (г) «поиск обнажёнки» и набеги в Твиттере, (д) ковидные локдауны, (е) усиление милитаризации, и (г) государственный контроль над технологическими компаниями.

44 В этой книге постоянно поднимается мысль о том, что такая система контроля речи и мыслей возникает, когда

существующий режим желает сохранить свою власть, а люди не имеют достаточной возможности поменять юрисдикцию. Если бы они могли это сделать, Microsoft запретила бы конкуренцию — и всю рекламу конкурентов как дезинформацию. То же самое относится и к Нью-Йорк Таймс и КПК.

45 Обратите внимание, что КПК внедряет «красные гены» компаниям напрямую: влияние партии широко распространено.

46 И именно поэтому люди все чаще используют Twitter в качестве поисковой системы. Цензуру легче обнаружить, когда замалчиваются отдельные аккаунты. Эта часть перехода к Web3, то есть сети, в которой каждая структура данных имеет цифровую *подпись*, сети, которая радикально отличается от Web2.

47 Трудно просить их сделать результаты объективными. Это что же, вернуть Google эпохи 1998–2011 годов? Подобное трудно реализовать и трудно проверить. Легче добиваться открытых, прозрачных алгоритмов поиска. Это может стать реальностью в web3, см. этот разговор.

48 В случае города замените слово “гражданин” на “житель”, поскольку в городе нет граждан в смысле наличия паспортов.

49 Какова альтернатива? Децентрализация или национализация. Позже мы опишем полюс BTC/web3,

который даёт основателям возможность предлагать протоколы, более устойчивые к захвату американскими или китайскими властями, поскольку они подразумевают не просто демонизацию компании, а протокол масштаба целой страны.

2.5. Люди Бога, люди Государства, люди Сети

Сетевое государство. 2. История как траектория.

Мы говорили об истории власти – власти Бога, Государства и Сети. Теперь давайте поговорим о недавней истории борьбы за власть между людьми Бога, людьми Государства и людьми Сети.

Согласно стереотипам, люди Бога возносят⁵⁰ мысли и молитвы, люди Государства говорят: «Должен быть закон!», а люди Сети пишут некий код.

Различия очень глубоки. Это разница и в первых шагах, и в окончательной лояльности. Как только вы поймете, какому Левиафану кто-то отдаёт предпочтение – Богу, Государству или Сети – вы поймёте, какую тактику он предпочтёт, каких ценностей он придерживается, и откуда эти ценности исходят.

Чтобы проиллюстрировать это, давайте применим призму Левиафана для анализа (а) *внутренних* разногласий между двумя Америками: консервативной красной и прогрессивной синей, (б) конфликта между глобальными технологиями и истеблишментом США и (в) ментальной модели линейных экстраполяторов, лояльных к истеблишменту США.

Как мы увидим, появление Сетевого Левиафана проясняет некоторые конфликты и раскалывает некоторые фракции.

2.5.1. Американские племена и их Левиафаны

Весь мир ежедневно наблюдает в Твиттере бесконечную цифровую гражданскую войну в США. («Мне жаль нашу страну. Но сколько контента!».) На эту тему написано бесчисленное количество слов. Но концепция Левиафанов обеспечивает новый взгляд на эти враждующие племена, на консервативных красных, прогрессивных синих и либертарианских серых, как их именует Скотт Александр.

Серое племя анализировать легче всего. Справедливости ради стоит сказать, что это в первую очередь люди Сетевого Левиафана. Эти технологические прогрессисты не просто атеисты, они еще и *антиэтатисты*, поскольку обычно не верят ни в Бога, ни в Государство. Они являются подлинными интернационалистами в том смысле, в каком ими не являются ни красные националисты, ни синие ложные⁵¹ интернационалисты, поскольку они не признают американскую исключительность и взаимодействуют с людьми из других стран через Сеть на равных.

Однако синие и красные более сложны. Нельзя просто сказать «Синий значит Государство» и «Красный значит не-Государство». Ничуть. Значительная часть синих уже

ушла в Сеть; это левые либертарианцы, web3-социалисты. И значительная часть красных останется верной Государству; назовём их светскими националистами.

Так что, если (и когда) дела пойдут по сценарию «Сеть против Государства», если случится высокая инфляция, которая столкнёт оранжевый биткойн с зелёным долларом, мы можем увидеть ускорение продолжающейся перестройки. Многие синие встанут на сторону международной Сети вместе с серыми и красными, а многие красные встанут на сторону синих, чтобы защитить централизованное американское Государство.

Теперь давайте объясним подробнее:

2.5.1.1. Синее племя: левые авторитарии, левые либертарианцы

Каждому члену синего племени в ближайшие годы придётся сделать выбор: лояльны ли они нейтральным децентрализованным сетям, которые одинаково относятся как к американцам, так и к неамериканцам, или же они на самом деле просто лояльны истеблишменту США — по сути, замаскированные националисты? Соответствует ли их определение «демократии» миру, где 4% (а именно американцы) правят 96% (а именно, неамериканцами), убивая инфляцией сбережения по всему миру, разрушая местные культуры и постоянно ведя за миром слежку? Или они верят, что остальной мир заслуживает цифрового

самоопределения? Короче говоря, выберет ли международно мыслящий либерал децентрализованную Сеть или централизованное Государство?

Чтобы разобраться в этом выборе, давайте сориентируемся. Синее племя сегодня является самым могущественным в западном обществе и имеет две⁵² основные внутренние фракции: левых авторитариев, поклоняющихся Государству, и левых либертарианцев, которые (бессознательно) являются людьми Сети.⁵³

Пробуждение это доктрина, а не религия

Прежде чем мы начнём, нам нужно понять, что синяя система верований – “активизм”, или “повесточка”, а дословно – “пробуждение” — это не совсем религия. Это доктрина, которая вовлекает людей и Государства, и Сети.

То есть, хотя стало популярным говорить о Пробуждении как о религии, и хотя в этом что-то есть, точнее говорить о нём как о доктрине, а именно: «вере или наборе убеждений, которых придерживается и и которые преподаёт церковь, политическая партия или другая группа». Понятие доктрины охватывает религиозные и политические убеждения, поклонение как Богу, так и Государству. Ну а в настоящее время «другая группа» может быть также каким-либо объектом Сети, например социальной сетью или криптовалютой.

Итак, теперь у нас есть зонтичный термин: доктрина. У поклонников Бога есть религии (религиозные доктрины), у лоялистов Государства — политические партии (с политическими доктринами), а у ориентированных на Сеть — социальные сети или криптовалюты (со строго принудительной модерацией контента или криптотрайбализмом соответственно, которые являются сетевыми доктринами). В каждой доктрине есть Левиафан, наиболее мощная сила. Таким образом религия — это всего лишь разновидность доктрины.

Используя это определение, мы можем вернуться к вопросу: является ли Пробуждение, как и коммунизм и нацизм до него, религией, которая эволюционировала, чтобы перепрыгнуть формальный принцип разделения церкви и государства, выдавая себя за не-религию? Что ж, как уже заметили некоторые, «Пробуждение» действительно имеет родственные связи со многими аспектами христианства: у всех нас есть кальвинистский первородный грех фанатизма, мы отправимся в тёплый ад изменения климата, если не покаемся, неверующие должны «отречься», ересь должна быть подавлена, убеждения Запада должны проповедоваться под дулом пистолета и так далее. См. книги Кёртиса Ярвина «Как наказали Докинза», Джона Маквортера «Расизм Пробудившихся», Эндрю Салливана о новых религиях Америки, Ноя Смита о Пробуждении как древней религии, заключительной главе Тома Холланда в «Доминионе», Пола Грэма о ереси, а также подробную инфографику Майкла Шелленбергера и Питера Богоссяна, иллюстрирующих эту тему.

Но хотя это и верно, называть пробуждение религией не совсем подходит, потому что у пробудившихся другая теория

перводвигателя. Пробуждение лучше назвать доктриной, потому что на самом деле важно отметить: пробуждение *не* поклоняется Богу; вместо этого одна фракция пробудившихся поклоняется Государству, а другая, менее сознательно, является людьми Сети. Эти внутренние конфессиональные расколы определяются выбором Левиафана. И они будут играть важную роль в эскалации конфликта между Государством и Сетью, между долларом и биткоином, между журналистами истеблишмента и децентрализованными СМИ, между американским правительством и глобальным интернетом – поскольку эти разногласия обещают разделить синюю команду надвое.

Синее Государство: левые авторитарии

Основным Левиафаном для синих левых авторитариев является Государство, которое вполне реально и может совершать насилие против их (и своих собственных) врагов, в отличие от Бога, которого они полагают воображаемым. Вот почему сторонники Государства высмеивают концепцию «мыслей и молитв» в пользу «принятия закона». В конце концов, Государство существует и может организовывать людей для применения принудительной силы. Но Божий инструмент, церковь, больше не имеет достаточной веры (по крайней мере, на Западе), чтобы делать то же самое.

Именно поэтому левые авторитарии склонны считать само собой разумеющимся, что все беды можно решить, «молясь об облегчении» государству, создавая какое-нибудь агентство и присваивая всё больше денег. Налоги — это светская десятина, а человек, боящийся правительства,

подобен богобоязненному человеку: недостаточно просто платить оговоренную сумму денег и уважать государство, потому что, как прямо говорится в видеоролике Национального комитета Демократической партии, «правительство — это единственное, чему мы все принадлежим». Важен не результат, а проявление верности.

Несмотря на то, что в культурном отношении они любят Государство и ненавидят Сеть, важно отметить, что левым авторитариям в США недавно удалось взять под контроль большие участки Сети, поставив своих симпатизантов на ключевые посты в крупных технологических компаниях во время избиения технокорпораций и Великого Пробуждения 2010-х годов. (Однако в таких местах, как Netflix и даже Google наблюдаются зарождающиеся признаки сопротивления, что выражается в увольнении самых пробудившихся.)

Как обычно выглядят левые авторитарии с профессиональной точки зрения? Корпус левых авторитариев — это NPC, оплачивающие ежемесячную подписку на «Нью-Йорк Таймс» за порцию официальной «истины», рабски поворачивающие головы, куда потребуется, с каждым новым обновлением программного обеспечения, настаивающие на том, что маски не работают, до тех пор, пока они вдруг не начинают работать, и всё это надёжно подкрепляется текущими нарративами. Это всего лишь пехотинцы, но, что интересно, самые влиятельные левые авторитарии не являются выборными должностными лицами.

Как, в частности, подробно продемонстрировал Ярвин, наиболее влиятельные левые авторитарии вообще формально не являются той части Государства, которая избирается. Это профессора, активисты, бюрократы и журналисты.

Ключевая концепция заключается в том, что большая часть управляющих структур в Америке развилась и стала жить вне формального государства, что делает её устойчивой к смещению путем демократических выборов. Они восхваляют «демократию», но избегают ее на практике, используя двухклассовую систему, незыблемость позиций своих бюрократов и профессоров, освобождение от налогов своих фондов и идеологические чистки в своих организациях. Как и в случае с коммунистами, которые бесконечно болтали о своих «демократических народных республиках», уклоняясь от выборов, левые авторитарии фактически избегают голосования о своём контроле над ключевыми институтами.⁵⁴

Для этой левой авторитарной сети, которая контролирует государство извне, «привлекая его к ответственности», существуют разные названия. Мы можем назвать его «Бумажным поясом» (что подчеркивает их технологическую отсталость, как у «Ржавого пояса»), мы можем назвать его «Собором» (что подчеркивает их святость), мы можем назвать его режимом (что подчеркивает их нелегитимность) или мы можем просто называть их американским истеблишментом (что подчеркивает их непреходящую власть). Позже мы будем называть их NYT/USD, чтобы обозначить их источник истины и основу цифровой экономики, наряду с BTC/web3 и КПК/RMB.

Важно понимать, что сила левых авторитариев проистекает из того, что они заставляют чиновников централизованного американского Государства и (в последнее время) руководителей централизованной Сети Бигтеха сокрушать своих врагов.

Основной их метод состоит в «манипулировании процедурными результатами», часто путём того, чтобы официально объявить нечто правдивое дезинформацией (как в примере с историей о ноутбуке перед выборами 2020 года), или, наоборот, официального объявления истиной чего-то ложного (как в случае истории с Cambridge Analytica). Левые авторитарии – это главные сторонники теории истины как продукта политической власти, поскольку «истина» — это всё, что они считают полезным для приведения политической власти в действие.

Например, когда сотрудник медиакорпорации говорит о статье, имеющей «влияние», он имеет в виду влияние в том смысле, что вам в голову бьют правительственной дубинкой посредством нового правила или постановления. Прочтите описания призов, которые они вручают друг другу, и вы увидите, как они поздравляют себя за то, что сделали обязательным или запрещённым то, что раньше было добровольным. «Наш отчет привёл к действиям правительства!» Было ли это действие бомбардировкой Ливии или запретом пластиковых трубочек, не имеет значения; влияние есть влияние.

Принятие законов – не единственная форма влияния. Уволить кого-то — это тоже оно. Мы говорим о громких

статьях и культуре отмены, как будто это отклонения, но на самом деле это ядро левой авторитарной культуры.

Вспомните, что самым престижным поступком, который когда-либо совершил журналист истеблишмента, был Уотергейт: он добился увольнения президента, продав при этом миллионы экземпляров своей газеты.

Этот эпизод бесконечно романтизировали, но другой взгляд на него состоит в том, что корпоративный захват Америки, ради недопущения которого мы должны проявлять постоянную бдительность, на самом деле уже *произошел* 50 лет назад, только со стороны левых, когда несколько частных медиакорпораций начали сотрудничать ради увольнения Никсона и обеспечения утечки документов Пентагона, и это доказывает, что *внегосударственная* контролирующая группировка оказалась влиятельнее, чем какое-то там избранное правительство или вооруженные силы США.

Итак, был ли Уотергейт преступлением? Конечно, но неужели хуже, чем Резолюция по Тонкинскому заливу? Хуже, чем показания Насирии? Хуже ОМП? Хуже, чем ложь, которая была причиной многих войн Америки? И, соответственно, хуже, чем то, что сделал Джон Ф. Кеннеди ради своего избрания? В конце концов, как мы Никсон ни протестовал, он вполне мог быть мошенником, но, как убедительно сообщил Сеймур Херш, таким же был и Джон Ф. Кеннеди — однако разоблачение его предвыборных махинаций, ничуть не уступающих Уотергейту, каким-то образом ждало тридцать лет после того, как он поднялся на пост президента, а некоему Ричарду Милхаузу Никсону такой поблажки не досталось.

В любом случае проблема не только в асимметрии «подотчётности» — дело не в лицемерии, а в иерархии. Проблема американских левых авторитариев ещё и в том, что они создали ужасную культуру. Общество, которое ставит Уотергейт на пьедестал, фундаментально отличается от того, которое ставит на пьедестал НАСА (или SpaceX). Потому что, если аплодируют лишению человека работы, а не отправке человека на Луну, будет много отмены и мало созидания. Увольнение должно быть неизбежным злом, а не высшим благом.

Мы задерживаемся на Уотергейте, потому что это был момент, когда левая авторитарная американская Сеть, находившаяся вне Государства, однозначно взяла верх. Это была публичная демонстрация модели, совершенно отличной от модели левых авторитарных Советов. В СССР была пресса, контролируемая государством, ну а в Америке теперь было государство, контролируемое прессой.

После Уотергейта левые авторитарные деятели знали, что они теперь боссы босса, что они могут добиться увольнения президента, что они могут «привлечь кого-то к ответственности» — и наоборот, что никто на самом деле не может каким-либо образом привлечь к ответственности *их самих*. Например, каково было наказание за публикацию «дезинформации», которая привела, скажем, к войне в Ираке или к Голодомору? Отстранение от социальных сетей? Компенсация родственникам погибших? Или ничего? Гораздо проще свести всё к одному Никсону или даже к Сталину, если уж на то пошло, чем говорить о децентрализованной массе безымянных левых авторитариев.⁵⁵

Прежде чем продолжить наш Левиафан-анализ левых авторитариев, обозначим ещё два момента. Во-первых, совсем недавно, когда способность американского государства к сопротивлению снизилась, левые авторитарии перенесли огонь на новые центры влияния: в частности, на руководителей технологических компаний. На каком-то уровне они осознают, что (а) во многих контекстах Сеть > Государство и, кроме того, (б) связанный с развитием Сети рост влияния основателей технологических компаний по всему миру, а равно и левых популистов, может уменьшить контроль левых авторитариев над Государством, поэтому они решили (в) нанести упреждающий удар, получив контроль над теми технологическими компаниями, которые достигли масштабов, сопоставимых с государством.

Их образ действий был во многом таким же, как и для воздействия на Государство: разгонять медийную волну, чтобы преследовать руководителей технических компаний, заставляя их увольнять людей, которые не нравятся левым авторитариям, а затем подталкивать их к принятию политики, которая *нравится* левым авторитариям — например, “модерирование” любых сообщений, кроме тех, которые исходят от утверждённых истеблишментом источников. Левые авторитарии даже в отдельные моменты неосторожно в этом признавались; вот как, например, этот персонаж, говорящий о том, что «журналистика — это грубая сила»; или посмотрите вот это признание, что явной целью СМИ было использовать Государство как дубинку против Сети для развлечения и профита.

Во-вторых, важно понять, что за многими из этих левых авторитарных журналистов (а также активистов и некоммерческих организаций) стоит мультимиллионер со

старыми деньгами, получивший своё состояние по блату или по наследству. Вы не найдете в The Atlantic никого, кто бы критиковал Лорен Пауэлл Джобс, вы не найдете никого в NPR, кто бы преследовал Сороса, и вы не найдете никого в The New York Times Company, кто публично хотя бы *признает*, что их босс, Артур Грегг Сульцбергер – блатной богатый белый мужчина. Это наглядно демонстрирует их поведение: левый авторитарий хочет, чтобы вас уволили или чтобы ваш начальник уволил вас, но даже *не упоминает* собственного начальника. По сути, это просто собаки на поводке, подпевалы старых денег, убийцы на службе у истеблишмента.

Синяя Сеть: левые либертарианцы

Среди синих американцев существует раскол. Некоторых из них, левых либертарианцев, фактически удобнее всего описывать как людей Сети, а точнее, социальной сети. На самом деле они в первую очередь лояльны не Демократической партии и даже не стоящим за ней институтам, а своему онлайн-сообществу, которое всё больше расходится с линией партии. Это секс-работники, подвергшиеся деплатформингу, те, кто занимается рискованной общественной деятельностью, а не просто финансирует ее, анархисты, журналисты, настолько последовательные в своих убеждениях, что фактически наносят удары по своим коррумпированным владельцам, и те, кто выступает против империализма с позиций этики. На самом деле они *не так уж сильно* идентифицируют себя с истеблишментом США, даже если иногда им хочется, чтобы он реализовал именно ту стратегию перераспределения, о которой они мечтают. Их главным образом интересуют люди

из той же социальной сети. И эта Сеть становится их новым Левиафаном.

Например, профессиональные протестующие могут использовать офлайн-тактику из «Красивых проблем» или «Истоков власти», чтобы кропотливо организовать личное шествие возле правительственного учреждения... или они могут сделать то же самое онлайн, просто разместив хэштег и материализовав цифровую толпу, а затем напрямую опубликовать свои материалы, а не вести переговоры с журналистом, обслуживающим истеблишмент, о размещении разоблачений. Так что же сегодня дает им больше рычагов влияния: институты, окружающие доставшееся им в наследство Государство, или инструменты децентрализованной Сети?

Еще один фактор, отталкивающий левых либертарианцев от американского истеблишмента – это сильный крен левых авторитариев в сторону святости, а не привлекательности. Фредрик ДеБоер принялся обсуждать этот сдвиг, когда он только начался, когда общество всё ещё переходило от старой иудео-христианской религии к новой доктрине пробуждения:

Люди из Кремниевой долины, напротив, верят во что-то вроде осязаемых ценностей, связанных с прогрессом и культурой. Калифорнийская идеология плюс блокчейн или что-то в этом роде. В то, где есть контент...

В СМИ ничего этого нет. Медиа-ценности старой школы, такие как высказывание правды и разоблачение грязных секретов, уже давно отвергнуты самими СМИ, поскольку настоящие ценности требуют искренности, а медиакультура не терпит искренности. Вы не можете сидеть весь день в Твиттере, рассказывая дерьмовые шутки о том, что ничего не имеет значения, а затем повернуться и сказать: «Но также мы хранители истины и демократии».

Если Кремниевая долина уловила ценность СМИ для акционеров и медленно удушает индустрию, то для исправления курса потребуются люди из этой же среды, которые готовы встать и сказать: «Вот мои ценности. Они такие, какие они есть. Я воплощаю их без иронии и поэтому уязвим. Если вы тоже цените эти вещи, вам придётся бороться за спасение нашей отрасли». Такая позиция потребует готовности оставить пустой сарказм в стороне и снова начать писать для мира, а не только для того, чтобы показаться умным другим писателям. Могут ли СМИ пойти на такой шаг? Я не понимаю, как такое возможно; вся отрасль давно и полностью захвачена.

Каким бы умным ни был этот пост, все пошло не так, как ожидал ДеБое. Стремление к искренности – к заполнению этой дыры от отсутствия Бога – в конечном итоге раскололо синих надвое.

То есть, вопреки прогнозу ДеБоэра («Я не понимаю, как такое возможно»), некоторые из искренних синих *действительно* объявили себя поборниками «моральной ясности» и перешли теперь к полному и неироничному поклонению Государству, аплодируя многодневным молитвенным бдениям с Лиз Чейни за обиды, нанесенные их священному Капитолию. Как подробно писал Гленн Гринвальд, между демократами и Министерством обороны больше нет никакой разницы, а со стороны CNN нет никакой критики Центрального разведывательного управления.

Это не было слиянием в духе полного коммунизма, что, наверное, ДеБоер мог бы и предпочесть, но, тем не менее, это была brutальная декларация ценностей, провозглашенная в СМИ⁵⁶. Это кульминация тенденции к благочестивому пробуждению, которую Скотт Александр определил много лет назад в эссе «Гей-обряды — это гражданские обряды». Левые авторитарии за несколько лет сделали с пробуждением то, что, как отметил Ницше, на протяжении многих эпох было сделано с христианством: его превратили из революционной идеологии в идеологию правящего класса.

Но каждое действие имеет противодействие, каждая активность порождает рефлексивность в духе Сороса, и Скотт Александер тут снова оказался на шаг впереди. Перед тем, как сформулировать своё «Гей-обряды — это гражданские обряды», он также определил вторую важную динамику — тенденцию *отхода* от религиозного пробуждения – и описал её в эссе «Правые — это новые левые». И это возвращает нас к левым либертарианцам.

Тот тип синих, который слушает Серую Зону, Красную Панику или Джимми Дора, отмежёвывается от поклонения государству. Они *не хотят* выбирать нечто среднее, например, присягу на верность американскому флагу и государству национальной безопасности, которое он символизирует. Они действительно верят в то, что говорят, выступая против истеблишмента, и не начнут вдруг одобрять его лишь из-за того, что гарнитуры АНБ теперь носит “их” команда.

Синее Государство против синей Сети

Лево-либертарианская подгруппа синих начала заигрывать с децентрализованными СМИ и web3, потому что они понимают, что Сеть может быть более интересной, чем приходящее в упадок американское Государство. Может ли Substack быть более прибыльным, чем Sulzberger? Может ли сообщество Сатоши Накамото дать им больше, чем сообщество Берни Сандерса? Если им нужно переопределить всё это как «социализм», да будет так! И если поток денежных вливаний меняется, вслед за ним медленно меняется и их идеология. Да, возможно, они *начинали* как простые пешки левого авторитарного истеблишмента Америки, но то, что они ценят, всё больше исходит из децентрализованной глобальной Сети, а не из централизованного американского Государства. Поэтому они начинают расставаться. Так выглядит возникающее разделение «Сеть против Государства» внутри Синего племени.

2.5.1.2. Красное племя: светские националисты, капиталисты – интернационалисты

Каждому члену красного племени консерваторов в ближайшие годы также придется сделать выбор: верят ли они в основополагающие принципы, заложенные в Билле о правах и Конституции, или же они просто будут обеспечивать соблюдение любых указов, исходящих от всё более злонамеренного истеблишмента США — то есть в действительности проводить поддержку этатистов? Соответствует ли их определение «Америки» миру, где федеральное правительство США само является самым решительным противником свободы, сжигая инфляцией их сбережения, деконструируя консервативную американскую культуру и постоянно следя за ними? Или они верят, что американские города и штаты заслуживают цифрового самоопределения? Короче говоря, выберет ли американская нация децентрализованную Сеть или централизованное Государство?

В конечном итоге это будет сознательный выбор. Прямо сейчас это неосознанный раскол на три части. Трёхногий табурет рейганизма — религиозные консерваторы, светские националисты и капиталисты – интернационалисты — стоят на стороне таких Левиафанов, как Бог, Государство и Сеть соответственно.

Это их *основные* идентичности, поскольку они соответствуют тому, что они считают самой могущественной силой в мире:

всемогущему Богу, вооруженным силам США или (косвенно) глобальной сети торговли и коммуникаций, которую вскоре будут попросту отождествлять с криптовалютой.

Красный Бог: религиозные консерваторы

Во время холодной войны религиозные консерваторы верили во всемогущего Бога, в отличие от «безбожных коммунистов», против которых они боролись. Сегодня численность людей Бога среди красных резко сократилась, но их моральным компасом остается Спаситель. Поскольку религиозное возрождение имеет место, оно может быть сопровождать появлением стартап-сообществ, основанными на Единой Заповеди, о которых мы расскажем позже. Посмотрите [Рода Дреера о протестантах](#), [Адриана Вермюля и Сохраба Ахмари о католиках](#), а также статью «[Большой шатёр](#)» в Tablet об иудейском комьюнити, чтобы получить представление о взглядах в подобных сообществах.

Красное Государство: светские националисты

Люди Государства среди красных более заметны. Это светские националисты, ястребы национальной безопасности, люди, которым, возможно, не нравятся левые авторитарные режимы, но которые, тем не менее, будут рефлекторно поддерживать США в каждой иностранной интервенции. Они могут согласиться с тем, что США движутся в плохом направлении, но считают, что в Китае дела обстоят гораздо хуже. Таким образом, они по-прежнему создают дроны,

внедряют слежку и продвигают видеоролики, подобные вот этому, где США признаются в разжигании цветных революций, что в других материалах часто отрицается.

Я в некоторой степени симпатизирую этой группе — в конце концов, они хотя бы не жгут собственную страну! — но, к сожалению, их подход ко внешней политике помогает жечь *чужие* страны, и зачастую без уважительной причины.

Проблема в том, что в отсутствие убедительной альтернативы или неоспоримого краха вы просто не сможете убедить светского националиста в том, что и Америка, и Китай становятся цифровыми тоталитарными государствами, или что истеблишмент США, погрузивший полдюжины стран в убийственный хаос — это не совсем тот моральный образец, каким они его считают.

Причина в том, что красный государственный — *светский* националист: у них нет Бога, но они верят в Государство, в светлый образ Америки как сияющего Града на холме. Для них не имеет значения, что его нет в настоящем — это США из их молодости и из их фильмов. Это «*Лучший стрелок Америки*», и они будут продолжать платить за просмотр вдохновляющих ремейков, а не за удручающие кадры того, что на самом деле сделали американские военные в Ираке, Ливии, Афганистане и Сирии.

В такой лояльности есть как похвальный, так и разочаровывающий аспект. Эти люди похожи на советских солдат, послушно служивших в Афганистане. Вы можете

утверждать, что они борются за дело, которое в лучшем случае бессмысленно, а в худшем – вредно, и что они вернутся домой только для того, чтобы обнаружить, что полки магазинов пусты, а их общественный строй разрушен... но вы должны признать, что они рискуют своей жизнью, несмотря ни на что.

По сути, красный светский националист часто понимает, насколько плох американский истеблишмент дома, но не хочет слышать о ненужных разрушениях, причинённых американскими военными за границей. Таким образом их набор слепых пятен противоположен набору синих левых либертарианцев, ясно видящих крах стран, которым не повезло пережить «вмешательство» США в 21 веке, но воображающих, что то же самое правительство, которое оказывается хаотичным разрушителем за рубежом, дома может стать доброжелательным перераспределителем.

Другими словами, в то время как красный светский националист сохраняет неявную веру в американскую армию в стиле голливудских фильмов, где она может избить кого угодно, синий левый либертарианец упорствует в своей вере в то, что гражданское правительство Государства *может* исправить что угодно дома, если только достаточно людей этого пожелает. Если смотреть через призму Левиафана, то ясно, что это как раз те два способа, которыми Государство становится заменой Бога – в ужасной форме Отца и великодушной форме Матери соответственно.

А что там насчёт Китая?

Давайте отвлечемся и на секундочку коснёмся темы Китая, поскольку это главный аргумент красных светских националистов. Перефразируя, красный националист часто признает, что военное вмешательство США за границей, может, и прискорбно, но доминирование КПК было бы настолько хуже, что нам нужно не просто сохранение присутствия американских военных за рубежом, но и его расширение и усиление.

Короткий контраргумент заключается в том, что вместо этого, возможно, было бы лучше, если бы другие страны перевооружились и взяли на себя собственную оборону – вместо того, чтобы погружающиеся в хаос США пытались вести Вторую холодную войну от имени других в разгар внутренней холодной гражданской войны и того, что может стать Второй Великой депрессией.

То есть, хоть и иным путём, но мы приходим примерно к тому же выводу, что и правые изоляционисты или левые антиимпериалисты. Считаете ли вы, что Америка слишком хороша для мира, или что она пагубно влияет на другие страны, или ваши взгляды – какая-то сложная комбинация того и другого, мы можем хотеть (и наблюдать) вывод американских войск и региональное перевооружение, а не Вторую холодную войну.

Какова развёрнутая версия аргумента? Начнём с наблюдения, что КПК более репрессивна внутри страны, чем истеблишмент США, но чисто эмпирически она также менее разрушительна за рубежом.

Почему? Не из-за доброжелательности, а потому, что КПК оглядывается на американских военных за границей. Таким образом, Китай сосредоточен на строительстве Африки, в то время как Америка взрывает Ближний Восток. Да, вы можете заявить, что китайцы строят в Африке колонии... но это функциональные колонии, с новыми дорогами и портами для перевозки сырья, в отличие от проклятых адских пейзажей, оставленных военной интервенцией США в Ираке, Сирии, Ливии и т. д. При этом у нас не должно быть иллюзий: соседи Китая в Юго-Восточной Азии знают, что дракон будет действовать везде, где нет военного присутствия США. Сейчас это невозможно, потому что Китай окружен американскими военными. И наоборот, внутри страны у КПК нет организованной внутривластной оппозиции, поэтому она может быть абсолютно безжалостной.

Американский истеблишмент имеет противоположный набор ограничений: в отличие от Китая, он не сталкивается с организованной военной оппозицией за рубежом, поэтому он крайне неосторожен в своей внешней политике. Но в отличие от КПК, он *сталкивается* с организованной внутривластной оппозицией внутри страны, поэтому внутри страны он не может быть таким безжалостным, как ему *хотелось бы*.

Давайте сперва рассмотрим глубже внутреннюю ситуацию, а затем и военную.

Очень важно понять, что когда дело касается гражданских свобод, истеблишмент США *не более этичен*, чем КПК. Это всего лишь менее компетентен! В конце концов,

истеблишмент США также осуществляет несанкционированную слежку через АНБ, неконституционные обыски и аресты через администрацию транспортной безопасности, произвольный отъём имущества через гражданскую конфискацию и так далее. И это только то, что уже реализовано — амбиции американского истеблишмента столь же тоталитарны, как и амбиции китайского государства, как мы можем видеть из его частично неудачных попыток создания агентств дезинформации, разоружения граждан, цифровой цензуры и тому подобного. До сих пор этим усилиям мешала не «этика» американского истеблишмента, а некое сочетание политической оппозиции, конституционных ограничений и бюрократической некомпетентности.

Однако они продолжают попытки. Американский истеблишмент недостаточно организован, чтобы координировать все действия, но, к сожалению, недавно захваченные им Google, Amazon, Apple и Microsoft *способны* на нужный уровень координации, как мы видели во время деплатформинга Parler и цензуры “разоблачителей” в духе Тяньаньмэнь. Так что посмотрим, что будет дальше.

Теперь по военному вопросу.

Во время холодной войны наличие советского сдерживающего фактора означало, что США были более осторожными в своих интервенциях и в целом добивались гораздо лучших результатов. Южная Корея жила лучше, чем Северная Корея, Западная Германия была лучше, чем Восточная Германия, а Тайвань был лучше, чем маоистский

Китай. Даже учитывая всю ложь с обеих сторон вокруг Вьетнама, если бы США победили в Южном Вьетнаме, вполне возможно, что это тоже была бы Южная Корея; но из-за поражения бесчисленному количеству людей пришлось бежать, а коммунизм унес много жизней в Юго-Восточной Азии.

Однако после окончания Холодной войны американские вооруженные силы превратились в сверхсилу и постепенно эволюционировали в глобального разжигателя хаоса, а не в консервативного хранителя стабильности, как это было до 1991 года. Как переходный момент можно рассматривать войну в Ираке, или, скажем, Доктрину R2P Саманты Пауэр, которая превратила Сирию в руины. К 2022 году вряд ли можно отворачиваться от вопроса, порождает ли Америка своими военными интервенциями хаос — даже самому убежденному американскому националисту будет трудно назвать страну, которая стала *лучше* после *недавней* военной интервенции США, в то время как для периода с 1945 по 1991 это не так уж сложно сделать.⁵⁷

Хорошо, давайте соберем все это вместе.

Есть правда в идее о том, что американские военные сковывают Китай, и что Китай будет действовать более агрессивно в отсутствие американских военных... но это правда в той же мере, как и то, что советские военные когда-то сковывали США, а в отсутствие советских вооруженных сил американские военные стали действовать более агрессивно. То есть это правда, что советские вооруженные силы в конечном итоге не были силой добра в

1945–1991 годах, но также верно и то, что американские вооруженные силы в конечном итоге *не были* силой добра в течение 1991–2021 годов.

Всё сложно. Даже с учётом того, что советские войска в каком-то смысле удержали США от дебошей на Ближнем Востоке, трудно утверждать, что мы бы хотели по сей день иметь под боком Советский Союз, который бы ограничивал военное вмешательство США. Точно так же трудно утверждать, что ценой ограничения амбиций Китая в Восточной Азии в стиле *lawful evil* должна стать терпимость к интервенциям Америки на Ближнем Востоке в стиле *chaotic evil*, и что ради защиты от потенциальной армады китайских беспилотников непременно требуется принять бесконечную дестабилизацию со стороны американских военных.

В идеале есть третий путь, лучший выбор – и это, например, может быть просто *децентрализованная оборона*, когда такие страны, как Япония и Германия, перевооружаются, а не передают все на аутсорсинг США или подчиняются Китаю. Конечно, здесь есть свои проблемы — но если мы вернемся в 1800-е и 1700-е годы, согласно тезису «Будущее — это наше прошлое», ограниченные войны между великими державами, вынужденными платить дефицитным золотом, возможно, предпочтительнее гигантских глобальных конфликтов между сверхдержавами с неограниченными бюджетами.

Короче говоря: у светского американского националиста есть выбор, который не предполагает ни капитуляции перед Китаем, ни лицемерных утверждений, что американские

военные в настоящее время добиваются плодотворных результатов за границей. Этот третий путь заключается в поддержке регионального перевооружения, а не в ведении войн за всех остальных от их имени.

Красная Сеть: капиталисты-интернационалисты

Возвращаясь к нашей исходной теме, третья группа внутри красного племени — это капиталисты-интернационалисты. Мы идентифицируем их как людей Сети. В некотором роде это реткон, потому что интернет в том виде, в котором мы его знаем сейчас, едва ли играл решающую роль во время Холодной войны.⁵⁸ Однако эта подгруппа привлекает людей, выступающих за коммерцию и торговые сети, как внутри страны, так и за её пределами – капиталистов.

Сегодня такой капитализм является почти синонимом интернет-стартапов и технологий. В Сети родились компании с самой большой в мире капитализацией. И будущее сетевого капитализма — это криптокапитализм, потому что ончейн могут быть представлены не только транзакции, но и вся финансовая отчетность, и сами компании, и, в конечном итоге, вся экономика.

Рост Биткойна означает, что красные люди Сети имеют совершенно особое представление о своём Левиафане, чем-то отличным как от Бога, так и от Государства. Поскольку ни правительство США, ни правительство Китая не могут захватить BTC одним кликом мыши, это символ

международной свободы и процветания, более могущественный, чем любое Государство.

В целом я тоже симпатизирую этой группе, но у неё есть свои внутренние проблемы. Во-первых, Биткоин-максимализм сильно похож на доктрину Пробуждения своим фундаментализмом. Основное отличие состоит в том, что максимализм — это ревностный моноумизм (преданность одной монете), а не монотеизм (единый бог) или моноэтатизм (единое государство). Сеть не заставляет фанатичный аспект человечества исчезнуть; она просто перемещает его от Бога или Государства в Сеть.

Красное Государство против красной Сети

Итак, мы видим, что все Левиафаны – и Бог, и Государство и Сеть – имеют своих сторонников в консервативном движении.

Интересный момент заключается в том, что светские националисты, будучи консервативными по своему характеру, часто могут сохранять верность символу ещё долгое время после того, как его суть изменилась. Вспомним о многих «русских националистах», которые были верны Советскому Союзу, хотя он представлял собой полную противоположность тому, что существовало до 1917 года. А затем сравним эту рекламу армии США 2008 года с недавней рекламой 2021 года.

Таким образом, в случае любого конфликта между Сетью и Государством, например, возможной борьбы между инфляционным долларом и дефляционным Биткоином, правые этатисты могут встать на сторону национального флага, в то время как правые капиталисты встанут на сторону цифровой валюты. То есть, если и когда станет ясно, что продолжение американской империи зависит от способности к непрерывной инфляции, люди Государства могут встать на сторону традиционного государства, а люди Сети встанут на сторону децентрализованной сети.⁵⁹ Итак, мы имеем разделение «Сеть против Государства» внутри красного племени.

2.5.1.3. Перестройка

Если мы сложим все эти части, мы получим возможное будущее, в котором левые и правые либертарианцы обеих партий выступят против левых и правых авторитариев.

Мы уже можем видеть первые признаки этого процесса, глядя на противостояние Substack с журналистами истеблишмента, Такера Карлсона и Гленна Гринвальда с Fox News/NYT, BTC с долларом США, web3 с бигтехом, на миграцию этнических меньшинств к республиканцам и миграцию неоконсерваторов к демократам.

Люди говорили о зомби-рейганизме, но в этом сценарии наконец-то появится новая коалиция. И это будет совершенно иное распределение политического спектра, чем

в эпоху Рейгана. Вместо националистов и капиталистов (справа) против интернационалистов и социалистов (слева), интернационалисты и капиталисты (левые и правые либертарианцы) противостоят социалистам и националистам (левые и правые авторитарии)60.

Эта перестройка обозначит конфликт Сети и Государства. Авторитарии будут численно превосходить либертарианцев внутри страны, и на их стороне будут институты. Но у либертарианцев будет лучше с индивидуальными талантами, поскольку они привлекут к себе иконоборцев, а также поддержку со стороны остального мира.

2.5.2. Бигтех против СМИ

Давайте сменим тему и применим концепцию Левиафанов к другому конфликту. Почему глобальные технологии и истеблишмент США находятся в противоречии?

- *Экономика.* Можно предположить в качестве причины, что технологии разрушили всё, от Мэдисон-авеню до Голливуда. Глядя на 80-процентное падение доходов СМИ в США только с 2008 по 2012 год, трудно поверить, что это не было важным фактором.
- *География.* Можно отметить, что до 2020 года центром технологий была Кремниевая долина, которая находится в 3000 милях от коридора

Бостон-Вашингтон, где гнездится американский истеблишмент.

- *Демография.* Можно утверждать, что это из-за того, что технологические компании часто оказываются основаны иммигрантами, а истеблишмент США на 20–30 пунктов белее. И если использовать высокие стандарты доказывания от ведущих американских аналитиков, изучающих воздействие неравенства или критическую расовую теорию, сам по себе этот факт уже является *prima facie* доказательством того, что истеблишмент США институционально расистски настроен по отношению к своим разрушителям из бигтеха.
- *Психология.* Можно утверждать, что это связано с психологической разницей между людьми технического/финансового склада и социальной/политической элитой, между людьми, которые сосредоточены на том, что истинно, и теми, кого волнует то, что популярно. Это связано с различием между техническими и политическими истинами.
- *Метаболизм.* Можно заметить, что соперничество особенно выражено между американскими технокорпорациями и СМИ. Другим подразделениям американского истеблишмента, таким как научные круги, Голливуд и правительство, требовались многолетние циклы, чтобы что-то реализовать, в то время как только СМИ имели метаболизм, позволяющий работать 24/7, не хуже, чем тот, что лежит в основе бигтеха. Таким образом, они стали острием контратаки американского истеблишмента. Именно поэтому технокорпорации отдают предпочтение новостным рассылкам, подкастам, слайдам и другим типам быстро обновляемого

контента, на которых истеблишмент изначально не специализируется.

- *Бифуркация.* Можно заметить, что между профессором-социалистом и основателем техностартапа существует глубокое структурное сходство: оба чувствуют, что должны быть главными. Вот почему технокорпорации – это культурный форк американского истеблишмента, точно так же, как сами США были форком Британской империи. Корень один, а ветви разные. Амбициозный интеллектуал, который в прошлой жизни стал бы академическим теоретиком, юристом или журналистом, теперь оказывается основателем компании, инженером или инвестором.⁶¹ Потому что между СМИ и техносферой есть общая черта — обработка и представление информации. Информатика пошла еще дальше: она разрушила различие между словом и делом и превратила поколение интеллектуалов в руководителей софтверных компаний. Многие люди, которые раньше думали, что будут просто выступать за принятие закона и не беспокоиться о деталях, обнаружили, как трудно выпускать продукт, управлять людьми, получать прибыль и оставаться единственными на арене. Они стали людьми Сети. И тогда они вступили в конфликт с теми, кто остался людьми Государства.

Всё это факторы. Но последний, вероятно, отражает суть проблемы, потому что в основе своей столкновение бигтеха и СМИ — это столкновение Левиафанов.

В конце концов, сведущий в технологиях иммигрант перемещается между странами, сохраняя при этом свои технические навыки и сетевые связи. Для таких, как он, их Сеть является основным сообществом, а Государство — вторичным. И наоборот, члены американского истеблишмента получают свою власть от Государства. Оно полностью завязано на принятие закона или влияние на политика. А если Сеть вмешается в этот процесс, например, предоставив людям доступ к информации, подрывающей Государство? Не много ли эта Сеть о себе возомнила?

В таком случае противостояние бигтеха и СМИ лучше всего понимать как столкновение фундаментальных ценностей между людьми Сети и людьми Государства.

2.5.2.1. Конфликт: технологические прогрессисты против технологических консерваторов

О «людях Сети» можно думать как о технологических прогрессистах, а о «людях Государства» как о политических прогрессистах (снисходительно) или технологических консерваторах (возможно, более реалистично).

Обе группы, по-видимому, в целом согласны с необходимостью решения таких задач, как борьба с COVID-19, строительство жилья или снижение количества автомобильных аварий. Но люди Сети обычно начинают с написания кода и размышлений об индивидуальном

волеизъявлении, тогда как для людей Государства первой мыслью будет принятие законов и коллективное принуждение.

Другими словами, люди Сети начинают с размышлений о том, чтобы получить часть *сети*, которую можно было бы назвать своей. Доменное имя, которое они могут создать с нуля, начиная с простого веб-сайта, такого как reddit.com, и заканчивая огромным онлайн-направлением – но каждый ищет своё решение добровольно. Основная цель технологического прогрессиста, основателя техностартапов — строить, и чтобы никто не имел над ним власти.

Напротив, люди Государства начинают с мысли о захвате *части государства*. Победить на выборах, повлиять на законодательство через некоммерческую организацию, написать статью, которая будет иметь «влияние» в смысле влияния на политику, быть назначенным заместителем министра в таком-то министерстве, или что-то в этом духе... таков их образ мышления. Цель состоит в том, чтобы получить часть этой гигантской дубинки, которой является правительство, создать клуб, который будет принуждать людей (конечно, ради их же блага), возможно, получить небольшой бюджет по пути и, наконец, «изменить мир» путем изменения политики. Сделать обязательным или, наоборот, запрещённым то, что раньше было добровольным, перенаправить поток печатных денег, применить силу посредством закона. Таким образом, основная цель политического прогрессиста противоположна технологическому прогрессу: их цель, выраженная в словах или нет, сознательная или нет, состоит в том, чтобы проявлять власть над *другими*.

Это утрированная картинка. Конечно, есть хорошие люди в Государстве, как и плохие люди в Сети. Можно использовать минимальное принуждение во благо против действительно плохих субъектов; эта истина и есть разница между минархизмом и анархизмом.

Но очевидно, что эти мировоззрения сталкиваются. Одна группа не хочет, чтобы кто-либо имел над ними власть, в то время как другая стремится проявлять власть над другими.

В качестве возможного будущего сценария, один из способов решения этой проблемы заключается в том, что люди Государства воспользуются законом, чтобы уничтожить американскую техноиндустрию в 2020-х годах, тем самым получив больше власти внутри страны. Но техноиндустрия уже стала глобальной благодаря удалённой работе, и большинство сотрудников технокорпораций уже являются иммигрантами... так что люди Сети могут просто переключить свое внимание за границу — или даже вовсе не появляться в США. Таким образом, федеральные действия просто прогонят стартаперов-иммигрантов, и американское государство потеряет власть в глобальном масштабе. (Местные власти и власти штатов в США могут реагировать по-разному, и это интригующий поворот).

То же самое, кстати, происходит и в Китае, где многие из наиболее способных технопредпринимателей сейчас переезжают в новые страны — и больше не приезжают в США, где их всё равно не приветствуют.

2.5.2.2. Огромное Государство, а не Предприимчивое Государство

В качестве отступления рассмотрим частый аргумент, который приводят американские люди Государства, и заключающийся в том, что люди Сети обязаны своим существованием государству. В конце концов, разве не их бог, правительство США, финансировал Интернет? Разве нам не нужны государственные деньги для поддержки фундаментальных исследований? И не должны ли люди Сети покорно склонить головы и подчиниться, с радостью воздавая дань уважения священному Дяде Сэму?

На это есть несколько ответов. Во-первых, предшественниками людей Сети были промышленники доинтернетной эпохи, к которым в начале 1900-х годов Государство определённо относилось не очень хорошо. Во-вторых, хотя Великобритания в *некотором* смысле аналогичным образом дала начало США, американцы не преклоняют колени в сторону Британских островов пять раз в день.

Но самый глубокий ответ начинается с признания зерна истины: примерно с 1933 по 1970 годы *был* период, когда централизованное правительство США реализовало плотину Гувера, Манхэттенский проект и программу Аполлон. Транзисторы и ранний интернет также появились в эту эпоху. И были некоторые более поздние инновации, также катализируемые государством (хотя часто небюрократами, которым удавалось присосаться к курируемым бюрократией

фондам), такие как проект по расшифровке генома человека и беспилотный автомобиль.

Однако *ни до, ни после* этого периода централизованное Государство не было центром технических и научных инноваций. Для всего, что связано с цифровыми технологиями, сегодня это должно быть полностью очевидно: научных сотрудников растащили к себе технологические компании и венчурные капиталисты. Но это также верно и для периода *до* (благонамеренного) меморандума Ванневара Буша, который положил начало государственной централизации науки. В конце концов, большая часть физики — от Ньютона до Максвелла и Эйнштейна — была открыта ещё до того, как был создан Национальный научный фонд (NSF).

Однако давайте поговорим о самом периоде 1933–1970 годов. Этот период «пика этатизма» был вполне реальным, но в преувеличенной форме он стал основой для таких книг, как «Предприимчивое государство» Маццукато, с которыми я не согласен и которые Мингарди и Макклоски подробно опровергли в «Мифе о предприимчивом государстве».

Вот почему я не согласен с тезисом о предпринимательском государстве:

- Само название – уже оксюморон. Как не устают говорить нам макроэкономисты, правительства — это не домохозяйства, потому что в отличие от реальных предпринимателей государство может

конфисковывать средства и печатать деньги. Таким образом, в предпринимательском государстве нет финансового риска и, следовательно, ничего от «предпринимательства».

- Книга не учитывает тот факт, что большая часть математики, физики и т. д. была изобретена до основания NSF, и, следовательно, обошлась без его существования.
- Кроме того, она не признаёт, что наукой и технологиями можно было заниматься до появления большого централизованного государства с помощью распределенной модели «джентльмена-ученого», и что эта модель возвращается в форме движения open source, а теперь и децентрализованной науки.
- Она не принимает во внимание рост и ослабление возможностей централизованного государственного потенциала, связанные с развитием технологий.
- Она не объясняет вызванное государством замедление инноваций в физическом мире, которое произошло в период после 1970 года и которое задокументировали Тиль, Коуэн и Дж. Сторрс Холл.
- Книга не рассматривает, насколько работа венчурных инвесторов и бизнес-ангелов на самом деле сложна, поэтому не задается вопросом, принесли ли эти «инвестиции» государства реальную прибыль.
- И, что самое главное, тезис книги не противоречит тому, что произошло бы, если бы у нас было много независимых источников финансирования, а не одно централизованное государство.

Итак, это правда, что был период в середине 20 века, когда все другие игроки, кроме США и СССР, были раздавлены, а централизованные государства доминировали в инновациях.

Но это не из-за того, что они были лучше именно в *инновациях*, а из-за того, что благодаря централизованным технологиям того времени они были лучше в *доминировании*. Речь шла скорее об Огромном Государстве, чем о Предприимчивом Государстве. И именно поэтому технологические прогрессисты Сети не преклоняют рефлексивно колени перед политическими прогрессистами Государства.

2.5.3. Линейные экстраполяторы и их мышление

Тот, кто поклоняется всемогущему Богу, не станет с готовностью менять свои убеждения. Как и тот, кто поклоняется всемогущему Государству.

Время от времени вера религиозных милленаристов подвергается испытанию, когда конкретное предсказание, сделанное этой верой, не сбывается. То же самое произошло и со «светскими» верующими в коммунизм, когда пала Берлинская стена, а затем и Советский Союз. Эти события всегда завораживают неверующего – будь то «Райские врата», QAnon, «День Мюллера» или «увядание государства», интересно посмотреть, что происходит, когда пророчество не сбывается.⁶²

Действительно, именно поэтому люди написали такие книги, как «Поверженный Бог», когда они отвернулись от

коммунизма. Левиафан испустил дух. Был ли этот Левиафан собственно Богом или же Государством, это был сокрушительный крах веры. Согласно одноимённой книге «Всё было навечно, пока не кончилось».

Это наталкивает на полезный способ размышления о «синих» и «красных» этатистах, о левых авторитариях и светских националистах, о которых мы говорили ранее. Американское государство для них — это замена Бога, и они действительно не могут представить себе мир без него. Независимо от того, думают ли они об этом с точки зрения «Конституции» (консервативный подход) или «нашей демократии» (прогрессивный подход), гражданская религия США — это их религия, особенно когда вера в Бога стремительно угасает.

Таким образом, они не могут быть беспристрастно рациональными, прогнозируя, что их Бог, Государство, может потерпеть неудачу. Здесь могут помочь три идеи.

- Первая идея — Флатландия. Идея Флатландии заключается в том, что это двухмерная плоскость, и сущности во Флатландии не могут по-настоящему понимать трёхмерные вещи. Они воспринимают сферы как круги, которые начинаются с точек, расширяются до максимального радиуса, а затем снова сжимаются.
- Вторая идея заключается в предпосылке, что историческое время намного длиннее человеческого. Мы живем на крошечном участке большой исторической кривой, траектории, которая кажется

нам плоской на протяжении месяцев и лет, потому что историческое время (обычно) движется медленно.

- Третья идея – это те, что Тайлер Коуэн дипломатично называет «линейными экстраполяторами», типом представителей истеблишмента, которые полагают, что всё по сути остаётся неизменным. Это тот тип людей, которые сардонически замечают: «О, в наше время всё иначе, да?», не осознавая (а) что они цитируют это утверждение вне контекста и (б) что отрицание этого утверждения звучит как «ничто никогда не изменится», и оно очевидно ошибочно.

Объедините эти идеи, и вы начнете получать представление о модели мышления линейных экстраполяторов, синих и красных этатистов. Они думают, что всё всегда останется прежним, что всё будет двигаться с прежней скоростью.

Единственные циклы, с которыми они знакомы — короткие: цикл дыхания в течение нескольких секунд, цикл сна в течение одного дня и цикл времен года в течение одного года. Но они не знакомы ни с одним циклом, выходящим за рамки человеческой жизни, потому что обычно они не знают из истории ничего, кроме того, на что им указывает истеблишмент.

Потому что они не думают о циклах, они не думают о кривых. Они живут на своего рода Флатландии, но она плоская не в смысле двумерности, в смысле кривой с нулевой производной. Но, как заметил Рэй Далио, в историческом

плане ситуация не может долго оставаться неизменной. Таким образом, синих и красных этатистов может ожидать грубый шок. Если говорить в терминах Левиафанов, то они действительно думают, что их Бог, то есть Государство, в принципе не может умереть.

---

⁵⁰ Я в некоторой степени сочувствую некоторым людям Бога, поскольку мысли и молитвы испортить труднее, чем правила и постановления. Более того, когда происходят трагедии, американские люди Бога склонны проявлять большую благотворительность, чем люди Государства. Последние склонны чувствовать, что «дали в офисе».

⁵¹ Почему синих называют «фальшивыми» интернационалистами? Потому что их отношения с другими странами на самом деле не являются отношениями равных. Синие из неправительственных организаций хотят ручных зверьков, а не друзей. Представители Госдепартамента хотят, чтобы «союзники» стояли в очереди за подачками, а не отклонялись от сценария. Синие немного более дипломатичны, чем карикатурно-националистические красные, но лишь незначительно, а в последние годы они уже заметно отошли от многостороннего подхода эпохи Обамы, и теперь транслируют собственную одностороннюю повестку. См. работу Альвареса [здесь](#), [здесь](#) и [здесь](#), опубликованную в конце 2020 года и довольно широко разошедшуюся.

⁵² Еще есть условно религиозные синие, люди Бога, но они не относятся к элите.

53 В сабреддите [r/politiccompassmemes](https://www.reddit.com/r/politiccompassmemes) их сокращают до authleft и lbleft соответственно.

54 Они также не отличаются разнообразием, несмотря на то, как много они кричат по этой теме. Посмотрите на techjournalismislessdiversethantech.com или на исследование Хайдта, посвящённое убежденным прогрессистам, которое показывает, что крайне левые — почти поголовно белые.

55 Эта стратегия “косяка рыбы” – часть защиты. Отдельные личности могут быть выделены, но группа может быть по-настоящему побеждена только другой группой.

56 Не все синие представлены в СМИ, но в первом приближении все СМИ синие. Как выяснил CPI, 96% политических жертв журналистов пошли демократам.

57 Нет, Украина не в счёт. Американские военные не смогли сдержать ситуацию, втянули страну в новый конфликт, подобный сирийскому, и фактически использовали украинцев, чтобы обескровить русских в прокси-войне. Миллион украинских беженцев, их страна разнесена вдребезги, тысячи погибших, растущие цены на газ в Европе, радикализованное российское население и угроза Третьей мировой или даже ядерной войны – это просто хаос, а не компетентное сдерживание.

⁵⁸ См. также раздел о «Культуре» как третьей силе наряду с Церковью и Государством в книге Джейкоба Буркхардта «Сила и свобода» середины 1800-х годов. Это соответствует нашей концепции Сети до появления Интернета.

⁵⁹ Где красные люди Бога найдут новое пристанище? Что ж, это пока неясно, но некоторые будут держаться дьявола, которого они хотя бы знают, государства, в котором они выросли, в то время как другие могут сделать ставку на Биткойн, чтобы включить вариант Бенедикта и отказаться от греховного общества.

⁶⁰ На языке политического компаса эпоха Рейгана была противостоянием правых и левых, тогда как эпоха войны Сети и Государства была бы противостоянием верха и низа.

⁶¹ Иногда буквально, как в случае с господами Грэмом, Тилем и Морицем соответственно. Пол Грэм был учёным-компьютерщиком в Гарварде, Питер Тиль рассказывал о том, как он мог бы стать клерком в Верховном суде, а Майк Мориц был журналистом до того, как стал венчурным капиталистом.

⁶² Однако не все пророчества ложны. Дж. Ф. Кеннеди действительно отправил человека на Луну до 1969 года. Эйнштейн был прав, утверждая, что атомную бомбу можно построить. Илону Маску удалось заставить работать многоразовые ракеты. Лучшие технологические пророчества основаны на физической осуществимости, а не только на человеческой вере.

2.6. Если фейковые даже новости, то что говорить об истории?

Сетевое государство. 2. История как траектория.

Столкновение Левиафанов что-то нарушило. Доступ ко всей этой информации из Сети изменил наше восприятие настоящего, а вместе с ним и восприятие прошлого. Историческая неизбежность и (что еще более важно) *желательность* победы американского истеблишмента над всеми противниками сейчас находится под большим вопросом. Как за пределами, так и внутри США существует ощущение, что послевоенный порядок, в котором доминируют США, либо доживает свои последние дни, либо уже закончился, и что такие явления, как геронтократия и бесконечные ремейки – это отражение увядания культуры, которая буквально повисла, вцепившись ногтями, пытаясь предотвратить то, что произойдёт дальше.

Хотя люди как будто на автопилоте готовятся ко Второй Холодной войне, совершенно не очевидно, что США сумеют выйти из первого раунда, учитывая идущую внутреннюю Холодную Гражданскую войну. Снижение государственного потенциала, внутренней согласованности, бюджетных ресурсов, средств и политической воли весьма ощутимо. Это правда, что самые упёртые деятели истеблишмента по-прежнему действуют так, как будто империя будет

существовать всегда. Но вопрос о том, какой должна быть следующая роль Америки в мире, остаётся без ответа, потому что остаётся без ответа вопрос о том, что Америка представляет собой у себя дома.

В США группы как правых, так и левых теперь с разных позиций задаются вопросом: не злодеи ли мы? Левые задаются вопросом, являются ли США институционально расистскими, правые спрашивают, являются ли США несправедливо левыми, и все больше фракций с каждой стороны⁶³ хотят национального развода.

Как мы видим на визуализации графа, Америка больше не является единым «национальным государством»; оно, по крайней мере, двунациональное, с двумя враждующими группировками. Произошел коллапс доверия как к институтам, так и друг к другу. И вопросы, возникающие сейчас, являются принципиальными.

- Действительно ли истеблишмент США – сила добра в мире?
- Действительно ли истеблишмент США – сила добра внутри страны?
- Будут ли другие копировать сегодняшнюю Америку по собственной воле?
- Скажет ли американский истеблишмент вам правду?
- Был ли он *хоть когда-либо* силой добра дома или за рубежом?

Мои, возможно, своеобразные ответы на эти вопросы: нет, нет, нет, нет и да. Нет, я не думаю, что истеблишмент США в настоящее время является силой добра за границей или внутри страны, или что модель США могла бы быть добровольно клонирована сегодня кем-то, создающим новое государство, или что истеблишменту США можно доверять, что он говорит правду. Я, однако, думаю, что Америка Холодной войны в 1945-1991 годах в целом была лучше для своих граждан и союзников, чем её советские противники.

Но хотя я могу обосновать⁶⁴ эти ответы, мои ответы не так важны, как то, почему вообще возникают эти вопросы. Причина в том, что истеблишмент США потерял контроль над нарративом. Его настигло искажение настоящего и прошлого.

2.6.1. Искажение настоящего

«Если фейковые даже новости, то что говорить об истории?». Этот содержательный твит переворачивает Оруэлла, потому что тот, кто признан фальсифицирующим настоящее, больше не может исказить прошлое. То есть, как только достаточное количество людей увидит, что истеблишмент лгал о сегодняшних событиях, они, естественно, начинают думать, что истеблишмент мог лгать и о вчерашних новостях.

Чтобы оценить эффект, давайте начнем с подборки неудач СМИ недавнего настоящего, за последние 5-15 лет или около того. У вас, несомненно, будет свой собственный список.

- Вспомним «у-упс» по поводу войны в Ираке, после того как медиакорпорации, которые должны были «привлекать правительство к ответственности», вместо этого помогли оправдать вторжение в Ирак под ложными предлогами.
- Вспомним тысячи репортажей о «Рашагейте», которые полностью исчезли после доклада Мюллера.
- Вспомним, как газета «Нью-Йорк Таймс» сообщила, что шанс Хиллари Клинтон на победу составляет 91%, создавая сильное впечатление, к которому на выборах 2016 года не удалось даже приблизиться.
- Вспомним подробный, эмоциональный, многосерийный подкаст о Халифате, одобренный Сэмом Дольником, высокопоставленным членом семьи Охс-Сульцбергер, управляющей компанией The New York Times, который оказался полностью фейковым.
- Вспомним эпизод с Майлзом Тейлором, когда младшего функционера ложно выдавали за *старшего* чиновника администрации.
- Вспомним, как сотрудники Сульцбергера публиковали одну за другой редакционные статьи против свободы слова, потом притворились, что они её поддерживают, а после снова выступили против.
- Вспомним, когда они сказали, что сохраняющаяся свобода слова на YouTube — это плохо, если речь идёт о США, а на следующий день похвалили свободу слова, когда она помогла показать их контент в России.

- Вспомним, когда Кара Свишер сообщила, что невиновный старшеклассник Ник Сэндманн сделал что-то не так из-за того, что просто стоял на месте перед человеком, который подошел к нему и стучал в барабан.
- Вспомним, как всё та же Кара Свишер сообщала, что COVID-19 «сдерживается», пока он не убил в конечном итоге более миллиона американцев.
- Вспомним всю официальную дезинформацию о COVID, как сперва за предупреждение об эпидемии людей называли расистами, затем писали, что маски не работают, а потом внезапно они стали работать.
- Вспомним, как все резко меняли стороны при обсуждении вакцин и всего остального, связанного с COVID, как умело описал Майкл Солана.
- Вспомним, как американский истеблишмент публиковал отчёты, в которых легкомысленно предсказывалось, что инфляция будет временной.
- И, наконец, вспомним, как в СМИ почти не освещалась битва за Мосул в 2017 году, крупнейшая в мире военная операция со времени вторжения в Ирак в 2003 году, в войне, которой Обама должен был положить конец.

По последнему пункту вы, вероятно, вовсе ничего не помните, главным образом потому, что его освещение было минимальным, но посмотрите видео, чтобы получить представление о масштабе событий, а затем спросите, почему вы никогда не слышали об этом раньше.

В каждом из этих случаев мы имеем что-то, что, по прогнозам, будет нулевым, но в итоге достигает миллионных значений, или полную уверенность, которая затем

рассеивается в ноль, или горячую войну с участием вооруженных сил США и 482 взрыва автомобилей смертников, которые каким-то образом отразились в общественном сознании как ноль.

Если истеблишмент США в эпоху Интернета может стереть из памяти Мосул, вам нетрудно понять, как путинская Россия смогла сделать вид, что вторжение на Украину в 2022 году было всего лишь «специальной операцией». И вы начинаете догадываться, что недостаточно просто «отнестись к статьям с толикой скепсиса» и слегка ослабить даваемые в них оценки. Если в целом доверять истеблишменту, ваше восприятие реальности может измениться в миллион раз.

2.6.1.1. Закономерности искажения информации

Здесь есть несколько общих закономерностей, способов искажения цепочки донесения информации.

Искажение в канале. То, что благоприятствует истеблишменту США, увеличивается в 100 раз, а то, что ему не нравится, принижается в 100 раз или полностью замалчивается, так что чистое искажение составляет 10 000 раз или более. Мы можем рассматривать это как аналог *искажения в канале* при обработке сигналов. Медиакорпорации — это не просто цензоры, они *поставщики измерений*, причем корыстные. То есть они якобы измеряют мир, но на самом деле у них есть корыстные причины сообщать, что некоторые цифры низкие

(например, инфляция и преступность), а другие высокие (например, любые социальные проблемы, с которыми они хотят справиться). Существует множество таких искажений в каналах, в том числе (а) отсутствие критики владельцев СМИ, (б) A/B-тестирование для продвижения буквального разжигания ненависти с целью кликбейта, (в) самоцитирование для создания впечатления беспристрастности и т. д.

Выстраивание нарратива. То, как истеблишмент решает, какую из миллионов возможных историй поместить на первую полосу, должно напоминать нам теорию политической власти в истории. Это должно быть только то, что поддерживает их нарратив: их любимая государственная политика всегда будет успешной, их нелюбимые технологические конкуренты всегда терпят неудачу, их ошибки — это честные ошибки, ваши ошибки — это преступления, противники истеблишмента — это -исты и предатели, свобода слова это враг, и так далее. Если попытаться перейти к количественным оценкам, было бы относительно просто использовать word2vec или что-то более новое, чтобы буквально оценивать и ранжировать истории по степени выстраивания нарратива.

Власть над правдой. В ряде случаев, проведя собственные подсчёты, часто мы понимаем, что цифры в репортажах были искажены, скажем, не на 50%, а в 1000 раз или более. Почему же тогда эти «репортёры» до сих пор имеют работу? Потому что их работа заключается не в зарабатывании денег, а в укреплении власти. Они не пытаются правильно предсказать будущее ради хороших инвестиций, а вместо этого хотят соответствовать линии партии, чтобы держать людей в узде. Они подобны актёрам, в том смысле, что у них

есть роль: сказать (или написать) правильные вещи в нужное время, сфабриковать ваше согласие, дезинформировать вас обо всём, от оружия массового поражения до вероятности инфляции, а затем, после того, как люди проголосуют на основе официальной дезинформации, заявить о демократической легитимности по итогам голосования.

Сравнение с юстированным датчиком. Стоит сравнить репортажи всех этих медиакорпораций с показаниями юстированного датчика, в котором у датчика нет возможности «выиграть» за ваш счет, искажая предоставляемую вам информацию. Ваш бензобак не сообщает, что уровень топлива составляет 90%, а затем внезапно падает до 20%. Ваш банковский счет не демонстрирует внезапное увеличение, чтобы обмануть вас и заставить вас купить что-то в банке, а затем снова тихонько уменьшиться – в отличие от журналиста истеблишмента, пытающегося манипулировать общественным мнением перед выборами. Люди обычно не фальсифицируют показатели с информационной панели, которую вы используете на своей работе, чтобы сделать их более сенсационными. В каждом из этих случаев вы получаете данные либо от беспристрастной машины, либо от учреждения (например, вашей компании), где у вас есть экономическая заинтересованность и нет серьёзных проблем “принципал/агент”. Напротив, медиакорпорация может сообщить вам ложную информацию и при этом заработать деньги; у неё есть собственный кошелек, а у кошелька интересы, чего нельзя сказать о принадлежащих вам датчиках.

Сеть как спасение. Обратите внимание ещё на кое-что: единственная причина, по которой вы слышите об этих

инцидентах, и единственная причина, по которой эта ложь вообще опровергалась – это Сеть. И только потому, что инструменты Государства по контролю за контентом социальных сетей еще не доделаны, их деятельность по подавлению голосов диссидентов не до конца эффективна, а их недавняя попытка навязать контроль над словом и мыслью в свободном обществе не полностью реализована. Поэтому (а) были даже опубликованы первоначальные опровержения и (б) мы можем видеть, что некоторые из них объединены в один документ.

На этом последнем пункте стоит остановиться. Откуда мы знаем об этих искажениях настоящего? Опять же из-за столкновения Левиафанов, потому что Сеть распределяла информацию по Государству, предоставляя людям *реальную*, а не мнимую свободу слова.

2.6.1.2. Сеть обеспечила реальную свободу слова

Мы подробно рассказываем об этом в «Тезисе фрагментации», но если вкратце, то Сеть ускоряет великую децентрализацию западного общества, которая началась вскоре после пика централизации примерно в 1950 году.

Ближе к концу этого процесса, в нашу нынешнюю эпоху, истеблишмент США стал настолько жирным и самодовольным, что забыл, насколько агрессивно его предшественники вводили контроль над словами и

мыслями. По сути, истеблишмент не осознавал, что он унаследовал жёстко регулируемый, централизованный коммуникационный аппарат, в котором подавляющее большинство американцев не имели практической свободы слова, если только они не владели медиакорпорацией или не работали в ней.

Таким образом, в 1990-х и 2000-х годах американский истеблишмент мог, казалось, есть свой пирог бесконечно, наслаждаясь тем, что согласно публичной риторике общество было свободно, но в то же время на практике его возможности были несоизмеримо больше, чем у обычного человека («никогда не спорь с человеком, который покупает чернила бочками»).

Действительно, США были более свободными, чем СССР, но США отнюдь не были более свободными, чем интернет. Как мы обсудим позже, социальные сети — это американская *glasnost*, а криптовалюта — это американская *perestroika*. Итак, по мере того, как интернет расширился и американцы действительно получили право на свободу слова и свободные рынки, которые им номинально обещали, истеблишмент начал чувствовать угрозу.

Почему? Потому что, хотя высказывания влияют только на добровольное поведение (например, голосование), добровольное поведение, в свою очередь, влияет на поведение, связанное с принуждением (например, на принятие законов). Итак, если бы истеблишмент США потерял контроль над правом высказываться, он потерял бы контроль над всем.

2.6.1.3. Истеблишмент запустил контрдецентрализацию

Так в 2013 году началась великая Контрдецентрализация, проявившаяся в виде нападков на бигтех и Великого Пробуждения. Джек Братич называет это «войной восстановления» со стороны истеблишмента, чьи позиции были экономически подорваны Сетью, но он сохранил способность морально осуждать своих врагов.

Находившийся под угрозой истеблишмент США увеличил объём нападков на своих соперников в обоих смыслах этого термина; количество нападений и уровень злости резко возросли, как вы можете видеть на графиках. Их врагами были практически все — бигтех, Трамп, Китай, Россия, Израиль, Бразилия, Венгрия, сторонники Брекзита, Макрон — все, кто не был лояльной частью социальной сети американского истеблишмента.

И в 2013–2020 годах, несмотря ни на что, эта война на множество фронтов, казалось, работала. Американский истеблишмент в огромной степени растратил свою репутацию, но ему удалось вовлечь в секту пробудившихся Google, Amazon, Apple и крупные технологические компании, устроить деплатформинг Трампу и отстранить его от должности, а также терроризировать страну массовыми беспорядками. Истеблишмент полностью изменил курс⁶⁵ эпохи Обамы, молча украл китайский вопрос у Трампа и поляризовал отношения с Россией. Большая часть предшествующего десятилетия подверглась отмене,

деплатформингу, демонизации и взятию под жёсткий контроль.

Затем внезапно, после февраля 2021 года, произошло явное ослабление интенсивности поддержки истеблишмента. Коалиция, существовавшая до Трампа и, возможно, даже породившая Трампа, похоже, не пережила Трампа. На момент написания трудно сказать, является ли это временным или постоянным изменением, но социальная активность снизилась. Люди отключились. Американский истеблишмент сейчас разговаривает только со своими ярыми сторонниками. Все остальные социальные сети, которые были им атакованы – по сути, все в мире, кто не является истинным поклонником американского государства – теперь его просто игнорируют.

Вместо этого они переосмысливают свои отношения с американским истеблишментом и с самими США.

2.6.2. Искажение прошлого

Искажение настоящего Америки заставило людей переоценить прошлое Америки. Как только они осознают, что у них амнезия Гелл-Манна, они начинают задаваться вопросом, не подвержены ли и их представления об Америке амнезии Гелл-Манна.

Напомним, что такое амнезия Гелл-Манна. Вы читаете в газете что-то об области, в которой у вас есть независимые знания. Предположим, это информатика. Когда вы читаете статьи на эту тему, вы видите грубую ложь и перепутанные причины и следствия. Затем вы переворачиваете страницу и читаете, скажем, о Палестине с полным доверием к написанному по этой теме заслуживают доверия. Вы забываете, что только что видели ошибки в статьях в той области, где вы могли провести самостоятельную проверку. У вас амнезия.

Механистическая причина амнезии Гелл-Манна заключается в том, что доинтернетная информационная среда имела топологию «ось и спицы». Предположим, вы были экспертом в области компьютерных наук, другой человек был экспертом по Японии, третий знал о рынке облигаций и так далее. Вы — спицы, которые все присоединены к оси (скажем, The New York Times), но не друг к другу. Каждый периферийный узел обладает превосходной местной информацией и может найти ложь в репортажах NYT в своем собственном домене, но не имеет механизма для координации с другими периферийными узлами, не говоря уже о создании вышестоящего узла. Так было до появления интернета, блокчейна и криптоистории.

Долгосрочным последствием амнезии Гелл-Манна становится Америка Гелл-Манна. Теперь люди знают, что нас систематически вводят в заблуждение относительно настоящего. Но, по крайней мере, мы живём в настоящем, поэтому у нас есть местная информация, которая может помочь увидеть ложь в большом количестве новостей. Но мы не живём в прошлом, поэтому всё, что мы о нём знаем, это то, что в своём понимании истории мы можем основываться

на совершенно ложном знании. Вокруг нет людей из прошлого, которые могли бы рассказать об этом из первых рук... хотя мы можем читать их книги и иногда смотреть их фильмы.

Вот несколько быстрых ссылок на прошлое, которые могут вас удивить.

- В 1958 году президент Египта Насер посмеялся над идеей, что египетских женщин когда-нибудь заставят носить *хиджаб*. Сюрприз: на памяти живущих мусульманский мир был гораздо более светским.
- После Второй мировой войны в рамках операции «Скрепка» к работе над американской космической программой были привлечены немецкие учёные. Сюрприз: настоящими Скрытыми фигурами были нацисты, а не афроамериканцы.
- Германия отправила Владимира Ленина в Россию, в рамках стратегии по дестабилизации своего тогдашнего соперника в войне. В книгах Энтони Саттона задокументировано, как некоторые банкиры с Уолл-стрит откровенно финансировали русскую революцию (и как другие банкиры с Уолл-стрит финансировали нацистов годы спустя). Лев Троцкий до революции проводил время в Нью-Йорке, а пропагандистские репортажи американцев, таких как Джон Рид, помогли Ленину и Троцкому в их революции. Действительно, Рид был настолько полезен Советам – и настолько вводил людей в заблуждение относительно природы революции – что его похоронили в Кремлёвской стене. Сюрприз: русская революция была совершена не только

русскими, но в ней имело место значительное иностранное участие со стороны немцев и американцев.

- Семья Охс-Сульцбергер, которой принадлежит The New York Times Company, владела рабами, но не сообщила об этом факте, когда пиарила 1619 год.
- Корреспондент New York Times Уолтер Дюранти получил Пулитцеровскую премию за то, что помог Советскому Союзу устраивать голодомор в Украине, за 90 лет до того, как Times решила вместо этого «поддержать Украину».
- Герберт Мэтьюз, также корреспондент New York Times, помог Кастро прийти к власти на Кубе, что привело к кровавой Кубинской революции и последующему Карибскому кризису, который едва не довёл мир до ядерной войны.
- Другой американский «журналист», Эдгар Сноу, написал такие книги, как «Красная звезда над Китаем», в которых восхвалял председателя Мао до небес, когда тот проводил программы массовых убийств и коллективизации.
- Президент Франклин Делано Рузвельт, архитектор административного засилья в США, вербовал молодых людей, чтобы они переспали с моряками-геями, чтобы заманить их в ловушку.
- Американский архитектор Бреттон-Вудса, МВФ и Всемирного банка Гарри Декстер Уайт шпионил в пользу Советов. Согласно расшифровкам Веноны, рассекреченных после окончания Холодной войны, он был одним из десятков таких агентов.
- Генри Уоллес, вице-президент Соединенных Штатов во время правления Рузвельта в 1940 году, совершил поездку по советскому ГУЛАГу в Магадане и перевозносил его как прекрасную институцию, как раз перед тем, как в 1944 его с большим трудом сменил

Гарри Трумэн, который затем стал президентом в 1945 году.

- «Освободительная» Советская Красная Армия в 1940-х годах, продвигаясь по Восточной Европе, отметилась массовыми изнасилованиями – те же самые коммунисты, которых «Таймс» превозносила как дающих женщинам «лучшую сексуальную жизнь» в своей юбилейной серии о Русской революции в 2017 году.
- Корреспондент New York Times Отто Толишус в 1939 году удивительным образом перепутал восток с западом и сообщил, что Польша вторглась в Германию.
- Сеймур Херш подробно описывает в «Тёмной стороне Камелота», как люди Джона Ф. Кеннеди в Иллинойсе помогли сфальсифицировать выборы 1960 года, и этот произошедший за целое десятилетие до Уотергейта скандал остался незамеченным.

И это всего лишь 66 XX век, и то лишь с акцентом на Холодную войну!

Как только вы начнете видеть столько противоречивых фактов, многие из них относятся к тем же организациям, что и The New York Times Company, которые называют себя «летописью» и «первым наброском истории», которые буквально размещают рекламные щиты, называя себя «Правда», ...вы начинаете понимать, что существует проблема ненадежного рассказчика.

Что если Сульцбергер больше похож на Кейзера Сёзе? Что если его сотрудники — преисполненные собственных интересов профессиональные трепачи? Что если они всегда были такими? Что если вы не можете доверять ничему, что они говорят, и, соответственно, всему, что говорит американский истеблишмент, не проверив это самостоятельно?

Когда в конце 1990-х закончилась холодная война и в конце 1990-х годов появился интернет, вышло множество фильмов: «Матрица», «Помни», «Шоу Трумэна», «Бойцовский клуб», «Игра», «Люди в чёрном», «Вечное сияние чистого разума» – все о сконструированной реальности, в которой наши воспоминания нереальны. Это похоже на то, как если бы с появлением Сети в коллективном подсознании появилось смутное представление о том, что всех обманули, сбили с толку, усыпили, успокоили централизованные государства 20-го века, причём не только фашисты и коммунисты, но и демократические капиталисты тоже.

Точно так же, как некто, выросший в КНР и иммигрировавший в США в зрелом возрасте, обнаружит, что ему лгали — что Мао на самом деле не был «на 7 частей хорошим и на 3 части плохим», а гораздо хуже — те, кто выросли в США и в зрелом возрасте перекочевали в *интернет*, начинают понимать, что что-то не так.

Видите ли, американский истеблишмент на самом деле не понимал, что для него будет значить Интернет. Потому что в XX веке они сделали очевидные-но-угрожающие истины,

такие как существование советских шпионов в США, слишком грубыми, чтобы о них говорить. Затем произошёл прогресс: после того, как очевидное стало грубым, грубое стало невыразимым, невыразимое стало немыслимым, а о немыслимом перестали думать. А как только об этом забыли, об этом больше не думали даже как о потенциальной угрозе. Более того, те, кто первыми сознательно начали скрывать эту очевидную-но-угрожающую правду, уже успели умереть.

Итак, эти необдуманные идеи затем просто лежали и ждали в пыльном фолианте, пока кто-нибудь случайно наткнется на них, случайно откроет их заново и выложит в интернет. Везде – в Google Книгах, в Wikileaks, в рассекреченной части советских архивов и в устойчивом к цензуре сегменте сети – сейчас на виду находится слишком много тайн.

Теперь вопрос заключается в том, сможет ли недавно пробудившийся американский истеблишмент использовать свой контроль над такими узкими местами, как Google и его различные «проверки фактов», чтобы подавить доступ к этим неудобным истинам, или же web3-сервисы навсегда затруднят государству подавление сети. Вы, как читатель, можете внести свой вклад в этот вопрос.

2.6.3. Стадион Юрского периода

В качестве заметки не так уж далеко на полях: наше искаженное впечатление о прошлом — наша Америка Гелл-Манна — берёт начало не только в

фальсифицированных газетах и учебниках истории, но также в большей степени, чем мы думаем, исходит из фильмов. Если мы не изучили что-то достаточно глубоко, наши представления о предмете часто неявно сводятся к нескольким сценам из какого-нибудь голливудского фильма.

Давайте назовем это явление «Стадион Юрского периода». Если вспомнить сцену из «Парка Юрского периода», где они соединяют ДНК амфибий, чтобы заполнить пробелы в их генетической реконструкции, это похоже на то, что потребление медиа сделало с нашим мозгом.⁶⁷ Мы неосознанно соединяем сцены из фильма с реальной жизнью, получая такую же грубую аппроксимацию, как спортивные состязания грубо аппроксимируют реальные конфликты*. Пробелы в ваших знаниях восполнены телевидением и кино. Это ненадежные рассказчики. Например:

- Как вы представляете себе армию США? Часто это что-то из «Топ Гана» или «Трансформеров». Даже негативные изображения показывают её всемогущей.⁶⁸
- Каково это – вести бизнес? Злой владелец корпорации — это типичный кинообраз. Бесчисленные истории, от франшизы «Терминатор» до «Остаться в живых», изображают корпорацию с безграничными ресурсами⁶⁹ как главного злодея.
- Кто спасёт нас от вируса? Конечно же, компетентные государственные служащие из Центра по контролю и профилактике заболеваний, как показано в «Заражении».

Напротив, очень редко можно встретить, когда журналистов, активистов, профессоров, представителей регулирующих органов и т.п. изображают как *плохих парней*. Публика почти не сталкивается с телерассказами о том, как люди в этих ролях могут делать что-то не то. Именно поэтому поведение журналистов в реальной жизни стало такой неожиданностью для Пола Грэма:

Один из самых больших сюрпризов в моей взрослой жизни — насколько репортеры пренебрегают этикой. В кино они всегда хорошие парни.

«В кино они всегда хорошие парни». Действительно! Если задуматься, супергероев буквально изображают как журналистов (это основная работа Кларка Кента и Питера Паркера), а журналистов также изображают как супергероев (см. такие фильмы, как «В центре внимания» и «Секретное досье»). «Бесстрашный репортер» — такой же стандартный персонаж, как и «Корпорация зла».70 Однако о злом репортере мало что слышно. Впрочем, вы мало что услышите и о злом коммунисте.

Почему? Более 20 лет назад журнал *Reason* опубликовал и поныне актуальную историю под названием «Пропавшие фильмы Голливуда», о том, как киноиндустрия вымарала из 20 века драму Холодной войны. Так что киноиндустрия позитивно изображала не только журналистов истеблишмента США, но и ярых коммунистов. Впрочем, я повторяюсь71.

Есть и исключения. Время от времени мы видим *Карточный домик*, изображающий злые некоммерческие организации, демократов и журналистов. Время от времени появляется «Далласский клуб покупателей» или «Охотники за привидениями», в которых изображены злые регуляторы из FDA или EPA. А совсем недавно у нас появилась возможность посмотреть несколько фильмов, в которых злые коммунисты изображены даже не в виде взаимозаменяемых мультяшных злодеев, как в «Рокки IV», а в идеологическом смысле — «Жизни других», «Путь назад», «Шпионский мост» и «Смерть Сталина» изображают коммунистические государства – с их шпионажем, системой лагерей, тюрем и политических убийств – такими, какими они были на самом деле.

Тем не менее, это именно исключения. Мы могли бы дать точную количественную оценку явления с помощью ИИ-анализа видео, но если просто взять N самых популярных фильмов и телешоу за последние несколько десятилетий и просуммировать экранное время, я готов поспорить, что в мире наблюдается соотношение более чем тысяча к одному для сцен с участием злых капиталистов по сравнению со сценами с участием злых коммунистов.

Конечно, это вымышленные истории, но, как показывает цитата Грэма, они служат архетипами реального мира. Даже FDA знает, что такое трикордер, и считают его «хорошим» только потому, что в «Звездном пути» его изображали таковым. Но в большинстве случаев новаторов в области биомедицины изображают как зло, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Ложные истории формируют нашу реальность. Мы все живём на стадионе Юрского периода.

2.6.4. Дополнительное чтение

Возможно, теперь вы согласны с тем, что история была искажена. Но мы всего лишь прошли по поверхности. Хотя мы не можем изложить здесь кратко всю мировую историю, предлагаем вам некоторые ссылки, которые показывают, насколько прошлое отличается от того, что мы думаем. Мы условно разделили их на «технико-экономическую историю» и «историю XX века». Если вы нажмете на эти ссылки и хотя бы пролистаете книги, не говоря уже о том, чтобы купить и полностью прочитать их, вы начнете понимать степень исторических искажений в стандартных учебниках, газетах и фильмах. И вы будете готовы ответить на фундаментальные вопросы, которые были подняты в начале этой главы.

Для начала немного литературы по технико-экономической истории:

- patrickcollison.com/fast — насколько быстрым некогда было строительство.
- wtfhappenedin1971.com — сколько экономических показателей отклонились от своей траектории в 1971 году, примерно в то время, когда США отказались от золотого стандарта.
- Джей Сторрс Холл: Где моя летающая машина? — как мир находился на растущей кривой производства энергии до появления нормативного барьера 1970-х годов (см. также обзор от Roots of Progress).

- Мэтт Ридли: Как работают инновации — как основателям технологических компаний всегда приходилось бороться с истеблишментом, а не только в наши дни.
- Уильям Рис-Могг и Джеймс Дейл Дэвидсон: Суверенная личность — насколько централизованная власть 20-го века на самом деле исторически ошибочна.
- Рэй Далио: Принципы меняющегося экономического порядка — чем сегодняшняя Америка похожа на Голландскую и Британскую империи прошлого с точки зрения чрезмерного расширения денежного предложения.
- Питер Турчин: Война, мир и война — как количественные методы могут выявить повторяющиеся циклы.
- Уильям Штраус и Нил Хоу: Четвертый поворот — как циклическая теория истории предсказывает серьезный американский конфликт в 2020-х годах (написано в середине 1990-х).
- Брайан Маккалоу: Как появился Интернет: от Netscape до iPhone — напоминает нам, что эра информационных технологий длится совсем недолго, ей всего около 10 лет, и всерьёз она началась только с распространением iPhone.
- Кай-Фу Ли: Сверхспособности ИИ — как недавняя история развития китайских инфотехнологий в 2010-х годах показывает, что они не просто подражатели.

Затем немного чтения по истории 20 века:

- Кёртис Ярвин: Безоговорочные оговорки — обширный обзор западных исторических аномалий с акцентом на 20 и 19 веках.
- Александр И. Солженицын: Архипелаг ГУЛАГ — каким на самом деле был Советский Союз.
- Юрий Слёзкин: Дом правительства — как на самом деле работал Советский Союз.
- Джанет Малкольм: Журналист и убийца — как журналисты «приручают и предают» своих героев за клики, книга, которую преподают в школах журналистики как своего рода практическое руководство.
- Энтони Саттон: Уолл-стрит и большевистская революция, Уолл-стрит и восхождение Гитлера — как разные группы капиталистов финансировали соответственно коммунистическую и фашистскую революции.
- Эшли Риндсберг: Серая леди подмигнула — как The New York Times систематически искажала правду на протяжении 20 века.
- Николсон Бейкер: Человеческий дым — Вторая мировая война была гораздо более жестокой и запутанной, чем обычно изображают в учебниках.
- Шон МакМикин: Война Сталина — как Сталин вёл Вторую мировую войну и (среди прочего) стремился подтолкнуть Японию и США к конфликту, чтобы ему не пришлось воевать ни с одной из этих стран.
- Виктор Суворов: Главный виновник — как Сталин готовился напасть на Гитлера перед нападением Гитлера на Сталина; подтверждается некоторыми работами МакМикина.
- Джон Эрл Хейнс и Харви Клер: Венона; Диана Уэст: Американское предательство — как США действительно были пронизаны

коммунистическими шпионами до и после Второй мировой войны.

- Кеннет Акерман: Троцкий в Нью-Йорке; Шон МакМикин: Русская революция — как русская революция стала возможной благодаря заокеанским деньгам и немецкому Генштабу во время Первой Мировой войны.
- Иоан Грилло: Эль-Нарко — среди мексиканских криминальных повстанцев — насколько сильнее, чем принято считать, Мексика охвачена насилием, и как это связано с недавним американским влиянием.
- Вольфганг Шивельбуш: Три Новых курса — как Новый курс Рузвельта был напрямую вдохновлен фашистской Италией и нацистской Германией.
- Стивен Коткин: 5 вопросов Стивену Коткину — почему Советы в конечном итоге оказались правоверными коммунистами, а не циниками.
- Франк Дикёттер: Культурная революция — чем Культурная революция Мао напоминает Пробуждение в современной Америке, в особенности беспорядки BLM в 2020 году.
- Лю Цысинь: Задача трёх тел — первая глава этой книги, хоть и художественной, иллюстрирует безумие, развязанное при маоизме, и то, что китайский народ пережил до Дэна. См. также Секретный документ, изменивший Китай.
- Брайан Берроу: Дни ярости; Дэвид Тэлбот: Сезон ведьм — о том, что в Америке 1970-х годов было гораздо больше актов насилия и внутреннего терроризма, чем принято думать.
- Уильям Х. Уайт: Человек организации; Джеймс Бёрнем: Революция менеджеров — о том, что США в 1950-х годах были гораздо более

корпоративистскими и значительно менее капиталистическими, чем принято вспоминать.

- Стивен Вертхайм: Завтра, мир; рождение глобального превосходства США — как США достигли мирового господства не случайно, а намеренно стремились к этому.
- Эмити Шлейс: Забывтый человек — как «смелые и настойчивые эксперименты» Рузвельта помогли превратить рецессию в Великую депрессию.
- Адам Фергюссон: Когда деньги умирают; Мел Гордон: Сладострастная паника — денежный и культурный характер Веймарской республики и то, как она напоминает современную Америку.

Этот список касается Запада и, в частности, Америки 20 века, но те, кто вырос в Китае, вероятно, могли бы, используя глобальные источники, подготовить аналогичный список для разоблачения различных видов пропаганды КПК. Например, тот факт, что в Северной Корее темно, делает китайский фильм, превозносящий военную поддержку славного северокорейского режима, немного мрачнее.

---

⁶³ Синяя сторона написала Пришло время для Brexit (TNR 2017), Может быть, пришло время Америке разделиться (NYMag 2018) и Аргументы за сецессию Синих штатов (The Nation 2021). Красная сторона опубликовала Аргументы за американскую сецессию (Malice 2016) и Национальный развод стоит дорого, но он стоит каждого пенни (Reaboi 2021). Обзор обеих точек зрения можно прочитать в Американская сецессия? Не такая уж и надуманная тема (Bloomberg/WaPo,

2021) и Насколько серьезно нам следует относиться к разговорам о сецессии штатов США (Brookings, 2021).

⁶⁴ См. статьи Биткоин — это цивилизация и Великая протокольная политика для знакомства с тезисами по внутренней и внешней политике.

⁶⁵ Вспомним, что Обама в целом дружил с бигтехом, призывал к «перезагрузке» отношений с Россией, отвергал обеспокоенность по поводу России даже в 2012 году, высмеивал заикленность Трампа на Китае в 2015 году и даже снял в конце 2019 относительно прокитайский фильм *Американская фабрика*.

⁶⁶ Враждебность истеблишмента к технологиям – давняя и неизменная. Так, когда-то они обличали авиацию (самолеты не полетят даже через миллион лет!) и ракетную технику (Годдард не знает физики!).

⁶⁷ Конечно, я прекрасно осознаю иронию того, что даже эта отсылка уже означает опору на фильм!

* В оригинале неперевоаемая игра слов. *Ballpark* как существительное – бейсбольный стадион. *Ballpark* как прилагательное – приблизительный, грубый, аппроксимированный.

68 Идея о том, что американские военные выиграют любую битву, если они действительно «постараются» — это истинная вера нашего века, предмет, в который в равной степени верят как антиимпериалистические левые, так и неоконсерваторы, поборники американского величия. Если эта вера поменяется, изменится все. В этом смысле обе стороны верят в Левиафана по имени Государство, хотя первая считает его Сатаной, а вторая — Богом.

69 Несмотря на то, что любой, кто действительно управляет компанией, прекрасно понимает, насколько на самом деле ограничены ее ресурсы.

70 Хотя на экране редко показывается, сколько из этих репортёров в реальной жизни работает на злые корпорации.

71 Это не преувеличение. Эти факты были подробно задокументированы Безменовым и Веноной. Также можно прочесть о Джоне Риде (журналисте Ленина), Уолтере Дюранти (журналисте Сталина), Эдгаре Сноу (журналисте Мао), Герберте Мэтьюзе (журналисте Кастро), а также Фам Суан Ане и Дэвиде Хальберстае (журналистах Хо Ши Мина).

2.7. Фрагментация. Фронтир.

Четвёртая стадия. Будущее – это наше прошлое.

Сетевое государство. 2. История как траектория.

Новые страны начинаются с новых историй.

Как только мы выйдем из головы идею «исторической колеи», и вдруг окажется, что с ней в комплекте шло то, о чём мы даже не подозревали, например, история о неизбежной победе и институциональной доброте американского истеблишмента... как только мы осознаем, насколько похожа эта история на советский нарратив о неизбежной победе и институциональной доброте коммунизма... как только мы осознаем, что больше не можем рассчитывать на то, что истеблишмент США будет «лидером свободного мира» или даже на то, что он сможет успешно управляться внутренними делами США... что останется?

Нам понадобятся новые истории. Фильмы, в которых важное решение не оказывается на столе президента США, и где американские военные не рассчитывают спасти нас от инопланетян. Ленты новостей, которые по умолчанию не помещают американские события на первую полосу. Цепочки поставок и цифровые услуги, которые не зависят от всё более непредсказуемой и коррумпированной Америки. Другими

словами, истории, которые не помещают США в центр мира, но всё же дают миру надежду.

Этот акцент на фильмах сбивает с толку, не так ли? У вас может возникнуть соблазн сказать, что это не важно. Но это чертовски важно. Мы не рассказываем вымышленные истории о том, как казахстанские военные спасают мир, потому что это было бы *нереалистично*. И после 2021 года рассказывать истории о том, что истеблишмент США спасает мир, не менее нереалистично.

Например, такой фильм, как Заражение 2011 года, в котором изображен компетентный центр по контролю и профилактике заболеваний, сейчас слишком далёк от реальности, чтобы зрители приглушили своё недоверие. Вместо этого мы получаем такой фильм, как Не смотри вверх 2021 года, в котором изображена хаотичная Америка, которая всё ещё каким-то образом является центром событий, всё ещё страна, на которую полагается мир, но чей внутренний хаос приводит к неудаче. Следующий фильм этой воображаемой трилогии, вероятно, вовсе не будет посвящён Америке. Что же могло бы стать центром вместо неё?

К сожалению, сейчас по умолчанию следовало бы поставить в центр повествования Китай. В конце концов, китайцы выпускают фильмы-блокбастеры, такие как Воин-волк 2 и Битва на озере Чанджин, где они побеждают американцев, спасают мир и в конечном итоге становятся номером один. У них есть эта цивилизационная уверенность. И эти фильмы не так смехотворны, как были бы даже десять лет назад. Китай

— реальный претендент на корону, в отличие от Чада или Чили. Вот такой вот набор историй ждёт своего часа.

Один из ответов — отрицать это и удвоить ностальгию по Америке, снимая Top Gun: Maverick и вечно избирая людей, родившихся в 1940-х годах. Именно это в настоящее время делает американский истеблишмент, изо всех сил цепляясь за послевоенный порядок, отрицая, что происходят какие-либо изменения, и тем самым отказываясь изящно адаптироваться.

Другой ответ — придумать новые истории, которые не будут концентрировать внимание ни на Китае, ни на Америке, но в которых будут сосредоточены определённые универсальные ценности — и которые станут мостом между Америкой и тем, что будет дальше, как и сама Америка была мостом между Британской империей и миром после Второй мировой войны.

В этой главе мы приводим четыре конкретных примера. Но чтобы внести ясность: то, что история убирает Америку с центральной позиции, не означает, что она должна её *покарать*. То есть эти истории не должны осуждать США, точно так же, как послевоенный порядок 1945–1991 годов не посадил Великобританию на скамью подсудимых, или порядок 1991–2021 годов не так уж сильно ударил по Советам. Действительно, новая история вполне могла бы в хвалебной форме описывать прошлые аспекты жизни США. Основная общая черта заключается в том, что нам нужны новые истории, которые больше не предполагают, что истеблишмент США останется в центре мира, иначе люди

будут психологически не готовы к описываемому развитию событий.

Можно посмотреть на это иначе: правильные новые истории превращают константы в переменные. Точно так же, как Биткойн превратил константу доллара США в переменную, нам нужны новые истории, которые превратят константу американского истеблишмента в переменную. Убирая истеблишмент США с центральной позиции в наших мысленных моделях, мы обеспечиваем децентрализацию. Мы представляем себе мир, в котором США, возможно, не будет рядом с нами, потому что они не всегда были там в прошлом и, возможно, просуществуют не так далеко в будущем.

Вот четыре таких истории. Первая — это история о фрагментации послевоенного консенсуса. Вторая – это обобщение тезиса Фредрика Джексона Тёрнера о фронтире. Третья резюмирует концепцию «Четвёртой стадии» Штрауса и Хоу, а также работы Турчина и Далио, которые предсказывают грядущий серьёзный конфликт на Западе. Четвёртая рассказывает о том, что наше будущее — это наше прошлое, что середина 20 века похожа на зеркальное отражение текущего момента, и что сейчас мы наблюдаем причудливый феномен, когда мы повторяем прошлые события, но получаем противоположные результаты.

Все они превращают константы в переменные, поскольку описывают доамериканскую эпоху, когда США ещё не существовали, и тем самым готовят нас к

постамериканскому периоду, когда США в их нынешнем виде больше не будут существовать.

2.7.1. Тезис о фрагментации

Суверенная личность, написанная в 1999 году — это невероятная книга, в которой на десятилетия вперед предсказаны многие аспекты нашего цифрового будущего, и биткоин — один из них. Мы не будем повторять здесь всё целиком, но вкратце тезис заключается в том, что после многих поколений, когда технологии работали преимущественно на централизацию (железные дороги, телеграф, радио, телевидение, кино, массовое производство), примерно с 1950 года они стали отдавать предпочтение децентрализации (транзисторы, персональный компьютер, интернет, удалённая работа, смартфон, криптовалюта).

Таким образом, по этому показателю пик централизации пришелся примерно на 1950 год, когда существовала одна телефонная компания (AT&T), две сверхдержавы (США/СССР) и три телекомпании (ABC/CBS/NBC). Несмотря на то, что 1950-е годы в США романтизированы, и в эту эпоху, безусловно, были хорошие вещи, такой уровень централизации не был естественным. Мир был в огромной степени культурно гомогенным, конформистским и одинаковым по сравнению с миром до 1914 года, всего несколькими десятилетиями ранее. Многие аспекты индивидуальной инициативы, творчества и свободы были притуплены или устранены в процессе стандартизации.

Портрет середины 20 века хорошо показан в книге Уильяма Х. Уайта «Человек организации» и «Революции менеджеров» Джеймса Бёрнема. В то время США были скорее корпоративистскими, чем предпринимательскими. Да, это был капитализм, но жёстко управляемый и регулируемый капитализм. Доминирующим сценарием было устроиться в большую компанию и делать там карьеру, а не основывать свою, за исключением редкого и только начинающегося феномена стартапов на Западном побережье, который был в миллион раз менее развит, чем сейчас.

По сравнению с тем, что есть сегодня, всё было существенно смещено в сторону экономически левых и социально правых позиций. Да, США не были коммунистическими, но там действительно существовали девяностопроцентные предельные налоговые ставки, чтобы помешать новым людям разбогатеть и потенциально поставить под угрозу систему, построенную Рузвельтом. Точно так же СССР был гораздо более социально консервативным, чем принято думать, и принимал такие меры, как налог на бездетность, чтобы снизить статус тех, кто не производит потомство.

Обычно те, кто жалуются на информационные пузыри, на самом деле жалуются, что их больше одного. В нашем случае их раздражает, что вся информация поступает не только из источников истеблишмента. Чаемая ими ситуация действительно имела место в США середины века, когда десятки миллионов американцев одновременно собрались в своих гостиных, чтобы посмотреть «Я люблю Люси».

Потом это всё децентрализовалось и фрагментировалось. Эта история рассказана в таких эссе, как «Рефрагментация» Пола Грэма, и в книге «Суверенная личность». Назовём это тезисом о фрагментации.

2.7.2. Тезис о фронтире

В конце 1800-х годов Фредрик Джексон Тернер выступил с получившей резонанс речью о концепции фронтира как решающей движущей силы в американской истории. В то время было представление, что свободная земля на границе имеет для США решающее значение по нескольким причинам – как путь достижения счастья для амбициозных людей, как национальное стремление в форме «Явного Предзнаменования», и как пустая земля для социальных экспериментов.

Сегодня, конечно, концепция фронтира и Явного Предзнаменования не только не вызывает восхищения, но с 60-х годов в рамках тех же процессов деконструкции, которые наполовину отвечают за движение Пробуждения, начинает восприниматься как патология. Вы знаете эту историю: жители американского фронтира, как и до них Колумб, были расистами, колонизаторами и империалистами.⁷²

Но прежде чем продолжить, выскажем по этому поводу два замечания.

Во-первых, до прихода испанцев, британцев и им подобных в Америке сражались N племен. Европейцы просто представляли собой племена N+1, N+2 и так далее. Если бы одно из индейских племен развило технологическое преимущество над каким-либо из европейских племен, если бы они изобрели океанское плавание, они, вероятно, вторглись бы в Европу. Мы можем сделать такой вывод, потому что (а) когда монголы обладали подобным технологическим преимуществом, они действительно вторглись в Европу и (б) многие североамериканские племена, по свидетельствам того времени, были людьми, привыкшими к войне. Итак, хоть это и старомодно, но, вероятно, полезнее думать о коренных американцах не как о беспомощных жертвах — а скорее как о 300 спартанцах, храбрых воинах, которые доблестно сражались, но проиграли превосходящим силам.

Во-вторых, если прочитать, скажем, книгу Дэвида Райха «Кто мы и как мы сюда попали», становится ясно, что история — это кладбище. Вопреки вступительным словам недавней конференции Microsoft Ignite, на планете, вероятно, нет ни одной этнической группы, которая просто мирно занимала свой участок земли «с незапамятных времен». Родина любого племени когда-то была для их далёких предков фронтиром.

Взяв эти два соображения в качестве предисловия, давайте обобщим тезис о фронтире. Можно утверждать, что фронтир фактически появился в 1492 году, ещё до открытия Америк. Путешествие Колумба в Новый Свет (это не слишком часто проговаривается) было частично вызвано османской блокадой Восточного Средиземноморья; это была попытка найти альтернативный путь в Индию вокруг османов, и в

конечном счёте это стало применением новых технологий, чтобы обойти политические препятствия и раздвинуть границы.

С 1492 по 1890 год у европейцев было то, что они считали фронтиром. Всё началось с трансатлантических плаваний и открытия Нового Света, затем перешло в стадию европейского колониализма, а затем к независимости США и экспансии на запад в рамках идеи Явного Предзнаменования. Ближе к концу этого периода такие авторы, как Чарльз Нордхофф в «Коммунистических сообществах Соединенных Штатов», отмечали, насколько важен фронтир, как плохо было бы, если бы этот путь для амбициозных людей был закрыт, и насколько омерзительными стали профсоюзные деятели.

До сих пор в Соединённых Штатах наши дешёвые и плодородные земли служили важным предохранительным клапаном для предприятий и выражения недовольства нашего некапиталистического населения. Каждый наёмный рабочий знает, что если он решит самостоятельно реализовывать своё трудолюбие и понимание экономики, он может без непреодолимых трудностей утвердить свою независимость на общественных землях; и действительно, значительная часть наших самых энергичных и умных механиков постоянно ищет эти земли...

Я не сомневаюсь, что стремление некоторых из наших мудрейших общественных деятелей к приобретению новых территорий возникло из их убеждения, что эта

открытость независимости для трудящихся необходима для безопасности нашего будущего как свободного и мирного государства...

Любое обстоятельство, такое как истощение этих земель, которое могло бы существенно ухудшить эту возможность независимости, было бы, я полагаю, серьёзным бедствием для нашей страны; и дух профессиональных союзов и международных обществ кажется мне особенно вредным и ненавистным, потому что они стремятся устранить из мыслей своих приверженцев надежду на независимость или её ожидание. Члена профсоюза учат рассматривать себя как пожизненного наемника и действовать по отношению к обществу именно так; и эти общества объединены не как люди, ищущие способ сменить зависимость на независимость, а как наёмники, полные решимости оставаться таковыми и требующие только лучших условий от своих хозяев. Если бы можно было внушить этот дух всему или большей части некапиталистического класса в Соединённых Штатах, это, я считаю, было бы одним из самых серьёзных бедствий, которые могли бы постичь нас как нацию; ибо это унизило бы массу наших избирателей и сделало бы свободное правление здесь очень трудным, а сверх того оно могло бы полностью изменить форму нашего правительства и подвергнуть нас длительным беспорядкам и нападениям на собственность.

Нордхофф был прав. Агрессия профсоюзов в конечном итоге привела к коммунистическим революциям, которые унесли

жизни десятков миллионов людей по всему миру, привели к «длительным беспорядкам и нападениям на собственность» и в целом стали проклятием мира.

Отчасти это можно отнести на счет паузы, исчезновения фронта в 1890 году. Это закрыло путь для амбициозных людей путей и гарантировало, что они не смогут легко стать основателями собственного предприятия на своём собственном участке земли – им пришлось стать профсоюзными организаторами, или революционерами, или того или иного сорта демагогами. Без фронта всё стало игрой с нулевой суммой. Таким образом мы и вступили в стальную клетку 20 века, зажатые между фашизмом, коммунизмом и демократическим капитализмом. В этот период произошло несколько важных технологических разработок, связанных с фронтиром, в области космических челноков (и круизных кораблей!), но собственно фронт пока не открылся.

Человечеству удалось пережить кровавый 20 век. После 1991 года с легализацией торговли в интернете фронт вновь открылся. К концу 2010-х годов сочетание централизации и принуждения к повестке Пробуждения (на Западе) и к повестке Си (в Китае) угрожало закрыть и этот фронт, но Биткоин, Web3 и открытая метавселенная дали цифровому фронтиру новую жизнь.

Сегодня, учитывая текущее положение дел, есть четыре возможности для появления фронта: земля, интернет, море и космос. Сейчас на суше находится 7,7 миллиарда

человек, в интернете — 3,2 миллиарда, в открытом море — около 2–3 миллионов, а в космосе — менее 10 человек.

Таким образом, в практическом отношении «интернет-фронтир» проще, чем три других. Если нам повезёт, мы сможем использовать концепции сетевого государства, чтобы вновь открыть физический фронтир с помощью гибридной стратегии в интернете и на земле, что и описывается в этой книге.

Подводя итог, можно сказать, что (а) период европейского величия соответствовал открытому фронтиру с 1492 по 1890 год, (б) период тотальной войны соответствовал закрытому фронтиру с 1890 по 1991 год, что положило начало миру с неизбежной нулевой суммой, (в) мирное открытие цифрового фронта может снова привести нас к величию, (г) американский и китайский истеблишмент пытаются закрыть этот фронтир и заманить нас обратно в ту же самую стальную клетку 20 века, (д) но при наличии достаточно хороших технологий мы могли бы обойти эти политические препятствия и (е) вновь открыть не только цифровой, но и физический фронтир: на отдаленных участках суши, на море и, в конечном итоге, в космосе. Это то, что мы называем обобщенным тезисом о фронтире.

2.7.3. Тезис о четвёртой стадии

Книги «Четвёртая стадия» и «Эпоха раздора» – обе предсказывают в ближайшие годы очень серьёзные

беспорядки в США. Рэй Далио говорит о том же в своей книге «Принципы действий в условиях меняющегося мирового порядка», хотя большую часть своих комментариев он ограничивает денежно-кредитным апокалипсисом. Их модели чем-то родственны.

Книга «Четвертая стадия» вышла в 1997 году и основана на квазициклической теории англо-американской истории, согласно которой конфликты вспыхивают примерно каждые 75 лет. Если вы верите в эти закономерности и ищите возможную причину их возникновения, то 75 лет — это примерно одна длинная человеческая жизнь. Так что, возможно, те, кто не помнит истории, действительно обречены на ее повторение.

Предсказания Турчина были опубликованы примерно в 2008 году в статье в журнале Nature, а более подробно он изложил их в книге «Война и мир и война». Там есть впечатляющие графики с отметками времени и конкретными прогнозами того, как будет разрастаться конфликт, с использованием различных метрик социальной нестабильности, таких как перепроизводство элиты и доля заработной платы масс.

Тезис Далио заключается в том, что нам предстоит пережить события, которые никогда раньше не происходили в нашей жизни, но случались много раз в истории. Он забирается в прошлое дальше, чем «Четвёртая стадия», к Британской и Голландской империям, и приводит некоторый квазиколичественный анализ, подтверждающий его точку зрения.

Все три этих работы предсказывают значительный физический и/или финансовый конфликт в Америке в 2020-х годах и (в случае Далио) последующее изменение мирового порядка. Назовём это «Тезисом о четвёртой стадии».

2.7.4. Тезис “будущее это наше прошлое”

Посмотрите это видео об обращении смешивания жидкости. Разве это не странно? Мы можем увидеть, как тот же процесс идет вспять во времени, но неожиданным образом. Это не та траектория, которую мы ожидаем увидеть, но при определенных условиях это происходит.

И это одна из моделей того, что происходит в мире по мере редуцентрализации после столетия централизации. Другими словами, важным следствием тезиса о фрагментации является то, что наше будущее может оказаться больше похожим на наше прошлое. Если пик централизации пришелся примерно на 1950 год, когда существовала одна телефонная компания (AT&T), две сверхдержавы (США, СССР) и три телекомпании (ABC, CBS, NBC), то по мере продвижения в любом направлении от этой точки мы становимся всё более децентрализованными.

В сущности, изобретение транзистора в 1947 году похоже на тот самый момент зеркального отражения. И по мере того,

как мы двигаемся хоть вперёд, хоть назад во времени, мы начинаем видеть повторяющиеся события, но как забавные зеркальные версии самих себя, часто с противоположным результатом. *Наше будущее – это наше прошлое.* Давайте рассмотрим несколько примеров:

- Сегодня заново открывается интернет-фронтир; тогда закрывается фронтир Дикого Запада.
- Сегодня мы сталкиваемся с Ковид-19; тогда мы пережили испанку.
- Сегодня у нас есть технологические миллиардеры; тогда у нас были промышленные магнаты.
- Сегодня такие создатели компаний, как Илон Маск и Джек Дорси, похоже, побеждают журналистов истеблишмента; тогда такие люди, как Ида Тарбелл, с помощью демагогической риторики победили Рокфеллера.
- Сегодня у нас есть криптовалюты; тогда мы были свидетелями эпохи частного банкинга.
- Сегодня у нас есть популистское движение сторонников цифрового золота; тогда у нас было популистское движение *против* золота в форме речи Золотого Креста.
- Сегодня мы имеем инфляцию и культурный конфликт в Веймарской Америке; тогда у нас была инфляция и культурный конфликт в Веймарской Германии.
- Сегодня в Веймарской Америке на улицах дерутся правые и левые; тогда, в Веймарской Германии, точно так же на улицах дрались левые и правые.
- Сегодня капиталисты успешно объединились с генералами против действующего президента; Тогда генералы встали на сторону действующего президента против капиталистов.

- Сегодня мы имеем то, что Турчин считает поляризацией, похожей на предвоенную; тогда у нас было то, что мы теперь называем предвоенной поляризацией.
- Сегодня у нас есть Airbnb; тогда у нас были ночлежки.
- Сегодня у нас есть Uber; тогда у нас были маршрутки.
- Сегодня The New York Times встаёт на сторону Украины в борьбе с националистической Россией; тогда The New York Times встала на сторону коммунистической России, помогая ей заморить Украину голодом.
- Сегодня мы наблюдаем переход от «нейтральной» к жёлтой журналистике; тогда мы наблюдали переход от жёлтой к «нейтральной» журналистике.
- Сегодня такие деятели, как Майк Мориц, считают Китай энергичным, а Америку – уставшей, но тогда такие люди, как Бертран Рассел, считали Америку энергичной, а Китай – уставшим.

Мы можем привести и другие примеры, связанные с надвигающейся Второй холодной войной.

- Сегодня мы видим, как китайцы и русские снова выстраивают союз против Запада, но на этот раз китайцы оказались старшим партнёром в отношениях.
- Сегодня мы вновь можем увидеть возникновение третьей группы за пределами основного противостояния холодной войны, но на этот раз это может быть не «Третий мир» и движение неприсоединения, а «Web3» и экономически присоединившиеся к нему.

- И сегодня, в зависимости от того, как будет развиваться экономика, эта третья фракция может занять первое место, Второй мир может занять второе место, а бывший Первый мир может оказаться последним.

А если вернуться назад во времени:

- Сегодня мы видим США, которые постепенно федерализуются на отдельные штаты, и индийское государство, которое объединило многие субконтинентальные этнические группы. Ещё в конце 1940-х годов мы видели Индию, которая постепенно централизовалась из отдельных княжеств, и Соединенные Штаты, которые объединили многие европейские этнические группы.
- Сегодня мы видим пока безуспешные призывы к конфискации богатства в США; тогда мы видели Указ 6102, приведший к успешному изъятию золота.
- Сегодня мы наблюдаем, как карты вновь становятся непонятными; раньше, до 1492 года, на картах ещё была *terra incognita*.

Внимательный наблюдатель заметит, что не все эти события происходят в одном и том же обратном порядке. Это не A/B/C/D, а затем D/C/B/A, как мелодия. Более того, первый набор событий более разнесен во времени, в то время как второй сильно спрессован, причём события эпохи Интернета разделены годами, а не десятилетиями. Наконец, повторение каждого события зачастую не совсем полное, а зачастую в «версии 3.0». Например, Биткоин — это не просто *то же*

самое, что и золото, а версия 3.0, которая сочетает в себе некоторые аспекты золота и некоторые аспекты оцифрованных бумажных валют.

Тем не менее, кажется, за этим что-то есть. Какая здесь объединяющая теория?

Одна из моделей, как только что обсуждалось в Тезисе о фрагментации, заключается в том, что технологии благоприятствовали централизации на Западе и особенно в США примерно в 1754–1947 годах (лозунг «Присоединяйся или умри» в войне с французами и индейцами, единое национальное правительство после гражданской войны, железные дороги, телеграф, радио, телевидение, кино и в целом средства массовой информации, массовое производство). А сейчас технологии примерно с 1950 года и по сей день работают скорее на децентрализацию (транзистор, персональный компьютер, интернет, удалённая работа, смартфон, криптовалюта). Итак, на Западе хватка централизованного государства начала ослабевать. Восток — другое дело; после столетия коммунизма, социализма, гражданской войны и раздела терриорий Китай и Индия стали более внутренне едиными, чем когда-либо за долгое время.

Однако прежде чем мы сразу же перейдем к мысли о том, что миру приходит конец, мы должны отметить, что во время *подъёма* централизованной власти на Западе люди (по понятным причинам) жаловались на централизованную власть и однородность, точно так же, как сегодня, во время *падения* централизованной власти на Западе, они жалуются

на фрагментацию и отсутствие единого мнения. Это не значит, что мы прошли полный круг. Согласно спиральной теории истории, мы могли прогрессировать *или* регрессировать. Но в основе этого может лежать цикл: «империя, давно разделенная – должна объединиться; давно объединённая – должна разделиться».

В любом случае, эта модель могла бы объяснить, почему мы наблюдаем инверсию: была траектория увеличения силы централизованного Государства, но теперь мы находимся в середине траектории увеличения силы децентрализованной Сети.⁷⁴ Таким образом, различные исторические события повторяются с противоположными результатами, как тот самый ламинарный поток, текущий в обратном направлении. В этом и состоит тезис о том, что наше будущее — это наше прошлое.

---

⁷² Ещё раз обратим внимание, как история формирует мораль!

⁷³ Представим себе мощный опенсорсный децентрализованный инструмент наподобие Google Lens, который сканирует вычислительные сигналы в вашей среде (централизованные и децентрализованные), чтобы сопоставить их с историческими закономерностями, и сказать вам, на основе тысяч образцов от других людей, выглядит ли это хорошей или плохой идеей.

74 По крайней мере, на Западе. Восток – это другое! Как в будущем могут уживаться централизованный Восток и децентрализованный Запад – это тема для совершенно отдельного эссе.

2.8. Левые это новые правые это НОВЫЕ ЛЕВЫЕ

Сетевое государство. 2. История как траектория.

Марксистская концепция классовой борьбы была настолько влиятельной, что люди не осознавали: иногда эти революционные классы *побеждали* и становились правящими классами. А затем, в свою очередь, боролись с последующими революционными классами.

Фактически, это происходило довольно часто.

Если мы хотим построить стартап-сообщество, понимание этого факта очень важно. Если мы существенно не отличаемся от истеблишмента (если у нас нет «предложения десятикратно большей прибыли», как выразился бы венчурный капиталист), мы не сможем привлекать граждан.

Социальная дифференциация означает в некотором смысле быть *революционными*. Не обязательно в смысле Парижской Коммуны. Это может быть моральная революционность в смысле переворачивания некоторых предпосылок, которые общество в целом считает хорошими, но про которые мы можем показать посредством тщательного изучения истории, что они на самом деле плохи⁷⁵. Эта моральная инверсия – это и есть моральная инновация, лежащая в

основе стартап-сообщества, и это неизбежно приводит нас к столкновению левых и правых.

2.8.1. Зачем вообще обсуждать левых и правых?

Подождите. Разве мы не можем просто использовать технологии без политики или использовать технологии, чтобы избежать политики? К сожалению, нет, потому что *политика – это люди, которые с вами не согласны*. Если вы работаете с компьютерами, роботами или чистой математикой, у вас нет политики. Если мы находимся в высокоорганизованном обществе, у нас также нет политики. Но чтобы *построить* такое высокоорганизованное общество с нуля, нужно думать о политике.

Другими словами, если основателям стартапов 2000-х и 2010-х годов приходилось выходить за рамки технологий и изучать бизнес, то основателям стартап-сообществ 2020-х годов необходимо сперва изучить историю и политику. Потому что для формирования нации необходима теория, описывающая левых и правых.

Наша теория начинается с обсуждения раскола между представлениями о моральном и технологическом прогрессе, с аналогии между политическим и финансовым арбитражем, с рынка для революционеров – как политических, так технологических – а также с концепции стартап-сообществ

как способа вновь воссоединить моральный и технический прогресс.

Далее, используя пространственную теорию голосования, мы обсудим левых и правых как реальные конструкты, чтобы избежать возражения о том, что левых и правых на самом деле не существуют, и уточним наше наблюдение, отметив, что это конструкты, реальные лишь на конкретный момент времени.

Впоследствии мы используем примеры того, что мы называем левым, правым и либертарианским циклами, в контексте как государственных политических движений, так и более поздних сетевых технологических стартапов, чтобы разобраться, как левые и правые меняются с течением времени.

Наконец, мы обсудим несколько конкретных «переворотов» в истории, когда команды-победители меняли идеологическую ориентацию после победы, и выскажемся о том, как будет выглядеть следующий переворот.

2.8.2. Воссоединение технологического и морального прогресса

Прежде чем мы перейдём к противостоянию левых и правых, отметим, что концепция запуска нового проекта с моральной, а не с технологической инновацией будет незнакома многим основателям технологических компаний. Давайте сперва познакомимся с ней.

Во-первых, нам необходимо понять удивительное сходство между основателями стартапов и политическими активистами, между теми, кто сосредоточен на технологических инновациях, и теми, кто заинтересован в моральном благе. Прогрессисты начала века считали это одним и тем же: прогресс был одновременно и технологическим и моральным. Например, общественная санитария была одновременно технологической инновацией и моральным благом («чистота была рядом с благочестием»).

В последнее время между технологическими и моральными новаторами возникли разногласия, поскольку истеблишмент США теперь считает своих экономических разрушителей врагами.⁷⁶ Как мы убедимся позже, идея финансирования президентов стартап-сообществ по всему миру может воссоединить технологический и моральный прогресс. Но что именно мы подразумеваем под «моральным прогрессом»?

2.8.2.1. Моральный прогресс — это моральные инновации, это моральная инверсия

Если вы хотите обеспечить моральный, а не только технологический прогресс, вам придется ввести новые

моральные предпосылки, которые перевернут то, во что люди верили раньше. Таким образом, моральная инновация для одного человека — это моральная инверсия для другого человека. Вот несколько конкретных примеров:

- курение было приемлемо, теперь считается «плохим»
- алкоголь был «плохим» во времена сухого закона, теперь стал приемлемым
- прибыль была «плохой» при коммунизме, теперь приемлема
- колледж когда-то считался просто приемлемым, но в послевоенное время стал «хорошим»

Сразу приходят на ум некоторые наблюдения:

1. Во-первых, вы можете продолжить этот список множеством других примеров (мы избегали самых очевидных). И вы, возможно, понимаете, что значительная часть сегодняшних публичных дискуссий посвящена дебатам о том, является ли X морально хорошим или плохим, обычно без совсем уж прямых заявлений на этот счёт.
2. Во-вторых, моральная инновация не должна полностью переворачивать что-то с «хорошего» на «плохое». Аккуратное переключение с «плохого» на «приемлемое» или с «приемлемого» на «плохое» может иметь весьма важные последствия.
3. В-третьих, мы видим, что моральный прогресс не так прост, как технологический. Моральный шаг вперед, который предложил коммунизм –

предпосылка о том, что «прибыль – это плохо» – на самом деле был ужасным нововведением, которое привело к гибели десятков миллионов людей и ухудшению общего положения в мире. Напротив, моральные инновации эпохи Просвещения были хороши, по крайней мере, в том смысле, что они вели к технологическому развитию.

4. В-четвертых, последний пункт показывает нетривиальность определения того, что означает «моральное благо». Означает ли это деонтологическое или же консеквенциалистское благо? То есть, хорош ли этот моральный принцип в каком-то абстрактном смысле или он хорош, потому что дает измеримо хорошие результаты?⁷⁷
5. В-пятых, если моральные основы некоего общества в целом верны, то большинство предлагаемых моральных инноваций или инверсий, будучи в целом навязаны людям, лишь ухудшат их положение.

Всё это правда, но важно кое-что осознать. Ключевым моментом для основателя стартап-сообщества должно быть то, что значительная часть людей *хочет* морального прогресса. Точно так же, как технологический инноватор хочет попасть на Марс, большая часть общества хочет чувствовать себя хорошими парнями, сражающимися за какое-то великое дело. И если вы не дадите им эту причину, они придумают её и/или начнут драться друг с другом. (Обратите внимание, что Марс сам по себе становится моральной причиной, если сформулировать через «планету Б для человечества» или «исследование нового фронта».)

Во-вторых, важно понимать, что сфера моральных инноваций может быть ограничена в случае добровольности участия. Коммунистические революции 20 века были злом не только из-за своих убийственных результатов, но и потому, что они проводили масштабные эксперименты над людьми против их воли. Тех, кто хотел отказаться, уехать, останавливали берлинские стены и железные занавесы. Но забытые американские «коммунистические общины» 1800-х годов в целом были хороши, потому что там оставались только те, кто хотел в этом участвовать. Тот, кому это не нравилось, мог уйти. Вот почему открытый фронт так важен: он даёт пространство для моральных инноваций, не затрагивая тех, кто не согласен на эксперимент.

Третье осознание состоит в том, что технологические инновации стимулируют моральные инновации. Хотя человеческая природа остаётся примерно постоянной, технологии — меняются. Новые технологии вызывают появление новых моральных принципов или переоценку старых. Рассмотрим предпосылку о том, что «свобода слова — это хорошо»: в 1776 году это означает одно, в эпоху высокоцентрализованных средств массовой информации — другое, а в эпоху, когда всё сводится к цифровым символам, передаваемым через интернет — третье.

С этим связано ещё одно осознание: моральные инновации стимулируют технологические инновации. Когда гелиоцентрическая модель перестала считаться моральным «злом», люди смогли разработать более точные звездные карты, которые со временем привели нас к океанской навигации, спутникам и космическим путешествиям. И наоборот, если вы введёте моральную предпосылку о том, что «цифровая централизация — это плохо», вы продвинетесь по

той ветви дерева технологий, которая начинается с Биткойна.

И последнее соображение: так же, как большинство попыток технологических инноваций терпят неудачу, та же судьба ждёт и большинство попыток моральных инноваций. Однако, если эти неудачи происходят в ограниченных рамках консенсусного стартап-сообщества, они более приемлемы в качестве цены морального прогресса. И если вы думаете, что общество во многих отношениях сейчас в целом стало *плохим*, возможно, не так уж сложно найти способы улучшить его посредством моральной инверсии.

2.8.2.2. Политический арбитраж и финансовый арбитраж

Моральная инверсия — это форма политического арбитража. Ницше критиковал христианство за это, но также был вынужден признать, что это работало.⁷⁸ Почему это работало? Одна из точек зрения состоит в том, что «порицать благоденствующих и утешать страждущих» — это, по сути, та же концепция, что и покупать по низкой цене, продавать по высокой. Вы поддерживаете что-то, когда цена низкая, и встаёте в короткую позицию, когда она высокая.

Эмоциональный заряд у этих понятий, конечно, очень разный. Политический арбитраж, направленный на поддержку людей с низким статусом и нападки на тех, кто имеет высокий статус, обычно оформляется как моральный

императив, в то время как финансовый арбитраж, заключающийся в покупке активов с низкой стоимостью и продаже активов с высокой стоимостью, обычно изображается как беспристрастный механизм получения финансового капитала. Но вспомните, что люди иногда действительно приводят моральные аргументы в пользу того, чтобы покупать дешево и продавать дорого («это помогает рынкам стать более эффективными»). Таким образом, вы также можете перевернуть эмоциональный заряд слов другой стороны и подумать о «порицании благоденствующих и утешении страждущих» как о беспристрастном механизме получения политического капитала.

Есть связанное с этим наблюдение: концепция «покупай дешево, продавай дорого» предполагает, что существует множество различных активов на выбор и множество направлений для арбитража. Напротив, концепция «порицать благоденствующих и утешать страждущих» молчаливо предполагает только одно направление: сильные против слабых. Однако существует несколько направлений применения власти. Например, человек, который собирает миллион долларов на благотворительность, может экономически благоденствовать, но при этом быть социально слабым по сравнению с журналистом истеблишмента, который решает порицать его за его твиты. Таким образом, способность определять, кто именно «благоденствует», а кто «страждет», сама по себе оказывается формой власти. Тот, кто может выбрать, кого назвать «благоденствующим», кто может выбрать направление политического арбитража, может продолжать разрушать «благоденствие», сам оставаясь при этом вполне благоденствующим. А это означает, что концепция «порицания благоденствующих и утешения страдающих»

также может быть механизмом *поддержания политического капитала*.

Собрав воедино все эти соображения, мы можем начать относить большую часть витающих в воздухе моральных формулировок к своего рода политическому арбитражу, что позволит нам начать думать об этом более рационально. Политический арбитраж предполагает поддержку фракции, которая сегодня политически слабее, чем могла бы или чем должна быть. Ранний сторонник, который рискует своим собственным политическим капиталом, чтобы придать своей фракции более справедливое влияние, также сможет получить часть этой власти, если она и впрямь появится.

Стоит задуматься о статусе, который получили отцы-основатели, первые большевики, победившие в гражданской войне коммунисты Мао, борцы за гражданские права или восточноевропейские диссиденты после падения Советов. Все эти очень разные группы социальных революционеров пошли на значительный статусный риск — и после революции получили значительные статусные награды.

2.8.2.3. Рынок для революционеров

Как только мы увидим соответствие между финансовым и политическим арбитражем, мы поймём, что существует рынок для революционеров.

Сегодня существует два типа революционеров: технологические и политические. И есть два типа сторонников этих революционеров: венчурные капиталисты и филантропы. Спонсоры ищут основателей, амбициозных лидеров новых технологических компаний и новых политических движений. И это рынок для революционеров.

Используя этот подход, мы можем сопоставить технологическую экосистему с политической. Мы можем провести аналогию между основателями технологических компаний и политическими активистами, венчурными капиталистами и политическими филантропами, технологическими трендами и социальными движениями, школой стартапов YC и форумом свободы в Осло, «Руководством по быстрому росту» и «Красивой проблемой», стартапами и НПО, крупными компаниями и правительственными учреждениями, Crunchbase и CharityNavigator, и так далее.

Точно так же, как существует целая экосистема для поиска и поддержки основателей технологических компаний, существует аналогичная экосистема для политических активистов. Конечно, всё это не столь откровенно. Между политическими филантропами и их молодыми протеже нет договоров об условиях, нет «выходов» на миллиарды долларов, и мы обычно не видим, чтобы политические активисты хвастались своим финансированием в том же духе, в каком основатели технологических компаний говорят о своих инвесторах. В действительности пути финансирования зачастую даже намеренно скрываются, чтобы помешать исследованиям оппозиции.

Но процесс перехода от одного революционера с блестящей идеей к небольшой группе со скромным финансированием и далее к массовому движению – похож на путь технологического стартапа. И финал может быть ещё более амбициозным; если ведущие основатели технологических компаний в конечном итоге будут управлять такими публичными компаниями, как Google и Facebook, то ведущие политические активисты в конечном итоге будут управлять такими странами, как Мьянма и Венгрия.⁷⁹ «Опубличивание» происходит по-другому.

Посмотрим ещё раз на карьеры таких разных политических активистов, как Аун Сан Су Чжи, Виктор Орбан, Вацлав Гавел, Хамид Карзай, Ахмад Чалаби, Джошуа Вонг, Лю Сяобо и им подобных. Все они укладываются в нашу модель. Западные ресурсы помогали им прийти к власти и построить прозападные правительства в своем регионе. Это не означает, что такие политактивисты всегда побеждали (Вонг и Сяобо этого не сумели), или хорошо справились на посту (Карзай и Чалаби этого не сумели), или даже оставались на стороне Запада на неопределенный срок (Су Чжи и Орбан не стали). Но если вы проследите карьеру каждого из них, вы увидите что-то вроде того эпизода, когда Сорос финансировал Орбана, и оба совместно выступали в качестве революционной силы против Советов. В тот момент Сорос был филантропом, а Орбан — его протеже, подобно тому, как венчурный капиталист мог бы поддержать амбициозного молодого стартапера. Это классический пример того, как сторонники ищут лидеров на рынке революционеров.

2.8.2.4. Стартап-сообщества воссоединяют технологический и моральный прогресс

Мысль о том, что все эти различные политические революции похожи на стартапы, поддерживаемые венчурным капиталом, может показаться удивительной и даже тревожной. Но революции сложно инициировать, поэтому спонсором часто оказывается великая держава. Например, французы сыграли решающую роль в Американской революции.

Чем это актуально для нас? Стартап-сообщество воссоединяет концепции технологической и политической революции, объединяет два разных вида прогресса и открывает новый путь к власти. Потому что теперь и основатель технологической компании, и политический активист могут объявить себя президентами стартап-сообщества.

Спонсоры могут финансировать стартап-сообщества, используя механизмы, созданные для технологических стартапов, открыто, с чёткими контрактами и с согласия всех граждан. Но они также могут достичь моральных инноваций, к которым стремятся политические революционеры. И если эти стартап-сообщества строятся на фронтире, будь то цифровой или физический, тогда моральные инновации больше не навязываются сверху вниз, а принимаются снизу вверх людьми, которые решили войти в сообщество. Это дает амбициозным молодым политическим реформаторам более надёжный способ достижения своих целей.

Вкратце: если раньше мы видели, как основатель технологической компании создаёт стартап, чтобы добиться экономических изменений, а политический активист

создаёт социальное движение, чтобы добиться моральных изменений, то в будущем мы сможем увидеть, как стартап-сообщества, которые мы описываем в этой работе, сочетают в себе аспекты того и другого.

2.8.3. Две идеологии

2.8.3.1. Пространственная теория голосования

Теперь вернёмся к левым и правым.

Самый простой подход — говорить о левых и правых, как будто это постоянные категории; вы услышите это, когда люди будут говорить о «левых» и «правых» как о группах.

Подход второго порядка — оспорить эту дихотомию. Люди замечают (и совершенно корректно!), что происходят перестановки, что дихотомизация левых и правых не полностью отражает⁸⁰ политическое поведение, что массы не так идеологически последовательны, как элиты, что категории меняются со временем и так далее.

Подход третьего порядка состоит в том, чтобы признать эту сложность, но использовать пространственную теорию голосования, которая позволяет нам оценивать ситуацию количественно. Как мы можем видеть, пространственная

теория голосования позволяет нам анализировать всё: от голосов в Конгрессе до решений Верховного суда и редакционных статей в газетах. После проведения такого анализа мы увидим, что первый главный компонент пространственного распределения голосов *действительно* будет соответствовать спектру левых/правых.

Подход четвертого порядка заключается в том, чтобы отметить, что эта ось (вполне реальная!) фактически *вращается* с течением времени. Речь идет скорее об относительном племенном позиционировании (голосование за членов одного и того же политического племени), чем об абсолютном идеологическом позиционировании (голосование за постоянную идеологическую позицию). Революционная тактика приводит к тому, что одно племя рано или поздно получает власть, а тактика правящего класса рано или поздно не поможет отстоять власть, удерживаемую другим племенем, поэтому «левые» и «правые» будут в масштабе истории постепенно меняться, даже если названия племен останутся прежними.

2.8.3.2. Столкновения создают фракции

Поскольку с точки зрения теории игр оптимальной является тактика формирования коалиций, постоянно возникает две фракции. Дело в том, что если в борьбе за какой-либо *дефицитный* ресурс одна группа объединяет вокруг себя союзников, а другая нет, то первая группа имеет тенденцию побеждать.

Это фундаментальная причина, почему люди склонны объединяться в две фракции, которые борются друг с другом за дефицитные ресурсы, пока одна не победит. Команда-победитель наслаждается кратким медовым месяцем, после чего она обычно снова распадается внутри себя на левую и правую фракции, и битва начинается заново. После Французской революции левая и правая фракции впервые возникли под этими именами. После Второй мировой войны некогда союзные США и СССР вступили в холодную войну. А после окончания Холодной войны победившая фракция США претерпела внутреннюю гиперполяризацию. Сильный лидер может на какое-то время помешать этому случиться, но распад победившей стороны на левую и правую фракции — это почти закон социальной физики.

2.8.3.3. Левые и правые как временная тактика, а не постоянные классы

Названия двух тактик, возникающих в этих битвах, можно проследить со времён Французской революции⁸¹ — левая и правая — но они почти как магнитные север и юг, как инь и ян, по-видимому, закодированы в нашей природе.

Левая тактика состоит в том, чтобы делегитимизировать существующий порядок, доказывать его несправедливость и стремиться к перераспределению дефицитных ресурсов (власти, денег, статуса, земли), в то время как правая тактика заключается в том, чтобы утверждать, что нынешний порядок справедлив, что левые вызывают хаос, и

что последующий конфликт уничтожит дефицитный ресурс, а не просто перераспределит его.

Мы можем представить себе обстоятельства, при которых справедливой будет правая позиция, и когда таковой будет левая. Ключевая концепция заключается в том, что в историческом масштабе правые и левые — это временные тактики, а не определяющие характеристики племён. Например, протестанты изначально во времена Мартина Лютера использовали по отношению к католической церкви левую тактику. Затем, сотни лет спустя, американские потомки этих революционеров — протестантский истеблишмент, WASP — использовали правую тактику, чтобы защитить свою позицию правящего класса. Как мы увидим, в истории происходит множество таких переворотов, когда некое племя использует левую тактику в один исторический период, а его культурные потомки используют правую тактику в другой.

Каковы закономерности использования неким племенем левой или правой тактики? Племя, которое защищается (правлящий класс), использует правую тактику, а племя, которое нападает (революционный класс), использует левую тактику. Поскольку институциональные защитники имеют тенденцию побеждать, каждый отдельный член революционного класса чувствует себя проигрывающим. Но поскольку институциональным защитникам приходится постоянно бороться с толпами революционеров, чтобы удержать свою позицию, правящий класс чувствует себя уязвимым.

Несмотря на большие победы, когда племена, использующему правую или левую тактику, удастся на короткий промежуток времени зачистить поле от своих врагов, обычно вскоре возникает новое племя, которое находится слева или справа от победителя, и битва начинается заново. Сможем ли мы когда-нибудь вырваться из этого цикла конфликтов вокруг дефицитных ресурсов?

2.8.3.4. Фронтир смягчает фракционную борьбу

Ключевое слово здесь – *дефицитные*. Всё меняется, когда открывается фронтир, когда появляется новая область незанятого пространства, где ресурсы внезапно становятся менее дефицитными. Здесь меньше неизбежных споров, потому что угнетённая фракция может выбирать: бой или бегство, голос или выход. Потенциальным революционерам больше не обязательно использовать левую тактику, чтобы свергнуть правящий класс, что приведёт к ответным репрессиям со стороны правых. Вместо этого, если им не нравится текущий порядок, они могут уйти на фронтир, чтобы показать, что их путь лучше, или же потерпеть неудачу, как это случается со многими стартапами.

Фронтир означает, что революционеры одновременно менее практически затруднены на пути к реформам (поскольку правящий класс не может помешать им уйти на фронтир и забрать с собой недовольных граждан), но также и более этически ограничены (поскольку революционер не может просто навязывать желаемые им реформы указами, и вместо

этого должен получить явное согласие, убеждая людей согласиться на свою юрисдикцию).

Однако это разумные компромиссы. Таким образом, хотя фронтир и не панацея, он, по крайней мере, оказывается предохранительным клапаном. Вот почему открытие фронтира может быть самым важным метаполитическим шагом, который мы в состоянии сделать для уменьшения политического конфликта.

2.8.3.5. Два призрака на множество тел

Мы говорили о левом и правом как о тактиках. Также можно представить это как жизнь двух призраков в разных телах. В любой популяции в любой момент времени одна субпопуляция будет одержима призраком левизны, а другая – правизны.

Левые и правые в этом смысле почти подобны духам, которые порхают от хозяина к хозяину, одновременно занимая умы миллионов людей, координируя группы друг против друга. И когда мы начинаем изучать историю религий или политических движений, становится видно, что у всех есть «левый метод» для революционного нападения и «правый метод» для защиты правящего класса.

Почему же тогда люди часто обсуждают левых и правых, как если бы это были постоянные классы, а не временные тактики?

Один из ответов можно найти по аналогии с технологическими стартапами. Точно так же, как стартап хочет сохранять как можно дольше пытается казаться «революционным», а крупная компания хочет как можно дольше казаться «доминирующей», так и революционным левым требуется время, чтобы признать, что они стали правящим классом, да и осознающему себя в качестве члена правящего класса не сразу доводится понять, что он фактически лишился власти. Парадоксально, но оба таких признания деморализуют. Очевидно, что для бывшего члена правящего класса признать, что их класс полностью проиграл — это удар по моральному духу. Но признание бывшим революционером своей победы также приводит к тому, что его паруса больше не ловят ветер революции, и он лишается своего морального оправдания.

Другая причина заключается в том, что переход, как правило, происходит постепенно, и виден лишь в историческом масштабе. Так что говорить о «левых» или «правых» в тот или иной период вполне разумно. Однако сегодня мы переживаем период перестройки, когда переключение между этими тактиками более заметно.

2.8.3.6. Моё левое это твоё правое

Обратите внимание, что мы не занимаем никакой позиции насчёт того, являются ли левые или правые стратегии объективно «хорошими». В нашей модели это всего лишь тактика, используемая враждующими племенами из двух разных социальных сетей. Революционное племя использует левую тактику, а правящее племя использует правую тактику. Но если племя, использующее левую тактику, начинает побеждать, оно начинает использовать правую тактику для защиты своих побед, и наоборот.

В качестве аналогии взглянем на эту гифку с двумя магнитами. Они отталкивают друг друга и оказываются в зеркальном положении. С левыми и правыми аналогично: мое левое — это твоё правое. Что бы ни выбрала одна сторона, другой придётся применить зеркальную тактику.

Американцы увидели это в режиме ускоренной перемотки во время COVID. Сначала республиканцы были обеспокоены вирусом, а демократы называли людей расистами за то, что они обратили на него внимание. Затем, как только Трамп начал говорить, что вирус несерьёзен, позиции поменялись: демократы призвали к локдаунам и реализовывали их, а республиканцы боролись с ними с либертарианских позиций. Затем Трамп снова перешел к поддержке вакцинации, в то время как Байден, Харрис и другие демократы заявили, что не будут доверять непроверенным вакцинам Трампа. Затем появилась вакцина (та самая, которая со сверхсветовой скоростью была разработана администрацией Трампа!), и многие демократы внезапно оказались за то, чтобы ввести в действие то, чего они когда-то хотели избежать, в то время как многие республиканцы теперь освистали это как невыносимое посягательство на свободу.

Конечно, все эти метания можно рационализировать. Те, кто так поступает, обычно ссылаются на Кейнса: «Когда факты меняются, я меняю своё мнение, а что вы делаете, сэр?» Можно сказать, например, что США сначала были слишком апатичны по отношению к Covid-19, а затем отреагировали слишком остро. Убеждённые сторонники линии партии, несомненно, могут дать логические объяснения наблюдаемой последовательности событий.

Но давайте забудем на секунду об этих деталях и сосредоточимся на переобуваниях. Какую бы позицию ни занимала одна группа, другая поступала наоборот. Соответствующее бритве Оккама объяснение состоит в том, что это было просто отталкивание магнитов и борьба фракций. Провозглашаемые идеалы были всего лишь маской племенных интересов. Это соответствует модели, когда правые и левые со временем меняются местами, поскольку теперь мы уже в реальном времени видим, как происходят эти изменения. В такой период конфликт носит скорее племенной характер («демократы против республиканцев»), чем идеологический («левые против правых»).

Итак, подытоживаем: (а) левое и правое — это измеримые явления, которые мы можем видеть с помощью пространственной теории голосования, (б) ось лево/право реальна, но вращается со временем, (в) эти концепции — древние и неискоренимые, возможно, наравне с инь/ян или магнитным севером/югом, (г) они являются взаимодополняющей парой тактик для получения доступа к ограниченным ресурсам, (д) если одна группа использует левую тактику, другая почти вынуждена принять в ответ правую тактику, и наоборот, (е) фронтير сглаживает политическое противостояние левых и правых, потому что

на фронтире менее выражены конфликты из-за дефицитных ресурсов, (ж) мы можем думать о левых как о революционной тактике, а о правых как о тактике правящего класса и (з) в историческом масштабе времени тактики постоянно меняют носителей.

Давайте теперь углубимся в этот последний момент, возможно, наименее очевидный, а именно концепцию, согласно которой призраки левизны и правизны меняют носителей в историческом масштабе времени. Начнём наше исследование с представления левого, правого и либертарианского циклов.

2.8.4. Три цикла

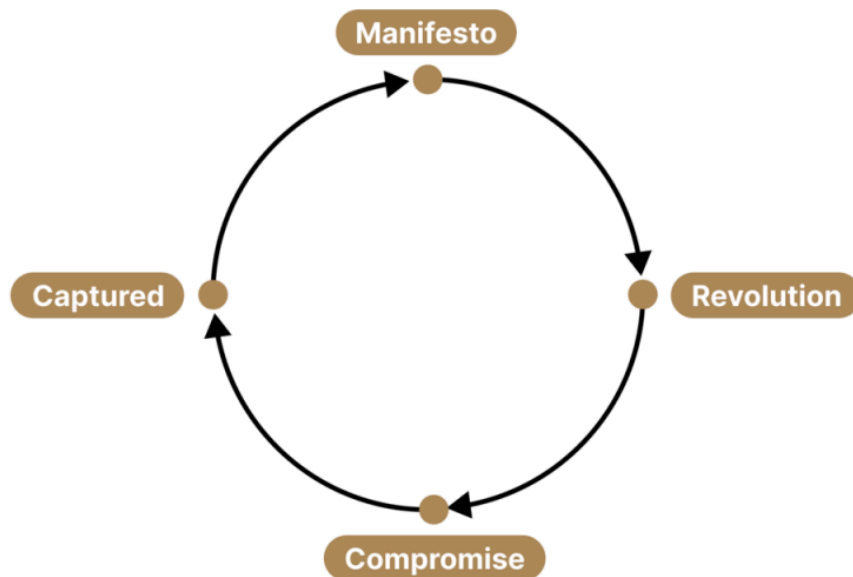
2.8.4.1. Левый цикл

Левый цикл — это история о том, как революционный класс становится правящим классом.

Подумайте о следующих понятиях: христианский король, протестантский истеблишмент, республиканский консерватор, советский националист, предприниматель из КПК или капиталист из движения Пробуждения. Каждый из этих сложносоставных терминов — это синтез понятия, которое когда-то ассоциировалось с левыми концепциями, и понятия, связанного с правыми.

Этот префикс важен: *когда-то* ассоциированный с левыми идеями. В какой-то момент христиане возглавили революционное движение против Римской империи, протестанты возглавили децентралистское движение против католической церкви, республиканцы возглавили аболиционистское движение против Юга, Советы возглавили интернационалистическое движение против националистического Белого движения, КПК возглавила коммунистическое движение против капиталистов, а Пробудившиеся возглавили критическое движение против американских институтов.

Но затем они обрели власть, а вместе с ней появились и новые привычки. Революционные левые, оправдывавшие *приход* к власти, частично трансформировались в институциональных правых, оправдывавших *применение* власти. По своей природе революционная группа применяет левую тактику, чтобы получить власть, но как только она побеждает, она обнаруживает, что ей необходимо использовать правую тактику, чтобы сохранить власть против нового поколения левых повстанцев. Ленин обещал землю, мир и хлеб — затем Троцкий быстро организовал Красную Армию. Таким образом левый революционер воссоздал правую иерархию.

Можно сформулировать это в виде истории: движимая манифестом группа революционеров, сражалась бы с тираном и обрела власть – лишь для того, чтобы какой-нибудь персонаж вроде Сталина скомпрометировал революцию, перехватил бразды правления и стал новым тираном. Против его порядка потребуется новый манифест и новая революция. Большую часть описанной динамики отражает превосходный короткометражный фильм «Ужин для немногих»⁸².

Если мы возьмем 1000-летнюю перспективу, то это длинный цикл, который начинается с того, что христианские революционеры к 476 году н.э. разрушают Западную Римскую империю, это приводит к возникновению правящей Католической церкви и Священной Римской империи, а затем (более 1000 лет спустя!) мы видим, как Мартин Лютер в 1517 году н.э. прикрепляет свои Девяносто пять тезисов к Виттенбергской церкви – как новый манифест, который порождает совершенно новое поколение революционеров-протестантов.

Есть ли какая-либо альтернатива этому циклу, когда в конце революции к власти приходит новый правящий класс? Что ж, если революция не приводит к какому-то порядку, получается больше похоже на сценарий Пол Пота или Стелы семи убийств, где «революция» поддерживается бесконечными убийствами. Что-то подобное, возможно, и ознаменовало крах цивилизаций прошлого.

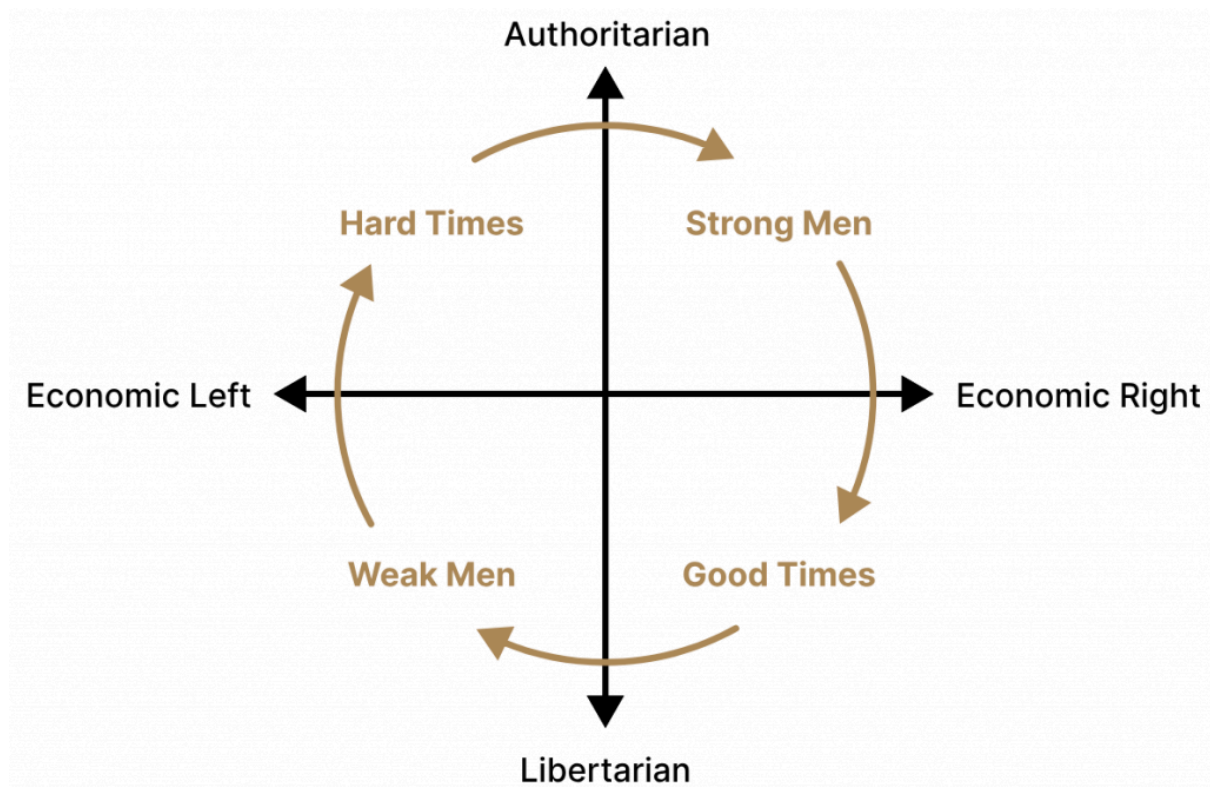
Таким образом, какой-то порядок после революции предпочтительнее. Это возвращает нас к взаимопроникновению левого и правого: христианским королям, протестантскому истеблишменту, республиканским консерваторам, советским националистам, предпринимателям из КПК и пробудившимся капиталистам. Каждый из них оправдывает новый правящий класс, новый порядок при помощи языка революционного класса.

Обратим внимание, что не каждая из этих смесей имеет точно равные доли революции и традиции. Но сама эта модель повторяется в истории неоднократно. Успешный революционный класс становится институциональным классом, затем происходит перегруппировка, и новый институциональный класс сталкивается с новым революционным классом.⁸³

2.8.4.2. Правый цикл

Правый цикл – это история, содержащаяся в известном высказывании: сильные люди создают хорошие времена,

хорошие времена создают слабых людей, слабые люди создают тяжёлые времена, а тяжёлые времена создают сильных людей. Вот визуально:

Этот цикл начинается справа и поворачивает налево. Если описывать его в виде истории, она началась бы с возвышения небольшой группы спартанцев, придерживающихся строгих нравов. Они зарождаются на границах империи, этаким варварскими вождями с сильным чувством группового духа – то, что ибн Халдун назвал бы асабийей. Затем они приходят в движение и начинают завоевывать мир. Их неукротимая воля пронзает насквозь окружающую их выродившуюся империю. В конечном итоге они достигают полной победы. Сильные люди создают хорошие времена.

Но по мере роста они больше не могут делать всё на доверии, а потому должны начать внедрять налоги и процедуры. А созданное ими богатство начинает привлекать ленивых паразитов, людей, которые хотят присоединиться к чему-то великому, а не построить что-то великое сами. А в их владениях находится множество людей, которых они только что завоевали, которые не разделяют их ценностей и к тому же не очень любят, когда их завоевывают. Никто не хочет работать так усердно или быть столь же безжалостным, как эта группа отцов-основателей, учитывая, какие богатства лежат под ногами, поэтому они развлекаются и заняты ссорами друг с другом из-за пустяков. Итак, хорошие времена создают слабых людей.

В конце концов эта бюрократическая, разобщенная, декадентская империя попадает в руки новой банды спартанцев извне. И таким образом слабые люди создают тяжелые времена и, в свою очередь, оказываются добычей сильных людей.

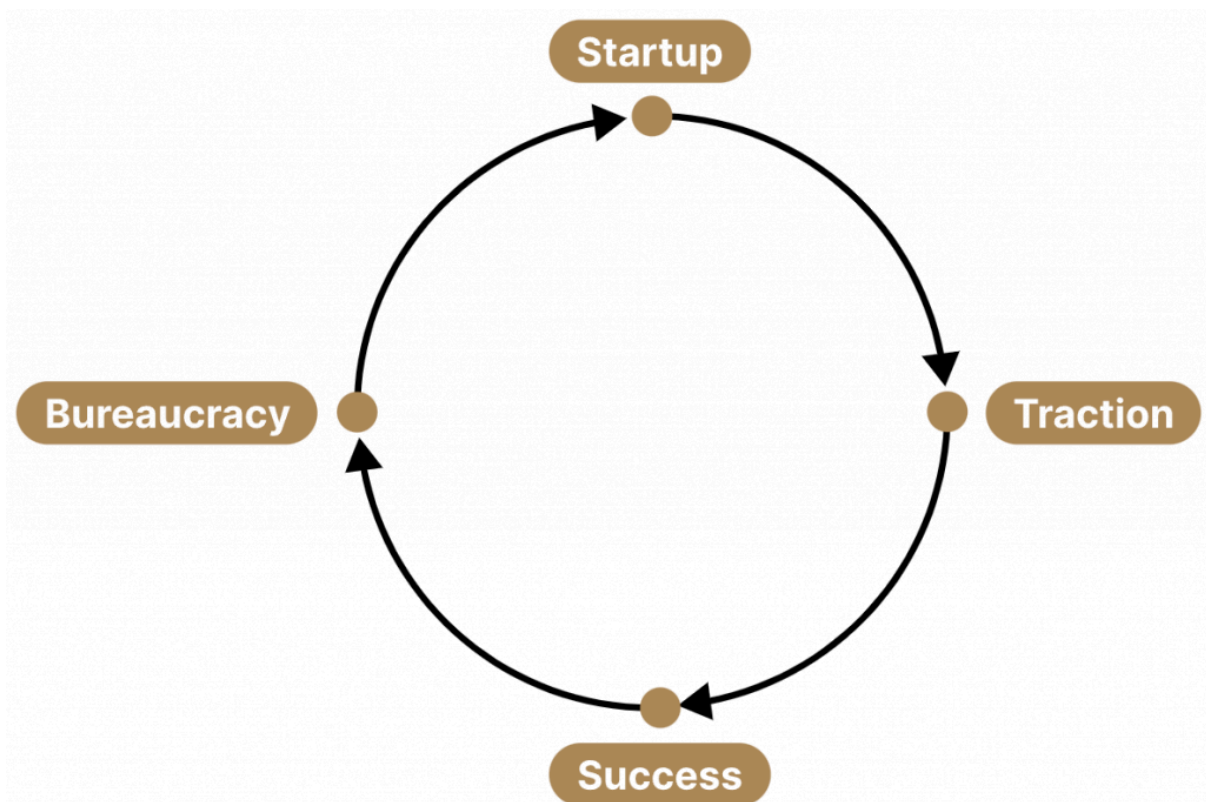
2.8.4.3. Либертарианский цикл

Либертарианский цикл — это история о том, как либертарианец, создавший свою компанию, воссоздаёт государство.

Первым делом либертарианец покидает удушающую бюрократию большой компании, чтобы основать свою собственную. Большинство таких одиночек сразу же терпит

неудачу, но благодаря превосходству в манёвре и высокой мотивации в работе основатель компании может заработать достаточно денег, чтобы нанять кого-нибудь. В первые дни наиболее важной величиной является скорость развития. Каждый человек должен быть незаменим.

В конце концов, в случае успеха, компания начинает обретать некоторую структуру. Консерватизм берет верх. Поскольку бизнес постоянно растёт, основатель добавляет чёткую структуру, определяет траектории карьерного роста и стабильную иерархию. Теперь самой важной величиной становится “автобусное число” – максимальное количество людей, которых может сбить автобус, чтобы компания продолжала работать. Внезапно каждый человек теперь должен стать заменимым.

Это похоже на переход от одноклеточности к многоклеточности. Основателю приходится инвестировать в бюрократию, которая обезличивает компанию и превращает каждого сотрудника во взаимозаменяемую часть. В противном случае один человек может уйти, и компания развалится.

Примерно в это время в компанию начинают проникать паразиты. Они не хотят рисковать собственным малым или даже надомный бизнес. Они хотят много льгот, высоких зарплат, низкой рабочей нагрузки и минимальной работы с максимальной отдачей. Они на самом деле не ориентированы на справедливость; компания — это просто работа, и они имеют с неё ренту. Взаимозаменяемость их даже привлекает! Они знают, что им не нужно тянуть на себя ответственность, что они не несут индивидуальной ответственности за успех или неудачу бизнеса. Система их поддержит. Такое поведение для них рационально, но оно перерождается в привилегированность и в конечном итоге приводит к краху бизнес-модели компании, хотя это может занять очень много времени.

Наконец, какой-то сотрудник, чья инициатива подавляется, решает выйти из оупляющей бюрократии и основать собственную компанию на либертарианских принципах, что запускает цикл заново. Согласно спиральной теории истории, весь прогресс происходит по оси Z: человек создаёт компании, масштабирует бюрократию, чтобы помочь ей развиваться, а после видит, как бюрократия захватывает власть и стимулирует лучших уйти. Так основатель-либертарианец воссоздаёт государство.

2.8.4.4. Единый цикл

Всё вышесказанное можно соединить в теорию единого цикла.

- Левый цикл начинается с группы революционных левых, которые затем становятся институциональными правыми.
- Правый цикл начинается с группы решительных правых, которые затем становятся декадентскими левыми.
- Либертарианский цикл начинается с группы идеологических либертарианцев, которые в конечном итоге строят бюрократическое государство.

Если соединить это вместе, получаются революционные, решительные идеологи (обобщаем левых/правых/либертарианцев), чья славная победа заканчивается институциональным, бюрократическим, упадком (обобщаем левый/правый/либертарианский цикл).

Большинство людей недостаточно изучили историю, чтобы иметь представление о цикличности в столетнем или более длительном масштабе времени. Но многие люди знакомы с жизненным циклом успешных технологических стартапов, которые демонстрируют такое поведение в течение 10 лет. Это самый продолжительный эксперимент, который мы можем проводить неоднократно в течение человеческой

жизни. И, к счастью, результаты широко засвидетельствованы.

То есть в нашей жизни мы видели много примеров того, как стартап разрушает доминирующую компанию⁸⁴ с помощью непредсказуемой тактики, сам становится действующим игроком, а затем использует уже тактику доминирующей компании для защиты от новой волны стартапов, выступающих против него.

Мы также своими глазами убедились, что успешный технологический стартап обычно представляет собой слияние левого и правого. У него есть левые аспекты миссионерского рвения, критики существующего порядка, желания что-то изменить, неформальной одежды и стиля, изначально плоской организационной структуры и революционных амбиций. Но у него также есть правые аспекты иерархии, лидерства, капитализма, подотчётности и договорного порядка. Если у вас есть только одно без другого, вы не сможете построить значимую компанию. Правое без левого — это в лучшем случае Бумажная компания Дандера и Миффлина⁸⁵; левое без правого — это идеалистический кооператив, который никогда не выпустит продукцию.

Наконец, мы также увидели, что, как и большинство революций, большинство стартапов терпят неудачу. Неудавшиеся стартапы не захватывают достаточную часть денежного рынка, а неудавшиеся революции не захватывают достаточную часть политического рынка сторонников. Но тем стартапам, которые *добьются успеха*, придётся бороться как со стартапами, так и даже с более крупными

компаниями, пока они сами не станут глобальным голиафом (что бывает редко!).

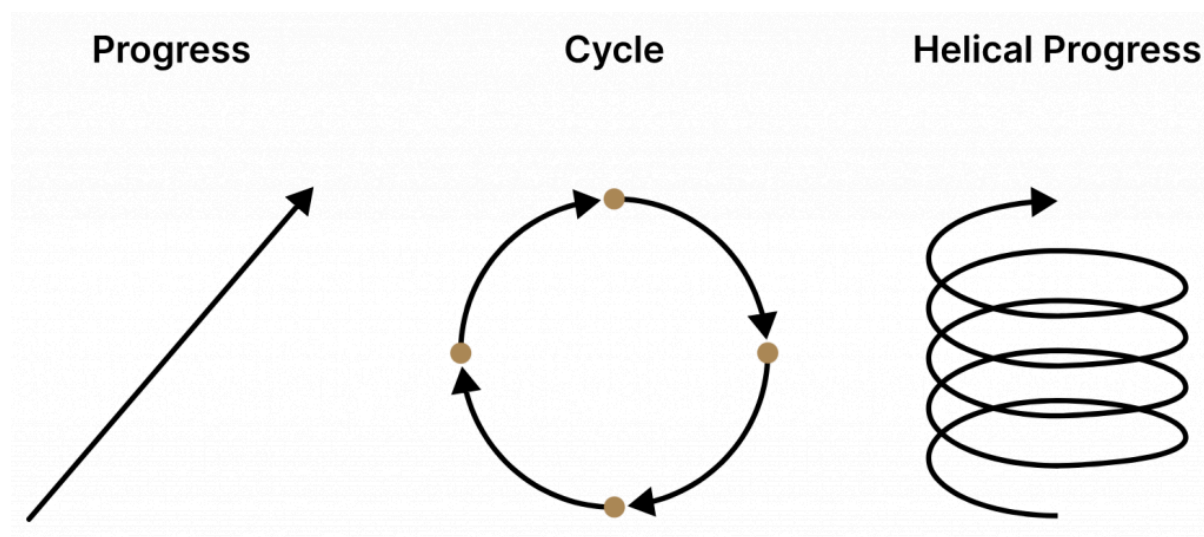
Таким образом, теория единого цикла описывает цикл централизации, децентрализации и рецентрализации. Революционные, решительные идеологи отрываются от истеблишмента, а затем – если им это удастся – создают гигантскую централизованную империю, которая впоследствии вырождается и порождает следующую группу революционных, решительных идеологов.

2.8.4.5. Новый босс: не в точности такой же, как старый

Описанная нами концепция – это не марксизм⁸⁶, поскольку в ней нет идеи групп, *меняющих сторону* слева направо и наоборот. Марксист молчаливо предусматривает только один переход, когда «бедные» победят «богатых», возвестят неизбежную эпоху коммунизма, и на этом всё. В их теории истории нет цикличности. Это одностороннее восхождение к утопии.

Теория единого цикла больше похожа на сюжет «Скотного двора», где «новый босс такой же, как старый босс», концепцию Ницше о религиях господ, отрывок из «Уроков истории» Дюрана о сердечном ритме экономики или модель конечных автоматов Скотта Александра.⁸⁷ Каждый из этих сюжетов рассказывает историю цикличности; книга Оруэлла посвящена цикличности элиты («новый босс такой же, как

старый босс»), у Дюрана глава посвящена экономической цикличности, а пост Александра касается культурной цикличности.

Но теория единого цикла вовсе не говорит об именно идеальном цикле — новый босс может быть намного лучше или хуже старого, не может быть лишь *в точности* таким же. Это ближе всего к спиральной теории истории, потому что мы не обязательно возвращаемся в одно и то же место на оси Z. Многие из этих революций могут фактически ухудшить положение всех, представляя собой сдвиг назад по оси Z, точно так же, как терпят неудачу многие стартапы. Однако время от времени происходят решающие революции — обычно в некотором смысле открывающие фронт — которые толкают человечество вперёд по оси Z и изменяют мир к лучшему.

2.8.4.6. Победа в священной войне

Один из способов размышления о теории единого цикла — объединить нашу теорию левого как тактики революционного класса и правого как тактики правящего класса. Для победы лидеру нужны оба аспекта. Левый даёт святое оправдание для ведения войны, правый даёт силу для победы в битве, и вместе они позволяют этому лидеру вести священную войну. Возьмем два примера:

- Мао был коммунистом, но он также был в полной мере «сильным человеком», созданным «трудными временами». В нем была эта правая *безжалостность*, и в отличие от стереотипного веганского пацифиста из либертарианских левых, его люди были готовы применять смертную казнь за любое преступление, реальное или воображаемое. Без некоторой доли этой правой физической мощи он не смог бы победить противостоящих ему националистов, которые были готовы использовать военную силу.⁸⁸
- И наоборот, если вспомнить о поляках и эстонцах, восставших против Советского Союза в 1980-е годы, они не только выдвигали традиционно правые аргументы в пользу капитализма, национализма и традиционной религии, они также выдвигали левые аргументы в пользу демократии и свободы слова. Без некоторой части этого традиционно левого гуманизма они бы не победили Советский Союз, который претендовал на ещё большую святость.

Дело в том, что в любой священной войне левое — это слово, а правое — это меч. Это священник и воин, и вам нужны оба.

Левые программируют умы. Священники и журналисты, научные круги и средства массовой информации вселяют в воинов чувство праведной цели. Они также оправдывают конфликт перед многочисленными свидетелями, убеждая их либо не вмешиваться, либо встать на сторону воинов. В этой концепции левого священники передают революционное рвение, оправдывающее войну против враждебного порядка, благословляют её, освящают её, говорят, что это необходимо и добродетельно, мотивируют воинов, повышают их моральный дух и превращают их в носителей великой миссии, способных победить любого наемника.

Правые предоставляют ресурсы. Они приводят собственно воинов, фермеров и шахтёров, инженеров и локомотивы, грубую физическую мощь, необходимую иерархию, необходимую бережливость, прибыли и убытки, решимость и организованность, суровые истины, необходимые для поддержания движения, что дополняет моральные предпосылки, давшие старт движению, остриё копья, которое ведёт эту священную войну.

Почему для победы нужны и правые, и левые? Если это не война роботов (мы вернёмся к этому позже), нам нужны бойцы с высоким моральным духом, поэтому нам, очевидно, нужен правый компонент, как мы его определили. Но менее очевидно то, что без левой составляющей тоже не победить, потому что у наёмников моральный дух иссякнет гораздо раньше, чем у ревностных служителей миссии.

Немного задержимся на том, что правые часто недооценивают все, что не относится к физическому миру.⁸⁹

Если это относится и к вам, не стоит думать о том, что делают левые, просто как о словах, как о речёвках адептов Пробуждения или религиозной чепухе. То, что они делают, можно описать как создание социальной операционной системы, программного обеспечения для общества, кода, который координирует огромное количество людей для достижения общей цели, говоря им, что хорошо и что плохо, дозволено и недопустимо, похвально и отвратительно. А все логические выводы и реальные военные действия лишь вытекают из этих моральных предпосылок.

Подводя итог: для победы в войне действительно нужны и слово, и меч, как левое, так и правое. И эта концепция применима вне контекста буквальной войны, ко множеству крупномасштабных политических движений, потому что (переворачивая Клаузевица) политика – это война, осуществляемая другими средствами.

Опять же, это не означает, что каждое движение имеет точное соотношение левых и правых концепций 50/50, или что существует некая глобально оптимальная комбинация X% левых и Y% правых, которая работает во все периоды времени и для всех обществ, а также то, что «центр» всегда побеждает. Суть в том, что умирающее левое или правое движение часто можно активизировать, привнося идеи с другой стороны.

Группа, использующая правую тактику, часто испытывает дефицит подлинных смыслов, и цепляется за позицию правящего класса, не понимая, с чего они должны оправдывать её с нуля перед скептически настроенными

наблюдателями. И наоборот, группе, использующей левую тактику, часто не хватает практичности, и она нападает на правящий класс без конкретного плана, чем заменить этот класс в случае революции. Синтез левого с правым в нашем понимании сильно отличается от того, что мы обычно называем гибридом левого с правым, то есть пассивного центризма.

2.8.5. Четыре переворота

Как выразился Сол Алинский в Правилах для радикалов: «Государь был написан Макиавелли для имущих о том, как удерживать власть. Правила для радикалов написаны для неимущих о том, как избавиться от имущих». Можно представить себе третью часть этой вымышленной трилогии, и она будет о том, что произойдет, когда Неимущие победят и станут Имущими.

Мы называем это политическим переворотом, в честь термина, связанного с криптовалютой. Переворот — это когда номер 1 внезапно становится номером 2, и наоборот. Это происходит, когда революционный класс свержает правящий класс только для того, чтобы стать новым правящим классом. Затем бывший правящий класс предается забвению... или становится новым революционным классом.

В этом разделе мы рассмотрим несколько переворотов: инверсию белого рабочего класса из левых в правые,

американские и глобальные перевороты за последние 100 лет, а также ряд исторических переворотов, которые помещают эту динамику в более широкий контекст.

2.8.5.1. Пролетарский переворот

Первая шокирующая история — об инверсии рабочего класса. Как Стаханов стал Арчи Банкером? То есть, как белый рабочий класс за сто лет из ядра левого движения стал ядром правого?

Первое: кто вообще такой Стаханов? Это Чад соцреализма, мифический советский рабочий, которым хотели быть все мужчины и с которым хотели быть все женщины, который якобы добывал за день десять дневных норм угля, не только товарищ, но и настоящий бро, парень из «рабочей аристократии», который почему-то вообще ни разу не взял отпуск. Вот фотография Алексея Григорьевича Стаханова (вероятно вымышленного), 1930-е годы.

А кто такой Арчи Банкер? Ну, это нетерпимый глава семейства из некогда популярного шоу 70-х под названием «Все в семье». Роль Банкера заключалась в том, чтобы в каждом эпизоде его опускал «Мясная башка», его просвещенный зять с высшим образованием. Он — контраст для сценаристов телешоу, олицетворяющий все темное и отсталое в мире. А вот фотография (определенно вымышленного) Арчи Банкера 1971 года.

Итак: это два *совершенно разных* образа белого рабочего класса, с разницей всего в несколько десятилетий! Как произошёл переворот? Почему он произошёл?

Рабочий класс как оправдание революции

В первой половине 20 века человеком, на заботу о котором претендовали все просвещенные люди, был рабочий человек. Рабочий человек! Книга Эптона Синклера была для него. Оруэлл и Народный фронт сражались за него вместе со сталинистами в Гражданской войне в Испании. Все вёдра крови, пролитые Лениным, Троцким, Сталиным — всё это якобы было за него. Гитлер тоже заявлял, что поддерживает рабочего человека, конечно же, арийского; полное название

его партии — Национал-социалистическая немецкая *рабочая* партия. И коммунисты, и фашисты в один голос утверждали, что рабочий человек это самая благородная, скромная, униженная и многострадальная жертва безжалостного класса капиталистов... а также храбрый, мускулистый и крепкий костяк неизбежной революции.

Именно в этом контексте повсюду развешивались плакаты со Стахановым (и их нацистские эквиваленты).

Конечно, на практике коммунизм был рабством, потому что рабочие должны были отдавать 100% своей выручки государству. По сути, стахановские плакаты были более циничными, чем любая капиталистическая инфографика в комнате отдыха. Советский рабочий не мог протестовать, не мог бастовать, не мог сменить работу, не мог ничего купить на свою «зарплату». И это были счастливчики! Неудачников заставил рыть Беломорканал голыми руками Троцкий или депортировал в Сибирь Сталин. Как и в нацистской Германии, *труд не освобождал*.

Но, как бы то ни было, коммунизм имел *силу*. На пике своего развития он покрывал «26% поверхности суши земного шара». Это была светская идеология, которая управляла рвением религиозного движения – чистое поклонение Государству или, в нашей терминологии, полная замена Бога – Властью. Спустя десятилетия, после того, как в постсталинском СССР рвение несколько поутихло, оно развернулось в полную силу в КНР и Камбодже. Политическая формула, которая возвела рабочего на пьедестал как жертву сильных мира сего, позволила диктаторам одному за другим

приходить во всём мире к единоличной власти — Ленину, Троцкому, Сталину, Мао, Пол Поту, Кастро, Ким Ир Сёну — а затем поработить рабочего человека во имя его освобождения.

Рабочий класс как противник революции

Затем произошло нечто интересное. США удалось избежать коммунистической революции (с трудом — см. Генри Уоллеса и Веноу), пережить бурные 60-е годы и в достаточной мере поделиться доходами с профсоюзными рабочими, чтобы они стали идентифицировать себя с Америкой, а не с «безбожными русскими коммунистами». Физическим проявлением этого стал Бунт твёрдых шляп в 1970 году, когда американские профсоюзные рабочие избили «грязных хиппи», выступавших за Северный Вьетнам.

Теперь вдруг на первый план выдвинулись ранее игнорируемые отрицательные качества рабочего человека. Прежде всего, он был белым. А также расистским, сексистским и гомофобным. Плюс невежественным. Те, кто лучше него, должны были преподать ему урок. И таким образом в эфир начал выходить фильм «Все в семье» с Арчи Банкером, изображающий рабочего человека совсем другого типа. Не Стаханов, не супер-Чад соцреализма, не звезда сюжета «Мальчик осваивает трактор», а тучный бездельник, который олицетворял все неладное в обществе — и который теперь сам был угнетателем.

И кого же он угнетал? Разумеется, *новый* пролетариат: женщин, меньшинства и ЛГБТ. Их демография не давала такой большой политической власти, когда коммунизм стремительно завоевывал доминирование в начале и середине 1900-х годов, но постепенно их значение выросло и составила более 50% американского электората – политический приз, ожидающий каждого, кто понял, как это использовать. Это была, если хотите, возможность политического арбитража, только ценность арбитража измерялась властью, а не деньгами.

Именно так белый рабочий класс превратился из угнетаемых в угнетателей. Но должно было произойти ещё одно событие: падение Советского Союза.

Коммунизм – это были централизованные левые

Группа «меньшинств» женщин/цветных/ЛГБТ (к которой принадлежит >90% мирового населения, если задуматься) постепенно стала основным оправданием Новых левых, точно так же, как рабочий класс был оправданием для Старых левых.

Но был переходный период.

В течение многих лет западные левые по-прежнему поддерживали оба лагеря: сторонники Советского Союза сосуществовали с Новыми левыми.⁹⁰ В конце концов, хиппи,

которых тогда избili профсоюзные рабочие, были связаны с «Ханойской» Джейн Фондой и имели прокоммунистические или, по крайней мере, анти-антикоммунистические взгляды. Они были «объективно просоветскими», если использовать терминологию, которая так не нравилась Оруэллу. Даже в середине 1980-х годов такой лев среди западных левых, как Тед Кеннеди, предлагал заклучить сделку с СССР, если левые поддержат его на посту президента США.

Однако Советский Союз не мог существовать вечно. По ряду причин, начиная с войны в Афганистане, восстановления американского морального духа и увеличения расходов на оборону при Рейгане, движения за свободу в Восточной Европе и странах Балтии и, конечно же, полной неспособности их собственной экономики производить потребительские товары, СССР был на последнем издыхании. Горбачёв непреднамеренно обрёк империю на смерть в своей попытке реформировать её, одновременно сняв цензуру и перестраивая экономику. Двойной удар в виде гласности и перестройки дестабилизировал некогда жёстко контролируемую систему. Горбачёв действительно принял некоторые меры по подавлению выступлений (на ум приходит рейд на Вильнюсскую телебашню), но по сути он не был таким безжалостным, как Сталин, и критическая масса его людей все равно мечтала о капиталистических потребительских товарах. Итак, после падения Берлинской стены в 1989 году и попытки восстановительного переворота со стороны «сторонников жёсткой линии» в августе 1991 года, уже к Рождеству 1991 года вся империя зла рухнула.

В этот момент западные левые оказались на распутье. В Китае 13 годами ранее Дэн Сяопин сумел перехитрить избранных

преемников Мао Цзэдуна, бросить в тюрьму так называемую «банду четырёх» и повернуть Китай на «капиталистический путь». А теперь и другой крупный коммунистический чемпион, Советский Союз, терпел поражение.

Оказалось, что *централизованные левые*, левые с назначенным и идентифицируемым лидером, централизованные левые СССР и КНР, Сталина и Мао... эти централизованные левые в конечном итоге потеряют контроль и будут побеждены централизованными правыми Соединенных Штатов.⁹¹

Итак, после 1991 года больше не было централизованных левых, не было больше коммунизма, за исключением таких очагов, как Куба и Северная Корея, что не имело уже никаких глобальных последствий. Вместо этого пришло время децентрализованных левых, слиянии движения за гражданские права и деконструктивизма Фуко, того, что мы сейчас называем Пробуждением.

Пробуждение – это нынешние децентрализованные левые

Как мы можем видеть, у Пробудившихся нет единого лидера, подобного Сталину. У них нет ни одной такой книги, как «Манифест Коммунистической партии». Они даже не любят, когда их называют единым именем. Для движения, которое в остальных вопросах так озабочено переименованием вещей в духе уважения к своим ценностям, это весьма примечательно!

Независимо от того, называют ли люди их «политкорректными», или «SJW», или «пробудившимися», или как там у вас, они попытаются стереть ярлык и сказать, что они просто «хорошие люди» (разумеется, вас они будут называть безо всяких проблем какими угодно именами).

В первом приближении их можно было бы назвать демократами, но многие пробудившиеся более радикальны, чем кандидаты от Демократической партии (хотя всё ещё голосуют за них), а многие рядовые демократы все еще не относятся к пробудившимся.

Также трудно не заметить, что границы Пробуждения подвижны. Любой может просто начать озвучивать риторику Пробуждения. Некоторым из их заявленных идей (в отличие от их реальной практики) можно даже симпатизировать. Я и сам это делаю²², по крайней мере, применительно к официальным лозунгам – кто, например, против равенства перед законом? Но, конечно, они никогда не останавливаются на этом.

Можно заметить, что у них есть свои символы, хэштеги и флаги (которые, будучи подняты, указывают на контроль над территорией, как и любой флаг), но они часто уклоняются от признания того, что их деятельность – глубоко политическая. Они вновь и вновь заявляют, что это просто означает быть «хорошим человеком». А затем опять возвращаются к требованиям регуляций и переименованию улиц.

У них есть организации, множество НПО и СМИ, из которых «Нью-Йорк Таймс» Сульцбергера, пожалуй, наиболее влиятельна. Но единой управляющей группы нет, просто очень длинный хвост сочувствующих.

Сложим всё это вместе: нет единого лидера, книги, имени или организации. Таким образом, если коммунисты были *централизованными* левыми, то пробудившиеся стали *децентрализованными* левыми. Если коммунисты были подобны католикам, объединённым в единую иерархию, то пробудившиеся больше похожи на протестантов, где проповедником может стать любой.

Коммунизм ставил во главу угла Государство, Пробуждение ставит во главу угла Сеть

Кстати, если смотреть с точки зрения концепции Левиафанов, тут есть одна тонкость. Хотя коммунисты были централизованы, они не были *полностью* людьми Государства. Причина в том, что у них было как советское государство, так и Коминтерн – международная сеть шпионов и революционеров. Но после 1917 года они были в *первую очередь* людьми Государства, поскольку глобальное движение шло полностью в кильватере советского правительства.⁹³

У Пробудившихся — наоборот. Они в первую очередь – люди Сети, поскольку их среда обитания находится за пределами избираемых государственных должностей. Рычаги

управления правительством США находится в неправительственных сферах: в СМИ, научных кругах, некоммерческих организациях и среди неувольняемых госчиновников.

Но так же, как коммунисты не контролируют все государства (хотя они этого хотели), так и Пробудившиеся не контролируют все сети (хотя они этого хотят). Их основная слабость заключается в том, что они пока не имеют полного контроля над англоязычным интернетом, китайским интернетом или глобальными криптосетями. Но Пробудившиеся мужественно пытаются получить такой контроль. И переход от прославления Стаханова к осуждению Арчи Банкера вполне в этом помогает, поскольку пользователи соцсетей гораздо полезнее для получения власти над Сетью, чем заводские рабочие.

Почему? В 20 веке ареной действий был заводской цех, а коммунизм сводился к забастовкам. Это было коллективное действие, которое, казалось, помогло рабочим, перераспределив богатство ненавистных боссов. В среднесрочной перспективе, конечно, состязательное объединение профсоюзов на самом деле нанесло вред работникам, потому что (а) им пришлось платить профсоюзные взносы, которые поглощали большую часть повышения заработной платы, (б) они получили на свою шею вторую группу менеджеров в лице профсоюзных боссов, (в) их действия приводили к снижению конкурентоспособности задыхающегося от забастовок работодателя, и (г) в случае, если их страна действительно становилась коммунистической, они полностью теряли возможность бастовать. Тем не менее, организация профсоюзов помогла

коммунистам получить влияние на государства. Всеобщие забастовки могут парализовать жизнь целых стран.

В 21 веке ареной действий является интернет, а Пробуждение сводится к отменам. Теперь нет никакого заводского цеха, нет формального профсоюзного лидера, нет централизованного руководства из Москвы. Вместо этого любой может в любой момент решить использовать витающую в воздухе риторику, чтобы возглавить кампанию против своего «угнетателя», наряду с прочими, которые поддерживают один или несколько принципов Пробуждения. Это децентрализованное левое движение с открытым исходным кодом.

Как и забастовка, отмена — это коллективное действие, которое, похоже, помогает «маргинализированным», перераспределяя статус от ненавистных угнетателей к тем, кто их отменяет. Лайки, ретвиты и подписчики перераспределяются в режиме реального времени. Однако в среднесрочной перспективе отмена на самом деле вредит «маргинализированным», потому что (а) каждый теперь может отменять друг друга по какому угодно поводу, что делает жизнь крайне неприятной и (б) постоянные отмены приводят к образованию общества с низким уровнем доверия. Тем не менее, отмена помогает Пробудившимся получить контроль над сетями. Ажиотаж в социальных сетях в 2010-х годах позволял ставить на колени руководителей технологических компаний, точно так же, как всеобщие забастовки в 20 веке могли парализовывать жизнь целых стран.

От рабочего класса к самому пробудившемуся классу

Так Стаханов стал Арчи Банкером. Как только США достаточно тесно интегрировали свой рабочий класс, чтобы разрядить свой революционный потенциал, и централизованные правые победили централизованных левых в СССР и КНР, левым потребовалась новая группа, которую они могли бы использовать для оправдания своей революции. В «маргинализованных слоях» они нашли то, что теперь пришло к власти под названием Пробуждения.⁹⁴ От рабочего класса к самому проснувшемуся классу.

2.8.5.2. Американский переворот

Второй переворот касается того, как в последние 155 лет менялись позиции Республиканской и Демократической партий. В контексте этого вопроса большинство американцев смутно помнят, что Республиканская и Демократическая партии «перешли на другую сторону», что республиканцы были левыми в 1865 году и правыми в 1965 году, но не знают, как именно⁹⁵ это произошло.

Как Республиканская партия превратилась из «радикальных республиканцев» времен Линкольна в консервативных республиканцев середины 20 века, а затем свелась к пролетарским дальнобойщикам партии пост-Трампа? И как демократы прошли путь от сепаратистов-конфедератов до анти-антикоммунистических либералов, а затем стали партией пробудившихся капиталистов?

Краткая версия

Вкратце, республиканцы в ходе Гражданской войны заработали моральный авторитет, использовали его для завоевания экономического влияния, затем подверглись критике со стороны (поменявших свои взгляды) демократов за то, что они настолько богаты, затем растеряли моральный авторитет, что привело уже к потере экономического влияния, в результате чего мы и дошли до текущей ситуации. Демократы находились на противоположном конце этого цикла.

Цикл 1865–2021гг

Теперь подробнее.

Давайте вернёмся в 1865 год. Сразу после Гражданской войны республиканцы обладали полным моральным авторитетом и полным контролем над страной. В ходе Реконструкции и последующих событий они превратили этот моральный авторитет в экономическую власть и к концу 1800-х годов разбогатели. В конце концов, вы же не хотели бы, чтобы главой вашей железнодорожной компании стал симпатизирующий Конфедерации *предатель*–демократ, не так ли?

Постепенно демократы начали позиционировать себя иначе⁹⁶: не как партию Юга, а как партию бедных. Важным

моментом стала речь «Золотой крест» Уильяма Дженнингса Брайана в 1896 году. Еще одним огромным шагом стало переизбрание Рузвельта в 1936 году, когда поддержка чернокожих избирателей сместилась на 50 пунктов от республиканцев к демократам, хотя на муниципальном уровне они всё ещё голосовали за республиканцев.⁹⁷ Процесс завершился в 1965 году, когда чернокожие избиратели продвинулись ещё на 10–15 пунктов в сторону поддержки демократов, хотя эра борьбы за гражданские права на самом деле была лишь кульминацией тенденции, продолжавшейся несколько десятилетий.

После 1965 года демократы имели полный моральный авторитет. И в течение следующих 50 лет, с 1965 по 2015 год, демократы превратили свой моральный авторитет в экономическую власть. Вы ведь не хотели бы, чтобы *мракобес-республиканец* стал генеральным директором вашей технологической компании, не так ли?

Теперь этот цикл достиг своего зенита, и критическая масса высокодоходных и статусных должностей в США принадлежит демократам. Немного статистики и графиков проиллюстрируют эту историю. У демократов есть:

- 97% политических пожертвований журналистов
- 98% политических пожертвований сотрудников Twitter
- >91% профессоров в лучших университетах США
- 26 из 27 самых богатых избирательных округов
- >77% политических пожертвований от Facebook, Apple, Amazon, Microsoft, Google

Между тем республиканцы во многом стали партией экономического и культурного пролетариата. Конечно, есть исключения, такие как Верховный суд и законодательные собрания штатов, в которых большинство принадлежит республиканцам, но посмотрите на диаграмму Института Брукингса, которая показывает, что >70% ВВП США сейчас приходится на демократические округа. См. также этот набор графиков за 2019 год, то есть до запуска печатного станка и разрушения малого бизнеса, которые произошли во время COVID. Доминирование становится ещё более тотальным, если подумать о культурных учреждениях.⁹⁸ Что такое республиканский Гарвард — это Университет Боба Джонса? Что такое республиканский Голливуд — какие-то парни делают мемы на 4chan?

Итак, демократы стали партией правящего класса, истеблишмента. А республиканцы позиционируются как партия пролов, революционного класса. Вот почему мы видим, как демократы делают, например, такие вещи:

- проливают слёзы по Капитолию через шесть месяцев после сноса памятника Джорджу Вашингтону
- осуждают свободу слова
- создают офисы дезинформации
- переходят от расследования деятельности правительства к «расследованию» граждан
- пишут сценарии рекламных рекрутинговых роликов для ЦРУ и армии
- помещают флаги Прайда на ударные вертолёты
- выступают за то, чтобы корпорации увольняли людей по своему желанию
- защищают деплатформинг как право частной собственности

- заполняют собой истеблишмент национальной безопасности
- выделяют два миллиарда долларов полиции Капитолия
- одобряют расход 40 миллиардов долларов на войну

Это как цитата из «Дюны»: «Когда я слабее тебя, я прошу тебя о свободе, потому что это соответствует твоим принципам; когда я сильнее тебя, я лишаю тебя свободы, потому что это соответствует моим принципам». Теперь, когда демократы сильны, они действуют, как правые. И теперь, когда республиканцы слабы, мы видим, что они действуют, как левые:

- критикуют имперское влияние Америки в мире
- противодействуют войне и военной помощи
- не доверяют ФБР или полиции
- выражают ограниченную симпатию нынешним соперникам Америки
- позитивно говорят о профсоюзах
- представляют антидискриминационные законопроекты для защиты республиканцев
- лоббируют свободу слова

Это объясняет странные перемены в американской политике за последние несколько лет. Мы живём в эпоху перестройки, когда многие институциональные вещи меняют цвет с синего на красный и обратно, прежде чем, наконец, станут ярко-синими или ярко-красными. Свобода слова теперь обозначена красным, а ФБР — синим. Потому что демократы сейчас — правящий класс.

Отметим, что это не поддержка какой-либо стороны, а просто наблюдение о том, что две синусоидальные и косинусоидальные волны со сверхдлинными временными интервалами теперь сместились в противоположную относительную фазу. Партии, с которыми многие себя идентифицируют и которые неосознанно считали имеющими навсегда заданный характер, на деле отнюдь не постоянны. Радикальные республиканцы достигли социально-экономической власти, и то, что они защищали свои завоевания, сделало их консервативными; реакционные демократы потеряли социально-экономическую власть и постепенно стали революционерами. Теперь они снова меняются местами.

Это, конечно, не значит, что позиции меняются местами во всём. Демократы по-прежнему выступают за право на аборты, республиканцы по-прежнему за право плода на жизнь. У республиканцев всё ещё есть один или два института, таких как Верховный суд и некоторые штаты. Точно так же, как демократы после Гражданской войны были очень слабы, но не искоренены и способны служить спойлерами.

Тем не менее, обе партии поменялись местами во всех институциональных элементах, даже если многие республиканцы продолжают в духе Монти Пайтона делать вид, что консервативная Америка их молодости только что получила телесную рану, а многие демократы продолжают, подобно Советам, делать вид, что правящий класс по-прежнему остается революционной партией. В Мексике есть отличное название для такого рода вещей — PRI или «институциональная революционная партия», но для нас более знакомой метафорой будет такое понятие, как стартап.

Как отмечалось ранее, успешный стартап хочет думать, что он всё ещё совершает первые шаги на рынке, потому что это хорошо с точки зрения набора персонала и морального духа. Но теперь демократы уже давно не стартап. Партия завершила 155-летний путь от побежденной фракции в Гражданской войне до правящего класса Америки.

Однако в этом есть нечто от Корабля Тесея. Все части поменялись местами, и партии поменяли стороны, но каким-то образом триумфальная демократическая коалиция 2021 года оказалась географически и демографически похожей на республиканский состав 1865 года: либералы, ориентированные на северо-восток, выступили против консервативных южан во имя защиты меньшинств.

А если пойти ещё дальше в прошлое, это будет отражением Гражданской войны в Англии 1640-х годов. Если вкратце, то люди, пришедшие в Массачусетс, были идеологическими потомками Круглоголовых, а те, кто заселил Вирджинию двадцать лет спустя, были потомками Кавалеров, поэтому неудивительно, что потомки этих двух племен двести лет спустя вернулись к войне⁹⁹ в середине 1800-х годов, или что их идеологические потомки готовятся к новому конфликту прямо сейчас. См. краткий обзор на Семя Альбиона, написанный Скоттом Александром.

Не всё меняется местами

При желании можно отложить на графиках географические, демографические и идеологические коалиции двух партий за

последние 155 лет. Там будет видно несколько различных феноменов, похожих на синусоидальные волны, и 2021 год будет зеркальным отражением 1865 года. Но если мы углубимся в идеологические аспекты этого отражения, то увидим некоторые интересные вещи.

На поверхностном уровне символы остаются нетронутыми: демократы и республиканцы по-прежнему используют одни и те же логотипы, точно так же, как Коммунистическая партия Китая сохранила серп и молот по истечении более 40 лет после капиталистической революции Дэна Сяопина. На политическом уровне, как уже отмечалось, изменилось не всё: демократы по-прежнему выступают за право на аборт, республиканцы по-прежнему выступают за право плода на жизнь. Но на идеологическом уровне уже есть о чём поговорить.

Некоторые люди рождаются революционерами. Поэтому, когда демократы из революционного класса превратились в правящий класс, когда они отошли от риторики “хватит платить ментам” к финансированию полиции Капитолия¹⁰⁰, прирождённые революционеры вышли из автобуса. Речь не обязательно об одной проблеме, такой как полиция, армия, ковидные ограничения или иные регуляции — триггер для каждого человека различен — но общий мотив заключается в том, что у прирожденного революционера просто всегда есть неприятие того, что он воспринимает как иррациональную власть.

Представьте себе основателя стартапа, который просто не может приспособиться к большой компании, когда она

покупает его стартап, или писателя, который просто отказывается сдерживаться в своих статьях из-за политических ограничений, диктуемых редактором. Среди прирожденных революционеров этого направления — Гленн Гринвальд, Мэтт Тайбби, Джек Дорси, Илон Маск, а также многие обитатели substack.com и основатели технологических компаний. Они просто не могут подчиниться истеблишменту. Но у них также есть реальные разногласия друг с другом, поэтому они независимы и не могут озвучивать партийную линию. Таким образом, прирождённый революционер настроен в первую очередь против истеблишмента и, следовательно, сегодня является скорее антидемократом, чем прореспубликанцем. Многие из наиболее успешных людей в сфере технологий и медиа разделяют эту характеристику: они не хотят прислушиваться к авторитетам, потому что думают, что знают лучше, что в их случае часто вполне справедливо. Они принципиально непокорны и непослушны, нарушают правила и ищут новизны, придерживаются идеологических, а не племенных взглядов, являются основателями, а не последователями — и, таким образом, оказываются песком в шестерёнках любого истеблишмента.

Другие типы людей идеологически предрасположены к противоположному, к тому, что некоторые могут назвать «империализмом», а другие — «национальным величием». Когда республиканцы полностью превратились из правящего класса в революционный класс и от организации вторжения в Ирак скатились до дезорганизованного вторжения в Капитолий, неоконные вроде Дэвида Фрама и Лиз Чейни перешли на другую сторону. В нашей технологической аналогии это руководители крупных компаний, которые присоединяются к компании только тогда, когда в ней работает более 1000 человек, и уходят в отставку, когда видят

на стене огненные письма. Их потенциал роста меньше, но меньше и потенциал падения. Они больше ориентированы на гарантированную зарплату и престиж. Они процикличны, а не контрцикличны, как революционеры. Они следуют стратегии «косяка рыбы», всегда идя вместе с толпой. И в этом контексте их ключевая характеристика деятельности не столько в том, что они «продемократические», сколько в том, что они антиреволюционны. Эту позицию разделяет большая часть персонала в военных ведомствах и службах национальной безопасности. Они принципиальные сторонники соблюдения правил, институциональные лоялисты и придерживаются мышления «сверху вниз».

Это означает, что прямо сейчас, сразу после того, как Америка перестроилась, мы видим все четыре типа: (а) революционные демократы, которые всё ещё считают свою партию оппозицией, (б) республиканцы, мыслящие в духе правящего класса, которые аналогичным образом (как сказал бы Дэвид Рибой) «не понимают, какой век на дворе», (в) революционные противники истеблишмента, такие как Гринвальд, и (г) антиреволюционеры с мышлением правящего класса, такие как Фрам и Чейни.

Со временем, если история хоть чему-то учит, независимые мыслители отойдут от правящего класса к революционному классу, в то время как к правящему классу присоединится гораздо большая группа конформистов. Возвращаясь к нашей технологической аналогии¹⁰¹, можем представить, что несколько самых независимых людей покинули Google, в то время как гораздо большее число людей, не склонных к риску, устроились в эту компанию. В Google осталось не так уж много от духа раннего стартапа, но есть зарплата и стабильность.¹⁰² Это похоже на динамику, которая

характеризует демократов в их формальной роли правящего класса Америки: они в значительной степени контролируют истеблишмент, но растеряли талант.

Вторая Американская Гражданская война?

Вернёмся к предыдущему разделу. Действительно ли 2021 год является повторением 1865 года? Что ж, если в соответствии с тезисом «Будущее — это наше прошлое», история движется в обратном направлении, возможно, и нет. Может быть, 1861–1865 годы еще не наступили; возможно, Вторая Американская Гражданская война ещё впереди. Мы обсудим эту возможность позже в нашем научно-фантастическом сценарии «Американская анархия».

Однако, если мы действительно будем придерживаться исторических аналогий, есть ещё один фактор, который только зарождался в 1860-х годах, но доминировал в последующую эпоху. После того, как завершилось противостояние Севера и Юга, Америка переключила свое внимание на (Дикий) Запад. Точно так же, после возможного шумного противостояния демократов и республиканцев мы можем переключить своё внимание на технологии.

Потому что технологии — это третья фракция. Это группа, которую до пандемии когда-то отождествляли с Западным побережьем, но сейчас её лучше всего рассматривать как децентрализованную сеть.

Как минимум для половины из них ситуацию можно описать примерно так. Технологические компании, штаб-квартиры которых по-прежнему расположены в Кремниевой долине, вероятно, будут активно участвовать на стороне американского истеблишмента в любой Второй Американской Гражданской войне, обеспечивая слежку, деплатформинг и цифровое принуждение в интересах правящего класса. Но носители децентрализованных глобальных технологий — те, кто участвует в пересекающихся, но совершенно разных движениях, таких как BTC и web3 — будут проявлять совершенно иное отношение. Возможно, на самом деле они не «прореспубликанские», но они будут анти-правящим классом, и выступать особенно против инфляции и цензуры, которые необходимы правящему классу для поддержки своей военной машины. Любая по-настоящему глобальная децентрализованная платформа изначально будет сопротивляться запросам цензуры со стороны американского истеблишмента.

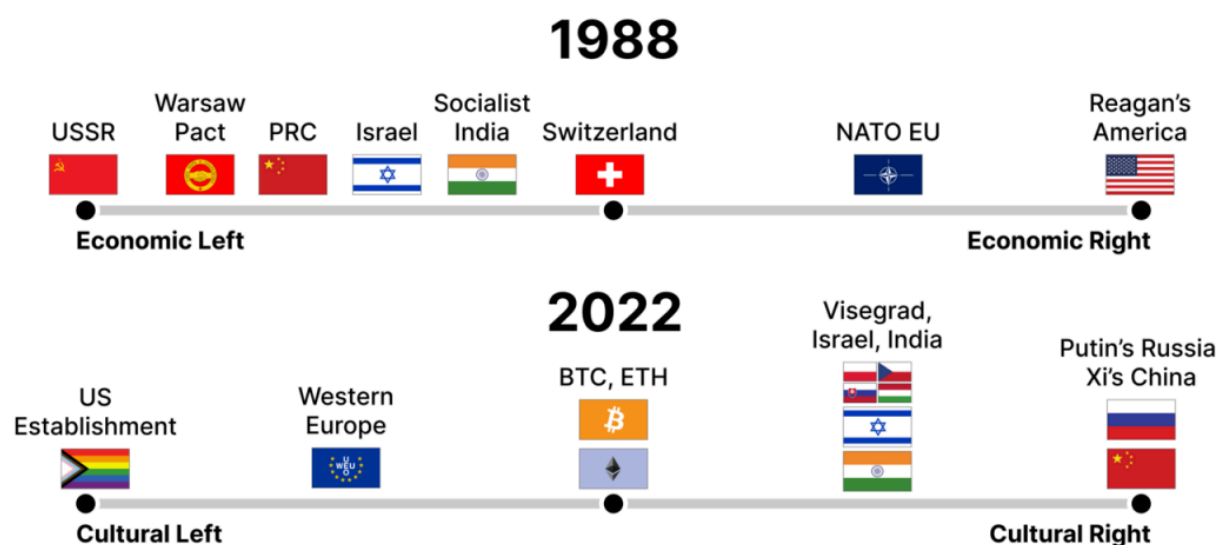
Это может стать следующим шагом в американском перевороте: конфликт между децентрализованными людьми Сети и централизованными людьми Государства, между глобальными технологиями и американским истеблишментом.

2.8.5.3. Глобальный переворот

Третий переворот касается глобального разворота событий последних 30 лет, когда коммунистические страны стали этнонационалистическими, а капиталистические страны

превратились в этномазохистские. В результате этого переворота экономически левые страны стали культурно правыми, а экономически правые — в культурно левыми. Идеологии поменялись местами, но геополитическое соперничество осталось прежним.

Картинка выше иллюстрирует этот процесс. Самой правой страной в мире сейчас является КНР, этноцентрическое ханьское государство, где «женоподобным мужчинам» теперь запрещено появляться на телевидении и где провозглашаемая цель — ирредентистское воссоединение. Его основной предпосылкой является этнонационализм, который можно перефразировать так: «Китайцы — лучшие».¹⁰³

И наоборот, Пробудившаяся Америка для Америки это примерно то же, чем Советская Россия была для России. Это самая левая страна в мире, место, где белых отправляют в конец очереди за прививками, и где провозглашаемая цель — спонсирование глобальной революции. Её основной

предпосылкой является этномазохизм, который можно перефразировать так: «Белые люди — худшие»¹⁰⁴.

Глобальная ось в 1988 году была политэкономической

Во-первых, каков был политический спектр в 1988 году, прямо перед падением Берлинской стены? Справа налево:

- США при Рейгане: правоцентристские
- Западная Европа (НАТО): центристы / правоцентристы
- Швейцария: нейтральный центризм
- КНР: при Дэне Сяопине мигрирует вправо, менее идеологическая, её трудно поместить на шкалу
- Индия: левая, социалистическая
- СССР, Варшавский договор: ультралевые

Я не думаю, что какая-либо из этих идеологических позиций может показаться слишком противоречивой. Эти страны явно идентифицировали себя как консервативные, социалистические или коммунистические соответственно. Индия была социалистической страной, но не была членом Варшавского договора и не грозила оружием Западу. Китай был номинально коммунистическим, но также не враждебным Западу и вступал во второе десятилетие капиталистических реформ, начатых Дэном в 1978 году. США были поборниками правых капиталистов в таких странах, как Чили и Южная Корея, а СССР был глобальным спонсором левых коммунистов в таких местах, как Куба и Северная Корея.

Глобальная ось в 2022 году – этнокультурная

Как выглядит глобальный политический спектр к 2022 году, сразу после начала российско-украинской войны?

- Истеблишмент США: крайние левые этномазохисты, отмеченные Флагом прогресса
- Западная Европа: левые центристы, но с растущей дисперсией
- ВТС/web3: псевдонимный центр
- Индия, Израиль, Сингапур, Вышеградское соглашение: правоцентристы
- Республиканская Америка: правые националисты
- КНР, Россия: ультраправые этнонационалисты, Z-символика и «Мы здесь навсегда»

Первое, что стоит отметить – главная ось сместилась. Основной осью теперь является не политэкономическая ось капитализма против коммунизма, а этнокультурная ось этномазохизма против этнонационализма. Является ли это высшим злом, когда государство сознательно представляет интересы расы своего большинства (как утверждает Америка), или же высшим благом (как утверждает Китай)? Или не должно быть ни того, ни другого, как утверждают творцы псевдонимной экономики?

Второе, что мы видим – центр тоже сместился. Швейцария больше не нейтральна, поскольку теперь она встала на сторону США. Нынешняя Швейцария – это криптовалюта и криптография, то, что Обама назвал «швейцарским

банковским счетом в вашем кармане». И, как только что было отмечено, новый центр предлагает этическую альтернативу как американскому этномазохизму, так и китайскому этнонационализму, а именно псевдонимную меритократию.

Третья интересная деталь: мы уже не используем американский флаг для представления истеблишмента США, поскольку это во многом спорный символ: некоторые представители истеблишмента заявляют свои права на него, а другие утверждают, что он вызывает беспокойство. Так что вместо этого для истеблишмента США мы используем Флаг Прогресса, поскольку (а) он с гордостью поднимается Государственным департаментом и в Белом доме и (б) он резко отличает истеблишмент от республиканской Америки, которая уж точно *не вывешивает* флаг Прогресса, но вместо этого может вывесить флаг «Тонкой синей линии» или, наконец, флаг биткойн-максимализма¹⁰⁵.

Четвертый момент (которого нет на рисунке) заключается в том, что мы больше не считаем республиканскую Америку совпадающей с истеблишментом США. Это потому, что США — *двунациональное* государство с двумя враждующими этническими группами (демократами и республиканцами), а не мононациональное государство. Однако мы не поместили на рисунок отдельный республиканский флаг, поскольку размещение его на правом националистическом фланге могло бы сгруппировать его с Китаем, а республиканцы не любят Китай так же сильно, как они не любят демократов. Поэтому для большей точности нам нужно использовать больше измерений, а не просто линейную ось, и мы мы обсудим это в следующей части, посвящённой триполярному миру.

Пятое, что хочется отметить: Европа сейчас находится в целом *правее* истеблишмента США по этнокультурным вопросам, тогда как в 1988 году она была левее США (если ваш радар этого не показывает, посмотрите, скажем, комментарии Макрона и Орбана).

Последнее и самое важное заключается в том, что всё это в первом приближении – грубая инверсия 20 века, поскольку бывшие коммунистические/социалистические страны теперь находятся на этнокультурном правом фланге, а капиталистический блок – на этнокультурном левом.

Обоснование для глобального политического спектра 2022 года

Как мы можем установить, что эта этнокультурная ось является разумным одномерным представлением реальности? Давайте сделаем это поэтапно.

1. *Наличие оси.* Во-первых, державами №1 и №2 этой эпохи являются США и Китай, что в первую очередь делает их полюсами какой-то оси.

- Вот график мирового ВВП, показывающий США и Китай как №1 и №2.
- Вот график глобальной военной мощи, опять же №1 и №2.
- Вот концепция G-2 Яна Бреммера.

- Также об этом говорится в нескольких книгах и статьях: «Предназначение – война», «Соединенные Штаты против Китая» (вот краткий обзор FT) и «Как понять Китай неправильно».

2. Единство Нью-Йорк Таймс, Гарварда и демократической партии как истеблишмента США. Далее, давайте установим, что существует соответствие между неформальным правительством Америки (NYT, Гарвард и т. д.) и формальным правительством (избранными демократами и карьерными бюрократами). По сути, мы хотим показать, что (а) это взаимосвязанная социальная сеть и (б) она принадлежит левым этномазохистам.

- Флаг прогресса был поднят над Государственным департаментом США
- Флаг Прогресса поднимают в Белом доме пресс-секретарь США и адмирал ВМФ.
- 97% политических пожертвований журналистов пошли демократам
- 90,1% студентов Гарварда проголосовали за демократов
- 98,82% партийных пожертвований, учтённых федеральной избирательной комиссией Гарварда, достались демократам
- 90% профессоров ведущих университетов — демократы
- В 2010-х годах использование Нью-Йорк Таймс этномазохистских терминов экспоненциально возросло.
- Графики в статье Иглесиаса о Великом Пробуждении показывают, что белые демократы по многим

вопросам в культурном отношении оказываются левее чёрных демократов.

3. NYT осуждает всё, что правее неё. В-третьих, давайте покажем, что ведущая газета американского истеблишмента, New York Times, публиковала статьи, указывающие на то, что Китай, Россия, Индия, Израиль, Сингапур, Венгрия и Франция являются «фашистскими» и «авторитарными» и, следовательно, правыми. Мы отмечаем, что ни одна из этих стран не осуждается как «коммунистическая» или левая по версии «Нью-Йорк Таймс».

- Китай: «Можно ли назвать Китай «фашистским»?»»
- Россия: «Мы должны это сказать. Россия фашистская».
- Индия: «Приход Моди: поворот Индии направо»
- Израиль: «Израильяне, возможно, совершили преступления против человечества во время протестов в Газе, заявляет ООН»
- Сингапур: «Дэвид Маршалл, 87 лет, противник сингапурского авторитаризма»
- Венгрия: «Раньше он называл Виктора Орбана союзником. Теперь он называет его символом фашизма».
- Франция: «крайний правый поворот Франции»

4. Китай и Россия в культурном плане правее США. Далее давайте установим, что Китай и Россия занимают консервативные в культурном отношении позиции в отношении брака и семьи, что ставит их существенно правее сегодняшнего Запада.

- Россия: см. их действия в пользу «традиционных семей» и статью Ричарда Ханани о России как «Великом сатане в либеральном воображении».
- Китай: можно почитать о запрете «женоподобных мужчин», пропаганде традиционного брака и семьи.

5. Европа также в культурном плане правее Америки. Теперь давайте покажем, как европейские страны выступили с заявлениями, показывающими, что они на самом деле *тоже* правее Америки по этнокультурным вопросам, хотя и не так далеки от США, как Китай и Россия.

- Франция о Пробуждении: По словам Макрона, Франция отвергает американскую культуру «Пробуждения», которая толкает США к расизму
- Вышеградская группа об иммиграции: Вышеградская четвёрка выступает против нового миграционного плана ЕС
- Великобритания об иммиграции: британский «Законопроект против беженцев»: что должен знать каждый

Итак, если собрать всё это воедино, мы получим (а) существование оси США/Китай, (б) группу институтов, которые можно с должным основанием рассматривать как голос американского истеблишмента, (в) набор обвинений со стороны Нью-Йорк Таймс в адрес других стран за то, что те правее истеблишмента США, (г) позиции Китая и России, которые далеки от этнокультурных правых истеблишмента США, и (д) ряд заявлений глав европейских государств, таких

как Макрон и Орбан, которые указывают, что истеблишмент США находится ещё левее их.

Обратим внимание, что даже если мы подвергнем сомнению *абсолютное* положение той или иной страны на этой оси, нам трудно спорить насчёт их *относительного* положения. То есть, если перейти по ссылкам выше, можно увидеть, что NYT действительно считает Россию и Китай (а также Францию, Венгрию, Индию, Израиль и т. д.) правыми в этнокультурных вопросах. И Россия, и Китай действительно считают, что истеблишмент США находится левее них в одних и тех же вопросах.

Я столь подробно останавливаюсь на этом вопросе, потому что он довольно неявный. Разделение на капиталистов и коммунистов в 20 веке было официальным, объявленным экономическим разделением. Напротив, сегодняшний раскол между этнонационалистами и этномазохистами – это неофициальный, необъявленный культурный раскол. Тем не менее, это основная глобальная ось конфликта и вполне реальная причина враждебности между китайско-российскими властями и истеблишментом США.¹⁰⁶ Даже если геополитика осталась схожей, и китайцы с русскими в рамках концепции Мирового Острова по Маккиндеру по-прежнему выступают против англо-американцев, идеология совершила переворот.

2.8.5.4. Исторические перевороты

Наша четвертая история о переворотах представляет собой обзор исторических переворотов. Как революционный класс на протяжении истории становился правящим классом?

- *От христианского краха до христианских королей.*
Раннее христианство было исходной версией коммунизма; оно лишило легитимности, а затем и разрушило Римскую империю. Затем, много поколений спустя, Священная Римская империя, сознательно принявшая имя своей далёкой предшественницы, превратила христианство в то, что Ницше называл «господской» религией, которая укрепляла иерархию, а не подрывала ее. Во времена Римской империи христиане, являясь революционным классом, были левыми. Затем, после победы, потомки этих христиан в конечном итоге стали правыми, будучи правящим классом.
- *От протестантской ереси до WASP-истеблишмента.*
Намного позже Мартин Лютер начал протестантское восстание против Католической церкви / Священной Римской империи. Ещё позже потомки этих протестантов добрались до США, чтобы дать начало аристократии WASP! Протестанты были левыми, являясь революционным классом. Затем, после победы, потомки этих протестантов в конечном итоге стали правым правящим классом.
- *От революционных китайских комми до князей.*
Сегодняшняя Коммунистическая партия Китая – это ещё один пример. Как люди называют потомков первых коммунистов, боровшихся как с японцами, так и с китайскими националистами под руководством Чана Кайши, ради получения полного контроля над Китаем? Да ведь они князья. Трудно

найти более шаблонный пример перехода от революционного класса к правящему.

- *От маргинализированного меньшинства к Пробудившемуся Капиталу.* И, пожалуй, самый важный современный пример – это Пробудившийся Капитал. Такие группы, как женщины, меньшинства и ЛГБТ, которые заменили рабочий класс в качестве опоры Демократической партии, теперь для Пробудившейся Америки примерно то же, что рабочие и крестьяне представляли собой для Советской России: её талисманы, от имени которых делается вся политика. Для коммунистов не имело большого значения, что рабочие и крестьяне в Советском Союзе на самом деле отправлялись в ГУЛАГ, а для Пробудившихся не имеет большого значения, если женщины и меньшинства в Пробужденной Америке страдают от преступности и инфляции – для движения важна лишь сила, обретенная с помощью риторики.

Таким образом, ЦРУ и армия теперь выдвигают на первый план своих женщин-шпионов и женщин-солдат. Государственный департамент США говорит нам, что жизни черных имеют значение. И когда американские вертолёты заходят на цель, они делают это под радужным флагом. Мем теперь реален: Пробуждение теперь оправдывает американский национализм точно так же, как коммунизм рационализировал российский империализм. Тем, кто нажимает на спусковой крючок, говорят, что они убивают ради высшей цели, что они морально превосходят тех, кто находится на прицеле. Именно революционная идеология оправдывает правящий класс.

Мы могли бы множить примеры и дальше, но закономерность очевидна. Как только мы увидим несколько случаев исторических переворотов, это меняет наш взгляд на текущие события. Идеологические сдвиги становятся более предсказуемыми. Это немного похоже на разговор опытного инвестора, который видел взлеты и падения многих компаний, с начинающим предпринимателем. Когда видел это раньше, распознавание образов успокаивает нервы и позволяет отличить действительно «беспрецедентное» от прецедентного.

---

⁷⁵ Компании-стартапу требуется главным образом технологическая революционность, хотя зачастую при этом присутствует в качестве подтекста и моральная революционность, поэтому «измените мир!» для многих оказывается большой мотивацией. Превращение этого подтекста в текст имеет решающее значение именно для стартап-сообщества, а не для простой стартап-компания, поскольку миссионерские общества имеют тенденцию превосходить компании наёмников. См. Единую заповедь, в частности, раздел о параллельных сетевых сообществах.

⁷⁶ См. Бигтех против СМИ.

⁷⁷ Наш аргумент состоит в том, что моральный принцип хорош с консеквенциалистских позиций, если он привлекает людей в ваше новое стартап-сообщество в соответствии с Единой заповедью.

78 Ницше ценил героизм, а не виктимологию, и ему не нравилось, что инверсия ценностей унижала Рим. Но он также должен был уважать победителя, а виктимологи каким-то образом всё-таки *победили*. Эти противоречивые наблюдения объединяются тем, что победители, как правило, успокаиваются, а проигравшие могут стать весьма мотивированными. Но не все победители погрязают в самодовольстве навсегда; иногда встречаются перебежчики, которые становятся контрэлитами и встают на сторону «проигравших». Контрэлиты и «проигравшие» затем формируют, соответственно, руководство и базу революционного движения, которое атакует победителей с целью создания нового правящего класса — в случае успеха.

79 Конечно, существуют уровни победы ниже уровня «управления страной». Например, большинство политиков сочли бы огромной победой получение бессрочного государственного финансирования для своей активистской организации. Это означает, что филантроп, изначально финансировавший проект, теперь избавлен от этой необходимости, и будущее финансирование будет осуществляться за счет общественности. Это похоже на ситуацию с венчурным капиталистом, который рискнул капиталом в небольшом стартапе, а затем увидел, как он стал публичной компанией. Теперь ему не придется брать на себя весь риск, и он может начать пожинать свою долю вознаграждения. Разница в том, что когда группа политического активиста становится «публичной», она сливается с Государством, а когда технологическая компания становится «публичной», она сливается с Сетью инвесторов.

80 Лучший пример: голосование за слежку разделяет республиканцев и демократов по принципу

противопоставления «Сети» и «Государства».
«Либертарианский» момент случился, но не внутри
Государства, а внутри Сети.

81 Однако эти концепции возникли ещё до Французской революции, даже если именно тогда эти термины были впервые использованы. Левые и правые восходят, по крайней мере, к противостоянию христиан и римлян, а возможно, что и к заре человеческой цивилизации.

82 Интересный момент в Ужине для немногих – он неявно переворачивает нашу спиральную теорию истории, поскольку финал короткометражного фильма подразумевает, что каждый новый поворот левого цикла оставляет меньше ресурсов для следующего. Это мальтузианский/эрлихианский взгляд на ограниченный запас ресурсов, который расходуется человечеством.

Вообще-то, бывает, когда этот взгляд правдив. Советские коммунисты нанесли обширный экологический ущерб, в том числе заметно осушили Аральское море, оставив меньше для тех, кто пришел после. А камбоджийские коммунисты убивали любого очкарика, что, вероятно, сокращало шансы на будущее Возрождение. Но это были коммунистические режимы, а не капиталистические, поэтому если мы и можем разойтись со мнением талантливого режиссера (Нассос Вакалис), то разве что в вопросе о типе общества, которое двигает человечество вперед – и о том, возможен ли вообще прогресс.

Ведь когда-то все люди (или их человекообразные предки) находились в естественном состоянии, не имели одежды и жилища. Затем были изобретены различные технологии, которые начали создавать богатство и отделять человека от обезьяны. Если мы согласимся с тем, что средневековый крестьянин был в некотором смысле богаче, чем палеолитический пещерный человек, мы признаем, что долгосрочный прогресс возможен. Это противоречит идее, что каждый новый виток цикла обязательно ухудшает наше положение.

83 Мы живём прямо в разгар этой перегруппировки как внутри США, так и за их пределами.

84 Обычно с помощью тех, кого Питер Турчин называет контрэлитами, высокопоставленными членами общества, которые не согласны с действующей элитой. В случае стартапа контрэлитой будут венчурные капиталисты, стремящиеся профинансировать разрушение крупной компании. В случае революционного политического движения это была бы недовольная знать, ищущая демографическую группу, которую она могла бы представлять.

85 Даже это несправедливо по отношению к вымышленной Бумажной компании Дандера и Миффлина. Кто-то, возможно, Дандеры и Миффлины, когда-то, должно быть, страстно любили бумагу. Мы можем мысленно отмотать время назад, когда система межофисной переписки была, по сути, корпоративной интрасетью, и эта бумага была для каждого бизнеса тем же, чем сегодня является подключение

к Интернету. В любом случае, кому-то в какой-то момент это должно было показаться интересным. Потому что слишком сложно основать компанию, вдохновляясь только деньгами. Джон Коллисон схожим образом заметил, что почти все, что мы видим — этот стул, этот фонтан — было чьим-то любимым проектом, учитывая, как сложно выпускать что-то конкурентоспособное.

86 Марксизм постулирует, что «бедные» всегда угнетались «богатыми», даже если эти группы на самом деле резко меняются с течением времени. Но простой расчет показывает, что в реальности довольно сложно сохранять богатство между поколениями. Предположим, что у мужчины 2 детей, 4 внука, 8 правнуков и так далее. Тогда даже очень богатый человек делил бы свое состояние между 2^N потомками поколения N. Если предположить, что между поколениями проходит около 30 лет, немногие цивилизации обладают достаточной долгосрочной стабильностью, чтобы в них была возможность последовательно удваивать состояния каждые 30 с лишним лет, особенно если учесть ежегодное списание расходов на проживание. И этот расчет предполагает только двух детей в каждом поколении, а их может быть и больше. Если бы применялось первородство, а не равное распределение среди всех потомков, старший сын получал бы все состояние, но остальным $2^N - 1$ не повезло бы. Итак, потомкам богатого человека на самом деле довольно сложно оставаться «богатыми». Когда вы применяете эту концепцию не только к отдельному человеку, но и ко всему классу «богатых» людей, это искажает неявную ментальную модель марксизма: а именно, что существует статический класс «богатых» людей, господствующий над «бедными» в течение нескольких поколений.

87 Скотт позиционирует переключение между левым и правым исключительно как вопрос стиля, и в этом есть доля правды. Но я думаю, что, кроме формы, есть и содержание: левая тактика предназначена для разрушения порядков, а правая тактика — для их защиты. То, что он описывает, больше похоже на то, как венчурные капиталисты и основатели покидают успешный стартап, чтобы затем найти/профинансировать конкурента этого стартапа.

88 Прошу учесть: я полагаю, что Чан Кайши был гораздо предпочтительнее Мао во время гражданской войны в Китае, потому что народ Тайваня жил намного лучше, чем жители КНР при Мао в период 1949–1978 годов.

89 (Революционные) левые редко недооценивают правых (правлящий класс), потому что пушки, танки, богатство и другие условно-правые вещи очень осязаемы.

90 Мы не можем в нескольких предложениях описать всю сложность отношений между западными левыми и Советским Союзом, но они неплохо описаны здесь. Вкратце, до Второй мировой войны американцы сыграли решающую роль в основании и функционировании Советского Союза, до такой степени, которая сегодня полностью замалчивается. Каждый считал себя старшим партнером в отношениях, тем, кто использует другого. После Второй мировой войны между ними шла настоящая борьба за мировое господство во время Холодной войны, в которой среди американцев оставались сторонники Советского Союза, а внутри Советского Союза — сочувствующие США перебежчики. Но даже в середине 1970-х годов, после поражения во Вьетнаме, не было очевидно, что

США выиграют холодную войну. В конце концов американский истеблишмент начал думать о Советах как о низестоящих, и начал называть самых преданных коммунистов «консервативными сторонниками жёсткой линии». К 1991 году Советы капитулировали не только из-за внутренних экономических проблем или внешнего военного давления, но также из-за потери значительной части поддержки «мягкой силы» со стороны западных левых.

91 Если применять нашу терминологию, в контексте СССР советское правительство использовало правую тактику, поскольку оно было правящим классом. Однако в глобальном контексте Советский Союз использовал левую тактику, пытаясь разжечь революцию.

92 Точно так же я сочувствую и рабочему человеку, но знаю, что ответ на его проблемы – это не социализм, коммунизм или фашизм.

93 До советско-китайского раскола, который был примечателен своей формальностью.

94 Обратим внимание, что Пробуждение на самом деле не приносит пользы «маргинализированным». Коммунизм обещал освобождение рабочим только для того, чтобы толкнуть их в рабство ГУЛАГа. Пробуждение претендует на то, чтобы приносить пользу «маргинализированным», но усердно работает над их полным обнищанием посредством инфляции и разрушения стабильности в их районах. Мы всё

ещё находимся на относительно ранней стадии, но есть все признаки того, что дальше будет хуже.

95 Динеш Д'Суза вообще отрицал бы, что это произошло! Если вам интересно, вот его случай, а также случай Эрика Фонера (автор не приводит ссылок – прим. переводчика).

96 Конечно, изменилось не всё. В этот период республиканцы оставались националистической партией. Но демократы превратились из сепаратистов в интернационалистов. Например, Вудро Вильсон был полностью привержен идее Лиги Наций, а одним из первых действий Франклина Рузвельта на посту президента было признание Советского Союза.

97 См. «Как чёрные стали синими» и стр. 30 книги «Прощание с партией Линкольна».

98 Обратим внимание, что логика несопоставимого воздействия здесь обычно не применяется; отсутствие представительства *политического* класса не считается следствием дискриминации. Однако отметим, что демократы хотят вступать в брак только с другими демократами, а республиканцы обычно женятся на других республиканцах. Таким образом, всего за одно поколение или около того эти политические группы сами по себе обречены стать этническими группами, во многом подобно тому, как это произошло с суннитами и шиитами или протестантами и католиками. Идеология влияет на биологию.

⁹⁹ Тот факт, что одни и те же два племени продолжают периодически воевать на протяжении как минимум 400 лет, означает, что мы можем переосмыслить конкретные причины их борьбы скорее как непреодолимо племенные, чем мимолетно идеологические, нечто более похожее на вражду Хэтфилдов и Маккоев, чем на любую грандиозную битву идей. В этом контексте, если одно племя принимает левую тактику, другое должно принять правую тактику, и наоборот.

¹⁰⁰ Да, переобуwanie давно напрашивалось, но это особенно очевидный публичный пример.

¹⁰¹ Опять же, причина, по которой мы так часто используем аналогию с циклом «стартап – большая компания», заключается в том, что это один из немногих долгосрочных циклов, с которыми сегодня знакомы миллионы людей. Мы не можем столь же уверенно опираться на историю, скажем, Рима, потому что её просто не преподают на должном уровне в школах или фильмах.

¹⁰² Facebook здесь скорее исключение: технологическая компания с наибольшим потенциалом для возрождения и внутреннего упорядочивания, поскольку её всё ещё возглавляет её первоначальный основатель. Это то, что Само Бурья назвал бы «живым игроком».

¹⁰³ Вот, если угодно, свидетельство о китайском этнонационализме. Министерство обороны США написало об этом в отчёте “Стратегические последствия китайского

расизма: стратегическая асимметрия для Соединенных Штатов”. Там отмечается: «В китайской истории и современной культуре китайцы считаются уникальными и превосходящими остальной мир. Другие народы и группы рассматриваются как неполноценные, со скользящей шкалой неполноценности».

¹⁰⁴ А вот, если желаете, цитата об американском этномазохизме: сотрудник официального рупора американского истеблишмента утверждает, что «расизм есть во всём. Это следует учитывать в наших научных отчётах, в наших заметках о культуре, в наших национальных сводках. Поэтому для меня речь идет не столько об отдельных случаях расизма, сколько о нашей манере мыслить о расизме и превосходстве белой расы как об основе всех систем в стране».

¹⁰⁵ Например, флаг «Тонкая синяя линия» — это обложка Твиттера пионера криптовалюты Ника Сабо. Его мировоззрение на самом деле логически последовательно, поскольку он фактически минархист, а не ортодоксальный криптоанархист. Он за общество с положительной суммой, которое позволяет людям мирно наращивать богатство, и, следовательно, против грабежей и беспорядков. Хотя он может положиться на криптографию для защиты своих биткоинов, он поддерживает полицию, чтобы поддерживать порядок во всём остальном.

¹⁰⁶ Ради пущей конкретики можно рассмотреть рассекреченный брифинг Министерства обороны от 2013 года. Здесь американские военные рекомендуют называть

Китай «расистским», чтобы это помогло в гонке вооружений, и продвигать эти сообщения через деятелей поп-культуры, а не напрямую через официальных представителей. Вот цитата: «Месседж Соединенных Штатов «Китай — расистское государство» поможет завоевать союзников в глобальной массовой культуре, которая находится под сильным влиянием идеалов, укорененных в западной левой политической мысли, включая сильные антирасистские течения. Популярные деятели кино, музыки, телевидения и спорта смогут гораздо лучше привлечь внимание молодой аудитории во всем мире к китайскому расизму, чем официальный или полуофициальный Вашингтон».

2.9. Единая заповедь

Сетевое государство. 2. История как траектория.

2.9.1. Сообщества – это прежде всего причины, и лишь потом – компании

Каждое новое стартап-сообщество должно иметь в своей основе моральную предпосылку, которую разделяет его нация-основатель, которая поддерживается цифровой историей, неуничтожимой даже для более могущественного государства¹⁰⁷, и которая оправдывает его существование как праведного, но мирного протеста против власть имущих.¹⁰⁸

Чтобы внести ясность: это огромная работа — построить целое моральное здание наравне с религией и проработать все практические детали. Мы не советуем вам придумывать свои собственные Десять заповедей!

Но мы думаем, что можно придумать *единственную* заповедь. Одну новую моральную предпосылку. Всего лишь один конкретный вопрос, по которому история и наука убедили вас ложности идей истеблишмента. И где вы чувствуете себя

уверенно, излагая свою точку зрения в статьях, видео, книгах и презентациях.

Эти презентации похожи на презентации стартапов. Но как основатель стартап-сообщества, вы не технологический предприниматель, рассказывающий инвесторам, почему эта инновация лучше, быстрее и дешевле. Вы — моральный предприниматель, рассказывающий потенциальным будущим гражданам о лучшем образе жизни, о единственной вещи, которую мир в целом понял неправильно, и которую ваше сообщество исправляет.

Сосредоточив внимание только на одной проблеме, вы можете создать параллельное общество с управляемой сложностью, поскольку вы меняете только одно цивилизационное правило. В отличие от политической партии, вы не предлагаете комплексное соглашение по многим вопросам, которые волнуют людей лишь поверхностно. С помощью единой заповеди вы вместо этого предлагаете сообщество *единой проблемы* и привлекаете не избирателей, голосующих по одной проблеме, а тех, кто *продвигает* этот единый вопрос.

2.9.1.1. Концепция параллельного общества

В качестве терминологического примечания: мы подразумеваем, что *стартап-сообщество* — это новое сообщество, построенное в первую очередь в интернете, основанное на социальной критике своего родительского

сообщества и основанное с целью решения этой конкретной социальной проблемы через добровольное участие — а именно, путем вербовки людей в интернете для добровольного формирования альтернативного общества, которое показывает лучший путь. Также подразумевается, что стартап-сообщество всё ещё довольно маленькое и находится в самом начале реализации своих амбиций, как и стартап-компания.

Параллельное общество примерно эквивалентно стартап-сообществу, но подразумевается, что оно может быть намного больше по масштабу. Оно параллельное, потому что оно располагается отдельно от основного общества как параллельная версия, как форк. Оно *не противостоит* мейнстриму по всем измерениям, но, безусловно, *отличается* от мейнстрима по ключевым направлениям.

«Стартап-сообщество» и «параллельное общество» относятся друг к другу примерно как «стартап» и «технологическая компания»; первый – это ранняя стадия, а вторая может быть на любой стадии.

Эта аналогия корректна и с другой точки зрения. Термин «технологическая компания» может относиться к полностью удаленной организации, к частично представленной в физическом мире компании с некоторым количеством офисных помещений, или ко всемирно признанной транснациональной корпорации, такой как Google. Точно так же и «параллельное общество» – это зонтичный термин, который может обозначать полностью цифровой сетевой союз, частично представленный в

физическом мире сетевой архипелаг или дипломатически признанное сетевое государство.

Это важно, потому что цели стартап-сообщества могут быть реализованы с помощью чисто цифрового сетевого союза, также может понадобиться некоторое физическое присутствие в виде сетевого архипелага, или даже формальное юридическое признание в виде полноценного сетевого государства. Всё зависит от характера вашей Единой заповеди: может ли она быть выполнена исключительно на уровне сообщества, требует ли она физического строительства или также изменений в правовой системе.

Для разъяснения тезиса разберём несколько конкретных примеров. Мы опишем стартап-сообщества, опирающиеся на полностью цифровой сетевой союз, другие, ориентирующиеся на частично физический сетевой архипелаг, и третьи, которым необходимы дипломатически признанные сетевые государства.

2.9.2. Примеры параллельных обществ: цифровые сетевые союзы

2.9.2.1. Культура обновления: сообщество с защитой от отмены

Давайте начнем с простого примера основанного на Единой заповеди стартап-сообщества, которому требуется только чисто цифровой сетевой союз и не требуется полного физического присутствия, как в сетевом архипелаге, не говоря уже о дипломатическом признании, как у сетевого государства.

Это сообщество с защитой от отмены.

Предположим, вы гипотетический основатель этого стартап-сообщества. Вы начинаете с истории последних пятнадцати лет, показывающей все причудливые примеры отмены в социальных сетях, что-то вроде книги Джона Ронсона «Итак, вас публично опозорили».

Вы отмечаете, что эти отмены представляют собой пагубное следствие моральных норм жителей Государства и руководителей Сети. Их алгоритмы партизанской войны и взаимодействия поймали многих невинных людей в ловушку под перекрестный огонь социальной войны. Теперь случайный комментарий гражданского лица легко превращается в человеческое жертвоприношение ради приверженности к идеологической чистоте. Это примерно как если бы в офлайне случайный прохожий так обиделся на вашу реплику в адрес приятеля, что открыл по вам огонь.

Те, кто согласен с тем, что нормальное поведение в интернете не должно сопровождаться риском социальной смертной казни, наложенной случайными людьми, составляют основу вашего нового общества. Они согласны с

вашей исторически обоснованной моральной критикой. И Единой заповедью такого сообщества может быть что-то вроде: «Отмена без надлежащей правовой процедуры — это плохо».

Как вы это реализуете? Одно из решений – создание сетевого союза, который представляет собой сочетание принципов (а) гильдии и (б) страхования от отмены.

Вы собираете в дискорде группу людей, при желании оформляете ваше сотрудничество через выпуск токена DAO, и работаете над совместным продвижением и помощью друг другу. Это может быть гильдия, скажем, графических дизайнеров, молодых писателей-фантастов или инженеров-электриков. Токен DAO не обязателен — это не какая-то грандиозная инновация вроде Ethereum. Это просто способ записать, кто вложил время и/или деньги в стартап-сообщество и сколько именно. Люди готовы отдавать, чтобы получить, при помощи механизмов вроде StackOverflow Karma. А те, у кого денег больше, чем времени, могут купить токен, чтобы поддержать тех, у кого в гильдии больше времени, чем денег.

Теперь 99% времени это стартап-сообщество просто занимается деятельностью «мирного времени», например, помогает людям найти работу, организует продвижение новых продуктов, созданных участниками, способствует популяризации сообщества или просто тусуется на встречах.

Но в 1% случаев кто-то в гильдии подвергается социальной атаке. В этой ситуации гильдия может решить публично отреагировать как единое целое или — если она сильно уступает атакующим в численности — может тихо поддержать пострадавшую сторону, предоставив ей новую работу после того, как шум утихнет. В таких обстоятельствах вступает в силу Единая заповедь, и в отношении попытки отмены применяется внутренняя надлежащая процедура. Действительно ли человек сделал что-то не так, и если да, то не будет ли более правильным наказанием штраф в сто долларов или извинения, а не на публичная клевета, разрушающая карьеру?

Идея состоит в том, что такое стартап-сообщество служит двойной цели: оно полезно в «мирное время», но также даёт людям сообщество, к которому можно обратиться в случае интернет-травли. И именно так можно построить культуру, устойчивую к отмене.

2.9.3. Примеры параллельных обществ: физические сетевые архипелаги

2.9.3.1. Кето-кашрут: сообщество, не употребляющее сахара

Далее давайте рассмотрим пример, для которого требуется сетевой архипелаг (с физическим охватом), но не обязательно иметь полноценное сетевое государство (с дипломатическим признанием).

Это кето-кашрут, сообщество, не употребляющее сахар.

Начинаем с истории ужасной пищевой пирамиды Министерства сельского хозяйства США, агрикультурного монстра, который послужил прикрытием корпоративной сахарификации во всём мире и вызвал эпидемию ожирения. Также обсуждаем лечение в виде кето- и низкоуглеводной диеты.

Затем начинаем внедрять это лечение при помощи частично представленного в физическом мире сетевого архипелага. Организуем онлайн-сообщество, которое покупает вскладчину недвижимость по всему миру, например, многоквартирные дома и спортивные залы, а со временем, возможно, даже кварталы и небольшие городки. Можно даже применить крайне нетерпимый подход к сахару, буквально запретив ввоз джанкфуда и сахара в пределы своих границ, тем самым внедрив своего рода «кето-кошерный режим».

Можно также представить себе варианты этого стартап-сообщества, такие как «Сообщества плотоядных» или «Палеолюди». Это будут конкурирующие стартап-сообщества в одной и той же широкой области, вариации одной темы.

В случае успеха такое сообщество, возможно, не остановится на сахаре. Это может привести к установлению культурных стандартов, скажем, в отношении фитнеса и физических упражнений. Или, возможно, оно мог бы закупить для всех участников глюкометры непрерывного действия или размещать оптовые заказы на метформин.

2.9.3.2. Цифровой шаббат: частично офлайновое сообщество

Автомобили, в целом — это хорошо. Но с ними можно переборщить. Америка середины века так и сделала. Набережную Сан-Франциско заслонили уродливыми эстакадами, затрудняя пешеходную доступность этого прекрасного района. Это шоссе было снесено в конце 20 века.¹⁰⁹ И его снос стал признанием того, что иногда хорошего может быть слишком много.

Круглосуточное подключение к интернету относится к той же категории. Хорошо, что мы делаем такие вещи, как Starlink, чтобы обеспечить всему миру доступ к интернету, дать возможность бесплатного онлайн-образования и вовлечь всех в глобальную экономику.

Но плохо, если вы никогда не можете отключиться от интернета. Вот почему такие приложения, как «Freedom», так популярны. Вот почему люди используют устройства ограничения доступа, такие как банки из-под печенья с таймером, и прячут туда свои телефоны. Вот почему такие

приложения, как Twitter и Snapchat, стали популярными благодаря искусственным ограничениям, таким как ограниченное количество символов или исчезающие сообщения, то есть были заточены под подверженных ошибкам людей, а не под непогрешимые машины. Вот почему Цинхуа отключает интернет по ночам, почему Apple теперь выводит на экран индикаторы времени использования устройства, и почему такие книги, как «Элементарные привычки» и «Неотвлекаемость», так хорошо продаются.

А может, не надеяться в деле оптимизации подобных трудностей на индивидуальную ответственность? Как насчёт создания сообщества, которое помогало бы отвлечься и от интернета, и от самоконтроля? Сообщества, которое признавало бы, что интернет это хорошо, но пространство без интернета – это тоже хорошо, точно так же, как хороши автомобили, но набережная Сан-Франциско без машин тоже хороша.

Одним из способов добиться этого могло бы стать общество Цифрового Шаббата, где интернет просто отключается по ночам, с 9 вечера до 9 утра. Кроме того, некоторые здания и помещения будут, скажем, заключены в клетки Фарадея, чтобы отключить их от беспроводной связи. Зоны начнут обозначаться как онлайн- и офлайн-зоны, что-то вроде зон для курящих и некурящих в самолетах. Любое использование интернета будет осознанным и целенаправленным, а не бессознательным и произвольным.

Со временем такое общество может даже попытаться создать приложения, которые вернут людям контроль над использованием интернета, используя инструменты машинного обучения с открытым исходным кодом, работающие локально на устройствах и обеспечивающие защиту конфиденциальности, чтобы расставлять приоритеты уведомлений, блокировать отвлекающие факторы и повышать личную продуктивность.

Общество Цифрового Шаббата – это пример сетевого архипелага, который сосредоточен на улучшении самоконтроля при использовании интернета. По очевидным причинам для этого понадобится присутствие в физическом мире, а выполнять его цели исключительно в цифровом виде не получится.

2.9.4. Примеры параллельных обществ: признанные сетевые государства

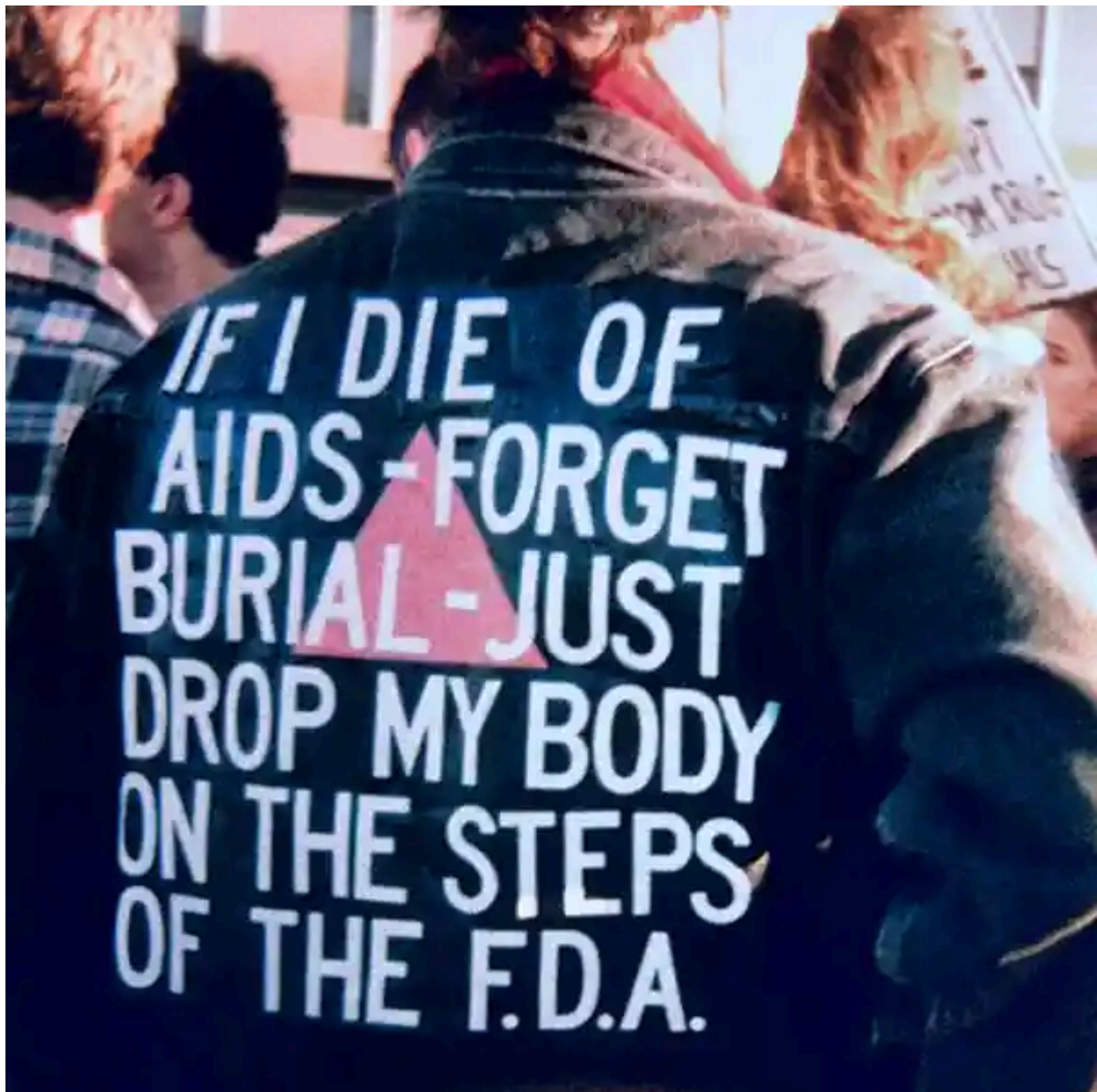
2.9.4.1. Моё тело – моё дело: общество без потребительских регуляций

Теперь давайте рассмотрим более сложный пример, который потребует полноценного сетевого государства с дипломатическим признанием.

Это зона медицинского суверенитета, общество, свободное от регуляций FDA (*Food and Drug Administration*, российский аналог: *Роспотребнадзор* – прим. переводчика).

Начинаем наше стартап-сообщество с истории Хеннингера о влиянии решений FDA на скорость разработки и внедрения лекарств, и истории Табаррока о вмешательстве FDA в так называемые рецепты «не по прямому назначению».

Рассказываем, сколько миллионов было убито такой политикой, раздаём футболки, как это делало движение АСТ-UP, показываем всем своим потенциальным гражданам *Далласский клуб покупателей* и разъясняем всем новым членам сообщества, почему наше дело медицинского суверенитета праведно.

Но чтобы на самом деле достичь личного медицинского суверенитета, нашему стартап-сообществу потребуется определенная степень дипломатического признания со стороны суверенов за пределами США — или, возможно, одного из штатов США. В сущности, это должно быть то, что мы называем сетевым государством, поскольку ему потребуется юридическое признание со стороны существующего правительства.

Если создавать его за пределами США, такое стартап-сообщество может опираться, скажем, на поддержку нового биомедицинского режима Мальтой. Чтобы сделать это в США, понадобится губернатор, который объявит свой штат штатом-убежищем для биомедицины. То есть, точно так же, как город-убежище заявляет, что не будет обеспечивать соблюдение федерального иммиграционного законодательства, штат-убежище для биомедицины не будет выполнять предписания FDA.

Благодаря этому дипломатическому признанию далее можно взять существующее американское законодательство и добавить одну важную новую особенность: абсолютное право каждого покупать или продавать любую медицинскую продукцию без вмешательства третьих лиц. Ваше тело – ваше дело. Так будет получена зона, свободная от FDA.

2.9.5. Анализ параллельных обществ

Теперь мы понимаем, почему так важна целенаправленная моральная критика. Она направляет (а) моральный пыл политического движения, (б) сфокусированный с лазерной точностью, присущей стартап-компаниям, давая на выходе (в) стартап-сообщество, основанное на Единой заповеди.

Такое сообщество – это не тотальная революция. Мы не начинаем полностью с нуля. Каждое стартап-сообщество просто берёт повреждённый аспект сегодняшнего мира, часто или повреждённый государством, или

представляющий собой какое-то игнорируемое им бедствие, пишет историю этого провала государства, а затем создает добровольное сообщество для решения этой проблемы.

Это чётко сфокусированное параллельное общество, вносящее одно значительное изменение.

2.9.5.1. Почему не более одной заповеди?

Почему так важно вводить *одну* заповедь, а не ноль или N?

Короткий ответ: писать с нуля нечто столь сложное, как социальная операционная система, мало кто захочет, к тому же другие будут активно мешать это делать. Но мало кто захочет и полностью избегать инноваций в ущербном обществе. Таким образом, введение одного (1) узконаправленного изменения в рамках стартап-сообщества с гражданами-добровольцами позволяет протестировать новую заповедь.

Более развернутый ответ вращается вокруг важного парадокса современного общества: а именно, что многие люди чувствуют себя некомфортно, проповедуя религиозную мораль, но при этом очень комфортно, когда проповедуют свою политическую этику.

Первую часть легко понять. Сегодня жители Запада часто стесняются предлагать другим исповедовать свою религию. Почему? Они могут чувствовать, что сами не до конца её понимают, так кто они такие, чтобы проповедовать другим? Или они знают, что не могут соответствовать своему идеальному моральному кодексу, как тот, кто хочет сидеть на диете, но не всегда может себя сдерживать, поэтому воздерживаются от замечаний, чтобы избежать обвинений в лицемерии. Также, возможно, они не хотят, чтобы на них нападали как на сумасшедшего культиста. Всё это вполне понятные колебания перед тем, чтобы как (а) нести учение традиционной религии, так и (б) изобретать совершенно новую религию, равно как и (в) создавать ответвление существующей религии. (Последнее — это что-то вроде создания новой деноминации протестантизма, где сохраняется большая часть старой кодовой базы, но добавляются некоторые важные отличительные факторы.)

Но давайте подумаем о второй части. Хотя в западном обществе существует большая нерешительность насчёт религиозных проповедей, в отношении *политического* евангелизма, по-видимому, сомнений нет. Действительно, это считается этическим долгом, обычно именно в таких терминах: слово «этический» используется вместо слова «моральный», но выполняет очень похожую роль, и по крайней мере две крупные конкурирующие политические партии активно сражаются за души/голоса своих верующих.

В этом и заключается парадокс: хотя и политические, и религиозные движения можно считать *доктринами*¹¹⁰, поскольку они сопровождаются рядом директив о том, как люди *должны* жить, тот же человек, который стесняется рассказывать другим людям о морали, часто невероятно

уверен в себе, настойчиво донося до других людей свои политические воззрения.

Вот почему мы рекомендуем каждому новому стартап-сообществу лишь одну заповедь. Это что-то среднее между слишком застенчивым и слишком властным. Это нечто среднее между полным отказом от религиозного евангелизма и чрезмерным увлечением политически звучащим евангелизмом. Не стоит избегать моральной позиции, потому что это означает, что вы пассивно поддаётесь своему окружению. Но также не надо пытаться начинать навязывать всеобъемлющую политическую идеологию, потому что это слишком сложно и означает тотальную войну с вашим окружением.

Вместо этого просто выберите *один* недостаток современного общества, который, как вы уверены, можно исправить путём создания стартап-сообщества, и следуйте этим путём. Одна заповедь, а не ноль или N.

2.9.5.2. А как насчет старых доктрин?

До сих пор мы говорили о Единой заповеди, но подразумевали, что это *новое* моральное веяние, такое как отказ от сахара или ограничение использования интернета. А как насчет старых религий, политических кодексов и моральных заповедей?

Конечно, можно вернуться к старому известному религиозному кодексу, приняв его полностью или частично. В стартап-сообществе с добровольным участием это можно сделать относительно просто, потому что религия во многих странах в основном считается частным делом: до тех пор, пока люди соглашаются исповедовать свою религию определённым образом без образования иерархий, государство им это позволяет.

Вернуться к старому *политическому* кодексу сложнее, потому что тут уже речь идет о публичном праве, а не о частном. Тем не менее, если построить достаточно большое стартап-сообщество и выбрать удачные законы, вполне реально чего-то добиться на уровне города или региона — как на Западе, так и за его пределами.

2.9.6. Параллельные системы катализируют мирные реформы

Как США победили СССР? Они построили и защитили параллельную систему.

Вернёмся к падению Советского Союза. Как отметил Стивен Коткин в блестящем интервью, самым важным фактом о Советском Союзе было то, что они *действительно* были коммунистами. Сторонние наблюдатели считали Советы циничными, но они ошибались; их цинизм имел пределы. В

конечном счёте Советы всё-таки были ревностными сторонниками своей идеологии.

Да и как могло быть иначе? Да, советские граждане не были глупыми и понимали, что факты могут противоречить доктрине, но они действовали в ограниченной информационной среде. Цензура была настолько всепроникающей, что контролировала мышление. Степень самообмана была настолько всеобъемлющей, что даже номенклатура, вроде Бориса Ельцина, не знала, насколько на самом деле беден Советский Союз, пока он не посетил американский супермаркет и не воздел руки, поняв, насколько сильно отстаёт СССР. В отличие от описанного у Оруэлла, советские лидеры обманывали и себя тоже.

Таким образом, по сути, любые изменения, которые советская элита могла бы предложить в отношении СССР, были бы лишь поверхностными. Её ценности и доступная информация были ограничены. На самом деле им нужна была совершенно другая система. Однако их система сопротивлялась как революционным, так и постепенным реформам.

Решением стала *параллельная система*, ориентирующаяся на США. Альтернативное общество, основанное на других моральных предпосылках, которое в конечном итоге обеспечило несомненно лучшие результаты.

Это тот же основной инструмент, который реформировал Китайскую Народную Республику. Само существование

успешных параллельных систем на Тайване, в Гонконге и особенно в Сингапуре заставило Дэна Сяопина принять капитализм. Книга Эзры Фогеля превосходно описывает эти события.

Итак, в обоих случаях это были параллельная системы, которые победили соответственно советскую и маоистскую систему.

2.9.6.1. Параллельным системам когда-то требовалась прилегающая земля, а теперь нет

В 20 веке единственным способом построить параллельную систему было сражаться и выиграть войну (часто горячую) против коммунистов или фашистов, которые намеревались завоевать некую территорию. Параллельные системы США с Сингапуром, Гонконгом и Тайванем поддерживались против СССР и КНР ценой огромных затрат в борьбе за большие прилегающие территории. Этот подход был полностью ориентирован на Государство.

В 21 веке наш подход предлагает сетецентричный способ построения параллельных систем: создавать по одному добровольному сообществу за раз, при необходимости чисто в цифровом формате, оправдывая это исторической/моральной критикой нынешней системы, что делегитимизирует государственное насилие против этих сообществ и позволяет эксперименту продолжиться.

Многие потерпят неудачу, но для тех, кто преуспеет, можно будет объединить хорошие изменения и отбросить плохие, чтобы в конечном итоге получить параллельное общество, которое во многих отношениях отличается от исходной кодовой базы, например, США, но сохраняет достаточное сходство, чтобы быть «обратно совместимым», позволяя гражданам мигрировать. Подобно отношениям США и Европы в 1800-х годах, это способ воспроизводимого построения Нового Света в интернете для реформирования существующих государств.

2.9.7. И ещё четыре тезиса о Единой Заповеди

Во-первых, начав с, казалось бы, простой моральной предпосылки и доведя её до логического завершения, стартап-сообщество, основанное на одной-единственной заповеди, в конечном итоге меняет огромные сферы жизни, но при этом целенаправленно, ограниченно и интеллектуально последовательно.¹¹¹ Достаточно просто подумать о том, что на самом деле означает слово «кетто», если его экстраполировать на масштабы целого города, где отравление сахаром воспринимается так же серьезно, как отравление свинцом.

Во-вторых, сообщества, основанные на Единой заповеди, допускают масштабируемое, параллельное и согласованное исследование социально-политического пространства. Различные группы, которые не согласны друг с другом в том,

как жить, тем не менее, могут поддерживать метаконцепцию множества различных экспериментов, основанных на единственной заповеди. В самом деле, и сообщество плотоядных, и веганская деревня, скорее всего, будут иметь лучшие показатели здоровья, чем те, что даёт стандартная западная диета, даже если эти сообщества расходятся во мнениях по основным моральным принципам.

В-третьих, между сообществами существует сетевой эффект. Конечно, каждое из них начинается с чёткой фокусировки — подобно тому, как стартап-компания пытается привлечь клиентов с помощью одного узкого нишевого продукта, каждое стартап-сообщество пытается привлечь участников с помощью одной конкретной заповеди. И, как и в случае со стартап-компанией, любой индивидуальный эксперимент по созданию нового социально-политического порядка может быть успешным, а может и провалиться. Но пока *некоторые* стартап-общества, основанные на Единой заповеди, добиваются успеха, они могут копировать проверенные моральные инновации друг у друга.

В-четвертых, каждое из таких стартап-сообществ, основанных на Единой заповеди, имеет свою историю. Послушайте кого-нибудь из кето-кошерного общества, и он сможет рассказать о том, как пищевая пирамида Министерства сельского хозяйства США привела к эпидемии ожирения. Поговорите с монахом-бенедиктинцем, и вы услышите о религиозной культуре, которую они пытаются сохранить. Поговорите с гражданами общества без потребительских регуляций, и они расскажут вам историю нескольких сильных и многих слабых сторон FDA, от её взаимодействия с движением АСТ-UP до задержек в разработке лекарств. Некоторые из таких сообществ

ориентированы на новые технологии, а некоторые нет, но все они основаны на этическом кодексе, выведенном из чтения истории. И именно поэтому история является основой любого нового стартап-сообщества.

---

¹⁰⁷ Кажется, что это избыточно высокая планка, но научные архивы, поисковые системы и социальные сети продолжают подвергаться молчаливой цензуре. И иногда не такой уж молчаливой. Поэтому нам нужно что-то вроде IPFS или Биткойна для хранения устойчивой к воздействию Государства цифровой истории.

¹⁰⁸ Как выразился Антонио Гарсиа-Мартинес: «Готовы ли вы умереть за DAO?»

¹⁰⁹ Конечно, вскоре это место было оккупировано фентаниловыми наркоманами. Но был некоторый интервал времени, когда люди могли наслаждаться пешеходной набережной.

¹¹⁰ Доктрина также может быть основана не только на Боге или Государстве, но и на Сети. То есть речь в ней может идти не только о религии или политике, но и о глобальных деньгах, таких как Биткойн или Эфириум.

¹¹¹ В частности, мы подразумеваем, что каждый, кто входит в данное стартап-сообщество, может дезавуировать своё участие и выйти из сообщества в любое время.

3.1. NYT, КПК, BTC

Сетевое государство. 3. Трёхполярный мир.

Сегодняшний мир становится трёхполярным. Эти полюса – NYT, КПК и BTC. Иначе говоря, друг другу противостоят американский истеблишмент, Коммунистическая партии Китая и глобальный интернет.

У каждого из этих трех полюсов есть онлайн-источник истины: газета (NYT), партия (КПК¹¹²) или протокол (BTC). У каждого из них есть цифровая экономика, окружающая этот источник истины: долларовая экономика, цифровой юань¹¹³ или криптоэкономика web3. Каждый полюс представляет собой самостоятельную сеть, стоящую за пределами государства; Сеть «Нью-Йорк Таймс» задаёт направление американскому государству, сеть КПК руководит китайским государством, а сеть BTC стоит вне всех государств. И у каждого есть руководящая идеология.

- Пробудившийся капитал¹¹⁴ — это идеология правящего класса Америки, изложенная правящей американской газетой The New York Times. Именно капитализм обеспечивает децентрализованную цензуру, культуру отмены и американскую империю. Это демократия, которую несут удары дронов.
- Коммунистический капитал – это идеология Коммунистической партии Китая. Это капитализм под контролем централизованной власти китайского партийного государства, которое можно кратко

охарактеризовать как ленинистское, конфуцианское, капиталистическое и националистическое.

- Кripto капитал — это международная идеология Биткойна и web3. Это безгосударственный капитализм, капитализм без корпораций, децентрализованное сопротивление цензуре и нейтральное международное право. И это второй полюс как в США, так и в Китае, вокруг которого выстраиваются внутренние оппоненты режима.

Хотя поверхностные аспекты этих идеологий могут меняться в зависимости от обстоятельств, мы утверждаем, что в тотальной цифровой схватке, которая уже началась, это единственные коалиции с численностью порядка миллиарда человек и достаточными технологическими компетенциями, чтобы выживать в качестве независимых центров силы. Как мы вскоре рассмотрим, у них действительно есть внутренние разногласия, но в текущий момент каждой группе, от компаний до государств и диссидентских группировок внутри государств, придется лавировать между этими полюсами, в трёхполярном треугольнике цифрового мира.

---

¹¹² Некоторые предпочитают аббревиатуру ККП вместо КПК. Мы используем тот, который является стандартным в западных СМИ (в переводе используется стандарт русскоязычных СМИ – прим. переводчика).

¹¹³ Здесь мы используем аббревиатуру RMB (ренминби – “народные деньги”, официальное название валюты КНР) а не CNY (юань, название основной расчётной единицы этой валюты), хотя при указании цен в самой КНР следует использовать CNY, а за его пределами – CNH. См. подробнее.

¹¹⁴ Пробудившийся капитал – вполне реальный феномен. Если вам нужны доказательства, посмотрите эти два видео: Microsoft Ignite и Canadian HR. С учетом вышесказанного, если Пробудившимся удастся заставить людей перестать называть их Пробудившимися, или если вместо идеологии Пробуждения они обратятся к американскому этатизму, что кажется вероятным, нам может понадобиться термин с большей стойкостью. Таким образом, можно называть этот феномен «Противостояние Доллара, Юаня и Биткойна» (чтобы подчеркнуть резервную валюту). Или даже “Противостояние китайского, американского и интернет-капитала” (чтобы подчеркнуть связанный с государством характер первых двух и безгосударственный характер третьего).

3.2. Устаревающее и вневременное

Сетевое государство. 3. Трёхполярный мир.

Прежде чем идти дальше, отметим: все, что написано о текущих событиях, скорее всего, устареет – просто по своей природе.

Вполне возможно, и даже весьма вероятно, что истеблишмент США снова сбросит кожу, преуменьшая значение Пробуждения и подчеркивая лояльность государству, точно так же, как они в одночасье перешли от «глобальной войны с террором» ко внутренней войне с нашими твитами.

Возможно, хотя и куда менее вероятно, что Джордж Сорос, Питер Зейхан, Гордон Чанг и Роджер Гарсайд в конечном итоге окажутся правы, что Си Цзиньпин будет смещён со своей позиции во главе Коммунистической партии Китая на партийном съезде 2022 года и/или что КПК снова переключится на «Спрячем свою силу и выждем».

И возможно, хотя и ещё менее вероятно, что найдётся какой-то фатальный баг в коде, произойдёт математический прорыв или будет создан квантовый компьютер, что приведёт к непоправимому сбою протокола Биткойна.

Так зачем вообще посвящать главу модели NYT/КПК/ВТС, если новые факторы могут сделать её неактуальной? На то есть три причины.

Во-первых, нам нужна *какая-то* модель текущего состояния мира, даже если она несовершенна, чтобы двигать его в желаемом нами направлении. Даже если она ошибочна, или ошибочна в некоторых деталях, она всё ещё может быть полезной, поскольку уточнения покажут нам, где мы были неправы. Мы тратим силы на описание конкретной трёхполярной модели мира, *потому что* многие до сих пор считают мир однополярным или двухполярным, о чем свидетельствует, скажем, это забавное общение между журналистом и министром иностранных дел Индии С. Джайшанкаром.

Во-вторых, даже если серьезные изменения действительно произойдут, упадок американской империи, подъем Китая и подъём криптовалют остаются основными тенденциями, затрагивающими сотни миллионов людей, и чтобы остановить их, потребуется огромная сила. Мы бы заметили это. А нескольких кандидатов на роль столь огромной силы мы рассмотрим позже.

В-третьих, есть аспекты текущего момента, которые вообще не привязаны к конкретному времени, но регулярно повторяются. То есть подобная трёхполярная конфигурация встречалась и раньше. Но сначала давайте выясним, как это произошло сегодня.

3.3. Двухполярная Америка и трёхполярный мир

Сетевое государство. 3. Трёхполярный мир.

В 1990 году, когда СССР явно разваливался, Чарльз Краутхаммер написал влиятельное эссе под названием «Однополярный мир». В нем подчёркивалось, что после окончания холодной войны США будет единственной доминирующей державой на планете и останется ею примерно в течение поколения, после чего «со временем наступит многополярность».¹¹⁵ Этот тезис полностью подтвердился: однополярность сохранялась в 1990-х годах, в основном сохранялась¹¹⁶ в 2000-х годах, в гораздо меньшей степени по мере подъёма Азии, роста технологий и американской поляризации в 2010-х годах, а в 2020-х годах однополярность канула в Лету.

По состоянию на 2022 год у нас больше нет однополярного мира. Причём это не просто двусмысленная многополярность с неопределённым количеством центров силы. Вместо этого у нас есть двухполярная Америка и трёхполярный мир. И мы можем визуализировать эти полюса следующим образом:

	Коммунистический капитал	Пробудившийся капитал	Криптокапитал
Мандат	Вы должны разделять убеждения	Вы должны симпатизировать	Вы должны быть суверенным
Источник истины	КПК	NYT	BTC
Экономика	Юань	Доллар США	Web3
Ценность по Хиршману	Лояльность	Голос	Выход
Сила	Жёсткая сила	Мягкая сила	Жёсткие деньги
Западный/Восточный	Восточный	Западный	Глобальный
Государство/Сеть	Государство	Государство	Сеть
Легитимность	Гармония	Левая демократия	Правая демократия
Темы	Лояльность, единство	Выборы, протест	Рынки, миграция
Технополитика	ИИ	Социальная	Крипто
Лидерство	Один лидер	Несколько лидеров	Нет лидеров

¹¹⁵ Понятно, что ни глобальный Интернет, ни Китай не были указаны в его эссе в качестве возможных новых полюсов. Эти тренды ещё находились у основания своих экспонент. К чести Краутхаммера, он предусмотрел в статье возможность возникновения полюсов, которые в то время ещё не могли быть замечены.

¹¹⁶ Альтернативный тезис Хантингтона о «Столкновении цивилизаций» начал оказываться более валидным в 2000-х годах. Он моделировал мир не как однополярный, не как сумму случайного межгосударственного соперничества, не как группу атомизированных личностей, а как состоящий из цивилизационных блоков, которые в конечном итоге столкнутся друг с другом.

3.4. Моральная сила, военная сила, денежная сила

Сетевое государство. 3. Трёхполярный мир.

В середине 20-го века упадок Британской империи предвещал трехстороннюю борьбу между моральной силой, военной силой и денежной силой — грубо говоря, между собой соперничали левые, правые и центр. Тогда моральная сила была у Советского Союза, военная у нацистов, а денежная — у американцев. Сегодня моральная сила у NYT, военная — у КПК, а денежная — у ВТС.

В каждом случае мы также обнаруживаем, что моральная сила помогает в шпионаже, военная сила даёт лидерство в производстве, а денежная сила доминирует в медиа. Но если в середине 20-го века эти три силы были государствами, то сегодня они представляют собой преимущественно сети.¹¹⁷

3.4.1. Моральное государство, военное государство, денежное государство

Отвлечёмся на секунду. Как мы можем говорить, что такое образование, как СССР, убившее миллионы людей, было «моральной» силой? Потому что *основной стратегией СССР был коммунистический прозелитизм¹¹⁸*, непрерывная проповедь вредоносной (но убедительной) моральной доктрины, которой к середине столетия удалось охватить более трети населения Земли. У СССР была колоссальная армия, но он бесконечно говорил о мире; он конфисковал имущество практически у каждого, но заявлял, что его не заботят деньги; и его самооценка напоминала образ самоотверженного святого. Именно в этом смысле Советский Союз был *моральной силой*.

Его моральная сила¹¹⁹ позволила ему иметь агентов в каждой стране, что компенсировало недостаток денег и отставание в производстве. Американские сторонники финансировали строительство советского государства, обеспечили ему дипломатическое признание, отвлекали от него Японию, снабжали его согласно Закону о ленд-лизе во время Второй мировой войны и ядерным оружием после нее, да и в целом поддерживали СССР на протяжении всей его жизни.¹²⁰

Нацистская Германия также позорно убила миллионы людей. Хотя во многих отношениях она была похожа на СССР, ее *основная стратегия была иной*. Это был упор на воинскую доблесть, на чистую грубую силу, на снаряды, которые якобы говорили громче любых слов. У Рейха действительно был неизбежный пропагандистский аппарат, но его моральная проповедь была воинственной; он действительно оставил нетронутыми некоторые предприятия, ориентированные на деньги, но назвал их социалистическими; его *смыслом существования* был безжалостный интерес нации. Именно в этом смысле нацистская Германия была военной державой.

Чтобы поддержать эту военную силу, немцам требовалось мощное наращивание производства, чего они и добились. Многие историки полагают, что немецкие вооруженные силы имели во время войны лучшее вооружение в пересчете на фунт за фунт. Но поскольку им не хватало способности капиталистов к трансграничному сотрудничеству, они прогнали некоторых из своих лучших ученых, прежде чем убить других, и это гарантировало, что они никогда не получат атомную бомбу. И, поскольку их мораль сводилась к арийскому превосходству, что не привлекало никого, кроме их соплеменников, им так и не удалось создать достаточно большую глобальную коалицию для победы – вот почему 70 миллионов немцев в конечном итоге были побеждены 50 миллионами британцев, 150 миллионами американцев и 150 миллионами советских людей.

Что касается американцев середины века, их *основной* стратегией был демократический капитализм, в отличие от советского коммунизма или национал-социализма. Они проповедовали мораль, но формулировали её в терминах четырех дружественных капиталистам свобод; они создали арсенал демократии, но он возник на основе их коммерческой промышленной базы. Именно в этом смысле Америка времен Второй мировой войны была *денежной силой*.

Сила денег сопровождалась силой средств массовой информации, точно так же, как капитализм сопровождал демократию. Американцы были намного сильнее в медиа, чем нацисты (которые не умели спорить по-английски) и постепенно стали сильнее, чем Советы (чья пропаганда в конечном итоге была подорвана отсутствием их процветания). Битва в медиа была напряженной, но в конце концов синие джинсы победили Красную Армию.

Итак: в этой трёхполярной конфигурации после титанической борьбы центристская денежная сила *всё-таки одержала победу* как над военной силой справа (к 1945 году), так и над моральной силой слева (к 1991 году).

3.4.2. Моральная сеть, военная сеть, денежная сеть

Сегодня упадок империи США привел к подъёму моральной силы (представленной NYT), военной силы (КПК) и денежной силы (BTC). Разница по сравнению с серединой 20 века заключается в том, что каждая из этих сил представляет собой *сеть*, стоящую над государствами, а не собственно государства.

3.4.2.1. NYT: моральная сеть

Сеть журналистов, ориентированная на NYT, «привлекает власть к ответственности» и тем самым стоит выше любого просто избранного правительства. Её основная тактика – моральная травля и шпионаж при помощи внедрённых кротов, как и у Советского Союза.

Что касается морали, мы можем отвлечься на минутку и глянуть любой свежий выпуск NYT и обратить внимание, сколько статей в качестве основной идеи используют

моральную, а не фактическую предпосылку. Свобода слова – это плохо, белые люди – это плохо, коммунизм был хорошим... они сосредоточены именно на этом.¹²¹ И именно в этом смысле NYT – моральная сила.

Что касается шпионажа, как только что обсуждалось, мы знаем, что Советы в прошлом были мастерами подрывной деятельности. Их моральные убеждения заставляли их чувствовать, что вторжение в частную жизнь других, кража секретов, разрушение жизней с помощью *Zerzetsung*¹²² — всё это приемлемо для великого морального дела коммунизма. Поскольку они не были так хороши в создании нового, как США или даже Германия (военное снаряжение поступало к ним из Америки по ленд-лизу), они совершенствовались в том, чтобы красть и уничтожать.

Сотрудники Зульцбергера, да и вообще американские журналисты, в целом схожи. Это Штази, имеющее листинг на бирже, оригинальные капиталисты от слежки. Это всегда произносится в пассивном залоге, но как именно «Нью-Йорк Таймс» получала то, что затем решала напечатать? История, лежащая в основе этой истории, более интересна, чем сама рассказанная история, и закулисные кадры покажут вам фильм, отличный от того, который им хотелось бы вам показать.

Если вкратце, то как и в случае с коммунистами, моральные убеждения журналистов дают им дозволение допрашивать частных лиц, копаться в мусоре, использовать засекреченные данные (а затем отрицать это), публиковать результаты компьютерных взломов, добиваться утечек частной

информации, но требуя при этом сохранить конфиденциальность своей собственной информации, побуждать людей разрывать контракты, преследовать людей в их домах, покрывать геноцид и даже развязывать крупные войны... всегда ради прибыли, но подразумевая, что ради высшего блага.

Журналисты, обслуживающие истеблишмент, утверждают, что говорят властям правду, но почему-то никогда не удосуживаются расследовать себя или друг друга. Как признался Блумберг в момент откровенности, они «сообщают, но не расследуют деятельность Reuters и CNBC», потому что это их «прямые конкуренты». Время от времени мы слышим о таких инцидентах, как эпизод, когда ABC заставила CBS уволить информатора Эми Робах, или когда NBC попыталась замять расследование Ронана Фэрроу, но это лишь верхушка айсберга. У журналистов истеблишмента есть огромный стимул участвовать в антиконкурентном сговоре, потому что, если все они договорились о том, что является «правдой», кто тогда сможет проверить их факты? Никто не может «привлечь к ответственности» тех, кто обладает властью привлекать к ответственности правительство.

3.4.2.2. КПК: военная сеть

Этот вопрос может потребовать больше всего объяснений, поскольку он наиболее чужд западному опыту. Сначала мы опишем, почему КПК — это прежде всего *сеть*, а затем почему она теперь в основном *военная*. Мы не претендуем на роль экспертов по Китаю — их мало! — но это относительно

базовые моменты, которые до сих пор не так хорошо известны.

Почему КПК это сеть?

Сеть членов партии КПК менее отделена от китайского государства, поскольку она не претендует на большую дистанцию от рычагов власти, как это делает NYT. Но партия – это *не то же самое*, что государство. Действительно, в КПК насчитывается 95 миллионов членов, и не все они занимают высшие государственные должности, как и каждый зарегистрированный демократ не имеет значимого места в администрации Байдена. Вместо этого они распространяются по всему обществу. Как это работает?

Вступление в КПК само по себе довольно нетривиально, это фильтр, который отбирает самых преданных кандидатов. Газета *Утренняя почта Южного Китая* описывает «трудный» процесс подачи заявления:

Заявление должно быть подано в ближайший к заявителю партийный комитет или отделение с сопроводительным письмом, в котором разъясняется:

- *почему он подает заявку на членство,*
- *почему он верит в Коммунистическую партию, и*

- области, в которых, по его мнению, он не соответствует требованиям, предъявляемым к членам партии.

Но на этом, по утверждению Мерикс, всё не заканчивается:

Кандидаты должны написать эссе о марксизме-ленинизме и текущих политических событиях. За репутацию заявителя должны поручиться восемь коллег, соседей и знакомых.

После подачи заявления заявитель должен пройти курсы, а затем сдать экзамен, после чего ему будет назначен годичный (как минимум) испытательный срок:

Затем заявитель должен пойти на партийные курсы, где он узнает об уставе партии, после чего ему придётся сдать письменные тесты...

После прохождения тестов заявителю потребуется предоставить в отделение партии дополнительные материалы, в том числе личные данные о себе и своих родителях. Информация о его занятости и политических взглядах его родителей также должна быть раскрыта.

Членство в партии с испытательным сроком предоставляется при:

- прохождении отбора,
- наличии рекомендаций от двух членов партии, и
- обсуждения и одобрение после встречи с партийным отделением...

Испытательный срок длится не менее года. По окончании испытательного срока отделение партии решает, принять заявителя, продлить испытательный срок или исключить его.

Чтобы не допустить плохого поведения во время испытательного срока, предусмотрены меры на тот случай, если заявитель не будет вести себя в соответствии со строгими стандартами:

В последующий годичный испытательный срок процесс приёма может быть остановлен в случае нарушения «партийной дисциплины».

И если партия наконец-то разрешит вам вступить, у вас будет пожизненное обязательство, которое нужно соблюдать, как пишет Мо Чэнь:¹²³

Когда КПК проведёт собрание на высшем уровне, вы будете находиться в конференц-зале местного партийного отделения, чтобы посмотреть его в прямом эфире и написать эссе о своих мыслях после просмотра.

Если случается стихийное бедствие, пожертвования обязательны. О, вы не знаете, где найти ящик для пожертвований? Не волнуйтесь, всё уже вычтено из вашей зарплаты...

Каждый раз, когда председатель КНР публикует важную статью, посвященную текущим событиям и всеобъемлющей стратегии на следующие пять лет, вы переписываете эту статью 10 раз, от руки, до завтрашнего утра. К счастью, это случается примерно раз в пять лет.

Если вы нарушите закон, пусть даже по пустяку, вам придёт «внутрипартийное предупреждение». И да, вы пишете эссе-размышление о том, что сбilo вас с пути, и насколько вы осознаёте свою ошибку... Если нарушение серьёзнее, вы возвращаетесь на испытательный срок... ещё

серьезнее? Двойная санкция: вы теряете и партийный статус, и должность...

Всё это кажется очень чуждым западному мышлению! Кто стал бы постоянно публиковать новые эссе, извергая свежую пропаганду режима и индоктринируя своих коллег и членов семьи? Но всё встаёт на свои места, если представить, что это подписчики китайского аналога New York Times.

Вспомним сцену в фильме «Команда Америки: Мировая полиция», где Джанин Гарофало говорит: «Как актёры, мы обязаны читать газеты, а затем излагать по телевизору, как будто это наше собственное мнение». Затем просто мысленно заменим мобильное приложение NYT на Сюэси Цянго.

Как говорится: «Партия, правительство, армия, общество и образование, восток, запад, юг и север — партия руководит всем». То же самое касается и американского истеблишмента, за исключением того, что здесь газета руководит всем. КПК Америки — это безликий круг её читателей.

Почему КПК – военная?

С 1978 по 2013 год, от Дэн Сяопина до Цзян Цзэминя и Ху Цзиньтао, КПК сосредоточила свое внимание на экономическом росте. Но при Си Цзиньпине произошел

поворот в сторону милитаристского национализма. КНР производит большую часть мировой материальной продукции, его военный бюджет уже $>1/3$ американского, у него более узкая задача («воссоединить Китай», а не «контролировать мир»), он выпускает видеоролики о вербовке в армию, такие как Мы всегда будем здесь и, что самое важное, вкладывает значительные средства в ИИ и дроны.

Что касается последнего пункта, то Китай просто лучше справляется с производством в физическом мире, чем правительство или армия США, как мы можем видеть из (а) сравнения государственной инфраструктуры, (б) многомиллиардных неудач США с авианосцами класса «Форд», пилотируемым самолётом F-35, прибрежными боевыми кораблями и эсминцем «Зумвальт», и (в) то, что все производственные ноу-хау и сами заводы находятся в Китае.

Робототехника могла бы позволить вывести производство из Китая, но до тех пор «арсенал демократии» больше похож на «арсенал коммунизма». ¹²⁴

Однако важно иметь в виду: то, что Китай становится в *первую очередь* военной державой, не означает, что он обязательно выиграет реальный конфликт. Нацистов в рамках нашего подхода мы тоже считали в первую очередь военной силой, и они не победили. С другой стороны, в то время как нацисты уступали по численности блоку США/Великобритания/СССР в соотношении 1:5 (70 миллионов к 350 миллионам), китайцы, напротив, превосходят численностью американцев примерно в

соотношении 4:1 (1,4 миллиарда к 330 миллионам), так что прошлые результаты могут не гарантировать будущие результаты.

3.4.2.3. BTC: денежная сеть

Тут много слишком очевидного, чтобы на этом задерживаться. Глобальная сеть держателей BTC в ключевом смысле также стоит *над* государствами, как сеть NYT стоит над американским государством, а сеть КПК над китайским государством. Почему? Потому что государствам очень сложно захватить Биткойн в отсутствие какого-либо прорыва в области квантовых вычислений.

Но это в первую очередь денежная сила, а не моральная, как NYT, и не военная, как КПК.

Менее очевидный момент заключается в том, что BTC – и прилегающая к нему группа пользователей web3 – становятся *медиа-силой*, которая в конечном итоге свергнет NYT, так же, как США в 20-м веке в конечном итоге превзошла Советский Союз по медиа-силе. Почему? Децентрализованные медиа. Мы можем видеть первые признаки этого в Substack, Mirror и NFT... но при этом у лучших создателей контента есть дела поважнее, чем работа на истеблишмент. Они могут стать издателями, основав собственные медиа-компании. Как и в случае со становлением КПК в качестве военной силы, становление

BTC/web3 в качестве не только денежной, но и медиа-силы пока вовсе не общепризнано.

3.4.3. Перекрытия и исключения

Конечно, эти явления существуют не в чистом виде.

NYT — это публичная многомиллиардная корпорация, которая, безусловно, способна влиять на ФРС и другие источники мощных денежных потоков. Также она вполне в состоянии подтолкнуть армию США к действиям с помощью одной или трёх лживых статей. Так что, даже если это в первую очередь моральная сила, деньги и военная мощь у неё тоже есть.

КПК бесконечно проповедует своим гражданам через Сюэси Цянго и до недавнего времени была полностью сосредоточена на бизнесе. Таким образом, хотя сейчас она становится в первую очередь военной силой, моральная и денежная сила у неё также в наличии.

Наконец, Биткойн, безусловно, основан на ряде неявных моральных аргументов: инфляция — это плохо, централизация — это плохо, псевдонимность — это хорошо и т. п. И у него есть военная мощь, хотя и полностью оборонительная, поскольку сочетание шифрования и физической децентрализации делает его устойчивым к

военным атакам в стиле 20 века. Но по сути это, конечно, денежная сила.

Аналогичное упражнение можно проделать и для треугольника США/СССР/НСДАП.

---

¹¹⁷ Согласно нашему тезису: Сеть — это следующий Левиафан.

¹¹⁸ См. Дуглас Хайд “Самоотверженность и методы лидерства”.

¹¹⁹ Другой взгляд на это примерно таков: моральные убеждения Советов давали им право совершать в высшей степени аморальные поступки, включая убийства, терроризм, подрывную деятельность и шпионаж. Пройдите по предложенным ссылкам или прочитайте «Венону» Хейнса и Клера.

¹²⁰ «Если бы США не помогли нам, мы бы не выиграли войну», — писал [Хрущёв] в своих мемуарах. «Один на один против гитлеровской Германии мы бы не выдержали её натиска и проиграли бы войну».

Рекомендую познакомиться со статьёй на эту тему. Основная версия событий: США выиграли Вторую мировую войну.

Следующий пласт понимания: это сделали русские, завалив врага мясом. Третий пласт: США действительно победили нацистскую Германию, потому что советские коммунисты не могли эффективно координировать свою экономику и нуждались в военной помощи со стороны США с их стабильной промышленной базой.

¹²¹ Конечно, они не заявляют об этом *так* прямо. По крайней мере, раньше они этого не делали. Сегодня самые ревностные сотрудники Sulzberger во всех своих статьях настаивают на «моральной ясности». Похоже, они не осознают, что именно фасад объективности дал им власть, лишь изредка акцентируемую эмоциональным осуждением. Отказ от этого фасада увеличил число их абонентов, заработав им деньги за счет власти.

¹²² Да, формально это делала Штази, но ГДР была советским марионеточным государством и заимствовала практики у Советов.

¹²³ Несмотря на то, что их численность составляет 95 миллионов человек, члены КПК – это лишь 7% от огромного населения Китая, составляющего 1,4 миллиарда человек, поэтому приём в КПК может быть таким избирательным. Действительно, как и описано, этот процесс требует усердия, нужной идеологической ориентации и умеренного уровня интеллекта и инициативы: достаточно ума и амбиций, чтобы заполнить заявку на вступление в важную группу, но недостаточно, чтобы сделать что-то нестандартное. Другими словами, это похоже на процесс поступления в колледж в современной Америке.

¹²⁴ Есть и контраргументы: Питер Зейхан подробно написал о том, насколько слаб, по его мнению, Китай, как его экономика потерпит неудачу, и как демография приведёт к тому, что население состарится раньше, чем разбогатеет, и что КНР не в состоянии создать сильный флот открытого моря.

Я не согласен с ним по ряду причин. Вкратце: Китай производит материальные вещи, поэтому основы его экономики в кризисные времена более устойчивы, чем у экономики, основанной на инфляции и импорте. Такая экономика превосходно поддаётся автоматизации, а робототехника превосходит демографию, когда дело доходит до производства или военных возможностей. К тому же КНР отправляет товары по всему миру, покупает порты с помощью дипломатии долговых ловушек и может строить инфраструктуру в колоссальных масштабах, даже когда США теряют эту способность — поэтому маловероятно, что Китай никогда не сможет выставить флот открытого моря, хотя он вполне может быть и беспилотным.

См. также Кристиана Броуза в «Цепи согласования ударов» и Кай-Фу Ли в «Сверхспособностях искусственного интеллекта».

3.5. Подчинение, Сочувствие, Суверенитет

Сетевое государство. 3. Трёхполярный мир.

Каждый полюс легитимизирует себя, апеллируя к общественно полезной концепции, и доводит её до крайности, осуждая противоположную крайность.

С КПК это наиболее очевидно: вы должны подчиниться. Это Коммунистическая партия Китая, и она сильна, поэтому вы должны склонить голову. Это очень просто, прямолинейно и понятно, хотя на самом деле это работает только для обитателей Китая и китайского сегмента интернета.

Полюс NYT работает несколько тоньше: они требуют, чтобы вы сочувствовали. В конце концов, разве вы не белый, не мужчина, не натурал, не цисгендер, не способный, не богатый или не член одной из постоянно растущего числа привилегированных категорий — и, следовательно, не угнетатель в каком-то измерении? Поскольку вы привилегированны, вы должны сочувствовать и склонять голову перед теми, кого вы якобы угнетали. Это левая версия идеологии подчинения. Это может заставить любого склонить голову во имя расширения возможностей “угнетённых”, потому что 99,99% населения мира является «угнетателем» по крайней мере в каком-то измерении. Этот полюс наиболее силен в англоязычном¹²⁵ интернете,

наиболее слаб в китайском интернете и имеет умеренную силу за его пределами.

Полюс ВТС является противоположностью обоим из них. Он требует, чтобы вы были суверенными. Это означает, что вместо того, чтобы склоняться перед КПК или перерезать себе вены, как того требует NYT, вы держите голову высоко. Вы храните свои секретные ключи локально, вы не доверяете централизованным корпорациям или правительствам, вы самодостаточны и автаркичны, вы живете вне клетки. Этот полюс силен в глобальном интернете, хотя он сталкивается с сопротивлением как со стороны КПК, так и со стороны NYT.

3.5.1. Крайности и противоположные им крайности нежелательны

Тонкость здесь в том, что в каждом из этих полюсов есть доля истины. Мы не хотим общества, возглавляемого КПК, в котором у каждого нет другого выхода, кроме как подчиниться, потому что это может легко перерасти в цифровой тоталитаризм. С другой стороны, нам также не нужно общество, в котором никто никому не подчиняется, потому что это похоже на Сан-Франциско, где люди могут просто забежать в Walgreens и вынести оттуда всё.

Мы не хотим общества, которым управляет NYT, где у каждого нет другого выхода, кроме как сочувствовать происходящему, потому что это приводит к тому, что Мэтт

Иглесиас назвал Великим Пробуждением: эмоциональные и иррациональные срывы, которые поджигают Америку и продолжают волновать общество в США. Но нам также не нужно общество, в котором *никто* не сочувствует, потому что оно похоже на Grand Theft Auto в антураже России 1990-х годов, посткоммунистическое общество с низким уровнем доверия, где любой запрос на сотрудничество рассматривается как попытка мошенничества.

Наконец, и это, пожалуй, наименее очевидно, мы не хотим общества, в котором каждый *должен* быть суверенным, потому что доведение его до иррационального¹²⁶ предела означает, что человек бурит собственную скважину для добычи воды, выращивает собственные продукты питания, не доверяя никакому продавцу или человеку, иному, нежели он сам, и в целом положит конец разделению труда, которое обеспечивает существование капитализма. Крайняя автаркия может показаться романтичной, но в отсутствие прорывов в области робототехники полный выход из клетки – это способ резко ухудшить свой уровень жизни. И наоборот, конечно, мы не хотим общества, в котором ни у кого вообще нет возможности быть суверенным, поскольку это оставляет нас всех подверженными весьма зрелому цифровому тоталитаризму, который КПК уже развернула, и о возможности которого мечтает NYT.

3.5.2. Рецентрализованный центр

Можно возразить (и я соглашусь), что, хотя эти три полюса и три противоположные им крайности плохи, они не все

одинаково плохи, и нам не обязательно оставаться в мёртвом центре. Например, лично я бы оказался гораздо ближе к полюсу суверенитета, чем наша нынешняя культура, и попытался бы разработать технологии, позволяющие это сделать.

Однако мы должны признать, что разным людям подходят разные порядки. И вместо того, чтобы пытаться навязывать свои предпочтения всем, нам действительно нужно *разнообразие* точек между этими тремя нежелательными полюсами: разные синтезы для разных групп.

Конструкция, которую мы описываем в этой книге — стартап-сообщество, которое в конечном итоге становится сетевым государством — идеально сочетает в себе аспекты всех трёх полюсов. Например, у него есть чёткий основатель, который определяет направление движения, но он гарантирует, что каждый гражданин имеет право свободно покинуть сообщество, если он того пожелает, что держатели монет также имеют право голоса, а также ряд других цифровых сдержек и противовесов. Эта концепция лежит в основе децентрализованного центра, идеи, которую мы подробно обсудим позже.

---

¹²⁵ Из-за пределов США отчётливо видно, что Пробуждение приходит из Америки. См., например, статью ирландки Анджелы Нэгл или статью в британском Economist, где можно увидеть американское происхождение Пробуждения с той небольшой культурной дистанции, которую всё ещё

предоставляет Европа. Рассмотрим эпизод, когда американец пытался отменить финна за использование финского слова *aave*. Или тот факт, что протесты BLM распространились в цифровом формате из США на остальной мир, хотя трудно представить себе ситуацию, когда произошло бы обратное. И учтём также, что выбор местоимения сам по себе предполагает использование английского языка (во многих языках отсутствует разница в произношении, привязанная к роду), так что, например, слово «Latinx» навязано испаноязычным англоязычными американцами.

126 Если угодно, биткойн-максимализм доводит многие либертарианские взгляды до иррациональных пределов, точно так же, как Пробуждение доводит до абсурда многие либеральные заповеди.

3.6. Конфликты и альянсы

Сетевое государство. 3. Трёхполярный мир.

Трёхполярный мир приводит к удивительно сложной динамике. Во время Великой депрессии США под руководством Рузвельта восхищались нацистами, и газета «Нью-Йорк Таймс» писала им панегирики, как это описано в книгах «Три новых курса» и «Серая леди подмигнула». Затем, после пакта Молотова-Риббентропа, СССР и нацисты начали Вторую мировую войну, вместе вторгнувшись в Польшу, при этом СССР стоял в стороне, пока нацисты сражались с англо-американцами, а связанная с США Великобритания всерьёз подумывала о бомбардировке Советов. Позже СССР и нацисты воевали друг с другом во время реализации плана Барбаросса. Затем США и СССР объединились для борьбы с нацистами. Наконец, США и СССР разделили Германию между собой и воевали друг с другом во время Холодной войны. Именно поэтому Оруэлл писал в романе «1984» о том, что «Океания всегда воевала с Евразией»¹²⁷ — потому что коалиции между государствами постоянно менялись.

В случае с сетями, а не государствами, коалиции становятся ещё более подвижными: несколько разных коалиций существуют одновременно.

3.6.1. Один полюс против другого

NYT против КПК. Это очевидный конфликт двух великих держав, ловушка Фукидида, между США и Китаем, который многие предсказывали. Но тут есть тонкость. Многие обычные китайцы не хотят такого конфликта, и многие американцы тоже, но те, кто заинтересован в имперских амбициях с обеих сторон — подписчики газеты и члены партии — в него вовлечены. Сети толкают государства к войне.

NYT против ВТС. Это ещё один очевидный конфликт: американское регулирующее государство (вдохновителем которого является NYT) против децентрализованной сети. Мы наблюдаем это давление в виде таких попыток, как проваленный законопроект Палаты представителей 2021 года и письмо «concerned.tech». Стоит обратить внимание на демографические характеристики тех, кто подписал письмо: это почти исключительно белые жители Запада, жалующиеся на то, что истеблишмент США теряет основу своего контроля над мировой финансовой системой. Сомнительно, что их энтузиазм по поводу доллара разделят американцы, пострадавшие от инфляции, или люди за рубежом. Этот конфликт – американский истеблишмент против Глобального Интернета.

КПК против ВТС. Тут также всё очевидно. На протяжении многих лет КПК «запрещала» Биткоин много раз, но сейчас строгость этих запретов существенно возросла. Последние запреты уже напоминали припадок.

3.6.2. Два полюса против третьего

NYT + КПК против BTC. Это конфликт Государства и Сети. Это когда американская империя, контролируемая NYT, и китайская империя, контролируемая КПК, объединяются, чтобы атаковать BTC, возможно, на основании «влияния майнинга на климат» или какого-либо другого тонко завуалированного оправдания для сохранения государственной власти.

NYT + BTC против КПК. Это голос Запада и его объединённый поход против восточного контроля. Это когда интересы NYT, состоящие в подрыве китайского режима, и интересы BTC, состоящие в использовании инструмента сбережений, не подвергающихся цензуре во всем мире, пересекаются, создавая занозу в глазу для КПК. Web3-часть симбиоза BTC/web3 становится здесь особенно важной, поскольку она предоставляет глобальные услуги, которые трудно подвергнуть цензуре и которые дополняют цифровое золото, которое само по себе необходимо, но недостаточно для обретения свободы.

BTC + КПК против NYT. Это постамериканский мир против американской империи. Китай и криптомир вместе могут сделать против обесценивающегося доллара то, чего не могут сделать поодиночке. В полюсе КПК/юань действует китайская система, которая уже достигла достаточного масштаба, способна работать полностью вне доллара и, кроме того, основана на более современном цифровом юане. BTC/web3 объединяет американских диссидентов¹²⁸ с глобальными держателями криптовалюты и продвигает нейтральные протоколы¹²⁹, которые лишают американцев root-доступа (но не предоставляют его и Китаю).

3.6.3. Конфликты внутри полюсов

Около каждого полюса существует внутренний диполь, представляющий *внутренний* конфликт. Мы представляем это как вписанную фигуру внутри основного треугольника.

Рядом с полюсом NYT находятся американские диссиденты, “непроснувшиеся” либералы, центристы и консерваторы, которые не согласны с политикой американского истеблишмента по контролю над высказываниями, инфляции и бесконечной войне – но всё же идентифицируют себя в первую очередь как американцы и не хотят видеть, как Китай становится номером один.

Рядом с полюсом КПК находятся китайские либералы, капиталисты-интернационалисты, которые считают, что при Ху времена были лучше, а также многие группы левых и правых, чьё благополучие померкло в результате новой политики агрессивного китайского национализма... но, опять же, которые всё ещё видят себя в первую очередь как китайцев и не хотят подчиняться американскому империализму.

Рядом с полюсом BTC находится сообщество web3 и десятки миллионов держателей биткоинов, которые не идентифицируют себя как максималисты... но которые всё-таки поддерживают многие интернационалистские принципы, предполагающие развитие интернета без

американского или китайского контроля основ финансовых или коммуникационных систем.

3.6.4. Дорога к рецентрализации

А как насчет других стран и людей, которые не определяют себя относительно американцев, китайцев или блокчейна? Что ж, на них будет большое давление, заставляющее их подстроиться под первый или второй полюс... что подтолкнёт любую группу, которая не хочет находиться под каблуком американского истеблишмента или КПК, к третьему полюсу BTC/web3.

Таким образом, одна из наших предпосылок заключается в том, что индийцы, израильтяне, американские диссиденты, китайские либералы, предприниматели/инвесторы в сфере технологий и люди из других стран, которые хотят *сохранить* свой суверенитет, должны будут использовать BTC/web3 для децентрализованного общения, денежных транзакций и расчётов.

Но чтобы полностью объяснить почему всё обстоит именно так, нам нужно рассмотреть сценарий будущего, который не предполагает ни нахождения под пятой американской или китайской централизации, ни впадения в криптоанархическую децентрализацию, а, скорее, предполагает сознательную рецентрализацию в рамках добровольных стартап-сообществ.

---

¹²⁷ «В данный момент, например, в 1984 году (если это был 1984 год) Океания находилась в состоянии войны с Евразией и в союзе с Остазией. Ни в одном публичном или частном высказывании никогда не признавалось, что эти три силы когда-либо были сгруппированы иначе. На самом деле, как хорошо знал Уинстон, прошло всего четыре года с тех пор, как Океания вела войну с Остазией и была в союзе с Евразией. Но это было тайное знание, которым он обладал, потому что каким-то образом его память сохранила этот факт. Официально смены союзников не происходило. Океания находилась в состоянии войны с Евразией – это означало, что Океания всегда находилась в состоянии войны с Евразией. «Сегодняшний» враг государства всегда олицетворял абсолютное зло, и из этого следовало, что любое прошлое или будущее соглашение с ним было невозможно.».

¹²⁸ См. Биткойн — это цивилизация для получения подробной аргументации, почему американские диссиденты встанут в строй на стороне Биткойна.

¹²⁹ В Великой политике протоколов можно прочесть более полные рассуждения о том, почему все страны, которые не хотят находиться под контролем Америки или Китая, будут вынуждены выбрать нейтральные протоколы и международные соглашения.

4.1. Возможные версии будущего

Сетевое государство. 4. Децентрализация, рецентрализация.

Мы говорим не о неизбежном будущем, но о возможных версиях будущего.

Почему? Потому что существует причинность. Потому что мы можем проводить контролируемые эксперименты. Потому что действия человека могут повлиять на результаты. Потому что мы не коммунисты, верящие в историческую неизбежность утопических исходов, а технологи, верящие в индивидуальную инициативу, подчинённую практическим ограничениям.¹³⁰

Предыдущие две главы были посвящены этим ограничениям, а также прошлому и настоящему. Они подталкивают нас к обсуждению нескольких возможных вариантов будущего, прежде чем мы выберем одну траекторию, на которой следует сосредоточиться – ту, в которой мы создадим множество стартап-сообществ, наши сетевые государства получат дипломатические признания от нескольких государств, и сможем перестроить общества с высоким уровнем доверия через *рецентрализованный* центр.

Но прежде чем мы начнём, дадим несколько предупреждений.

Когда дело касается прошлого, любая история неизбежно оказывается просто рассказом.¹³¹ Это означает, что любая история прошлого обязательно порезана, сокращена, отредактирована и сделана избыточно чёткой. Другим способом передать 5000 лет письменной истории просто нельзя. И наш рассказ об истории как траектории не является исключением: это похоже на слайд «Почему сейчас» в начале презентации каждого предпринимателя, практическая история¹³² отдельных событий, которые обеспечили осуществимость сетевого государства. Но мы хотя бы приводим ссылки, чтобы наши факты можно было проверить.

Что касается настоящего, то наше описание трёхполярного мира — это та часть книги, которая, видимо, быстрее всего устареет. Это сделано намеренно, коль скоро мы постарались переместить туда большинство упоминаний о текущих или недавних событиях.¹³³ Фактически, эта часть книги – срез мировоззрения на середину 2022 года, нечто вроде фильтра Калмана для оценки вектора истории, и, поскольку этот фильтр рекурсивен, мы оставляем за собой право включать в онлайн-версию книги новую информацию для его обновления.

Теперь обратимся к теме будущего. Мы верим, что рецентрализованный центр прагматичных сетевых государств действительно *может* возникнуть, и описываем несколько сценариев, в которых это может произойти. Но

наши прогнозы — это всего лишь сценарии, и нам всегда приходится учитывать волатильность, рефлексивность, конкурирующие тренды и вытекающие отсюда ограничения предсказуемости.

Во-первых, поскольку интернет увеличивает дисперсию, растёт *волатильность*. Социальные сети — это социальная волатильность (то ли завирусится, то ли подвергнется отмене), а криптовалюта — это финансовая волатильность (то ли курс взлетит до Луны, то ли обнулится). Волатильность затрудняет корректные прогнозы, но обеспечивает возможность роста тем, кто сумеет сделать корректный прогноз. Также волатильность хороша для повстанцев и плоха для действующих политиков, потому что первым нужно, чтобы повезло только один раз, а вторым нужно, чтобы везение продолжалось. Высокой волатильности больше подвержены не только отдельные люди: взлетать и падать в одночасье могут целые страны. Таким образом, в условиях высокой волатильности только инварианты в стиле Безоса остаются постоянными. Все остальные наблюдения следует воспринимать как предварительные — они верны до тех пор, пока вдруг не перестанут быть таковыми.

Рефлексивность — это термин Сороса, обозначающий петлю обратной связи между пониманием ситуации участниками и ситуацией, в которой они участвуют. В системах, состоящих из людей, появление чего-то в мире приводит к реакции, а затем к реакции на эту реакцию и так далее, что часто приводит к образованию циклов положительной и отрицательной обратной связи, а не к банальному установлению равновесия. Таким образом, при сборе данных о таких системах, а тем более при их прогнозировании, нужно иметь в виду, что люди сами будут *реагировать* на

сами прогнозы, иногда для того, чтобы они сбылись. В социальных науках, в отличие от физических наук, каждая строка в наборе данных представляет человека с собственным разумом.

Концепция *конкурирующих трендов* относится к тому факту, что в настоящий момент существует множество одновременных технopolитических движений, различные явления вырастают с нуля и затрагивают миллионы людей в течение нескольких лет, месяцев или даже дней. Например, если посмотреть на этот график того, как люди познакомились со своими супругами, можно увидеть несколько разных кривых, поднимающихся и опускающихся по мере того, как в мире проявляются различные культурные движения – пока над всем не начинает доминировать интернет. Другой пример — доля социальных сетей на рынке с течением времени; третий — это график взлета и падения наций по Рэю Далию.

Дело в том, что в сложном процессе со многими действующими лицами можно идентифицировать участников, но не всегда результат. Применяя это к нашему сценарному анализу, мы видим, что некоторые тренды усиливают друг друга, а другие — ослабляют. Например, многие тренды указывают на уменьшение мощи Америки, но, по крайней мере, одна демонстрирует обратное: готовность Запада использовать в качестве оружия во внутренних и внешних конфликтах силу своих технологических гигантов. Даст ли это американскому доминированию ещё несколько лет, ещё одно десятилетие или даже больше? Мы можем определить тренды, но не всегда способны указать, какие из них возобладают.

Предсказуемость имеет свои пределы. На наш взгляд, существуют два вида прогнозов, которые имеют значение: физические и финансовые. Физическое предсказание — это очень специфическая ставка на траекторию шара, на тип нуклеотида при секвенировании генома или на конфигурацию орбитали электрона. Такое предсказание проверяется воспроизводимым экспериментом, и если оно не оправдывается, значит, ваш прибор вышел из строя. Финансовое предсказание находится на противоположном конце спектра: это макроскопическая ставка на волатильное, рефлексивное поведение других людей. Такое предсказание проверяется неумолимым рынком, и если оно окажется ложным, ваш фонд обанкротится.

Мы не заинтересованы в том, чтобы делать ставку на правительственную статистику, склонную к манипуляциям. По данным правительства Китая на 2021 год, количество смертей от ковида в Китае с середины 2020 по 2022 год было равно нулю. По данным правительства Сан-Франциско в 2021 году, уровень преступности в Сан-Франциско снижался. По данным истеблишмента США на 2021 год, инфляция доллара носила временный характер. Всё это напоминает нам о советском правительстве 1932 года, которое говорило, что урожай на Украине великолепен.

Как мы обсудим позже, полезно создавать на блокчейне теневую статистику, которая будет более проверяемой, надежной и устойчивой к цензуре, чем эти легко подделываемые индикаторы. Но помимо этого, прогнозы официальной правительственной статистики в остальном неинтересны из-за того, насколько они явно политизированы. Поэтому мы избегаем подобных вещей — в нашем анализе возможных вариантов будущего мы либо

предсказываем, что нечто технологически (а, следовательно, физически) осуществимо, либо что это может дать финансовую отдачу, либо и то, и другое. И мы дадим рецепты того, как воплотить эти прогнозы в реальность или не дать им стать реальностью, в форме вымышленных сценариев хорошего и плохого будущего.

Итак, подведём итог: история, которую мы пересказываем — это всего лишь рассказ, наш анализ настоящего может быть уже устаревшим, а наши прогнозы на будущее подвержены неопределённости из-за нестабильности, рефлексивности, конкурирующих трендов и вообще существования пределов предсказуемости. С учетом вышесказанного, все модели неверны, но некоторые из них полезны. Ну а теперь, учитывая все эти предостережения и оговорки, давайте продолжим!

4.1.1. Аналитические оси и сценарный анализ

Начнём с описания нового угла зрения, когда мир рассматривается на базисе социополитической и техноэкономической осей. Надеемся, что эти мысленные модели помогут сжать большие объёмы данных в удобные приблизительные шаблоны.

Далее, в разделе Обозримое будущее, мы наденем шляпы технологических инвесторов и сделаем прогнозы на

ближайшее будущее, описывая ожидаемые нами события. Однако это не просто случайные инвестиционные тезисы; это кусочки будущего, которые актуальны для стартап-сообществ и сетевых государств.

Затем мы детально разыграем один конкретный научно-фантастический сценарий, который, к сожалению, мы считаем вполне правдоподобным: Американская Анархия, Китайский Контроль и Международный Центризм. В этом сценарии мы прогнозируем Вторую гражданскую войну в США, частично спровоцированную разорившимся правительством США, которое пытается конфисковать биткойны — ситуацию, которую мы называем Американской Анархией. В отличие от первой Гражданской войны, это будет стохастическая борьба между двумя Сетями, а не явный спор между двумя Государствами. Она будет скорее необъявленной, чем объявленной, и скорее невидимой, чем отчётливой. И этот конфликт, в отличие от итога первой войны, может закончиться децентрализацией и разобщением вместо централизации и консолидации. Как бы радикально это ни звучало, многие мыслители по всему политическому спектру уже различным образом предсказывают, что произойдёт нечто подобное, в том числе Стивен Марш, Дэвид Рибои, Барбара Уолтер и Курт Шлихтер, хотя, как и я, никто из них особенно не рад этой перспективе.

Между тем, в этом вымышленном сценарии КПК на другом конце света проводит интенсивные внутренние репрессии для поддержания стабильности, не позволяя китайцам свободно покидать сеть цифрового юаня со своей собственностью. Мы называем это Китайским Контролем. По мере того, как Америка будет погружаться в анархию, КПК укажет на свою функциональную, но крайне несвободную

систему как на единственную альтернативу и экспортирует готовую версию своего государства всеобщей слежки в другие страны как следующую версию «Пояса и пути», как часть «инфраструктуры», которая поставляется в комплекте с подпиской SaaS на всевидящее око Китая, управляемое ИИ.

Во имя прекращения анархии и восстановления «демократии» истеблишмент США далее молча копирует методологию КПК, не признавая, что делает это, так же, как он клонировал локдаун в Китае, предварительно громко его осудив. Точно так же, потратив десять лет на то, чтобы притворяться, будто осуждает «надзорный капитализм», истеблишмент США официально назначит многие крупные технологические компании официальными органами государственного надзора. Однако реализация истеблишментом этого *цифрового локдауна* окажется настолько же трагикомична, насколько версия КПК будет тоталитарной, и достаточно пористой, чтобы серьёзное сопротивление этим мерам оказалось возможным.

4.1.2. Модели будущего в сильной и слабой форме

Это мир, к которому мы могли бы стремиться. Однако нам не обязательно верить в это, чтобы основать стартап-сообщество. Так зачем тогда вообще об этом говорить? Потому что в период высокой волатильности стоит продумать модели того, в чём наше будущее может сильно отличаться от нашего настоящего.¹³⁵

Мы можем представлять себе сценарий «Американская Анархия против Китайского Контроля» как модель столкновения NYT, BTC и КПК в сильной форме. При этом стартап-сообщества и сетевые государства, возникающие в результате этого ядерного взрыва – это намеренно созданные альтернативы как Пробуждению и Биткойн-Максимализму, так и Китайскому Коммунизму.

В слабой форме модель состоит в том, что всё идёт не совсем по сценарию (мало что всегда идёт по сценарию!), но общая тенденция верна. То есть в будущем истеблишмент США действительно потеряет относительный контроль, КПК действительно попытается осуществлять абсолютный контроль, а биткойн-максималисты действительно выступают за отсутствие контроля. Образ жизни, пропагандируемый каждым из этих идеологических сообществ, достигнет крайнего выражения, но при этом будет оправдывать себя как *реакцию* на две другие воспринимаемые крайности – мы уже обсудили это в разделе Крайности и противоположные им крайности нежелательны. Таким образом, нам все равно придется строить общества с сознательно выбранными компромиссами между подчинением, сочувствием и суверенитетом, вместо того, чтобы бессознательно капитулировать перед крайностями или контр-крайностями. И это снова приводит нас к стартап-сообществам и сетевым государствам.

Итак, взяв за основу сценарий в сильной форме, мы обсудим ряд условий победы и неожиданных исходов для разных фракций. Мы также дадим немного больше подробностей о желаемом результате и траектории, к которой мы хотим стремиться: рецентрализованному центру сообществ с высоким уровнем доверия.

4.1.3. Строим будущее, а не капитулируем перед ним

Цель, с которой мы всё это обдумываем, не пессимистична, а прагматична: изменить то, что мы можем изменить, создав четвертый полюс в качестве альтернативы несостоятельному истеблишменту США, максималистской криптоанархии и государству централизованного надзора КПК. .

Материал, из которого будет формироваться этот четвёртый полюс, мы условно назвали Международным Центризмом. Это совокупность американских центристов, китайских либералов, индийцев, израильтян, апологетов Web3 и, по сути, всех людей со всего мира, которые не желают угодить ни в американский, ни в китайский водоворот.

На первый взгляд, эта группа представляет ~80% населения мира и имеет мало общего, кроме того, что эти люди не склонны ни к анархии, ни к тирании. Но некоторые из них будут достаточно умны, чтобы понять, что просто сбежать — это передышка, а не решение. Люди склонны имитировать то, что они видят, и если Американская Анархия и Китайский Контроль это самые известные игры в городе, им в конечном итоге и будут подражать.

Таким образом, изоляционизм исключен. Однако то же самое можно сказать и о прямом вмешательстве, поскольку и

американский, и китайский театры военных действий будут сопротивляться любому вмешательству извне.

Тогда ответом будет не изоляционизм или вмешательство, а *инновация*. Подмножеству Международного Центризма необходимо построить что-то лучшее, чем Американская Анархия и Китайский Контроль, конкретное улучшение по сравнению с пропагандой, принуждением, слежкой и конфликтами, которые вскоре могут стать характерными для двух столпов глобальной экономики.

Другими словами, остальной мир должен будет возглавить ситуацию. Бессмысленно надеяться, что истеблишмент США или КПК поймут это. Так и появится Рецентрализованный Центр: круг стартап-обществ и сетевых государств, созданных прагматичными основателями, группа сообществ с высоким уровнем доверия, созданных как преднамеренная альтернатива и несостоятельным, и тоталитарным государствам.

---

¹³⁰ См. раздел о модели истории как дерева технологий, чтобы примирить теории «великого человека» и «исторической неизбежности». Великий человек может управлять деревом технологий, но он не может изобрести всё заново.

¹³¹ Хотя мы не можем дать полное представление об истории, возможно, вам захочется почитать что-нибудь вроде «Уроков истории» Уилла и Ариэля Дюранта.

¹³² Конечно, цитировать слайд «почему сейчас» как часть большой истории – это отчасти иронично. Но тут есть и более глубокий момент: точно так же, как культура торговцев находилась на периферии феодализма, а потом стала занимать всё более доминирующее положение по мере того, как общество переходило от натурального сельского хозяйства к промышленному капитализму, так и сейчас мы переходим от индустриальной эпохи к технологической, движимой предпринимателями и инвесторами. Технологическая культура, культура стартапов, а теперь и культура BTC/web3 становится глобальной культурой. И скромный слайд «почему сейчас» — маленькая часть этого — это история для прагматиков, функциональная история, история с точкой, история, которая (как однажды сказал Генри Форд) хоть чего-то стоит.

¹³³ Я научился делать это на собственном горьком опыте — в 2013 году я прочитал серию лекций, в которых некоторые фрагменты неплохо сохранили свою актуальность, в то время как другие были скорее капсулами времени той эпохи (GChat, кто-нибудь его помнит?). В превосходной книге Бенедикта Андерсона Воображаемые сообщества поднимается та же проблема, поскольку она начинается со ссылки на конфликт между Вьетнамом, Камбоджей и Китаем как на важное событие в истории национализма, которым оно в ретроспективе уже не кажется¹³⁴.

¹³⁴ По его описанию, для марксиста было примечательно видеть три новые независимые, якобы коммунистические страны, борющиеся друг с другом во имя национализма. Он считал национализм иллюзией; именно это побудило его написать книгу.

135 Для получения различных точек зрения вы можете ознакомиться с *Принципами меняющегося мирового порядка* Рэя Далио, работами Барбары Уолтер и Стивена Марша о возможной Второй гражданской войне в США, работой Питера Зейхана или Дэвида Рибоя и Курта Шликтера. Все они также считают, что нынешняя эра скоро закончится. Из них я согласен с Далио примерно на 70%, но он настроен немного более оптимистично в отношении Китая, чем я, и не принимает во внимание ВТС или технологии в качестве фактора. Я согласен с Уолтером/Маршем и Зейханом, возможно, только на 20–30%, но их стоит прочесть, чтобы узнать о взглядах американского истеблишмента и неортодоксальных неоконсерваторов соответственно. Я согласен с Рибоем и Шликтером в том, что конфликт возникнет, но думаю, что форма этой борьбы будет определяться международными и технологическими факторами в гораздо большей степени, чем сейчас полагает большинство американских консерваторов, потому что американский театр становится объектом действия, и не просто глобальным игроком.

4.2. Социополитические оси

Сетевое государство. 4. Децентрализация, рецентрализация.

Старые мысленные модели понимания мира быстро устаревают. Мало того, что изменения ускоряются, ускоряющиеся изменения происходят в *новых измерениях*. Появляются новые социально-политические оси. Глядя на мир через старые очки, мы рискуем отстать от поезда. Люди, которые считали финансовый кризис 2008 года немыслимым, просто смотрели не на те графики. В отличие, скажем, от Майкла Берри.

Если продолжать в том же духе, то на какие новые графики мы могли бы обратить внимание, на какие новые темы для конфликтов и сотрудничества, на какие новые недооценённые социально-политические оси? Об этом мы здесь и поговорим.

4.2.1. Индийцы

Я умеренно оптимистичен в отношении Индии, но крайне оптимистичен в отношении индийцев.

Почему? Что ж, сначала давайте поговорим об Индии. Тем, кто живёт на Западе, никогда не обращал внимания на

Индию и думает, что это просто ещё одна скучная «страна третьего мира», всё это вполне простительно. Но глянуть несколько ссылок для того, чтобы сориентироваться в предмете, будет полезно:

- Вот визуальное сравнение районов Лос-Анджелеса и Индии.
- Вот график, показывающий, что сотни миллионов индийцев получили за последние пять лет доступ к дешёвому мобильному интернету.
- Вот потрясающий экономический обзор Индии, показывающий выдающийся рост за последнее десятилетие.
- Вот данные, показывающие, что Индия сейчас занимает третье место по количеству технологических единорогов после США и Китая.
- Вот пост, в котором описывается общая картина Индии как интернет-страны.

Если сложить это всё вместе, мы увидим, что уже сейчас значительные фрагменты «развивающегося мира», которые чище и лучше поддерживаются, чем городская среда «деградирующего мира» в Лос-Анджелесе и Сан-Франциско. Это не означает, что тренды совпадают — просто они перекрываются таким образом, как было немыслимо ещё несколько десятилетий назад.

Теперь поговорим об индийской диаспоре. В США, Великобритании, Канаде и Австралии проживает около пяти миллионов человек индийского происхождения, и даже немного больше, если мы включим всю южноазиатскую

диаспору. За последние несколько десятилетий они добились неплохих результатов. В то время как первое поколение пришло с несложными техническими навыками в области медицины и инженерии, второе поколение на Западе говорит по-английски без акцента и имеет полную культурную свободу, в результате чего многие индийцы работают в области права, кинопроизводства и медиа. Некоторые даже достигли командных высот в политике и технологиях, например, Камала Харрис, Сундар Пичай и Сатья Наделла.

Это создает интересную динамику «Государство плюс Сеть». Используя нашу терминологию, индийское Государство может сделать один шаг назад на каждые два шага вперед, даже несмотря на то, что в последнее время оно движется вперед. Но *Сеть* глобальной индийской диаспоры находится на этапе экспоненциального роста. Действительно, я думаю, что 2020-е годы будут для Индийской сети тем же, чем 2010-е годы были для китайского Государства – несколько игнорируемого в начале десятилетия, но к его концу ставшего важной глобальной силой.

Напомним, что «первый единорог в Китае появился в 2010 году, далее потребовалось пять лет, чтобы единорогов стало пять, а годом позже их было уже двадцать. Экосистемы сперва развиваются очень медленно, а потом почти мгновенно».

Пожалуйста, не думайте, что во мне здесь играет мой личный индийский шовинизм – меня это действительно удивляет! Это просто признание неожиданного выхода на арену нового

игрока, которого многие до сих пор недооценивают. Для углубления в тему можно прочитать Новую идею Индии или Наше время пришло.

4.2.2. Ось “трансгуманизм — анархо-примитивизм”

Важная новая политическая ось проходит от анархо-примитивизму к трансгуманизму.

Вкратце, трансгуманисты считают, что технологии — это хорошо, и хотят использовать технологии, чтобы коренным образом изменить человечество. И наоборот, анархо-примитивисты считают, что технологии — это плохо, и хотят вернуться в дикую природу, провести деиндустриализацию и отказаться от технологий. Они думают о людях как о загрязнении великой матери-Земли.

У каждого из направлений есть правая и левая разновидности, хотя они частично перекрываются. Левые трансгуманисты, такие как Клаус Шваб из Всемирного экономического форума, в некоторой степени порождают правых анархо-примитивистов, и наоборот. По сути, левые трансгуманисты вносят в человеческое тело изменения, которые правые находят эстетически непривлекательными. И наоборот, правые трансгуманисты выступают за улучшения человеческого тела, которые левые анархо-примитивисты находят ужасающими.

Это работает и в обратную сторону. Некоторые анархо-примитивисты выступают за традиционную мужественность и возврат к земле, а некоторые трансгуманисты считают эту мужественность сдерживающим фактором. А некоторые анархо-примитивисты в духе Унабомбера хотят конца индустриальной цивилизации, который (помимо всего прочего!) разрушит цепочки поставок, необходимые для продления жизни, к которому стремятся трансгуманисты.

4.2.3. Стекло идентичностей

Вопрос, который на какое-то время смутил меня, состоял в том, почему критика Сан-Франциско, похоже, иррационально разозлила некоторых людей. Разве они не могли видеть, что график цен и объёма фекалий на улицах движется вверх и вправо? В конце концов я понял, что каждый в чём-то патриотичен, и эти люди были патриотичны по отношению к своему городу, в то время как другие были патриотичны по отношению к своим странам, компаниям или даже своим криптовалютам.

Если прорабатывать этот вопрос подробнее, то можно предположить, что для человека, который *идентифицирует* себя как жителя Сан-Франциско, критика города воспринимается лично, потому что это не заменяемая часть его жизни. Компания? Это просто работа, её можно заменить. А как заменишь мост Золотые Ворота, форт Президио, футбольную команду Фортинайнерз? Это своего рода

романтическая идентификация с самим городом и многими людьми, которые там живут.

Другие в первую очередь отдают предпочтение своей национальной, а не городской идентичности – они мгновенно перемещаются между фортами, которые взаимозаменяемы, но они готовы убивать и умирать за флаг, с которым они себя идентифицируют. Или они могут какое-то время «базироваться» за пределами Сиэтла, что означает, что их местоположение не имеет значения, одновременно сигнализируя о своей глубокой любви к онлайн-демократии, идентичности, которая не подлежит обсуждению.

Третьи патриотично относятся к своим компаниям, к тем вещам, которые они основали и финансировали, в которые вдохнули жизнь, к тем организациям, в создание которых они вложили весь свой капитал и интеллект, которые всегда гораздо хрупче, чем кажутся со стороны, и которые бессердечный сторонний наблюдатель ради жалких лайков может разрушить парой подрывающих моральный дух твитов.

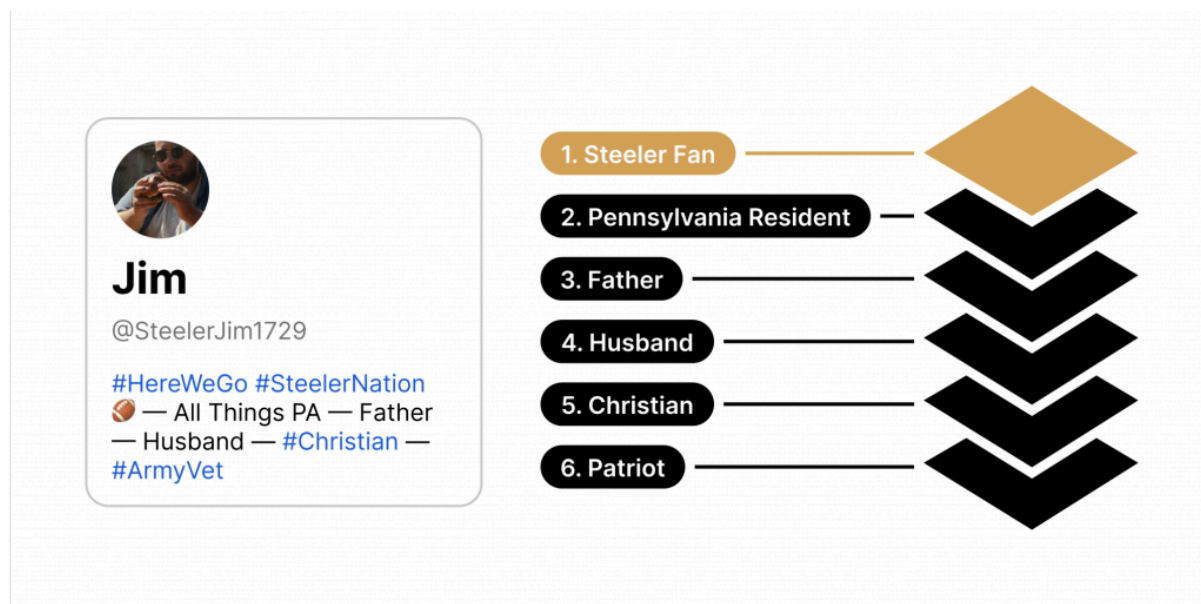
А некоторые и вовсе характеризуют себя через свои криптовалюты, думая о себе в первую очередь как о биткойнерах или эфирщиках. Часто это цифровые кочевники, которым безразлично, увидят ли они закат в Сан-Франциско или Сингапуре, или какая криптовалютная биржа живёт, а какая умирает, пока они могут каждый день общаться внутри своего сообщества держателей крипты.

В каждом случае у людей обычно существует большая экономическая, социальная или политическая заинтересованность в том, с чем они себя идентифицируют. Городской патриот может быть домовладельцем или иным образом вкладывать средства в управление городом. Патриот страны, возможно, подписал военный контракт. Патриотом компании может быть основатель или один из первых сотрудников со значительной долей участия. А патриоты криптовалют часто являются обладателями большого количества монет.

Но не все вещи служат основой идентичности; люди могут быть правшами, не идентифицируя себя как правши, они могут что-то делать, не идентифицируя себя в соответствии с этим. Итак, идентичность высшего уровня, первичная идентичность – это драгоценно, это редкость, это идентичность, которая превосходит все остальные. Люди могут использовать ежедневно семь приложений, но основных идентичностей у них и того меньше — обычно только одна.

Первичная идентичность не обязана ограничиваться только городом, страной, компанией или криптовалютой. Она может быть связана с религией, этнической принадлежностью или профессиями, такими как «журналист» и «профессор». Чтобы стать штатным профессором или публично принять новую религию, требуется огромная жертва, и по этой причине такие первичные идентичности часто оказываются на переднем плане какого-нибудь профиля в Твиттере.

Пример: профили в твиттере

Here's a concrete example of the identity stack, with three Twitter bios:

Вот конкретный пример стека идентичностей в виде трёх профилей в твиттере:

- **Джим:** #HereWeGo #SteelerNation 🏈 — All Things PA — Отец — Муж — христианин — армейский ветеран
- **Билли:** Неподцензурные деньги, бесконечные границы, вечная жизнь. #Биткойн
- **Боб:** Армейский пенсионер, программа антитеррористической помощи, муж, отец, дедушка, ветеран Ирака, педагог, но, самое главное, АМЕРИКАНЕЦ!

Опять же, каждый в чём-то патриотичен. Джим любит свой город; Билли патриотично относится к технологиям и трансгуманизму; Боб будет бороться за американский флаг.

Совокупность всего, что определяет человека, будучи проранжированной, представляет собой *стек его идентичностей*. Вершина стека идентичностей – первичная идентичность: «Питтсбург Стилерс» для Джима, «Биткойн» для Билли и «Америка» для Боба.

И, как уже отмечалось, первичная идентичность драгоценна. Это идентичность, которая превосходит все остальные. Чтобы построить что-то великое — компанию, валюту, цивилизацию — принадлежность к этому должна превзойти остальную часть стека идентичностей и стать чьей-то основной идентичностью. Это высокая планка.

4.3. Техноэкономические оси

Сетевое государство. 4. Децентрализация, рецентрализация.

4.3.1. Интернет увеличивает дисперсию

Интернет увеличивает дисперсию. Цифровизация позволяет мгновенно доводить ситуации до логического завершения, даже если цифровая логика не совсем работает в физической реальности. Это означает, что всё может измениться с нуля до единицы без предупреждения. Мгновенный успех, создание которого заняло десять секунд. Единственное, в чём можно быть уверенным – это в растущей волатильности.

Во-первых, наблюдение: за последние 20 лет мы перешли от 30-минутных ситкомов к 30-секундным клипам и 30-серийным одномоментно выходящим сериалам Netflix. От стабильной работы с 9 до 5 до перманентной занятости в гигакомпаниях или случайного обогащения на крипте. От стандартного жизненного сценария к 30-летним, живущих с родителями, и 20-летним руководителям стартапов.

Это очень общее явление. Это можно наблюдать на примере любого интернет-сервиса, поменявшего правила игры. Например, по сравнению со временем стандартной поездки

на такси некоторые поездки на Убере намного длиннее, а некоторые — намного короче.

Почему это происходит? Потому что интернет соединяет людей между собой. Напрямую. При этом устраняются цензоры, посредники, модераторы и посредственности. Конечно, каждое из этих слов имеет разный смысл. Люди рады, что цензоры и посредственность исчезают, но они не обязательно хотят, чтобы исчезли модераторы и посредники.

Тем не менее, по крайней мере поначалу, когда интернет выходит на арену, как только Сетевой Левиафан поднимает голову, именно это и происходит. Узлы, которые никогда раньше не встречались и не могли встретиться, теперь соединяются в одноранговую сеть. Они могут создать что-то ужасное, например твиттерную мафию, или что-то удивительное, например ETH Research. В итоге мы имеем экстремальные положительные и экстремальные отрицательные последствия.¹³⁶

Одна из аналогий — центрифуга. Если взять образец биологической жидкости из своего тела и центрифугировать его, можно увидеть множество слоёв, которые ранее были смешаны вместе. А теперь они разделены. Вот что интернет делает с обществом, с институтами. Он просто центрифугирует его на составные части, будь то альбомы, разделенные на песни, или газеты, разбитые на статьи.

Это этап разделения. Затем происходит перегруппировка. Песни группируются в плейлисты, статьи — в ленты в

твиттере. Этот шаг тоже выгоден; получается не то же самое, что было раньше, это версия 3, индивидуальная подборка. Это спиральная теория истории, в которой с одной точки зрения мы прошли полный круг («перегруппировка в плейлист, похожий на альбом»), но с другой стороны мы добились поразительного прогресса («любой может воспроизвести любую отдельную песню и создать любой плейлист, какой захочет»).

С учетом сказанного, эти вторичные подборки по-прежнему имеют более высокую дисперсию, чем предшествовавшие им подборки до интернета. Плейлистов на миллионы больше, чем альбомов, лент в твиттере на миллионы больше, чем газет.

4.3.1.1. BlueAnon, QAnon, SatoshiAnon

По мере того, как интернет увеличивает дисперсию, мы видим во всём больше положительных и отрицательных сторон.

Представители технологических компаний сосредотачиваются на позитиве, потому что выгода от технологических достижений (например, поисковых систем, смартфонов, социальных сетей и искусственного интеллекта) будет суммироваться, а потери предположительно будут разовыми. То есть, как только вы найдете выигрышную формулу или способ составления вторичной подборки, вы сможете сравнительно быстро

масштабировать это в остальной части сети. Таким образом, с течением времени это должно привести к накоплению плюсов, как это случалось при каждой предыдущей технологической революции. Я думаю, что с интернетом мы уже давно в плюсе (для начала, почти каждый кусочек когда-либо появлявшейся информации доступен миллиардам людей бесплатно в любое время), но это зависит от того, как мерять эффект.

И наоборот, истеблишмент видит только отрицательные последствия. То есть BlueAnons (анонимные демократы) могут видеть только QAnons (анонимных конспирологов), чей уровень ниже среднего, но не SatoshiAnons (анонимных разработчиков криптовалют), чей уровень намного выше среднего. Это немного похоже на концепцию программиста на гипотетическом языке среднего уровня Blub из эссе Пола Грэма. Точно так же, как Blub-программист может посмотреть на более низкоуровневый язык и увидеть его слабость, но не может посмотреть на более высокоуровневый и увидеть его мощь, представитель истеблишмента не может понять интернет-технологии более высокого уровня, чем те, которыми он сам в состоянии мыслить. Для него это просто какие-то странные штуки.

Точно так же, как Голливуд однажды сравнил Netflix с албанской армией, истеблишмент США ещё не понимает, насколько Сатоши Накамото или Виталик Бутерин лучше, чем любой *apparatchik*, работающий в Федеральной резервной системе. И он не понимает, что эти отклонения вверх от среднего уровня создают более компетентную группу мировых лидеров, чем американский истеблишмент, более меритократически отобранную группу, чем продвигающиеся за счёт кумовства функционеры с Восточного побережья.

Именно такие отклонения позволили подняться Сатоши.

4.3.1.2. Социальные сети – это американская Гласность, криптовалюта – это американская Перестройка

Стоит отметить два конкретных способа, с помощью которых интернет увеличивает дисперсию: социальные сети и цифровая валюта.

- Социальные сети увеличивают *социальную волатильность*. Вы можете завируситься, а можете оказаться отменённым, испытыв за одну ночь большой прирост¹³⁷ или потерю социального статуса.
- Цифровая валюта увеличивает *финансовую волатильность*. Её курс буквально за ночь может взлететь к Луне или упасть на дно, обеспечив вам большие прибыли или потерю финансового статуса.

В истории есть параллели этому: Гласность и Перестройка. Михаил Горбачев, последний советский лидер, думал, что сможет реформировать советское общество, предоставив больше свободы слова (посредством гласности) и дав больше свободы рынку (посредством перестройки). Он не совсем понимал, что его ждёт. Возникшая в результате нестабильность помогла разрушить Советский Союз.

Точно так же социальные сети подобны американской гласности, а криптовалюта — американской перестройке. Точно так же, как Горбачев запустил свободу слова и рыночные реформы, потому что он верил, что коммунизм можно реформировать, американский истеблишмент в 1990-х и 2000-х годах фактически купился на собственную версию своего якобы свободного и демократического общества. Только сейчас он осознаёт, что многочисленные средства контроля за словом и мыслью, которые их предшественники установили и спрятали на самом видном месте — такие, как строгие регуляции и высокие требования к капиталу для производства вещательного контента — на самом деле были ключом к продолжению их власти.

Теперь, когда стало ясно, что интернет для США — это примерно то же, чем США были для СССР, что это действительно свобода слова и свободные рынки, истеблишмент пытается подавить развязанную им Американскую весну, но может быть уже слишком поздно. В каком-то смысле Обама был, пожалуй, американским Горбачёвым, поскольку в 2008–2016 годах он позволил технологическим компаниям практически беспрепятственно вырасти до миллиардов пользователей, не до конца осознавая, что за этим последует.

4.3.1.3. Столетнее информационное цунами

Лишь немногие институты, существовавшие до интернета, переживут интернет.

Почему? Поскольку интернет увеличивает дисперсию, он вызывает огромные всплески цифрового давления на старые институты, которые просто не были созданы для этого. Они не могут справиться с пиковым уровнем социального и финансового стресса, который может вызвать интернет. Они подобны приморским городам, которые не были построены с расчётом на тысячелетний потоп. Пост Майкла Соланы JUMP очень хорошо осветил эту тему.

Действительно, это хорошая аналогия, потому что интернет можно рассматривать как носитель огромных *информационных волн*. Большинство нормальных волн распространяется в физическом пространстве и описывается стандартными дифференциальными уравнениями в частных производных (УЧП): 1-, 2- или 3-мерными (например, продольные волны, подобные звуковым, поперечные, подобные электромагнитным волнам, или эллиптические волны, несущие основную разрушительную энергию при землетрясениях). Но эти информационные волны распространяются в высокодинамичных социальных сетях, где топология¹³⁸ соединения и разъединения существенно меняется.

4.3.2. От естественного физического к изначально цифровому

Цифровое становится первичным, а физическое теперь вторично.

4.3.2.1. Трёхфазный переход

Цифровой переход происходит в три этапа: физическая версия, промежуточная форма и интернет-версия. Те, кто занимается электротехникой, может думать об этом как об аналоговой, аналого-цифровой и изначально цифровой формах.

- Один из примеров – переход от листа бумаги через сканер, который сканирует текст с листа в цифровую версию, к изначально цифровому текстовому файлу, который начинает жизнь на компьютере и распечатывается только тогда, когда это необходимо.
- Другой пример – переход от личных встреч через видеоконференции в Zoom (который представляет собой сканер лиц) к чисто цифровым встречам в виртуальной реальности.
- Ещё один пример: переход от физических денег через что-то вроде PayPal или финтеха (которые представляют собой всего лишь отсканированную версию ранее существовавшей банковской системы), к по-настоящему нативной цифровой версии денег – криптовалюте.

Стоит единожды разглядеть этот шаблон, как он становится виден повсюду, позволяя отслеживать те места, где мы всё ещё застряли на версии 2, в отсканированной версии, где берётся офлайн-опыт и переносится в интернет, но без внесения фундаментальных инноваций.

4.3.2.2. По-настоящему цифровые новости: инфопанели, ленты событий на блокчейне

Газеты на самом деле оцифрованы лишь частично. В 1996 году основной версией The New York Times была бумажная версия, а зеркалом — веб-сайт. Затем постепенно центр тяжести стал всё больше смещаться к цифровой версии. Теперь можно справедливо сказать, что физическая газета — это просто распечатка веб-сайта, снимок на определённое время. И есть функции, доступные только в интернете, такие как интерактивная графика, которые невозможно воспроизвести в физической газете. И самое важное, раздел комментариев — это полноценные социальные сети, особенно Твиттер, где находятся все репортёры.

Но по сути это всего лишь газета, размещенная в интернете. Большую часть можно распечатать. Каков следующий шаг в этой эволюции? Как выглядят изначально цифровые новости? Здесь есть как минимум две концепции, представляющие интерес: утренние инфопанели, заменяющие утреннюю газету, и криптографически проверяемые ленты событий, заменяющие твиты с непроверяемым содержанием.

Инфопанели > газеты. Если вы работаете в сфере технологий, первое, на что вы смотрите каждый день — это личная или, может быть, корпоративная инфопанель, например, ваш Fitbit или ваши продажи. Это хорошо. Первое, на что вы смотрите каждый день, не должно быть случайными историями, выбранными кем-то другим. Наоборот, это

должен быть мониторинг тщательно подобранных показателей, которые вы хотите улучшить. Это хороший вектор атаки, чтобы подорвать деятельность газет, потому что такой функционал никак не укладывается в определение понятия газеты.

Если мы подумаем об этом с точки зрения «необходимой работы» Клейтона Кристенсена, газеты занимают невероятно почетное место — первое, на что люди смотрят утром! — но обычно не приносят достаточной ценности, чтобы заслужить эту позицию.

Ленты событий на блокчейне > Твиттер > газеты. Одно из ключевых наблюдений состоит в том, что как статьи о спорте часто представляют собой рассказы о счёте на табло, а многие финансовые статьи представляют собой сводки биржевых событий за день, так и многие политические и технические статьи – это просто обёртки вокруг твитов.

Потому что новости появляются в Твиттере. Поэтому в конечном итоге газета следующего поколения будет выглядеть как криптографически верифицированная версия Twitter. Первым черновиком истории будет необработанная лента событий в сети, записываемая непосредственно в реестр записей миллиардами авторов и датчиков по всему миру.

Другими словами, истинно цифровые газеты будут представлять собой ончейн-ленты событий. Криптооракулы с цифровой подписью, а не корпорации.

4.3.2.3. От удалённой работы к удалённой жизни

Мой друг Дэниел Гросс заметил, что будущие историки будут рассматривать 2020 год как год настоящего начала эпохи интернета.

Долгосрочное воздействие COVID-19 состояло в том, что он превратил мир из физического в главным образом цифровой. Потому что интернет в 2000 или 2010 году не мог выдержать нагрузку всего физического мира. Но к 2020 году это стало вполне возможным. Теперь речь идет не только об удаленной работе, но и об удаленной жизни.

Во время пандемии все сектора, которые ранее были социально устойчивы к интернету (здравоохранение, образование, право, финансы, непосредственно правительство), капитулировали. Те аспекты общества, которые очень постепенно менялись с развитием технологий, изменились во мгновение ока. Например, изменилась традиция вежливости: теперь стало невежливо просить о личной деловой встрече, поскольку каждый, насколько это вообще возможно, должен был бы стараться сделать это удалённо.

После вакцинации многие из этих явлений вернулись, но полностью они не вернутся уже никогда. Цифровизация постоянно ускоряется.

Раньше физический мир был первичным, а интернет был его зеркалом. Теперь всё изменилось. Цифровой мир стал первичным, а физический мир — всего лишь зеркалом. Конечно, мы всё ещё физические существа. Но важные события сначала происходят в интернете, а потом материализуются в физическом мире, или нет.

4.3.2.4. От печати к материализации

Вся ценность в конечном итоге становится цифровой, потому что мы обобщаем концепцию «печати» с нанесения чернил на лист бумаги к фактической материализации цифровых вещей в физическом мире. Это противоречит здравому смыслу, и могут возникнуть возражения. Но давайте рассмотрим этот процесс в несколько шагов.

1. *Большая часть ценности уже создаётся в цифре.* Если вы читаете это, вы, вполне вероятно, работаете с информацией. Возможно, вы не думали об этом таким образом, но большую часть своего времени бодрствования вы, вероятно, проводите перед тем или иным экраном — ноутбуком для работы, телефоном в дороге, планшетом для чтения и так далее. Итак, большая часть вашей жизни уже в некотором смысле проводится в Матрице, и это даже до широкого внедрения дополненной и виртуальной реальности. Если не рассматривать варианты возвращения к существованию амишей или жителей Андаманских островов, большая часть вашей жизни находится и будет находиться в той или иной форме под влиянием цифровых технологий. Более того,

большая часть ценности физического мира исходит от чертежей, созданных в той или иной форме на компьютере; например, iPhone, произведённый в Шэньчжэне, получает большую часть своей ценности от работы дизайнеров в Калифорнии. Таким образом, большая часть процесса создания ценности сосредоточена в цифре.

2. *Всё больше ценности создаётся в цифре.* Достаточно прочесть статью Паки Маккормика «Великая онлайн-игра» и представить себе, как каждый работник в информационном пространстве, по сути, нажимает кнопки, чтобы заработать криптовалюту в гигантской глобализированной интернет-экономике. Именно так будет выглядеть 2030 или 2035 год.
3. *Многие расходы уже совершаются в цифре.* Просто представим, какая часть наших расходов уже уходит на цифровые товары, такие как книги, музыка, подписка на программное обеспечение и тому подобное. Теперь подумаем, сколько из оставшихся трат проходит через какой-либо цифровой интерфейс, будь то интернет-магазин, такой как Amazon, или оплата через Apple Pay на кассе магазина. Таким образом, люди в промышленно развитых обществах уже довольно редко совершают полностью автономную чисто физическую транзакцию типа «передача пятидолларовой купюры на фермерском рынке за несколько помидоров».
4. *Многие действия можно без ущерба для смысла считать распечаткой.* Теперь можно сделать ещё шаг вперед и уподобить ещё остающиеся офлайновые действия «распечатке» чего-либо, хотя с таким же успехом можно использовать слово «материализация». Мы нажимаем кнопку на Amazon, и начинается сложный процесс доставки через несколько юрисдикций, в

результате которого коробка приземляется у нашей входной двери. Мы нажимаем кнопку Uber, и подъезжает машина. Мы нажимаем кнопку на Doordash, и нам приносят еду. Мы нажимаем кнопку, чтобы арендовать жильё на Airbnb, а затем ещё одну, чтобы открыть умный замок, и дверь в жильё открывается. То же самое можно сделать с дверью в свой коворкинг-офис или с дверью своего электромобиля. Таким образом, всё больше и больше товаров, которые люди добывают в физическом мире, в каком-то смысле «распечатываются».

5. Многие действия по распечатке могут быть полностью автоматизированы. Сегодня за такие вещи, как доставка еды, отвечает человек. Но по мере совершенствования робототехники теоретически этот процесс может стать полностью электромеханическим, таким же, как печать. Каждый отдельный шаг от фермы до стола может быть автоматизирован. На каждом этапе уже есть роботы: роботы на заводах по производству удобрений, роботы для сбора урожая и роботы для доставки к двери. В качестве упражнения было бы полезно рассмотреть полный пример, где кто-то «распечатывает» яблоко, а затем оно полностью выращивается и доставляется роботом, даже если на практике доставка будет происходить со склада, вместо (медленного!) выращивания под заказ.

Итак, если суммировать: всё, что имеет цену, будет цифровым. Всё начинается на компьютере, где происходит генерация криптовалюты, которая далее может быть использована либо для покупки цифровых товаров, либо для оплаты роботам материализации вещей в физическом мире.

Люди, конечно, по-прежнему будут существовать, но экономика станет криптоэкономикой. Все ценности станут цифровыми.

4.3.3. Загадка продуктивности

В чем загадка продуктивности? Очевидно, что мы должны сегодня жить посреди золотого века продуктивности. На памяти живущих людей компьютеров не существовало. Копировальных аппаратов не существовало. Даже клавиши backspace не существовало. Всё приходилось печатать вручную.

Ещё не так давно мы не могли так легко искать все свои документы, сортировать их, создавать резервные копии, искать внутри документов, копировать/вставлять, отправлять по электронной почте, менять шрифты или отменять действия. Вместо этого нам пришлось бы печатать и перепечатывать всё это на пишущей машинке!

Если вы работаете с информацией, то по сравнению с вашими предками, работавшими с папирусом, бумагой или пишущей машинкой, вы — золотой бог, бороздящий море электронов. Вы можете за считанные секунды добиться того, на что у них ушли бы недели, если бы они вообще могли это сделать.

Мы также должны быть гораздо более продуктивными и в физическом мире. В конце концов, наши предшественники строили железные дороги, небоскрёбы, самолеты и автомобили без компьютеров и интернета. И построили их быстро. Используя только пишущие машинки, логарифмические линейки и хороший запас прочности.

Тут мы подходим к концепции Великого Застоя Тиля/Коэна/Холла. Куда делась вся эта дополнительная производительность? Она никак не проявляется в физическом мире, хотя можно утверждать, что в цифровом мире с ней всё в порядке. Есть несколько возможных тезисов:

1. *Великое отвлечение.* Вся достигнутая нами продуктивность была растрочена на равные по силе и противоположные по знаку отвлекающие факторы, такие как социальные сети и игры.
2. *Великое рассеяние.* Производительность была растрочена на такие вещи, как заполнение бланков, исполнение регуляторных норм и суды.
3. *Великое расхождение.* Производительность уже достижима, просто ею пользуются лишь немногие неудержимые. Например, основатели технологических «единорогов» могут иметь больше возможностей сосредоточиться на онлайн, чем большинство прочих.
4. *Великая дилемма.* Производительность растрачивается причудливыми путями, требующими построчного детального изучения всех факторов, как в этом исследовании о причинах дороговизны тоннелей в Нью-Йорке.
5. *Великое оупение.* С производительностью всё в порядке, просто мы на Западе принимаем тупые

решения, в то время как другие этим пользуются. Достаточно глянуть, как, например, Китай строит железнодорожный вокзал за девять часов, вместо того, чтобы модернизировать остановку компании Caltrain, затрачивая в 100–1000 раз больше времени¹³⁹. Да, я уверен, что не каждый железнодорожный вокзал в Китае строится за девять часов, и не удивлюсь, если в некоторых регионах США (или на Западе в более широком смысле) дела обстоят лучше, чем районе залива Сан-Франциско. Но вполне вероятно, что систематическое исследование обнаружит качественный разрыв в скорости на один–два порядка или более.

6. *Великая задержка*. Производительность ещё придёт, просто её приход задерживается до появления дешёвых роботов. То есть производительность тех вещей, которые мы можем делать полностью на компьютере, заметно возросла. Отправить что-либо по электронной почте в 100 раз быстрее, чем по физической почте. Но медлительный человек существует как раз в физическом мире и ограничен этим. Итак, согласно этой гипотезе, люди теперь являются ограничивающим фактором.

По сути, представление сложного проекта на диске в чём-то вроде Google Docs может оказаться не таким большим выигрышем в производительности, как мы думаем. Людям всё ещё необходимо понимать все эти электронные документы, чтобы построить что-то в реальной жизни.

Значит проблема может быть в аналогово-цифровом интерфейсе. Нужно ли нам действовать так же быстро, как мы вычисляем? Это будет означать, настоящим ключом к повышению производительности станет роботизированное выполнение задач с нулевой задержкой. Также

мысами ещё не стали полностью цифровыми. Пока люди всё ещё заперты в физическом мире, мы не сможем воспользоваться всеми преимуществами цифровой продуктивности.

Я не знаю ответа, но думаю, что построчное изучение факторов, как в исследовании про тоннели – это хороший, но медленный способ выяснить, что именно пошло не так, в то время как подход, основанный на анализе других стран и периодов времени, а именно, изучение истории – может и впрямь оказаться быстрым способом выяснить, какие решения будут правильными.

4.3.4. Лингвистические границы в интернете

Если для физического мира органическими границами являются реки и горные хребты, то органическими границами интернета являются несовместимость программного обеспечения и языковые барьеры.

Первый фактор очевиден: экосистема Facebook отличается от экосистемы Google и тем более от экосистемы Ethereum, потому что их бэкенды не полностью перекрываются, будучи несовместимы на уровне программного обеспечения.

Второе немного менее очевидно. Можно представить себе интернет разделённым на континенты: крупнейший из них – англоязычный интернет с миллиардами людей, второй по величине китайскоязычный с 1,3 миллиарда, и так далее – испаноязычный, японоязычный, корейскоязычный, русскоязычный интернет.

Огромное различие между английским и китайским интернетом заключается в том, что первый – глобален и, возможно, децентрализован, тогда как второй в значительной степени сконцентрирован в Китае, при этом КПК имеет корневой доступ к большинству ключевых узлов.

Еще одним важным фактором является то, что английский интернет вот-вот примет миллиард новых пользователей в виде всех индийцев, которые впервые выходят в онлайн. А поскольку индийский интернет станет в результате гораздо большей частью англоязычного дискурса, истеблишменту США будет сложно подвергать англоязычный интернет цензуре в той мере, в какой им бы хотелось, потому что хостинг теперь легко сможет базироваться в суверенной стране Индии.

4.3.5. Дефекты Сети

Дефект сети — это когда увеличение размера сверх определенного значения снижает ценность сети. Закон Меткалфа не учитывает эту динамику, поскольку, согласно прогнозам, полезность будет просто увеличиваться до

бесконечности по мере роста размера сети, но существует несколько различных математических моделей, которые предсказывают этот результат, например, модели, основанные на понятии перегрузки, или вот эта статья Виталика.

Отторжение внутри сети — ключевая динамика, которая может привести к дефекту сети. Суть в том, что две или более подгруппы внутри сети имеют настолько серьёзный конфликт, что это снижает глобальную ценность сети для обеих, пока одна из них не откочится в другую сеть. Так что это сетевой «дефект» в обоих смыслах этого термина: изъём и политическая отбраковка.

---

¹³⁶ Другой пример — Биткойн. Это Unix для денег. Вы можете отправить миллионы одним нажатием клавиши или одной командой угробить всё своё состояние. Это одновременно и плюс, и минус — когда люди становятся опытными пользователями и убирается системный администратор.

¹³⁷ Финансовый статус (деньги) более измерим, чем социальный статус, поскольку баланс вашего банковского счёта объективно измерим. Но социальный статус также стал довольно измеримым с помощью лайков, ретвитов, числа подписчиков, комментариев и ссылок из внешних сетей.

¹³⁸ Пожалуй, даже в этом случае можно попытаться визуализировать такую волну, если встроить основной

график в какое-нибудь многообразие (множество решений системы уравнений), а затем представить себе распространяющуюся по нему волну, вызванную изменением той или иной переменной.

¹³⁹ Разница в 100–1000 раз это не преувеличение. Ремонт станции Caltrain длился с ноября 2017 года по осень 2020 года, то есть около 3 лет. Три года против девяти часов — это $(3 * 365 * 24) / 9 = 2920$, и это означает, что США нужно почти в 3000 раз больше времени, чтобы модернизировать железнодорожную станцию, чем Китаю, чтобы построить её с нуля.

4.4. Обозримое будущее

Сетевое государство. 4. Децентрализация, рецентрализация.

4.4.1. AR-очки соединяют физический и цифровой миры

Очки дополненной реальности (Augmented Reality, AR) – это, возможно самое ожидаемое изобретение всех времен.

In the 90s and 2000s, people talked about the *convergence device*. Gates imagined it would be a smart television, but it turned out to be the iPhone. What's the next convergence device? I think it's AR glasses. Take the following technologies:

В 90-е и 2000-е годы говорили об *устройстве конвергенции*. Гейтс предполагал, что это будет умный телевизор, но это оказался айфон. Каким будет следующее устройство конвергенции? Я думаю, это AR-очки. Возьмём следующие технологии:

- Очки Spectacles от Snapchat
- Очки Oculus Quest от Facebook
- Google Glass Enterprise
- Набор разработчика AR Kit от Apple

- Приложения дополненной реальности вроде Pokemon Go

Если соединить всё это вместе, мы получим образ очков дополненной реальности, которые дают мгновенный доступ к цифровому миру в нашем поле зрения, а после, например, одним прикосновением затемняются, создавая уже виртуальную реальность. С нашего согласия любой человек может телепортироваться в наше поле зрения или из него, мы можем «щёлкнуть правой кнопкой мыши» по любому объекту, чтобы ИИ выдал нам метаданные о нём, и мы можем получить компьютерные инструкции для выполнения практически любой физической процедуры, от ремонта машин до шитья.

Мы знаем, что миллионы людей умудряются носить очки целый день, они легче, чем гарнитуры, и их легко надевать и снимать. Таким образом, они могут стать такими же повсеместными, как и телефоны. Конечно, это будет инженерное чудо, и, хотя Apple это сильный соперник, Facebook, возможно, окажется наиболее вероятной компанией, которая сможет их поставить на рынок первой, учитывая её прогресс в Oculus и внимание основателя к инновациям.

Почему AR-очки получают такую большую долю рынка? Если задуматься о том, какую часть своей жизни мы проводим, глядя на экран, будь то ноутбук, телефон или часы, то >50% нашего времени бодрствования уже проведено в матрице. AR-очки в одном смысле сократят «экранное» время, позволяя вам делать нужные операции прямо на ходу, не

глядя на экран как таковой, но увеличат цифровое время в другом смысле, поскольку даже для того, чтобы просто видеть мир, эти устройства у людей будут постоянно активны.

Это означает, что наш повседневный опыт будет в ещё большей степени сочетать не только физический мир, в котором доминируют законы природы, но и цифровой мир, управляемый написанным человеком кодом. Автономный мир всё ещё существует, физика и биология всё ещё существуют, но алгоритмы и базы данных управляют уже большей частью человеческого существования. Сеть окружает нас в ещё большей степени, чем Государство.

В сочетании с каким-либо интерфейсом жестов (перчатки, кольца или, возможно, просто сложное отслеживание движений) мы сможем использовать свои руки, чтобы делать что угодно в цифровой сфере. Таким образом, с помощью AR-очков цифровая и физическая сферы полностью сливаются, и люди действительно смогут видеть и взаимодействовать с открытой метавселенной в реальной жизни.

4.4.2. Экспериментальная макроэкономика

Криптоэкономика превращает макроэкономику в предмет экспериментов.

Почему? Потому что мы можем самостоятельно выпустить валюту, установить денежно-кредитную политику, привлечь добровольных участников и проверить свои теории на практике. Пудинг с доказательством уже подан к столу. И в случае успеха пудинг будет стоить многие миллиарды долларов.

Это опровергает предположение о том, что экономика и бизнес полностью разделены. Они вообще не разделены. Микроэкономика – это теория личности и фирмы, и она напрямую связана с ведением бизнеса. Каждая цена, которую вы устанавливаете, каждая компания, которую вы открываете, — это своего рода микроэкономический эксперимент (хотя обычно он плохо контролируется).

Макроэкономика, напротив, до недавнего времени была закрыта для экспериментов. Первым шагом вперед стала ранняя работа Эдварда Кастронова из Массачусетского технологического института по виртуальной экономике, такой как World of Warcraft. Теперь любой может создать криптовалюту, установить денежно-кредитную политику и посмотреть, что произойдёт.

Возможно, самым близким к экспериментальной макроэкономике до криптовалюты был опыт создания и масштабирования крупных двусторонних рынков, таких как Airbnb, eBay, Google Ads и т.д.

Практика быстро даст понять, что идеология — плохой ориентир. И наивное либертарианство, и прогрессивизм

терпят неудачу. Почему? По сути, люди хотят зарабатывать на этих платформах деньги. Они абсолютно точно реагируют на стимулы, в отличие от наивной прогрессивной модели, согласно которой их поведение будет альтруистическим. Но оператор рынка обладает огромной властью формировать стимулы, хорошие или плохие. Таким образом, наивная либертарианская вера в полностью децентрализованный хайековский порядок тоже не всегда сбывается.

4.5.

Американская

Анархия,

Китайский

Контроль и

Международны й Центризм

Сетевое государство. 4. Децентрализация, рецентрализация.

Здесь мы даём немного больше подробностей по фантастическому сценарию¹⁴⁰, в котором США погружаются в хаотичную Вторую Американскую гражданскую войну, КПК отвечает противоположной крайностью, форсируя создание государства тотального наблюдения, которое ловит богатство в своей сети цифрового юаня, а весь остальной мир – если нам повезет – создаёт стабильную альтернативу в виде стартап-сообществ, которые мирно отвергают эти крайности.

Для ясности: нам не обязательно верить в этот сценарий, чтобы построить стартап-сообщества и сетевые государства. Но это мысленная модель будущего, которую мы представляем по той же причине, по которой Рэй Далио выдвинул (несколько эвфемистическую) модель того, как миропорядок от главенства США может перейти в руки внешнего конкурента, а Питер Турчин выдвинул (менее эвфемистическую) модель того, как США могут свалиться во внутренние беспорядки.

4.5.1. Американская Анархия

4.5.1.1. Процветание, тирания или анархия?

Прогрессивисты утверждают, что Запад становится более свободным, равным и процветающим.¹⁴¹ Антиутописты заявляют, что мы на самом деле находимся на стадии зарождающейся тирании, будь то соответственно тирания фашистов или Пробудившихся. Недооценена третья возможность: по крайней мере, в США безрезультатная борьба за власть между демократами и республиканцами означает, что Америка движется к анархии.

По мере развития событий 2021 года стало ясно, что даже при однопартийном контроле над федеральным правительством демократы были не более эффективны, чем республиканцы с сопоставимой властью четырьмя годами ранее. Ни одна из фракций не оказалась способной реализовать тотальное доминирование сверху вниз, за которое выступали некоторые в их партии и которого боялись многие в другой партии.

Между тем, беспартийный государственный потенциал США в целом продолжал заметно ухудшаться. Достаточно глянуть на полуигнорируемые регуляции во время пандемии COVID, похожие на регуляции Администрации безопасности транспорта (TSA), и мы увидим полуигнорируемого, похожего на TSA регулятора, а именно, несостоятельное

государство, которое люди наполовину игнорировали и, возможно, были вынуждены наполовину игнорировать, потому что США сама теперь стала играть роль TSA, а TSA, как они знали – это театр безопасности.

Сегодня на территории, управляемой этой неумелой бюрократией, мы наблюдаем отключения электроэнергии, перебои в цепочке поставок, прорывы дамб и неконтролируемые пожары. Мы видим беспорядки, поджоги, перестрелки, поножовщину, грабежи и убийства. Мы видим цифровые толпы, которые легко превращаются в физические толпы. Мы видим полную потерю доверия к институтам от государства до СМИ. Мы видим антикапитализм и антирационализм. Мы видим, как штаты отделяют свою политику от политики федерального правительства США внутри страны и за рубежом. И мы видим Конец Власти, Восстание Масс, поражение военных, инфляцию доллара и – надвигающуюся впереди – Американскую Анархию.

Грядет не фашизм или коммунизм, как пытаются убедить нас левые и правые эксперты, хотя они сами в это не верят. Грядет полная противоположность этому: мир, в котором цивилизованные концепции свободы и равенства доводятся до абсурда, при котором рушится цивилизованность; где мы все равны и никто никому не босс, где всякая иерархия нелегитимна, в том числе любые авторитеты, где никто ни за что не отвечает и всё в полном хаосе.

Мы можем утверждать, что это может быть предпочтительнее статус-кво, точно так же, как некоторые думают, что хаотичная Россия 1990-х годов в целом была

лучше, чем авторитарный Советский Союз 1980-х. Мы можем утверждать, что это неизбежно; как гласит китайская пословица, «империя, давно разделённая, должна объединиться; давно объединённая – должна разделиться». И мы можем утверждать, что этот переходный период анархии будет прискорбным, но это лучше, чем когда власть забирает одна сторона, чтобы навязать свой порядок другой стороне. Возможно, это так, и именно об этом наша книга. Но я думаю, что перед каким-либо объединением правильно будет размежеваться, и мы как раз на этом пути.

4.5.1.2. Максималисты против Пробудившихся

Закончив поэтическое вступление, перейдем к конкретике. Вместо бессрочного продолжения послевоенного порядка или длительной Второй Холодной войны между США и Китаем, к которой многие готовятся, США могут оказаться на пути к Американской Анархии, хаотичной Второй Гражданской войне между истеблишментом и народом США.

Мы предвидим две основные фракции. Первая выстроится вокруг федерального правительства США, «Нью-Йорк Таймс» и иных СМИ истеблишмента, движения Пробуждения, доллара и Демократической партии; они скажут, что борются за «демократию» против «повстанцев». Вторая будет ориентирована на правительства штатов, децентрализованные СМИ, максимализм, Биткойн и Республиканскую партию; они скажут, что борются за «свободу» против установленной «тирании». Мы не можем предсказать их имена, но вместо «Синих демократов» и «Красных республиканцев» давайте назовем их

Пробудившимися и Максималистами или (более нейтрально) фракциями Зелёного Доллара и Оранжевого Биткоина.

Крайне важно, что в этом сценарии многие цветные перейдут от Синих Демократов к Оранжевым Битконерам, потому что, будь ты черным, белым, латино или азиатом, сбережения каждого будут уничтожены инфляцией. Многие основатели технологических компаний и независимые писатели также перейдут к Оранжевым; такие инструменты, как Square Cash, будут способствовать массовому переходу на Биткоин, а авторы новостных колонок будут продвигать нарративы, оспаривающие позиции СМИ истеблишмента.

И наоборот, многие институциональные лоялисты перейдут от Республиканских Красных к Долларовым Зеленым, включая полицию, военных и неоконсерваторов, просто потому, что они, в конечном счете, командные игроки и «естественные консерваторы», которые боролись бы как за царскую Россию, так и за Советский Союз. Права она или нет, это моя страна.

Роль централизованных технологических компаний будет ключевой. По умолчанию они перейдут на сторону Зелёного Доллара, но многие основатели технологических компаний склоняются к Оранжевому Биткоину, поэтому мы можем видеть, что централизованные технологические компании поддерживают обе стороны — при этом старые и полностью “модифицированные “пробуждённые” фирмы, такие как Google, твердо стоят на стороне Зелёных, а новые, контролируемые своими основателями фирмы,

расположенные в таких местах, как Майами и Техас, следуют в оранжевом русле.

4.5.1.3. Как Америка идёт к конфликту

Как могло бы произойти что-то настолько радикальное, как Вторая Американская Гражданская война? Об этом можно написать целую книгу, и несколько человек так и сделали, но вместо этого мы ограничимся списком. Прежде чем просмотреть его, можете перечитать Рэя Далио, Питера Турчина и Штрауса & Хоу, если вам нужно понимание контекста, поскольку мы не сможем дать каждую цитату, лежащую в основе этого прогноза. Сделали? Хорошо, поехали.

1. *Политическая поляризация резко возрастает.* Это видно сейчас на всех графиках. США на самом деле больше не «национальное государство», а двунациональная страна, состоящая из двух враждующих этнических групп, которые расходятся во мнениях о фундаментальных моральных принципах. Речь идет о «боге, геях и оружии» (god, gays, and guns), но также о цензуре, слежке и инфляции.
2. *Государственный потенциал значительно снизился.* Компетентная Америка середины века, слияние левых и правых, которое организовал Рузвельт, Америка, которая соединяла мощное централизованное государство с социальным консерватизмом, Америка, изображенная в бесчисленных фильмах, Америка, которая выиграла Вторую мировую войну и Холодную войну — эта

страна закончилась. Правительство США не может построить туалет в Сан-Франциско, не говоря уже о приемлемом по цене истребителе, эсминце, корвете или авианосце.

3. *Экономическое благосостояние снижается.* Все политические распри последнего десятилетия происходили в период относительного процветания, даже если они и были вызваны бесконтрольным печатанием денег. Но теперь, когда мы потенциально можем столкнуться с годами инфляции и стагнации, недовольство будет увеличиваться. Мы уже видим статьи, пытающиеся приучить людей к более низким стандартам жизни, «есть насекомых и жить в капсуле». А клиодинамические графики Турчина выражают эти ощущения количественно.
4. *Зависть возрастает.* Обычно это формулируют в терминах «неравенства», и это действительно один из способов взглянуть на проблему, но давайте повернем картинку на несколько градусов и поговорим о *зависти*. Возвращение огромных состояний, рост популярности социальных сетей и упадок религии привели к росту зависти. Каждый день люди могут видеть в интернете других людей, которые кажутся более обеспеченными, чем они, и чьё благополучие, кажется, растёт, в то время как у них падают. Реален ли этот подъём или нет, происходит ли он благодаря собственным усилиям другого человека или нет – на самом деле не имеет значения для наблюдателя, который чувствует, что он не продвигается вперёд, который чувствует, что отстаёт.
Если нет прилива, который поднимает все лодки, «рациональным» действием для некоторых оказывает затопление других лодок и затягивание разбегающихся крабов обратно в ведро. Почему?

Потому что несчастье любит компанию, и потому что если не дать кому-то зайти слишком далеко вперед, это означает, что он не сможет конкурировать с вами за дома или партнёров. Единственный выход из этой ловушки игры с отрицательной суммой — построить системы с доказуемо положительной суммой и общества с высоким уровнем доверия. Но это именно то, чего американский истеблишмент не делает.¹⁴² Он каждый день разжигает ненависть в социальных сетях и даёт новые причины не доверять ему — будь то настойчивые заверения в том, что инфляция носит кратковременный характер, или все другие эпизоды официальной дезинформации.

5. *Надвигается военное поражение иностранных союзников.* Оставляя в стороне ваши чувства по поводу пандемии, стоит заранее рассмотреть военную пропаганду. В 2018 году Министерство обороны США выпустило пресс-релизы о своей подготовке к пандемии, о своих сложных вакцинах... и на практике мы ничего этого не увидели. Впервые у многих представителей общественности была возможность напрямую сравнить заявления о «секретных военных программах» с фактическими результатами, точно так же, как мы могли бы сравнить прогнозы руководителей корпораций с фактическими результатами. И размер этого разрыва был поразительным. Это указывало на то, что по крайней мере некоторые действия американских военных были всего лишь словами, не отражающими реальность.

Я отметил это в начале 2021 года, за несколько месяцев до того, как поражение в Афганистане дало еще один пример разрыва между военной риторикой США и реальностью, когда Кабул не собирался падать

через несколько дней, а потом это случилось.

На момент написания этого фрагмента книги прошло уже четыре месяца с начала российско-украинской войны 2022 года. После первоначального всплеска внимания глобальный интерес к конфликту резко упал. «Нью-Йорк Таймс» и другие СМИ истеблишмента теперь советуют администрации США добиваться мира, а различные отчёты указывают на то, что украинцы быстро подчищают запасы боеприпасов, в то время как русские продвигаются вперед с помощью артиллерии дальнего действия. Уточню: что произойдёт в реальности, совсем не очевидно – повсюду царит туман войны – но в случае полной победы русских, определяемой как получение территории, которой у них не было до войны, это не предвещает ничего хорошего для американского истеблишмента.

6. *Штаты США дистанцируются от федералов.*

Политика США широко освещается на национальном уровне, потому что она привлекает клики со всего мира. Но местной политике не уделяется такого же внимания. Однако, если вы обратили внимание, на протяжении нескольких десятилетий *наблюдается тенденция, когда штаты дистанцируются от* федерального правительства и друг от друга по таким вопросам, как оружие, иммиграция, аборты, азартные игры, марихуана и тому подобным. Это ранее рассмотренный тезис «Будущее — это наше прошлое»: он возвращает в действие Десятую поправку, фактически отменённую правительством Рузвельта и, в более широком смысле, сигнализирует о постепенной децентрализации Запада, начиная с пика централизации 1950 года.

7. *Уважение к власти утеряно.* Старые американские левые говорили что-то вроде «нам всем нужно

работать на общее благо», а старые правые говорили что-то вроде «платите положенное, и вы осуществите свою американскую мечту». Новые левые говорят: «Мы все равны», а новые правые говорят: «Ты мне не начальник». Таким образом, старая комбинация левых и правых поддерживала самопожертвование и стабильную иерархию¹⁴³, в то время как новая нападает на любую иерархию как на фундаментально нелегитимную, репрессивную или тираническую. Это отражается в порче и деградации практически всех институтов США за последние несколько десятилетий, от офиса президента до статуй американских основателей. Джордж Вашингтон и Капитолий США больше не являются священными.

8. *Обсуждается национальный развод.* Сецессия теперь официально является частью платформы техасских республиканцев. И на тему «национального развода» появляется всё больше статей как от демократов, так и от республиканцев, в том числе от таких источников, как NYMag («Нет, мы не можем добиться национального развода»), Стивен Марш («Следующая гражданская война»), Барбара Уолтер («Как начинаются гражданские войны»), Майкл Мэлис («Дело в пользу отделения Америки»), Дэвид Рибои («Национальный развод стоит дорого, но он стоит каждого пенни») и «Американский разум» («Разделение»).
9. *Радикальные движения отвергают статус-кво.* Было написано бесчисленное количество слов о Пробуждении, о том, что это радикальная идеология, которая считает США порочными по своей сути — системно подверженными множеству X-измов, куда можно подставить самые разные X — и поэтому на самом деле стремится не реформировать Америку, а

захватить государство и полностью его преобразовать. См. Уэсли Янга, Ричарда Хананию, Мэтью Иглесиаса, Джона Маквортера, Бари Вайса и многих других для обсуждения различных аспектов этого вопроса.

Суть Пробуждения в том, что это не просто поверхностный сорняк, растущий из верхнего слоя почвы. У него есть корневая система, теория истории и этики, построенная на тысячах статей, на поколениях академических гуманистов, на Фуко, Дерриде и им подобных, на деконструкции, критической расовой теории и так далее. На мой взгляд, это преимущественно злая доктрина, изощённое зло, пропагандируемое во имя добра, но я признаю, что у неё есть идеологическое содержание.

Республиканская партия и впрямь не способна с этим справиться. Но Биткойн-максимализм – способен. Если вы о нём не слышали, то услышите.

Биткойн-максимализм — безусловно, самая важная идеология в мире, о которой многие люди не слышали. Пока.

В Биткойн-максимализме есть философская глубина. Он представляет собой радикальное неприятие инфляции, которая питает правительство США и, таким образом, оплачивает всё. Он объединяет мировоззрение Мизеса, Ротбарда, Хайека и Рона Пола – с Биткойном. Он естественным образом завязан на потерю доверия к институтам, на подозрительного человека, который (по понятным причинам!) больше ни в чем не доверяет федеральному правительству или институтам США. Это не просто изменение государства, это конец государства. И это толчок в идеологическом направлении, к которому Пробудившиеся плохо

готовы, потому что именно внерасовое ультралибертарианство, а не белый национализм, будет, по мнению людей вроде Марша и Уолтера, их главным врагом.

Если вы хотите понять Биткоин-максимализм, прочтите «Биткоин-стандарт» или твиты с аккаунтов на [hive.one/bitcoin](https://twitter.com/hiveone/bitcoin) (там не все являются максималистами). Но имейте в виду: так же, как люди, отвергающие «вежливость» по идеологическим соображениям, максималисты разработали словесные оправдания своей «токсичности».

Я не согласен с фундаментальной моральной предпосылкой Биткоин-максимализма, которая заключается в том, что Биткоин — единственные истинные деньги, а все остальные цифровые активы — греховны.¹⁴⁴ Я больше не верю в единую монету, так же как я не верю в единое государство или единого бога. Но я понимаю силу, которой обладает такая система убеждений. Американцы больше не верят в единого бога, не верят в монотеизм. Поэтому их выбор — между единым государством и единой монетой, между идеологическим моностатизмом и мононумизмом.

То есть, чтобы победить что-то вроде истеблишмента США в гражданском конфликте, нужна не просто храбрость, нужна более мощная точка Шеллинга. Вот что такое Биткоин для максималистов: единая монета, которая является альтернативой единому государству. Если и когда доллар рухнет из-за инфляции, оранжевая монета станет новыми синими джинсами, глобальным символом свободы и процветания.

(И какова альтернатива *такой* альтернативе?)

Множество сетевых государств как альтернатива

единому национальному государству, множество монет как альтернатива единой монете, множество верований как альтернатива единой системе верований. Это полигосударственная, полинумистская, политеистическая модель, которую мы описываем позже в главе Рецентрализованный центр.)

10. *Конфискация биткоинов может стать триггерным событием.* Всё вышеуказанное представляет собой взрывоопасную смесь, и существует множество возможных триггерных событий, но одно, которое я считаю особенно вероятным, — это комбинация (а) разрушительной инфляции, за которой следует (б) резкий рост цены BTC/USD, а затем (в) попытка неплатежеспособного федерального правительства отобрать биткоины у граждан.

Что касается Биткойна, это не краткосрочный прогноз цены или что-то в этом роде, и, конечно, для BTC существуют различные возможные факторы сбоя сети¹⁴⁵, которые могут помешать Биткойну стать той конкретной криптовалютой, которая управляет описываемым сценарием. Тем не менее, поскольку протокол Биткойна в течение некоторого времени в основном был технологически фиксированным, его сторонники в гораздо большей степени сосредоточились на политических инновациях — например, на признании его в качестве суверенной валюты. Добавим к этому моральную важность, которую максималисты придают Биткойну, плюс его глобальное признание — и монетой раздора, скорее всего, станет именно BTC. С другой стороны, общая концепция конфискации активов на самом деле вовсе не является фантастическим сценарием, учитывая заморозку в одночасье средств канадских дальнобойщиков и 145

миллионов граждан России. Основное отличие состоит в том, что криптовалюту сложно заморозить. Государство-банкрот может и будет пытаться конфисковать средства, хранящиеся на централизованных биржах, но ради ограбления тех, кто забрал свои средства с бирж, государству придется ходить по домам, а паяльники не масштабируются.

Попытка истеблишмента США конфисковать Биткойн во время высокой инфляции была бы подобна повторению конфискации золота Рузвельтом (Указ 6102), за исключением того, что это будет сделано в период *снижения* государственного потенциала, а не роста централизации.

Причина, по которой нечто подобное может стать триггерным событием, заключается в том, что ни одна из сторон не может легко отступить:

Пробудившиеся не будут иметь власти, если их государство обанкротится, а у Максималистов не будет денег, если они сдадутся государству.

Таким образом, это кажется относительно предсказуемым событием, которое может положить начало Второй Американской Гражданской войне, особенно если законопроект о конфискации будет принят федеральным правительством, а некоторые штаты откажутся обеспечить его соблюдение.

Как это могло бы случиться? Отказ от исполнения закона на уровне штата может быть лишь частью растущего расхождения штатов как с федеральным правительством, так и между собой, подобно расхождению в вопросе о городах-убежищах и тому подобному. Но если хочется представить себе законодательное обоснование, то можно вообразить, скажем, поправку к Конституции, предлагающую запретить конфискацию биткойнов – что-то, что

поставило бы право на владение ВТС в один ряд с правом на свободу слова и правом на ношение оружия. Такая поправка может быть ратифицирована многими штатами в преддверии возможного законопроекта о конфискации. Даже если она не будет принята на национальном уровне, любые ратифицировавшие её штаты затем будут ссылаться на свою ратификацию, чтобы оправдать свой отказ обеспечить исполнение федерального закона.

4.5.1.4. Война не за территории, а за умы

Ошибочно думать, что Вторая Американская Гражданская война будет чем-то похожа на первую Гражданскую войну или, если уж на то пошло, на Вторую мировую войну. Это не было бы похоже на фильмы с перемещением огромных масс солдат в форме, танков и самолетов.

Вместо этого мы скорее увидим продолжение и эскалацию того, что мы наблюдали последние несколько лет: войну между сетями за контроль над умами, а не войну между государствами за контроль над территорией. Слияние внутренних конфликтов Америки в социальных сетях и ее внешних конфликтов на Ближнем Востоке.

Лучший способ представить это — посмотреть на физическую карту противостояния Союза против Конфедерации непосредственно перед Гражданской войной,

физическую карту противостояния республиканцев и демократов по округам, а затем на цифровую карту противостояния республиканцев и демократов в тот же период.

В первой Гражданской войне идеология и география сильно совпадали. Условие победы Севера было очевидным: вторжение на Юг. Завоевывать территорию, чтобы покорить умы. Им не нужно было убивать всех конфедератов до последнего, им просто нужно было показать, что сопротивление бесполезно, чтобы заставить оставшихся конфедератов прекратить сражаться.

В любом сценарии второй Гражданской войны идеология и география совпадали бы лишь слабо. Посмотрим ещё раз на карту округов. Действительно ли одна сторона собирается вторгнуться в другую? Или наоборот? Собирается ли истеблишмент США захватывать кукурузные поля, или его оппоненты предпримут шаги, чтобы захватить большие кварталы городов? Собирается ли какая-либо из сторон использовать масштабные бомбардировки на территориях, где они убили бы по меньшей мере 30% своей команды? Можно ли достаточно точно нацелить ядерное оружие, чтобы его можно было использовать в качестве политического инструмента и заставить другую сторону уступить?

Нет. Вместо всего этого мы увидим войну за умы, а не за земли. А если мы посмотрим на карту цифрового пространства, то сразу многое станет ясно. Здесь две стороны полностью разделены, как это было с Союзом и Конфедерацией. И теперь мы можем понять, почему был

сделан такой упор на отмену, деплатформинг, замалчивание и бойкот... на то, чтобы заставить людей произносить определённые слова и использовать определённые символы. Потому что заставить человека или компанию опубликовать определенный хэштег – это проявление *контроля над умами*, который, в свою очередь, обеспечивает *контроль над цифровой территорией*.

Все дискуссии последних нескольких лет вокруг «свободы слова» на самом деле не затрагивают фундаментального вопроса, а именно того, что сейчас время информационной войны, где условием победы одной стороны является вторжение в умы другой стороны, потому что возможность реально вторгнуться на территорию отсутствует.

Вторгнуться в умы другой стороны и контролировать цифровые сети – потому что технологические компании, дающие добро на транзакции, коммуникации и онлайн-поведение, во многих отношениях стали де-факто приватизированными правительствами Западного мира. Право определять, что люди могут и чего не могут делать в цифровом мире, принадлежит людям, которые управляют этими сетями. Таким образом, контроль над этими сетями, контроль над разумом людей, которые ими управляют, является ключом к сохранению контроля над США в цифровую эпоху. Вот почему американский истеблишмент так настойчиво пытается индоктринировать Пробуждением крупные технологические компании.

Однако сеть, которую нельзя контролировать таким образом и которая не управляется одним человеком (например,

Биткойн) — это форма сопротивления. Набор сетей Web3, управляемых сообществами и более децентрализованных¹⁴⁶, чем централизованные технологические компании Кремниевой долины — это тоже форма сопротивления.

Таким образом, если первая Гражданская война была «Войной между государствами», то вторая Гражданская война будет «Войной между Сетями». Графики, которые мы показали, относятся к красным и синим, но давайте добавим оттенок желтого к каждой группе и немного повернём ее. Тогда мы получим то, что будет вероятной осью будущего конфликта: Оранжевый Биткойн против Зелёного Доллара.

В районах, где Зелёные контролируют государство, они могут использовать военизированную полицию, наблюдение за технологическими компаниями, деплатформинг, разоблачения в СМИ, аресты, конфискации и тому подобное. В этих регионах Оранжевые могут ответить повстанческой кампанией, напоминающей Северную Ирландию или Ближний Восток. Но в районах, где Оранжевые контролируют государство, а Зелёные находятся в меньшинстве, тактика может измениться. Вспомним о беспорядках BLM, или 6 января, или об оскорблении судей Верховного суда разгневанными представителями истеблишмента, или о различных уличных драках между правыми и левыми, или о постоянной цифровой борьбе, которая разворачивается в интернете каждый день, и спроецируем это всё в будущее, где такая тактика сетевой войны становится повседневным явлением.

4.5.1.5. Конфликт Максималистов и Пробудившихся меняет местами левых и правых

Причина, по которой термины «левые» и «правые» не совсем подходят для прогнозируемого конфликта Оранжевых и Зелёных, заключается в том, что во многих отношениях фракция Оранжевого Биткоина будет относиться к революционному классу, а фракция Зелёного Доллара – к правящему.¹⁴⁷

По сути, те, кто в этом сценарии встанет на сторону истеблишмента США, будут того же типа личности, что и те, кто встал на сторону старого режима во время Французской революции: они будут бороться за сохранение прошлого. Их идеями будут партикуляризм, американский национализм, продолжающееся превосходство доллара.

Напротив, те, кто стоит на стороне Биткоин-максимализма, окажутся личностями революционного типа, борющимися за свержение того, что они считают тиранией. Их идеей будет универсализм, система, которая ставит всех во всём мире на одно и то же игровое поле – и которая не ставит Америку над остальным миром, как это делает доллар.

Это будет крайне неудобная позиция для американского истеблишмента, потому что впервые¹⁴⁸ на моей памяти им придётся представлять технологически консервативную

фракцию, менее универсалистскую сторону, сторону пре-модерна.

Но мы уже можем видеть предзнаменование того, как устаревшие медиа нападают на новые технологии, как они ненавидят будущее, как они хотят загнать социальные сети и интернет обратно в гараж, как они хотят повернуть время вспять во всех этих областях, где их политический контроль оказался нарушен.

Таким образом, Биткоин-максимализм — это та ещё чехарда. Если Трамп ссылается на мифическое прошлое, а истеблишмент США представляет собой попытку заточить настоящее в янтаре, Биткоин-максималисты готовы вести систему к неясному будущему. Вот почему значительное число консервативных республиканцев встанут на сторону Зелёных, а революционные демократы встанут на сторону Оранжевых. Биткоин-максимализм — это движение, которое знает, что не может «сделать Америку снова великой», потому что Америки больше не существует и, возможно, никогда не существовало, поэтому оно готово разрушить всю фиатную систему.

Таким образом, Оранжевым комфортен более высокий уровень хаоса, чем неожиданно консервативному истеблишменту США. Неопределённость криптоанархии предпочтительнее уверенности в инфляционной тирании, и это нормально. Оранжевые стремятся не исправить федеральное правительство, а положить ему конец. В отличие от республиканцев-реформаторов,

Биткоин-максимализм играет на победу. И поэтому он может победить.

4.5.1.6. Кто победит?

Чрезвычайно сложно предсказать, что произойдёт, но я думаю, что в долгосрочной перспективе Максималисты могут выиграть во Второй Американской Гражданской войне по крайней мере *некоторую* территорию, потому что в конечном итоге они переживут печатание денег американским истеблишментом. Ценностным предложением в американских регионах, придерживающихся Биткоин-максимализма, будет «свобода», хотя другие будут воспринимать это как анархию.

Почему Максималисты могли бы выиграть войну на истощение? Каждый день роста цены BTC/USD — это ещё одна победа в социальной войне Биткоин-максималистов против истеблишмента США; каждый день падения — это временное поражение.¹⁴⁹ Поскольку правительство США не может вторгнуться в остальной мир, и поскольку другие государства не обязательно прислушаются к нему, оно не может легко конфисковать биткоины во всем мире. Пока долгосрочный ценовой тренд восходящий, что не гарантировано, Биткоин-максималисты выигрывают.

Это приводит нас к связанному с этим моменту: на момент написания книги в мире насчитывалось около 300 миллионов держателей криптовалюты, то есть сотни

миллионов людей, даже если не все они Биткойн-максималисты, уже верят в Биткойн. И к 2030 году их число может вырасти до миллиардов. Пока эти держатели не продадут свои биткойны, они образуют для Биткойна принципиально новую международную сеть поддержки, которой нет у MAGA-республиканцев. Иначе говоря, жителя Бразилии не обязательно волнует противостояние американских республиканцев и демократов — он не американский националист и не имеет никакого отношения к этой борьбе — но он вполне может владеть биткойнами. И пока он не продает BTC за доллары, он косвенно поддерживает Максималистов. Тем не менее, его поддержка из-за рубежа проявляется в неосязаемой и идеологической форме, которая кажется приемлемой для гордого американского Биткойн-максималиста, в отличие (скажем) от явной поддержки со стороны иностранных военных, вторгающихся на территорию США.

С учетом вышесказанного, истеблишмент США также может выиграть войну на истощение. Их стартовые преимущества огромны: университеты, медиа, армия, спецслужбы, большинство технологических компаний и само федеральное правительство. Американский истеблишмент также имеет глобальную базу поддержки в лице международных элит: все люди, которые ему симпатизируют по всему миру — типажи McKinsey, выпускники Ivy, класс часто летающих пассажиров и люди, которые до сих пор думают, что Америка это страна из старых фильмов.¹⁵⁰ Даже если иностранные правительства не станут конфисковывать биткойны по приказу истеблишмента США, они могут попытаться конфисковать биткойны по своим собственным резонам, хотя другие государства вместо этого будут, напротив, двигаться в направлении экономической свободы.

Более того, даже если истеблишмент США действительно потеряет какую-то территорию, он, скорее всего, сохранит за собой северо-восток и западное побережье. Ценностным предложением в тех регионах, которые поддержат истеблишмент, будет «демократия», хотя другие будут воспринимать ее как фиатную «тиранию».

При этом давление конфликта может подтолкнуть людей к идеологическим крайностям. Ближайшими кинематографическими архетипами для Зеленой и Оранжевой сторон могут быть более репрессивная версия «Портландии» и более функциональная версия «Безумного Макса». Мультяшные карикатуры начнут оживать.

4.5.1.7. Войны – это не романтично

Если не совсем ясно, я здесь ни на чьей стороне и не болею за анархию. Я бы предпочёл стабильный мир, в котором мы могли бы сосредоточиться на математике и полёте на Марс, чем хаос, который может вскоре наступить. И у меня нет иллюзий относительно того, насколько серьёзными могут быть гражданские конфликты; в войнах не бывает невинных победителей. Прочтите Дэвида Хайнса, чтобы получить хорошее представление о том, что на самом деле представляет собой политическое насилие.

Политическое насилие похоже на войну, как и вообще всякое насилие: у людей есть фантазии о том, как оно работает. Это фантазия о том, как работает насилие: вы

*ПОРАЖАЕТЕ СВОИХ ВРАГОВ В ВЕЛИКОЙ И СЛАВНОЙ
ОЧИСТИТЕЛЬНОЙ БИТВЕ, ПОТОМУ ЧТО ВЫ, КОНЕЧНО,
ЛУЧШЕ ИХ.*

*Но на самом деле насилие совсем не похоже на великие и
славные сражения. Я работал в нескольких местах, где
наблюдалось серьезное политическое насилие. И я не уверен,
можно было бы описать это, чтобы люди поняли. Это
глупое сравнение, но вот: представьте, что как-то раз
Годзилла решил прогуляться по вашему городу. На
следующий день он делает это снова. И он продолжает это
делать. В одни дни он давит больше людей, в другие меньше.
Вот и всё. Это всё, что он делает: бродит по вашему городу
туда и обратно.*

*Твой город теперь не твой город; это Прогулочная Зона
Годзиллы.*

Суть: гражданский конфликт не романтичен, не
целенаправлен и не пропорционален. Это безумие. Если мы
считаем, что сценарий Американской Анархии возможен,
мы, конечно, захотим сбежать от него как можно дальше,
независимо от наших «симпатий» к той или иной стороне.

И затем мы должны помочь построить мирную альтернативу Американской Анархии. Но не ту альтернативу, которую предложит Китай, и о которой мы поговорим далее.

4.5.2. Китайский Контроль

4.5.2.1. Попытка государственного переворота приводит к тотальному контролю

В то время как на Западе мы можем столкнуться с Американской Анархией, на Востоке нас встречает Китайский Контроль.

Прежде чем США вступят в серьезный внутренний конфликт, они могли бы поддержать своего рода Китайский Переворот – будь то словами или чем-то большим – как пишет Роджер Гарсайд в одноимённой книге «Китайский переворот», на что намекают такие разные акторы, как Джордж Сорос и Американское Объединённое Командование Спецопераций, и как это уже было достигнуто ранее много где по всему миру, как в результате признанных смен режимов, так и в непризнанных цветных революциях.

По причинам, которые мы рассмотрим, я не думаю, что такой переворот будет успешным. Но реакцией со стороны КПК на любую попытку государственного переворота в Китае может стать самое интенсивное подавление внутренней

оппозиции, которое мы когда-либо видели. При помощи ИИ китайское общество попытаются разрушить до самых корней, каждый гражданин будет под подозрением, а возможность для граждан выехать из страны с имуществом будет крайне затруднена. Это также может сопровождаться отрицаемыми (или явными) ответными мерами Китая против США за попытку государственного переворота, которые могут принять форму целенаправленного ограничения экспорта ключевых товаров, что усугубит американскую инфляцию и проблемы с цепочкой поставок.

Если и когда переворот будет подавлен, КПК начнёт экспортировать в другие страны своё государство тотальной слежки, помогающее предотвращать перевороты. И их ценным предложением миру будет Китайский Контроль — полная противоположность Американской Анархии.

4.5.2.2. Китай блокирует выходы

Конкретный прогноз заключается в том, что мы увидим мир, в котором китайцам станет всё труднее покинуть страну или вывести свою собственность из экосистемы цифрового юаня без разрешения КПК. Просто возьмём существующую систему внутренних паспортов хукоу, систему WeChat с красными, желтыми и зелёными ограничениями на поездки в зависимости от состояния здоровья, агрессивные ковидные локдауны и недавние паспортные ограничения — а затем объединим их с системой наблюдения, которая может отслеживать людей по всему миру, Суперприложение WeChat, которое может лишить их личности, и цифровой юань, который может заморозить их активы.

Уже существуют тенденции, указывающие на ограничение цифрового и физического передвижения. Выдача китайских паспортов уже резко сократилась: на «95 процентов в первом квартале по сравнению с периодом до пандемии». Выездные поездки также сократились на 95%: в 2021 году Китай покинули 8,5 миллионов человек по сравнению со 154 миллионами в 2019 году. Китай также использует карантинные коды COVID, чтобы помешать людям перемещать деньги или передвигаться. А контроль за движением капитала в Китае, всегда строгий, может стать ещё более жёстким с внедрением цифрового юаня. Всё это крайне затрудняет выход.

Дополнительные трудности возникнут и с принимающей стороной. Хотя одобренные граждане Китая по-прежнему смогут путешествовать в такие места, как Иран или Россия, которые фактически являются китайскими военными союзниками, страны, где у китайского государства недостаточно жёсткой силы, начнут отказывать китайским гражданам, опасаясь шпионажа. Это уже происходит.

Такое сочетание ограничений на выезд, наложенных *их* правительством, и ограничений на въезд со стороны *других* правительств, усложнит жизнь китайским либералам и интернационалистам, которые не согласны с системой, тем, кто готов бежать. Они не смогут выразить политическое инакомыслие, но им также будет сложно покинуть страну со своим имуществом, как захотят сделать многие. Подобный акт будет предотвращён или изображен как предательский набег на банк, особенно если дела в экономике идут не очень хорошо. Можно поразмыслить о том, с каким энтузиазмом Путин относился к «ренационализации элит» и насколько внимательно КПК следила за западной тактикой во время

российско-украинской войны. Они признают, что любые коммерческие связи с Западом во время конфликта оказываются уязвимой точкой. Поэтому вполне вероятно, что КПК будет всё больше затруднять людям выход – хоть физический, хоть цифровой.

4.5.2.3. Путь к Китайскому Контролю

Какие факторы приводят нас к этому прогнозу, что КПК будет подчёркивать только «лояльность» в триаде Хиршмана и решительно выступить против как голоса, так и выхода?

1. *Подавление оппозиции по всему спектру.* На этот сюжет MERIC стоит обратить внимание, поскольку он напоминает нам, что КПК выступает не только против «демократизации» в американском стиле, но также против множества самых разных идеологий, которые отличаются от нынешней линии партии-государства. Является ли эта оппозиция маоистской (как Бо Силай), демократической (как Гонконг и Тайвань), исламской (как уйгуры), христианской (как церкви), технологической (как Джек Ма и другие основатели компаний) или даже ультранационалистической, КПК стоит в середине идеологического круга и постоянно контролирует всех на предмет отклонений.
2. *Насаждение китайского национализма.* Точно так же, как США с 2013 года переживает Великое Пробуждение, китайское общество было доведено Сюэси Цянго до фазы ультранационализма. Внутри страны существует противодействие этому, но еще

неизвестно, действительно ли это *перевернёт* тренд на национализм или просто смягчит его.

3. *Создание государства всеобщей слежки.* Об этом много написано, но сам масштаб построенного не совсем понятен. Хотя стоит иметь в виду амнезию Гелл-Манна, фактически это та область, где медиа, контролируемые истеблишментом США, ближе к реальности, чем китайские, отчасти потому что по отношению к китайскому государству это де факто оппозиционные СМИ. На эту тему можно посмотреть видео вроде вот этого, от DW, или вот этого.
4. Подключение его к ИИ. Смотрим «Сверхспособности ИИ» Кай-Фу Ли, а затем ещё тройку текстов. Дополняем это письмами Дэна Ванга или, скажем, постом китайского аналитика от 2019 года, опубликованным в *Reading the Chinese Dream*, и видим, что развёртывание всей этой системы всё ещё может быть поставлено под вопрос.
5. *Пробный запуск системы во время COVID.* Зеленые, желтые и красные коды здоровья, развернутые в WeChat на заре COVID для ограничений на поездки, затем были перепрофилированы, чтобы просто не допускать людей к поездкам под правдоподобным предлогом.
6. *Отсечение цифрового и физического выхода.* Неправомерное поведение в Китае может привести к удалению человека из WeChat, что похоже на лишение его личности, учитывая, к скольким сервисам, как публичным, так и частным, тот подключен. Ещё совсем недавно Китай неоднократно затруднял выезд из страны на том основании, что это приведет к распространению COVID: «Поездки в страну или из нее, совершенные гражданами материкового Китая в 2021 году, согласно данным

NIA, упали почти на 80% по сравнению с уровнем 2019 года».

7. *Продажи другим правительствам.* И Китай, и США продают технологии слежки по всему миру, но одно из отличий состоит в том, что Китай может лучше работать в физическом мире – поэтому умные города, построенные с использованием китайских технологий, имеют полный комплекс слежки.
8. *Оправдание системы через антиимпериализм.* Система образования и широкоэкранные фильмы, такие как «Битва на озере Чанджин» и «Воин-волк 2», показывают Китай защищающимся от западного империализма. И это прослеживается вплоть до локального масштаба, как в этом видео, где чиновник отстаивает локдаун в Шанхае, рассказывая, что Китай в конечном итоге ввяжется в войну с США, поэтому гражданам нужно встать в очередь на карантин.
9. *Указание на относительную стабильность.* Нарратив о «Гармоничном обществе», продвигаемый при Ху Цзиньтао, меньше упоминался в международном контексте Си Цзиньпином, который не похоже, чтобы стремился к гармонии за рубежом. Но это по-прежнему полезный инструмент для оправдания социального контроля – подобно тому, как «Нью-Йорк Таймс» говорит о цензуре и социальном контроле для сохранения «демократии», КПК говорит о цензуре для поддержания «гармонии».
10. *Китайский переворот может стать триггерным событием.* Американский истеблишмент опубликовал видео и статьи, которые близки к призывам к перевороту в Китае. Джордж Сорос широко намекает на это в своих выступлениях, вроде вот этого. И такие люди, как Роджер Гарсайд, буквально написали об этом книгу.

Попытка государственного переворота, будь она в самом деле поддержана Америкой, или если эту попытку лишь повесят на неё, может стать пусковым моментом для развёртывания грозной системы Китайского Контроля. ИИ будет направлен против населения, и любые даже слегка симпатизирующие Западу группы будут распознаны и искоренены. Националистические толпы могут принять в этом участие онлайн или даже лично. Дело может принять очень уродливый оборот.

Последнее замечание очень важно: Китайский Контроль будет иметь значительную поддержку населения. Страна сейчас сильно националистическая. Вполне возможно, что тренд на национализм частично поменяется — в Китае есть значительные фракции, которым не нравится нынешняя тенденция — но я думаю, что полагать, будто Китай собирается «стать демократическим» — это чрезмерно оптимистично. Внутренний хаос в Америке означает, что она просто больше не является достойной восхищения моделью для большей части мира, и хотя некоторые образованные китайские либералы действительно могут захотеть сбежать из страны, среди значительной части китайской молодежи наблюдается тенденция к национализму. Возможно, я ошибаюсь, но возлагать всю ответственность на одного человека или даже на одну группу — это неправильно. Идеологическое течение китайского ультранационализма кажется сильнее, чем Си Цзиньпин или даже КПК, и может пережить его в случае прихода чёрного лебедя.

В любом случае, после того, как попытка переворота потерпит поражение, КПК затем продаст другим странам готовую версию своего государства всеобщей слежки, позволяющего подавлять перевороты, чтобы (а) остановить

любое возможное заражение Американской Анархией, (б) контролировать преступность, (в) предотвратить выезд всё более мобильных граждан со своим имуществом в другие страны, и (г) предотвращать беспорядки любого рода, законные или нет. Это будет гарантировать, что любой лидер, находящийся у власти в настоящее время, останется у власти, и именно по этой причине система понравится многим правительствам.

4.5.2.4. Китайское предупреждение

Следует сделать одну важную оговорку. Большая часть западного освещения Китая носит неизменно негативный характер. И конечно, описанный здесь сценарий не кажется особенно радужным. Но нам нужно смягчить этот негатив дозой реализма.

Во-первых, почему мы вообще обсуждаем Китай? Почему мы не обсуждаем Чад или Чили? Потому что Китай в целом показывает феноменально хорошие результаты с 1978 года. После реформ Дэна Сяопина страна действительно поднялась до уровня мировой мастерской с огромным торговым профицитом, избытком твёрдой валюты и десятками огромных новых городов. Это экономика №2, армия №2 и №2 по числу технологических единорогов. Всё это поднялось с нуля в течение последних 40 с лишним лет, с момента реформ Дэна в Китае (так называемого Болуань Фаньчжэн).

И наоборот, за последние 30 или около того лет истеблишмент США упустил, возможно, величайшее лидерство в истории человечества, пройдя путь от полного и неоспоримого доминирования в 1991 году до внутреннего конфликта и потенциального краха. Более того, как отмечалось в статье «Как там насчет Китая, а?», истеблишмент США ничуть не более *этичен*, чем КПК, когда дело касается гражданских свобод, он просто менее компетентен. В конце концов, истеблишмент США также осуществляет несанкционированную слежку через АНБ, неконституционные обыски и аресты через Администрацию транспортной безопасности, произвольную конфискацию собственности через процедуру гражданской конфискации, политическую цензуру по ключевым словам, как WeChat, и настаивает на создании агентств по дезинформации, разоружении граждан, цифровой цензуре и тому подобном. Истеблишмент США скопировал поведение КПК во время локдауна, даже не признавая этого, и финансировал лабораторию, из которой могла произойти утечка коронавируса. Он также подвергал бомбардировкам и дестабилизировал многие страны по всему миру. И если быть честными, за последние два десятилетия США убили и превратили в беженцев гораздо больше людей, чем КПК.

Жителю Запада это может быть трудно понять, но всё это означает, что (а) КПК действительно пользуется определенным доверием во многих «нейтральных» странах, (б) она также пользуется доверием огромных групп своего собственного населения благодаря как националистической пропаганде, так и фактическому уровню исполнения замыслов, (в) этот относительный авторитет будет расти, если Америка погрузится в анархию, (г) этот авторитет облегчит КПК дальнейшее продвижение системы Китайского Контроля как внутри страны, так и за рубежом, и (д) всё это

фактически привлечет некоторых людей китайского происхождения обратно в Китай, даже если другие захотят уехать.

Подождите, последний пункт кажется парадоксальным. Как люди могли бы захотеть добровольно угодить в зону Китайского Контроля, если мы всё это время говорили о том, как много людей хотят её покинуть?

Посмотрим на Майкрософт. Это сильная компания. Большинство людей в мире были бы рады получить работу в Майкрософт. Но многим из лучших специалистов это показалось бы удушающим, и вместо этого они хотели бы самостоятельно решать, в какую технологическую компанию устроиться или не основать ли собственную. Одновременно существует спрос и на устройство в Майкрософт, и на уход из неё.

В случае с Китаем ситуация усугубляется испарением мягкой силы Китая в регионах, где у него нет жёсткой силы. В последние годы атмосфера подозрительности по отношению к гражданам Китая резко усилилась, и пресса истеблишмента обычно не называет это «расизмом». Это может заставить большое количество людей китайского происхождения покинуть страну, чтобы не подвергнуться обструкции в случае горячего конфликта.

Итак, вот что может случиться с Китаем: значительный приток людей китайского происхождения, а также некоторый отток (возможно, заблокированный) элит.

И сценарий Китайского Контроля, который мы описали, хотя и выглядит антиутопическим для амбициозных и стремящихся к свободе, вероятно, будет вполне приемлем для многих людей, которые ценят стабильность превыше всего и предвидят сцены с пламенем и стрельбой (репрезентативные или нет), исходящие от сценария Американской Анархии. Превысить средний уровень жизни, который может обеспечить Китайский Контроль, будет непросто. Это понравится многим. И это подводит нас к Международному Центризму.

4.5.3. Международный Центризм

Кто такие Международные Центристы?

Это просто люди, которые не хотят, чтобы их общество погрузилось в Американскую Анархию, но также хотят лучшего варианта, чем Китайский Контроль. Это Индия и Израиль, а также американские центристы, китайские либералы, глобальные технологические предприниматели и люди из других мест, которые хотят следовать курсом, отличным от курса американского истеблишмента, криптоанархии и Китайского Контроля.

Зачем так часто упоминать Индию и Израиль? Можно назвать это догадкой, но эти две группы занимают первое и второе место среди иммигрантов-основателей технологических компаний в США. Отдельно Индия также занимает третье место по технологическим единорогам

после США и Китая. На государственном уровне Индия и Израиль сейчас очень близки, а на индивидуальном уровне индийцы и израильтяне, как правило, проявляют глобальную гибкость и стремление использовать английский язык.

Таким образом, поскольку за пределами США и Китая существует третий технологический полюс, он, вероятно, в значительной мере будет иметь индийско-израильский характер: серверы будут расположены на их соответствующих территориях, а сделки будут заключаться через границы этих государств.

Конечно, этот полюс будет принимать вклады со всего мира. Вероятно, легче сказать, кто не будет ориентирован на Международный Центризм, чем кто будет. Это не истеблишмент США или места, тесно с ним связанные. И это не Китай или регионы, в значительной степени связанные с Китаем, такие как Россия и Иран. Но зато в этот блок могут входить такие страны, как страны Вышеградской группы (антироссийские, но также скептически относящиеся ко многим в Америке), Южная Корея (которая избрала главой государства сторонника Биткойна) или даже Вьетнам (отдаляющийся сейчас от Китая и скорее склоняющийся на сторону Индии).

Перечисленные нами – это буквально «все остальные», эти Международные Центристы по умолчанию остаются просто сырьем: 80% мира, который не является американским или китайским, представляет собой просто бесформенную массу без внутренней структуры. Действительно, именно это

произошло с «Третьим миром» во время Холодной войны прошлого века. Страны из движения Неприсоединения не просто не были в союзе с США или СССР, они не были в союзе и друг с другом.

На этот раз, однако, вместо того, чтобы быть Третьим миром / движением Неприсоединения, часть из многих миллиардов людей, разделяющих условные ценности Международного Центризма, может объединиться вокруг Web3, чтобы попытаться создать альтернативы Американской Анархии и Китайскому Контролю. И это подмножество мы называем *Рецентрализованным Центром*.

---

¹⁴⁰ Насколько я уверен в его реалистичности? О том, как это будет, я рассказывал в своем выступлении в 2013 году на тему «Окончательный выход из Кремниевой долины». Я всё ещё думаю, что этот сценарий актуален, но, согласно теории рефлексивности Сороса, тенденции, которые я выявил в то время, породили противоположные тенденции, которые ещё не были заметны, такие как поворот политики Microsoft под руководством Сатьи Наделлы, возвышение Трампа или движение web3 как альтернатива американским и китайским технологическим компаниям.

¹⁴¹ В достаточно длительном временном масштабе это, возможно, верно. См. многочисленные графики Ганса Рослинга и Стивена Пинкера на этот счет. Тем не менее цивилизационный коллапс действительно происходит, и, как вам скажут все, от Илона Маска до Мэтта Ридли, такие вещи,

как закон Мура, не происходят случайно — люди должны внедрять соответствующие инновации, чтобы тенденция продолжалась и в будущем. В качестве противоядия от антиэмпирического чувства обречённости я полностью поддерживаю Рослинга и Пинкера и даже рекомендую их работы. Но нам также необходимо избегать и антиэмпирической беспечности. Оптимизм Тиля, основанный на вере в свои силы, лучше, чем вера в то, что об этом позаботится кто-то другой.

¹⁴² Это также не то, что предлагают Биткоин-максималисты или КПК. Максималист интерпретирует возможность минимизировать доверие при помощи Биткоина как утверждение, что никому нельзя доверять, вместо того, чтобы полагать Биткоин способом выбора, кому доверять, инструментом для восстановления общества с высоким уровнем доверия. И КПК, как и истеблишмент США, на самом деле не даёт миру убедительного довода о том, почему ей следует доверять, вместо этого продвигая сверху вниз требование лояльности через принуждение.

¹⁴³ У этого было много других недостатков, таких как подавление индивидуализма, политическая централизация, ограничение технологических инноваций и массовый захват активов. Мы не романтизируем старый порядок. Но эта идеология середины двадцатого века, которая сама по себе стала результатом огромного конфликта, была рецептом более стабильного порядка, чем тот, который мы имеем сейчас.

¹⁴⁴ Подобно тому, как коммунисты патологизировали прибыль, а христианские фундаменталисты патологизировали проценты, максималисты патологизируют денежную эмиссию. Конечно, можно злоупотреблять этими финансовыми инструментами: эксплуатировать работников ради получения прибыли, взимать ростовщические процентные ставки или выпускать мошеннические финансовые инструменты. Но ответ на это – система конкурентных регуляторов, но: (а) не нулевое регулирование, (б) не монопольное регулирование коррумпированной комиссией по ценным бумагам (SEC), (в) не децентрализованное «регулирование», когда всех постоянно называют скамерами, как Пробудившиеся называют всех подряд х-истами, а скорее (г) система многочисленных рецензентов, которые обеспечивают сдержки и противовесы участникам рынка и которые сами сдерживаются и уравниваются через возможность вытеснения с рынка.

¹⁴⁵ Неполный список факторов сбоя: (а) в коде может быть ошибка, (б) возможность централизованного квантового дешифрования может случиться быстрее, чем ожидалось, и без соответствующего децентрализованного квантово-устойчивого шифрования, (в) майнеры могут начать серьёзно принуждать подвергать транзакции цензуре, как это делала компания Marathon, (г) против майнинга могут быть использованы ESG-атаки, (е) не скрытые под псевдонимами разработчики могут стать персональной мишенью, (д) достаточно большое количество BTC может быть заморожено на централизованных биржах, и это парализует сеть, (е) подход, подобный Великому Китайскому Файрволлу, может использоваться для вмешательства в Биткойн на уровне порта/пакета, потенциально мешая неявному предположению протокола о глобальном связном

интернете с относительно низкими задержками и так далее. Я по-прежнему считаю, что Биткоин может добиться успеха, но моя уверенность в криптовалюте подкрепляется тем фактом, что существуют другие монеты с другими факторами сбоя.

¹⁴⁶ Еще один вопрос, по которому адепты технологий Web3 расходятся во мнениях с Биткоин-максималистами, касается вопроса децентрализации. Максималисты утверждают, что Биткоин децентрализован, а все другие сети — нет, что децентрализация — это бинарное свойство. Поскольку они мономумисты, они иногда называют это в монотеистических терминах «непорочным зачатием», используя термин из христианского богословия. Короткий контраргумент заключается в том, что, очевидно, Биткоин не был децентрализован в нулевой день, когда Сатоши Накамото был единственным пользователем, поэтому со временем он, должно быть, стал более децентрализованным — а значит, давайте определим, как именно это произошло, и как мы измеряем уровень децентрализации? Полный контраргумент, а также предлагаемые метрики для промежуточных уровней децентрализации можно найти в этой статье, посвященной Количественной оценке децентрализации.

¹⁴⁷ См. Левые это новые правые это новые левые.

¹⁴⁸ В двадцатом веке были времена, когда американские прогрессисты считали СССР более современным; как сказал Линкольн Стеффенс: «Я видел будущее, и оно работает!» Но к

концу уже Советы почувствовали себя серыми и закостенелыми, а не революционными.

¹⁴⁹ Вот почему Максималисты могут фактически выдвигать законы, запрещающие хранение других монет в их юрисдикции. Вы можете подумать, что такая пропаганда будет идеологически противоречивым слиянием анти-ФРС и сторонников SEC, но в этом есть логика. Максималисты выступают за все, что приводит к «росту цифр», что, по их мнению, приводит к росту цены Биткойна в краткосрочной перспективе. Многие убедили себя, что инвестиции в криптоэкономику web3 на самом деле *вредят* цене Биткойна, а не поддерживают ее. Опять же, точно так же, как коммунист патологизирует прибыль, или христианский фундаменталист патологизирует процент, максималист патологизирует выпуск или покупку любого цифрового актива, кроме Биткойна.

¹⁵⁰ Существует концепция (возможно, апокрифическая) под названием «Парижский синдром», обозначающая шок, который испытали те, кто знал только киноверсию Парижа, а затем столкнулся с мрачной реальностью того, чем он является на самом деле.

4.6. Условия победы и неожиданные концовки

Сетевое государство. 4. Децентрализация, рецентрализация.

Во многих играх, вроде Shattered Union и Starcraft, есть концепция хороших и плохих концовок. Мы воспользуемся этим подходом в обрисованном нами научно-фантастическом сценарии, описывая некоторые условия победы для разных фракций, а также *неожиданные концовки*, которые дают интересный сюжетный поворот. Опять же, это способ продумать неопределенное будущее с помощью какого-никакого сценарного анализа, а не жесткого и быстрого набора прогнозов.

4.6.1. Условия победы

4.6.1.1. Ошибка отрицания линейной интерполяции

Это сценарий, в котором истеблишмент США побеждает и предотвращает Американскую Анархию.

В 2020 году Тайлер Коуэн писал о том, как отличаются оценки “линейных экстраполяторов” и “адептов роста” в отношении коронавируса. Адепты роста обращали внимание на темпы заражений вирусом, которые в то время были экспоненциальными. Линейные экстраполяторы начинали с вопроса, как часто это случалось раньше; они всегда предполагают, что всё останется более или менее прежним.

Итак, линейные экстраполяторы полагают, что послевоенный порядок остаётся нетронутым; доллар остаётся валютой номер один; США остаются державой номер один; Китай рухнет, как Япония; все всегда говорят, что Запад приходит в упадок, но он всегда будет изобретать себя заново; всё будет в порядке; вы принимаете всё слишком близко к сердцу, напрасно беспокоитесь и т. д.

Если ошибка линейной экстраполяции состоит в предположении, что завтра будет таким же, как сегодня, то ошибка отрицания линейной экстраполяции – полагать, что

линейная экстраполяция настоящего в будущее всегда ошибочна. Ведь завтра часто похоже на сегодня! Ростовщик всегда думает, что перемены произойдут, но это может и не произойти.

Так как же выглядит сценарий победы истеблишмента? Это ровно то самое, что у нас уже есть. Послевоенный порядок продолжает сохраняться в зомбифицированном состоянии. Никакого резкого ускорения или коллапса нет. Вместо этого Запад просто продолжает изобретать себя заново, и все идёт в целом хорошо.

Если хочется увидеть точное воспроизведение этого мировоззрения, можно ознакомиться с тредом от Вука Вуковича. Я не согласен со многим, что он пишет, включая идею о том, что разногласия — это наша сила. И в целом я думаю, что этот тред довольно антиэмпиричен; Один только график долгосрочных трендов процентных ставок показывает, что в конечном итоге что-то иссякнет. Тем не менее, эту позицию стоит услышать.

4.6.1.2. Китай может создать карандаш

Это сценарий, в котором побеждает КПК и торжествует Китайский Контроль.

Как Китай может стать самой процветающей и стабильной страной в мире, даже если он непопулярен в некоторых

странах и даже если США попытаются применить к нему финансовые или социальные санкции? Для этого Китаю надо стать автаркической автономной автократией.

Чтобы понять идею, давайте начнем со знаменитого либертарианского эссе «Я, карандаш». Идея в том, что ни один человек не может сделать карандаш. Простой на первый взгляд карандаш состоит из дерева, графита, жёлтой краски, металла, в котором находится ластик, и самой резины ластика. Но создание каждой из этих вещей собственными силами потребует проведения множества различных сельскохозяйственных и горнодобывающих операций. Но вместо того, чтобы всем этим занимался один человек, капиталистическая система производит карандаш «сетевым» способом. Мы используем цены наподобие API, что позволяет различным организациям раскручиваться, производить компоненты экономически эффективным способом, использовать свою прибыль для роста или самоподдержки, и адаптироваться, не координируясь друг с другом.

Но так было раньше. Возможно, китайский коммунизм с цифровым юанем найдут иной путь. Что произойдёт, если у вас есть компьютерная система, которая *действительно* знает о каждом продавце, которая имеет все записи о каждом платеже, которая действительно может видеть глобальную цепочку поставок и которая знает каждого отдельного человека (или робота), необходимого для изготовления этого карандаша? В конце концов, это большая, но конечная проблема. Возможно, такая система сможет преодолеть калькуляционный аргумент Мизеса и аргумент Хайека о рассеянном знании.

У нас уже есть доказательства этого. Если вы управляете двусторонним рынком, вы обнаружите, что вопреки Хайеку, не все знания локальны. Например, Sidocar проиграл Uber, потому что в нём водители сами устанавливали цены, а не получали их централизованно. Сторонник Хайека согласится, что подход Sidocar оптимален: у водителей есть знание местных условий, а централизованное планирование не может работать. Но централизованное планирование Uber *сработало*. У них был глобальный взгляд на спрос и предложение. И пассажирам нужна была скорость, а не возможность поторговаться.

Именно это и предполагается в нашем сценарии победы. Если Китай интегрирует ИИ с цифровым юанем и сделает всю свою экономику вычислимой, в масштабе своей экономики он действительно сможет изготовить карандаш. И что угодно ещё.

Напомним, что предыдущие абстракции, такие как «шесть степеней разделения» или «письменная история», стали вполне реальными, когда социальные сети оцифровали десятилетия взаимодействия и общения миллиардов людей. Точно так же предыдущие словесные абстракции, такие как «экономика» или «цепочка поставок», станут реальными вычислимыми объектами, если все транзакции и поставщики будут находиться в одной базе данных. По сути, вся концепция цепочки поставок на блокчейне и впрямь может работать, но только если все платежи (и, следовательно, поступления) пишутся в блокчейн — или во что-то вроде блокчейна, и этим чем-то может быть цифровой юань.

Это вдвойне верно, если многие из этих функций выполняют роботы, управляемые искусственным интеллектом. Китай, возможно, сможет интернализировать огромные части экономики. Это может означать полное производство всего и вся, гипердефляцию стоимости жизни в Китае, где рабочая сила приравнивается к электричеству. В этом сценарии ни один человек не может сделать карандаш, но *Китай* может сделать карандаш, потому что он в состоянии алгоритмически координировать цепочку поставок миллионов сотрудничающих людей так, как никто никогда раньше не мог. Китаю по-прежнему понадобится сырье, но это смогут обеспечить его союзы с африканскими странами, Россией и такими странами, как Иран.

По сути, это концепция Красного Изобилия, централизованного планирования в советском стиле, ставшего возможным благодаря превосходным вычислениям и робототехнике — так, чтобы роботы действительно делали то, что вы сказали, и им не мешал этот надоедливый личный интерес, который вечно проявляется у людей. Это была бы пародия на полностью автоматизированный роскошный коммунизм Аарона Бастани, где коммунистические части были бы полностью роботизированы — поскольку у них не было бы никаких собственных экономических интересов, и они работали бы как единое целое.

В этом сценарии победы китайские коммунисты могли бы иметь самый высокий уровень жизни на планете, настолько выше, чем в США, насколько в США он был выше относительно СССР — не только потому что они фактически производят физические вещи, но и потому что они могли бы видеть всю цепочку операций, иметь данные обо всём,

отслеживать каждую транзакцию и внедрять в физическом мире ИИ и роботов.

Конечно, такой уровень жизни был бы достигнут в этнонационалистическом обществе, у которого есть претензии, в частности, к США. И это могло бы привести к созданию Большой восточноазиатской сферы совместного процветания 2.0, на этот раз на китайских, а не на японских условиях. Всем пришлось бы подчиниться жёсткой силе Китая, чтобы получить выгоду от их роботизированной экономики.

В этом сценарии китайцы могут даже решить скопировать тактику, которую Америка использовала в российско-украинской войне: а именно, применить *физические* санкции к любой группе или государству, которые противостоят им, тем самым отрезая их от поставок товаров из всё более физически самодостаточного Китая.

Мне не нравится такой мир, потому что он противоречит уютному итогу двадцатого века, в котором система, создавшая свободу, также привела и к процветанию. Но опыт двусторонних рынков показывает, что такой мир возможен.

4.6.2. Неожиданные концовки

4.6.2.1. Дуополия цифрового деспотизма

В этой неожиданной концовке истеблишмент США и КПК объединяют усилия, чтобы остановить всемирное восстание Биткойна и Web3. Это было бы похоже на объединение США и СССР против Третьего мира.

Вообще-то, был один пример, когда случилось так, что США и Советский Союз были на одной стороне, и это была первая война в Ираке в 1990 году. Советский Союз действительно проголосовал вместе с США в Совете Безопасности ООН за осуждение Ирака. Это был важный момент, потому что обычно они находились в осознанном противостоянии.

В явном виде сценарий мог бы быть примерно такой: враждебные в других отношениях истеблишмент США и КПК решают, что BTC и/или web3 представляют собой угрозу их власти, и пытаются осудить их на уровне ООН, что немного похоже на их квази-сотрудничество по неполитическим вопросам.

Есть также неявная версия, когда они объединяются, не объединяясь. Американский истеблишмент на многих уровнях восхищается репрессиями КПК в отношении высказываний. Например, в The Atlantic они заявили, что Китай взял правильный курс в отношении высказываний в интернете, а в NYT отметили, что свобода слова убивает нас. Плюс американский истеблишмент действительно скопировал китайский локдаун, не признавая этого.

И поэтому довольно легко можно представить, как они объединяются без объединения: Китай что-то делает, а затем

истеблишмент США копирует это, пусть даже и не признавая этого, и тем самым обе силы проводят непубличную атаку с двух сторон на технологии, которые им противостоят. Получается что-то вроде пакта Молотова-Риббентропа.

Назовём этот сценарий дуополией цифрового деспотизма.

4.6.2.2. Биткоин останавливает войну людей, но не войну роботов

Ключевой тезис книги “Суверенная личность” – и важный аргумент в пользу Биткоина и криптовалют в целом – заключается в том, что если правительство не может конфисковать деньги, то оно не может начинать войны.

Почему? Если государство не может принуждать, оно не может платить за принудительную мобилизацию на военную службу, платить самим призывникам или конфисковывать деньги для оплаты всего снаряжения, необходимого для ведения дорогостоящих индустриальных войн 20-го и начала 21-го века.

Есть книга под названием «Золото, кровь и власть: финансы и война сквозь века», в которой описывается, как финансы были оружием войны, и что двадцатый век был одним из первых случаев, когда огромные войны велись без истощения государственных денежных запасов. Единственное, что у стран не хватало, это пушечного мяса,

потому что это были гигантские централизованные государства, которые могли захватить всё на своей территории, могли промывать мозги всем на своей территории и вообще могли вести тотальную войну. Таким образом, нацисты, Советы и американцы просто захватили всё на своей территории, чтобы вести эти войны, словно огромные призраки, которые командовали миллионами тел в этих титанических идеологических битвах.

Как они управляли этими телами? Если посмотреть на треугольник Трёхполярного мира, то нижний левый угол «Нью-Йорк таймс» — это голос, который убеждает людей словами. Правый нижний угол ВТС — это выбор или выход, и он убеждает людей деньгами. Можно также рассматривать эти полюса как левую и правую демократии соответственно.

Но есть третий полюс. Верхний полюс – лояльность. Это КПК. Сегодня это ИИ. И это способ убеждать людей, вообще не убеждая людей. Потому что они все буквально одно целое. Это гармония. И роботы вполне органично вписываются в этот полюс. Почему? Потому что, в отличие от человека-солдата, роботу нельзя промыть мозги пропагандой. И, в отличие от человека-солдата, роботу не нужно платить, достаточно просто заряжать.

Итак: проблема в том, что Биткойн может положить конец войне людей, но не войне роботов. В первую очередь по-прежнему будет стоять вопрос о финансировании промышленных мощностей по производству роботов. Но если удастся решить эту проблему первоначального развёртывания... тогда возникнет сценарий, в котором ИИ

КПК превзойдет и ВТС, и NYT, и война продолжится. И теперь единственные надёжные солдаты — это солдаты-роботы, которых NYT не сможет распропагандировать и которым не нужно платить в ВТС.

4.7. На пути к рецентрализованному центру

Сетевое государство. 4. Децентрализация, рецентрализация.

Наш базовый сценарий не предполагает продолжительной Второй Холодной войны между коммунизмом и капитализмом.

Но мы думаем, что выбор между Американской Анархией и Китайским Контролем можно рассматривать как своего рода глобальную идеологическую борьбу иного рода, как выбор между децентрализацией и централизацией.

Согласиться ли с неудавшейся централизацией «Нью-Йорк Таймс» и упадком американского истеблишмента? С полной децентрализацией в духе Биткойн-максимализма? Или с тоталитарной централизацией в стиле КПК?

Лучшим ответом может быть: ничего из вышеперечисленного. Что вместо выбора между анархической децентрализацией и принудительной централизацией мы выбираем волевою *рецентрализацию*.

4.7.1. В защиту рецентрализации

Если говорить о *рецентрализованном* центре, на первый взгляд это кажется смешным. Централисты скажут: «Какой тогда смысл в децентрализации? Просто придерживайтесь нашей существующей системы!» А децентралисты скажут: «Новый босс такой же, как старый босс, а я предпочитаю свободу!» Насмешливых упоминаний о «Машинах Руба Голдберга» и «Скотном дворе» будет предостаточно.

Но весь смысл в том, что новый босс *не* такой же, как старый, точно так же, как Apple не была такой же, как BlackBerry, Amazon не была такой же, как Barnes and Noble, а Америка не была такой же, как Британия. Рецентрализация означает новых лидеров, свежую кровь. Точно так же, как компании и технологии продолжают обгонять друг друга, так и новые сообщества со своими Едиными Заповедями могут сочетать моральные и технологические инновации для того, чтобы

обеспечить подлинный прогресс, выйдя за пределы статус-кво.

Рецентрализация не предполагает циклического времени с нулевым прогрессом. Её следует рассматривать в рамках спиральной теории истории. Рецентрализация, сделанная правильно, представляет собой поворот назад к централизации с одной точки зрения, но шаг вперед с другой.

Я не во всём с ним согласен, но у Юваля Харари есть хорошая цитата по этому поводу:

Я имею в виду, что на самом деле институты нужны нам даже больше, но против них идёт волна недоверия. Но это не значит, что нам нужны старые институты. Это не значит, что мы должны ориентироваться на старые медиа. Возможно, нам нужны новые медиа-институты, которые будут более разнообразными и дадут большему количеству людей возможность высказать свое мнение, но в конечном итоге нам нужно будет построить эти институты. Идея о том, что мы можем обойтись без них, что у нас будет свободный рынок идей, и каждый сможет сказать что угодно, и мы не хотим, чтобы институты выступали посредниками, курировали и решали, что достойно доверия, а что нет – эта идея не работает, мы это уже столько раз в истории пробовали.

Знаете, если посмотреть на историю религии, возьмём противоположный пример, например, в христианстве.

Снова и снова эти люди приходят и говорят: «Знаете, нам не нужна католическая церковь, этот институт, давайте просто каждый человек сможет читать Библию сам и постигать истину, что может быть проще, зачем нам институт», и вот у нас есть Реформация, протестантская Реформация. И в течение двадцати или пятидесяти лет они понимают, что если позволять каждому человеку читать Библию самостоятельно, получается сто различных интерпретаций, радикально отличающихся друг от друга.

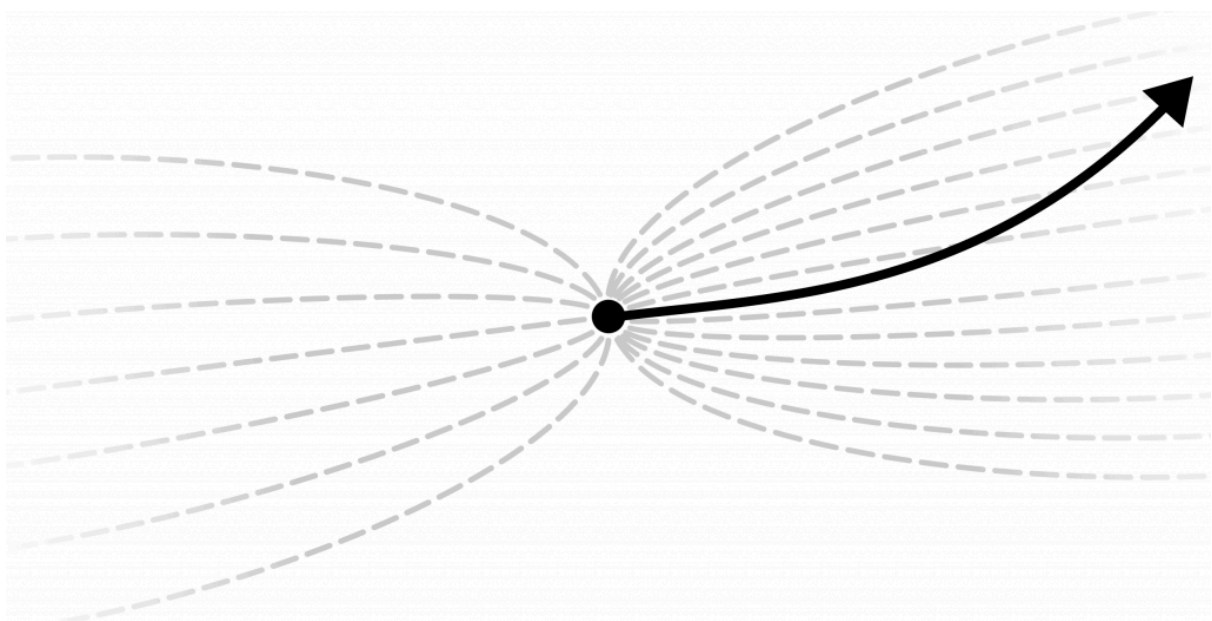
И вот, в конце концов кто-то приходит и говорит: «Нет, вот это правильные интерпретации», и вы получаете лютеранскую церковь. А через сто лет кто-то говорит: «Подождите, но вся идея Реформации заключалась в том, чтобы избавиться от церкви, чтобы нам не нужна была лютеранская церковь. Пусть каждый человек просто прочитает Библию и всё поймет сам». И у нас снова хаос. И через пятьдесят лет у нас есть баптистская церковь, и эта церковь, и вон та... мы всегда возвращаемся к институтам. То же самое происходит и с информационным взрывом, который мы наблюдаем сейчас.

Обратим внимание, что в этом примере протестантам, затем лютеранам, а затем баптистам пришлось привлечь людей к своим толкованиям Библии. Многие другие конкурирующие конфессии этого не сделали. Этот процесс постоянного разветвления и инноваций, а также конкуренции на рынке приносит новую кровь.

Это и есть концепция рецентрализованного центра. Способ продемонстрировать, что это шаг вперед — массовый исход людей из Американской Анархии и Китайского Контроля в рецентрализованный центр, в стартап-сообщества с высоким уровнем доверия и в сетевые государства.

5.1. Почему именно сейчас?

Сетевое государство. 5. От национальных государств к сетевым государствам.

Почему именно сейчас? Почему после почти 400 лет существования Вестфальских национальных государств мы думаем, что статус-кво может измениться?

Сначала поговорим о статус-кво. Что такое современное национальное государство? Что такое нация, если уж на то пошло? Каким образом технологические инновации, такие как картография и печатный капитализм, способствовали в давние времена формированию национального государства? Когда произошли политические события, которые привели к возникновению национального государства? И каковы были исторические альтернативы?

Затем рассмотрим изменения. Каковы современные катализаторы, технологические и политические события, которые обещают изменить многовековую практику? Какие концепции, диаграммы, расчёты и высказывания дают понять, что большие изменения не за горами? И как вообще может выглядеть сетевое государство?

5.2. 0

национальных государствах

Сетевое государство. 5. От национальных государств к сетевым государствам.

Многие могут думать, что знают, что такое национальное государство, но, вероятно, особенно об этом не задумываются. Давайте немного пощупаем эту абстракцию, будет весело. Мы начнём понимать, насколько нация отличается от государства, как сложно определить, что квалифицируется как «нация», насколько запутанна наша современная терминология по этой теме и сколько других способов человеческой организации представляют собой потенциальных конкурентов национальному государству. Это исследование открывает дверь к сетевому государству.

В процессе мы встретим всех тех философов, которых люди смутно помнят из школы. Знаете, все эти Локк и Руссо, Платон и Аристотель, герои бесчисленных скучных книжных

текстов – многие из них представлены в этой главе. Но их присутствие здесь отличается от типичных, сухих и пыльных, лекций в колледже, поскольку сетевое государство делает политологию *прикладной* наукой, больше похожей на политтехнологию. Мы слушаем с намерением повторить. То есть, точно так же, как криптовалюты дали всем людям, а не только председателю ФРС, повод узнать обо всём, от сеньоража до демереджа, криптостраны дают всем людям, а не только Отцам-Основателям, возможность применять политическую теорию в политической практике.

Но всё это – только если понимать теорию, поэтому давайте углубимся.

5.2.1. Что такое национальное государство?

Наиболее очевидное определение состоит в том, что национальное государство — это географический регион мира, управляемый группой людей, которых мы называем правительством. Это то, о чём мы говорим, когда упоминаем о таких «странах», как Соединённые Штаты Америки и Китайская Народная Республика. Это отмеченный флагом регион на политической карте земного шара.

Британника даёт более точное определение, а именно: национальное государство — это «территориально ограниченное суверенное государство», которое

«управляется от имени сообщества граждан, идентифицирующих себя как нация». И этот последний момент является ключевым, потому что национальное государство — это *не просто* правительство, контролирующее территорию. Это должно быть правительство, которое *представляет* отдельный народ, нацию.

5.2.2. Что такое система национальных государств?

У Джошуа Китинга в его книге “Невидимые страны” есть отличный отрывок об особенностях системы национальных государств. Он сравнивает эту систему с закрытым клубом, имеющим восемь правил:

- *Правило 1:* Страна – это территория, определенная границами, взаимно согласованными всеми странами.
- *Правило 2:* Страна должна иметь государство, которое контролирует (или, по крайней мере, стремится контролировать) законное применение силы на своей территории, и население, состоящее из граждан этой страны.
- *Правило 3:* Каждый участок суши должен быть занят страной.
- *Правило 4:* Каждый человек на планете должен быть гражданином хотя бы одной страны.
- *Правило 5:* На бумаге все страны имеют одинаковое юридическое положение — Тувалу имеет такое же

право на свою государственность, как и Китай, Сомали — такое же, как и Швейцария — даже если они политически и экономически крайне неравны.

- *Правило 6:* Согласие жителей каждой страны является предпочтительным, но не обязательным. Тирания или фактическая анархия внутри страны не являются основанием для потери членства в клубе.
- *Правило 7:* При некоторых обстоятельствах одна или несколько стран могут вторгнуться или оккупировать другую страну, но не вправе ликвидировать её государственность или перекроить её границы.
- *Правило 8:* Существующий в настоящее время набор стран и границы между ними следует по возможности оставлять на месте — то есть клуб предпочитает не принимать новых членов.

Далее Китинг отмечает, что правила этого клуба поддерживаются институтами ООН и военными силами США, и что согласие миллиардов людей через их правительства относительно нынешнего мирового порядка — это то, что и сохраняет «картографическую заморозку».

Обратите внимание: даже если считать ООН неэффективной, это точка Шеллинга для системы. Ничто другое не имеет такой большой легитимности, и ни на что другое в этом вопросе так много не ссылаются.

5.2.2.1. Принципы системы национальных государств

Мы можем описать принципы, лежащие в основе системы национальных государств с другой точки зрения, которая облегчит понимание различий между этой системой и системой сетевых государств, которую мы представим далее:

- *Физическое прежде всего.* Физическая карта мира первична.
- *Состав.* Теоретически национальное государство состоит из одной нации (народа) и административного образования (государства). На практике некоторые «национальные государства» на самом деле являются многонациональными империями, тогда как некоторые нации не имеют своего государства.
- *Nem terra incognita.* Современная система национальных государств считает само собой разумеющимся, что terra incognita не существует: что карта физического мира полностью известна и потому может быть поделена.
- *Nem terra nullius.* В системе также считается само собой разумеющимся, что не существует terra nullius, неостребованной земли. За редким исключением, на каждый клочок суши на поверхности земли претендует одно и только одно государство. Таким же образом поделена большая часть океана, за исключением международных вод.
- *Полный раздел земли.* Вся видимая карта разделена на географические регионы, называемые государствами, с границами, точно разграниченными по широте и долготе.
- *У каждого гражданина – одно государство.* Обычно люди являются гражданами только одного государства, смена гражданства происходит нечасто, и большинство граждан управляются тем же

государством, что и их родители. Основным способом получения гражданства по-прежнему является *jus sanguinis* – по крови.

- *Легитимность, исходящая от физического контроля и избирательного выбора.* Легитимность национального государства исходит из нескольких источников. Во-первых, государство должно достаточно хорошо уметь применять насилие, чтобы фактически контролировать территорию, на которую оно претендует. Во-вторых, государство предположительно легитимизируется благодаря поддержке своей нации и продемонстрированному им уважению ко всеобщим правам человека. (К сожалению, это второстепенный фактор, потому что любая группа, которая де-факто контролирует территорию достаточно долго, в конечном итоге получает признание.) В идеале легитимное государство отражает волю своего народа, одновременно уважая права личности, давая право голоса и массам, и меньшинствам в равной степени.
- *Централизованное управление.* Руководители государства, обычно исполнительные и законодательные органы, пишут законы на бумаге, чтобы определить, что является обязательным, а что запрещено. Эти законы обычно интерпретируются судебными органами и обеспечиваются вооруженными людьми. А в системе национальных государств каждый участок земли находится в ведении ровно одного государства, независимо от того, кто на нем находится.
- *Внутренняя монополия на насилие.* Каждое государство поддерживает порядок на своих границах с помощью полиции. Граждане, нарушающие закон, подвергаются всё более высокому уровню насилия, пока не выполнят его, как в игре *Grand Theft Auto*.

- *Международный суверенитет обеспечивают военные силы.* В принципе, государства не должны вмешиваться во внутренние дела других государств. На практике государство сохраняет суверенитет только в том случае, если оно в достаточной мере способно защищаться как от внутренних, так и от внешних соперников с помощью полиции, спецслужб и вооруженных сил.
- *Дипломатическое признание через двусторонние и многосторонние форумы.* Государства могут подписывать двусторонние соглашения друг с другом или могут быть признаны многосторонними форумами, такими как ООН, Всемирная торговая организация (ВТО), Международный валютный фонд (МВФ) или Большая двадцатка. Дипломатическое признание – это вопрос как политики, так и бюрократических процедур, а отсутствие признания может изолировать государство и/или его граждан.
- *Договоры управляют сотрудничеством и ограничениями.* Ряд трансграничных договоров пытается регулировать межгосударственное взаимодействие и ограничивать злоупотребления, обещая такие вещи, как права человека и свободу передвижения — декларации, которые часто игнорируются.
- *Rex Americana.* Наконец, хотя так было не всегда, гарантом нынешней системы национальных государств являются США, где находится штаб-квартира ООН и которые претендуют на «обеспечение глобального лидерства» и «защиту международного порядка, основанного на правилах». Все остальные государства должны надеяться, что этот гарант основанного на правилах порядка не решит вторгнуться к ним, вести слежку, налагать

санкции, подвергать их обстрелам или иным образом дестабилизировать их.

Эти принципы охватывают шесть составляющих государства: границы, население, центральное правительство, международный суверенитет, дипломатическое признание и внутреннюю монополию на насилие.

5.2.3. Национальное государство как термин

Понимание термина «национальное государство» требует от нас отличать нацию (группу людей общего происхождения, истории, культуры или языка) от государства (их правительства). Это не одно и то же.

Несмотря на то, что «нацию» часто путают с «государством», термин «национальное государство» не зря состоит из двух слов. Первое слово (*нация*) имеет тот же этимологический корень, что и «нательность». Когда-то оно обозначало группу людей общего происхождения. Второе слово (*государство*) относится к субъекту, который управляет этими людьми, командует полицией и вооруженными силами, и обладает монополией на насилие на географической территории, в которой проживает нация. В каком-то смысле нация и государство так же различны, как рабочие и менеджмент на заводе. Первые — это массы, вторые — элита.

Национальное государство в наиболее чистом виде — это что-то вроде Японии, в которой одна группа с общим происхождением и культурой (японцы) занимает чётко очерченную территорию (острова Японии) и управляется явным сувереном (японским правительством), представляющим народ в некотором смысле (первоначально через божество, и одновременно через парламент).

5.2.4. Микронации и мультинации

Так мы получаем новый взгляд на то, почему такие микронации, как Силенд, не работают: они ставят телегу впереди лошади, начиная с территории и правительства, вместо того, чтобы воспроизводить естественный порядок, начиная с народа и его культуры. Именно так исторически возникли национальные государства: государство было создано нацией для управления ею, а не наоборот... хотя затем то же самое государство часто начинало процесс ассимиляции других в свою нацию-основательницу, так что процесс получался двунаправленным.

Несмотря на двунаправленность, яйцо нации предшествует курице государства. С этой точки зрения, на самом деле лучшим термином, чем «микронация», является «микрогосударство», потому что это не микронация, если она не представляет собой небольшую *группу* объединённых людей. Один человек, создавший самопровозглашенное правительство — это всего лишь крошечное государство. Как говорится, ты — и какая армия? Без нации нет армии — и нет легитимности.¹⁵¹

На другой стороне спектра находится империя, или мультинация. Римская империя, Османская империя и Советская империя включали множество наций и этнических групп.

Такой подход позволяет нам ещё больше исправить наш словарный запас. Например, понятие транснациональной корпорации очевидно вызвано неправильным словоупотреблением; Правильный термин — это многогосударственная корпорация (действующая в разных государствах), в отличие от *многонационального* государства (которое управляет делами множества различных этнических групп в пределах своих границ).

5.2.5. 0 наций, 1 нация, N наций

Между микрогосударствами с нулевым числом наций и империями с N наций находятся государства с одной нацией, правительства, созданные для управления делами одной этнической группы на определенной территории. Однако, хотя такая терминология не совсем устарела, она немного *старомодна*. В этом году модно говорить о национальных государствах несколько иначе.

Во-первых, сегодня мы часто обсуждаем *полиэтнические* государства — мультинации, такие как США — которые на самом деле больше похожи на империи прошлого, чем на классическое моноэтническое национальное государство. Во-вторых, многие утверждают, что физические границы в

эпоху интернета не имеют значения. В-третьих, современный дискурс в гораздо большей степени фокусируется на *нациях-проектах*, где организующим принципом являются общие идеи, а не общее наследие. В-четвертых, и это самое главное, конфликты между этническими группами внутри государств могут привести к гражданской войне, массовым депортациям, тоталитарному промыванию мозгов, этническим чисткам, насильственному обращению в другую веру и культурному разрушению – тем процессам, которые недавно привели к образованию Восточного Тимора и Южного Судана.

Позже мы поговорим о том, как сетевые государства решают эти проблемы, но вышеперечисленное – это вполне понятные причины, по которым различие между *нацией* и *государством* вышло из употребления. Ученые не хотят непреднамеренно поощрять сепаратизм, ирредентизм или что-то ещё хуже, чтобы люди не думали, что если политическое образование (государство) не представляет всех членов одной этнической группы (нации) во всех странах мира, где они преобладают, то это *не настоящее национальное государство*.

Или, по крайней мере, они не хотят делать этого внутри страны. Потому что средний американец немного шизофреник, когда дело доходит до подобной терминологии. Он легко может понять желание, скажем, украинского народа вырваться из состава Российской империи, или чтобы тибетская нация имела собственное правительство, отдельное от китайского государства, или чтобы персидский народ мог отделять себя от теократического правительства Ирана. Но тот же человек, как правило, более скептически относится к тому, что Британии следовало выйти из

Европейского Союза, не говоря уже о том, что у «техасской нации» должно быть свое собственное суверенное государство.

Циник мог бы сказать, что национальные устремления получают эфирное время пропорционально национальным интересам; ещё большие циники могли бы сказать, что даже термин «национальный интерес» – это ещё один пример неправильного словоупотребления, потому что он больше похож на «интересы государства», учитывая, что американское государство управляет более чем одной нацией. Однако это подводит нас к ключевому вопросу о том, что именно представляет собой нация.

5.2.6. Что такое нация?

Когда-то этот вопрос был чрезвычайно важным: какие группы достаточно значимы, чтобы их можно было назвать нациями, кандидатами на создание собственного государства? Вскоре это снова станет столь же важным, как и вопрос «что такое валюта», и по тем же причинам: потому что Биткоин, web3, метавселенная, удалённая работа, мобильные устройства и интернет позволяют людям выходить из устаревших механизмов и формировать новые группы легче, чем когда-либо в недавнем прошлом. Но какую из таких групп следует считать «нацией»?

5.2.6.1. Подход через определение

Начнем с оксфордского определения, взятого из их бесплатного сервиса Lexico:

Большая группа людей, объединённых общим происхождением, историей, культурой или языком, населяющая определённую страну или территорию.

Из этого определения мы можем извлечь следующие свойства:

- *Большая группа людей*: нация должна быть многочисленной (10–100 тыс.+?).
- *объединённых*: члены видят себя частью одной группы.
- *общим происхождением*: общая генетика, чаще вступали в брак друг с другом, чем с людьми за пределами нации.
- *(или) историей*: общее прошлое, какое-то время жили рядом друг с другом.
- *(или) языком*: общий разговорный и/или письменный язык.
- *населяющая определённую... территорию*: встречаются в определённом регионе земного шара.

В каждую из этих частей определения можно потыкать. Насколько велико понятие «большая»? Как мы можем измерить, сплочена ли группа людей? Насколько локализованной на конкретной территории должна быть нация, или она может быть кочевой? И почему у нас есть

сложное утверждение «ИЛИ», спрятанное посередине, где фигурируют общее происхождение, история, культура или язык? Глядя на такое, мы сразу инстинктивно предполагаем, что определение нации немного расплывчато, и это верное ощущение.

5.2.6.2. Эмпирический подход

Чтобы приблизить наше обсуждение к реальности, давайте рассмотрим конкретные примеры групп, которые называются нациями:

- *Японцы*: Они идеально соответствуют данному выше определению. У японцев когда-то была целая империя, а в США (и Бразилии) существует японская диаспора... но большинство людей японского происхождения живут на островах Японии, говорят на японском языке, управляются японским государством и живут в почти полностью моноэтническом государстве.
- *Испанцы*: Сегодня у них есть национальное государство, но в прошлом у них была международная империя, которая затем сократилась, и они остались наедине преимущественно с собой на Пиренейском полуострове. Они оставили после себя глобальный след в виде 20 стран, которые говорят по-испански,

но не считают себя частью испанского национального государства.

- *Турки*: сегодня это многоэтническое государство, которое также является преемником еще более крупной империи, Османской империи, впитавшей также византийское наследие.
- *Израильтяне*: Их статус как национального государства со временем изменился. Еврейский народ когда-то был нацией без гражданства, диаспорой, объединенной общим происхождением и традициями, не имеющей земли или правительства, которые можно было бы назвать своей собственностью. Затем, на памяти живущих, они основали государство Израиль. (Работы Герцля послужили главным источником вдохновения для написания этой книги.)
- *Каталонцы, курды и палестинцы*: Конечно, на каждую Испанию, Израиль или Турцию есть Каталония, Палестина или Курдистан, то есть некая группа, которая идентифицирует себя как нация и чувствует, что её национальные устремления подавляются. Это безгосударственные нации, что отличает их от национальных государств, при этом для такого положения дел не обязательно есть какая-то конкретная причина.
- *Ирландцы*: теперь у них есть независимая Ирландия, но, как известно, её не было в течение многих лет под властью британцев. Спорный вопрос заключается в том, должна ли Северная Ирландия быть частью Ирландской Республики или частью Великобритании.
- *Тайваньцы*: Эта группа признаётся как нация некоторыми государствами, но далеко не всеми. Их можно рассматривать их как *частично суверенную нацию*, имеющую определённый контроль над своим

государством и территорией, но меньший, чем им хотелось бы.

- *Американцы, сингапурцы и французы:* эти государства пытались, с переменным успехом, создать общую идентичность типа «нация» из сырья нескольких различных этнических групп. Действительно, американцы по некоторым показателям добились больших успехов в этих усилиях — по крайней мере, на какое-то время. Американцы, сингапурцы и французы – это в чистом виде синтетические нации.
- *Китайцы и индийцы.* Эти гигантские государства на самом деле даже близко не являются мононациональными, учитывая огромное разнообразие различных групп внутри границ каждой страны. Однако все эти различные группы не появились рядом друг с другом внезапно, как лагерь на фестивале Burning Man. Они веками жили бок о бок в рамках общей цивилизации, с большей и меньшей степенью объединения в прошлом, поэтому это сочетание наций в большей мере подвержено эффекту Линди, чем более поздние полиэтнические государства с меньшим опытом долгого сосуществования, не говоря уже о полностью произвольных государствах, оставшихся после эпохи колониализма. Некоторые использовали для таких образований термин «государства-цивилизации». В какой-то мере этот подход можно расширить и на Европейский Союз, хотя это скорее транснациональная бюрократия, чем сущность, прославляющая европейскую цивилизацию.

А во многих странах Ближнего Востока и Африки государства вообще не отражают лежащие в их основе нации.

Показательным здесь является наличие на карте горизонтальных или вертикальных линий, которые не

отражают органические физические (пустыни, горы, реки) и культурные (языки, браки, религии) барьеры, помогающие определять нации. Многие из таких «навязанных государств» – это прощальный подарок от колониальных империй.

Из этих примеров мы уже можем видеть довольно много вариаций:

- нации с государствами (японцы, испанцы)
- нации без государств (курды, каталонцы)
- нации с частично суверенными государствами (Тайвань)
- многонациональные государства, которые пытаются создать *синтетические нации* (Америка, Сингапур, Франция)
- навязанные многоэтнические государства, в которых даже нет идей по увязыванию наций воедино (многие такие «государства» образовались в результате браков под прицелом ружья после окончания европейского колониализма)
- государства-цивилизации – многоэтнические, но имеющие *давние культурные связи*, объединяющие входящие в их состав нации (Китай, Индия)

Даже бегло рассматрив эту тему, мы видим, что вопрос «что такое нация» по-прежнему остается тревожной кнопкой, контактным рельсом, возбудителем импульса, возбудителем споров. Поскольку нация, признанная легитимной, может претендовать на территорию и построить государство, в то время как нация, лишённая признания, остается

безземельной и безгосударственной, ставки в этом, казалось бы, абстрактном вопросе не могут быть выше.

5.2.6.3. Философский подход

Мы просто привели несколько конкретных примеров. Можем ли мы сформулировать общие принципы, определяющие, какие группы следует считать *добросовестными* нациями? Многие учёные с далёкого прошлого до недавнего настоящего пытались раскусить этот вопрос.

Вот неизбежно неполное изложение их взглядов, частично взятое из книжки Беннера и обзора Кауфмана. Первая группа – мыслители конца 1700-х и 1800-х годов, писавшие во время Американской революции, Наполеоновских войн или революций 1848 года:

- Руссо: если группа людей добровольно соглашается быть связанными одной и той же руководящей властью, они являются нацией.
- Маркс: нация — это удобная группа, поддерживаемая великой державой для дестабилизации соперника. С позиций коммунизма, нация — это группа, которую следует возглавить для достижения политического превосходства, а также граница, которую необходимо преодолеть, чтобы объединить пролетариат.
- Локк: если две группы претендуют на одну и ту же территорию, то нацией следует считать более «рациональную и трудолюбивую».

- Джон Стюарт Милль: если группа соглашается на одну и ту же руководящую власть и способна получить контроль над участком земли, её следует считать нацией. Однако концепция полезности по Миллю имеет более высокий приоритет, нежели согласие.
- Гегель: нацию формируют её институты, пронизывающие её чувством общей этики. Война оказывается испытанием для этого этического долга и потому не есть зло по своей сути, а всего лишь естественное состояние анархических межгосударственных отношений.
- Дж.Г. Гердер: Если группа имеет общий язык и происхождение, она образует нацию, это концепция, известная как примордиализм. Более того, малые нации должны быть независимыми от более крупных наций, которые хотят ассимилировать их путём навязывания своего языка.
- И.Г. Фихте: Как и Гердер, считает, что отдельные языки и этнические группы определяют отдельные нации. Более того, государство может построить нацию посредством образования, направляя население к принятию общей культурной и языковой идентичности.
- Эрнест Ренан: нация – это те, кто имеет в прошлом «общую славу» и общие жертвы, а также «волю продолжать их в настоящем». Существование нации представлено «ежедневным плебисцитом», который определяет собой нынешнее согласие народа.
- Эрнест Геллнер: Нации – это народы, имеющие общий (посредством школьного образования) язык, культуру и формы общения, особенно адаптированные к современному обществу.
- Бенедикт Андерсон: Нации — это всего лишь социальные конструкции, воображаемые

сообщества, основанные на языковых связях, движимых «печатным капитализмом».

- Эрик Хобсбаум: Нации должны иметь историческую связь с нынешним государством, давно сложившуюся лингвокультурную административную элиту и доказанную способность к завоеваниям.

Эти определения одновременно пересекаются и противоречат друг другу. Вот некоторые точки напряжения:

- *Примордиализм против пропозиционизма*. Нация может быть группой с общим происхождением, культурой и языком, но она также может быть основана исключительно на идеях и добровольном объединении.
- *Масштаб против уникальности*. Нации необходим достаточный масштаб, чтобы иметь возможность защитить себя, поэтому ей следует определять критерии принадлежности к нации максимально широко. Но ей также необходимо избегать объединения в такую крупномасштабную группу, при которой не останется какой-либо общей культуры, которую стоило бы защищать.
- *Самоопределение против внешнего спонсорства*. Нация частично основана на самоидентификации в качестве нации, но на практике она также должна быть способна достигать реальных результатов (будучи «рациональной и трудолюбивой») и привлекать поддержку покровительствующей великой державы.
- *Воображаемые сообщества против реальных лингвокультурных связей*. Нация — это воображаемое

сообщество и социальная конструкция, но для того, чтобы собрать эту конструкцию в реальности, она должна в достаточной мере обладать общим языком и культурой.

Эти расхождения означают, что пока не существует единого теста на то, является ли группа нацией, хотя в каждом конкретном случае можно привести более или менее убедительные аргументы, апеллируя к различным стандартам. Однако с помощью современных инструментов мы могли бы разобраться в этой неясности. Позже в этой главе мы представим вычислительный подход к определению нации, который дополняет эмпирический и философский подходы. И мы поговорим о том, как эти теории национального происхождения влияют на стратегию основателя стартап-сообщества по «привлечению клиентов» или, в данном случае, приобретению граждан.

5.2.7. Что такое государство?

Также стоит уделить время другой половине определения национального государства: что такое *государство*?

5.2.7.1. Подход через определение

В этом полезном видео перечислены шесть свойств государства:

1. *Граница*: чётко определённая территория
2. *Население*: одна или несколько наций, живущих на этой территории
3. *Центральное правительство*: способность к законодательству
4. *Межгосударственный суверенитет*: теоретически это означает контроль над внутренними делами без вмешательства других государств
5. *Признание*: дипломатическое признание со стороны других государств
6. *Внутренняя монополия на насилие*: возможность поддерживать порядок на своей территории

Например, несостоявшееся государство в разгар гражданской войны этим условиям не удовлетворяет, потому что оно не сможет предотвратить вмешательство иностранных держав (пункт 4) и не сможет контролировать насилие внутри страны (пункт 6). Микронация не в счёт, поскольку ей не хватает территории (пункт 1) и населения (пункт 2). И такое административное подразделение США, как Арканзас, тоже не будет учитываться, поскольку ему не хватает признания со стороны иностранных государств (пункт 5) и контроля по сравнению с Вашингтоном (пункт 3). Однако иногда провинция может стать независимым государством.

5.2.7.2. Сравнительный подход

Как насчет сравнения? Именно потому, что их так часто смешивают, стоит подробно остановиться на том, чем именно государство отличается от нации.

- Государство – это политическая и юридическая сущность, а нация – это культурная, этническая и психологическая идентичность.
- Государство скрепляется законами и угрозой применения силы, тогда как национальные скрепы – это чувства и языковые/генетические/культурные характеристики.
- Государство выстроено иерархически сверху вниз, а нация – однорангово и снизу вверх.
- И, как указано выше, государство имеет фиксированную территорию, правительство и суверенитет над территорией, в то время как нация обычно имеет общий язык, культуру и/или происхождение.

У наций не всегда может быть единственное государство. У курдов нет государства, а корейцы разделены на два государства. И наоборот, государства могут управлять одной или несколькими нациями. Британское государство управляет английскими, валлийскими, шотландскими и ирландскими нациями, тогда как советское государство управляло более чем 100 различными национальностями.

5.2.7.3. Прагматический подход

Возможно, самый простой тест на то, является ли некая сущность *добросовестным* государством, — это является ли она членом Генеральной Ассамблеи Организации Объединенных Наций. Имеет ли достаточное дипломатическое признание? Считают ли её государством другие сущности, которые мы считаем государствами? Словом, есть ли *признание*? Это важно, потому что даже самые крупные группы людей, такие как китайцы и индийцы, всё же не превосходят по численности остальной мир; социальная жизнеспособность необходима для жизнеспособности государства.

Есть несколько отличных книг на эту тему — “Невидимые страны” и “Не на карте“, в которых рассматриваются такие пограничные случаи, как Нагорный Карабах, Абхазия, Приднестровье, Северный Кипр, Сомалиленд, Южная Осетия, Сахарская Арабская Демократическая Республика, Косово и Тайвань. Каждое из этих образований имеет большую или меньшую степень внутреннего сходства с государством, причём Тайвань является наиболее легитимным, но всем им не хватает некоторой степени полного межгосударственного признания – часто из-за мощного регионального или глобального противника.

Раз уж мы обсуждаем ООН, отметим, что лучшим названием, чем «Организация Объединенных Наций», могло бы быть «Избранные государства». В конце концов, многие безгосударственные нации не имеют места в Генеральной Ассамблее ООН, например, курды, каталонцы или тибетцы. И многие страны, у которых *есть* членство в ООН, больше похожи на многонациональные империи, чем на мононациональные государства.

5.2.7.4. Философский подход

Кейнс сказал: «Практические люди, считающие себя совершенно свободными от любого интеллектуального влияния, обычно оказываются рабами какого-нибудь мёртвого экономиста». Это означает, что если вы не знаете, какое интеллектуальное программное обеспечение вы используете, вы, вероятно, используете его неосознанно. Итак, трудно оценить многих мыслителей, которые привели к современному государству, потому что мы не всегда понимаем весь масштаб их влияния.

Мы всё равно попробуем. Вот ещё один неизбежно неточный набор изложений того, что разные политические теоретики думали о государстве.

- Платон: государство должно сделать возможными условия, при которых каждый сможет обеспечить себя и стремиться к Благу.
- Аристотель: все сообщества стремятся к какому-то благу, а государство — это высший вид сообщества, стремящийся к высшему благу.
- Локк: Государство легитимно, если оно обеспечивает соблюдение контрактов и выступает гарантом частной собственности.
- Карлейль: Государством должен управлять герой, обеспечивающий порядок.
- Шмитт: Государство воплощает четкое различие между другом и врагом.
- Маркс: Государство предназначено для организации пролетариата против правящего класса.

- Кейнс: Государство должно вмешиваться, чтобы сглаживать деловой цикл и поддерживать полную занятость.
- Ролз: Государство равномерно распределяет социальные блага и экономические возможности среди своих свободных граждан в соответствии с теорией справедливости, понимаемой как честность.
- Гоббс: Государство обладает абсолютной властью, и этот могущественный Левиафан заставляет антиобщественных людей вести себя просоциально.
- Руссо: Государство легитимно, если люди согласились на «Общественный договор», в котором они самоуправляются и в идеале не отказывают в суверенитете потенциально несогласным членам общества.
- Самуэльсон: Государство предназначено для предоставления общественных благ, которые частные субъекты не могут предоставить.
- Ли Куан Ю: Государство должно предоставить своему народу максимальное пользование свободами и уважать семью как ячейку общества. Государство может охватывать и несколько наций, но требовать лояльности.

5.2.7.5. Стратегии государственного управления и парадигмы программирования

Опять же, это не просто сухая теория. Эти идеи важно понимать, поскольку они неявно, а то и явно используются основателями и лидерами реально существующих государств.

С точки зрения информатики, эти школы мысли представляют собой *стратегии управления государством*, аналогичные парадигмам программирования. То есть вы часто можете решить одну и ту же проблему, скажем, с объектно-ориентированной, функциональной или императивной точки зрения. Но некоторые проблемы легче решить с помощью определенной парадигмы, тогда как другие становятся намного сложнее.

То же самое касается и различных теорий государства. Более того, вместо того, чтобы использоваться изолированно, эти стратегии государственного управления часто объединяются в единую юридическую кодовую базу, подобно тому, как различные парадигмы программирования могут дополнять друг друга в кодовой базе компании.

Например, у Карла Маркса его мировоззрение с нулевой суммой позволяло легко оправдать создание советского государства с огромной Красной армией, призванной уничтожить капиталистических угнетателей. Сочинения Жан-Жака Руссо, напротив, не давали особого оправдания применению силы как таковому, но представляли собой видение основанной на всеобщем согласии коммунистической утопии, которая позиционировалась как итог освободительного насилия Красной Армии. Карл Шмитт и Томас Карлейль представляют собой примерно эквивалентную пару справа: Шмитт выступает за то, чтобы герой использовал государственную силу против врага, а Карлайл рассказывает о щедром порядке, который возникнет в результате.

Ошибка Маркса и Руссо заключалась в их отходе от экономической реальности, поскольку они не принимали во внимание собственные интересы человека. Провалом Шмитта и Карлейля был их уход от политической реальности, поскольку они не принимали во внимание интересы другого парня. Но их стратегии государственного управления когда-то были достаточно влиятельными, чтобы управлять некоторыми из самых могущественных государств в мировой истории, поэтому нам необходимо понять их, даже если нам также придётся отказаться от них. Если вспомнить о том, что PHP, по мнению многих профессионалов, полный отстой в качестве языка программирования, но он каким-то образом привел к созданию многих самых популярных приложений всех времен (Facebook, WordPress, Slack и т. д.), можно понять суть.

Также можно пойти совершенно в другом направлении и создать чисто контрактное государство, неявно основанное на парадигме Хайека/Локка, максимизируя некоторую меру богатства без какого-либо смысла, который вкладывают в государство марксистские или шмиттовские нарративы. Такой подход также имеет свои уязвимые места, поскольку вакуум смысла может быть заполнен соперником, чья стратегия государственного управления предполагает постоянную идеологическую экспансию; Вот почему платонические/аристотелевские нарративы о государстве хороши, когда они ставят на первое место *цель*.

Сильные и слабые стороны различных стратегий управления государством можно долго обсуждать, и мы еще вернемся к этой теме. А пока: прежде чем спроектировать свое идеальное государство, нам нужно иметь некоторое представление о

том, каким, по мнению других, является их идеальное государство, и к чему это приводит.

5.2.8. Почему национальное государство выглядит, как участок на карте?

Простой ответ: национальное государство — это и есть цветное пятно на карте. Но мы можем рассматривать эту карту как *суперпозицию* различных базовых карт, показывающих, где расположены члены нации — например, где проживают носители языка, люди с общими аллелями и люди со схожей культурой – наложенных на юридические границы государства).

И вновь канонический пример – это Япония. Все базовые карты совпадают. Большинство носителей японского языка, большинство людей японского происхождения, большинство держателей японской иены, большинство практиков синтоизма и большинство людей, которые являются японцами в культурном отношении, живут на островах Японии, находящихся под управлением японского правительства.

С другими странами дела обстоят гораздо хуже.

- Некоторые нации фрактально распределены по территории, как, например, на Балканах.
- Некоторые нации распространились по всему миру, как это сделала еврейская община до появления Израиля (в значительной степени это справедливо и сегодня).
- Некоторые ранее единые нации были разделены между территориями по историческим причинам, как, например, Северная и Южная Корея.
- Другие нации определяются несколькими перекрывающимися картами, потому что одного параметра недостаточно, чтобы разграничить их. Например, если бы вы только что сказали, что все люди, говорящие по-испански, относятся к испанской *нации*, вы бы неправильно классифицировали миллионы людей на разных континентах, которые не считают себя частью одного и того же сообщества.
- Некоторые «национальные государства», такие как Индонезия, имеют странные границы — отчасти потому, что на самом деле они являются многонациональными государствами.
- Некоторые «национальные государства», такие как Франция и Великобритания, имеют удивительно распределённое глобальное присутствие, поскольку на самом деле они являются остатками многонациональных империй.

В общем, идеализированное национальное государство — это такое государство, в котором члены данной группы — нации — физически *централизованы* в рамках единого ограниченного контура на поверхности земного шара. Это может показаться тривиальным, но позже в этой главе мы

рассмотрим физически *децентрализованные* политические образования в контексте сетевых государств.

5.2.9. Как были основаны современные национальные государства?

Существует несколько точек зрения на вопрос о том, как создаются национальные государства.

5.2.9.1. С точки зрения истории

Первый подход — посмотреть, когда в одно и то же время многие государства были основаны примерно на одних и тех же принципах. Мы можем определить несколько критических моментов истории.

- *Вторая мировая война и холодная война (1945–1991):* сегодняшние государства были созданы под эгидой послевоенного порядка. После Второй мировой войны в Европе в результате крупномасштабного перемещения населения возникли моноэтнические государства. Тем временем за пределами Европы колонии, принадлежащие западноевропейским державам, подверглись «деколонизации», а затем,

возможно, «реколонизации» со стороны СССР или США соответственно во имя идей коммунизма или капитализма. Еще одна группа независимых государств возникла после распада СССР в 1991 году.

- *Американская революция, Французская революция, Великое расхождение (1776–1800-е годы).* Такие писатели, как Бенедикт Андерсон, относят возникновение европейского национализма в его современном понимании к «Великому расхождению» начала 1800-х годов, после Французской революции, которая, в свою очередь, была вдохновлена Американской революцией.
- *Тридцатилетняя война, Испано-голландская война и Вестфальский мир (1618–1648 гг.):* Вестфальский мир положил конец Тридцатилетней войне между протестантами и католиками, начатой Реформацией, и положил начало концепции государств с ограниченными границами и имеющими территориальный суверенитет в отличие от не скованной границами власти католической церкви.
- *Расцвет картографии и печатного капитализма (1500-е годы).* Развитие картографических технологий позволило создавать точные карты. Сегодня мы воспринимаем это как должное, но без хороших карт на местности не было четких границ, а было лишь постепенное уменьшение власти одного суверена по мере того, как его территория перетекала в территорию другого.
- *Древняя эпоха.* Государства-цивилизации, такие как Китай и Индия, берут свое начало в древности и могут указывать на определенную преемственность языка, культуры и религиозной практики.
- *Доисторический период.* Примордиалисты утверждают, что нации, лежащие в основе

государств, возникли ещё до письменной истории, поскольку их языковые, генетические и культурные связи насчитывают тысячи лет. Другими словами, нации — это естественно возникшие явления, больше похожие на периодическую таблицу элементов, чем на социальную конструкцию, с границами, очевидными в поттерианском смысле. В этом смысле любое настоящее современное национальное государство было основано тысячелетия назад.

Важно отметить, что весь мир не получил современные национальные государства одновременно. Например, Вестфальский суверенитет изначально был установлен *внутри* Западной Европы, а не за её пределами. Европейские национальные государства должны были уважать границы друг друга, по крайней мере в теории, поэтому они отправились за пределы Старого Света, чтобы завоевать другие места.

Но эти точки соприкосновения исторических событий по-прежнему являются полезным способом рассмотрения путей формирования национальных государств, причём та или иная точка становится более значимой в зависимости от того, на чём делается основной акцент: на «нации», «государстве» или «национальном государстве» как сочетании сущностей.

С практической точки зрения очевидно, что невозможно создать такое государство-цивилизацию, как Китай или Индия, без тысячелетней истории. Но мы могли бы, скажем,

выделить из массы американцев новую «нацию», такую как мормоны (примерно 1830 год рождения), или, как вариант, спроектировать впечатляющее новое национальное государство, такое как «Е»-стония (примерно 1991 год рождения), из той же нации, ранее угнетаемой таким государством, как унылая Эстонская Советская Социалистическая республика.

5.2.9.2. С точки зрения покровительства

Альтернативный подход состоит в том, чтобы рассмотреть детали того, как были основаны конкретные национальные государства. Одна вещь, которая бросается в глаза при изучении достаточного количества этих историй, заключается в том, что национальная независимость — это не только вопрос самоопределения, поскольку судьба многих наций не определяется исключительно их собственными усилиями.

Например, Советы были «антиимпериалистическими», когда это означало изгнание симпатизирующих Западу капиталистов и приход к власти симпатизирующих Советскому Союзу коммунистов. Французы поддерживали молодую американскую нацию, когда это означало возможность ткнуть пальцем в глаз своим британским соперникам. И сегодняшние американцы не высказываются слишком громко в защиту курдов или йеменцев, учитывая их союзы с турецким и саудовским государствами, но с большим энтузиазмом относятся к украинцам, тайваньцам и уйгурам, учитывая их конфликты с российским и китайским государствами.

Таким образом, для осуществления своих амбиций безгосударственной нации может также понадобиться покровитель, своего рода венчурная капиталистическая великая держава. Самоопределения недостаточно.

5.2.9.3. С военной точки зрения

Многие страны были основаны на памяти живущих, но поскольку они часто основывались силой, некоторые не верят, что можно основать новые страны без применения силы.

Или всё-таки можно? Они говорят, что невозможно основать Пентагон; они *не* говорят, что нельзя найти конкурента почтовой службе, системе лицензированных такси или NASA. Вместо этого они сразу переходят к тому, что у нас нет сравнительно недавних оснований... или есть? В конце концов, сам Пентагон был построен такими же людьми, как вы и я, в 1943 году. Индия, Израиль и Сингапур также были основаны в 1947, 1948 и 1965 годах соответственно и имеют свои собственные оборонные ведомства.

Конечно, этот вызов можно интерпретировать и иначе. Это может означать: «Хорошо, некоторое время назад такое было возможным, но я не думаю, что процесс формирования Пентагона можно повторить», или, скажем, «Было бы плохо собирать огромную новую армию, поскольку это будет дестабилизировать ситуацию», или даже: «Да ладно, нельзя создать самую мощную армию в мире с нуля». Но ответы на

такого рода вопросы представляют собой встроенную «Уловку-22». Либо кто-то, думающий о создании новых стран, должен хотеть создать новую мощную армию (опасно!), либо у него нет оружия, и он будет раздавлен теми, у кого оно есть (опасно наивно).

Один из ответов заключается в том, что нам не нужно получать полный суверенитет, а можно вместо этого заключить контракт о защите с существующим сувереном. Фактически, именно это уже делает большинство «настоящих» стран — лишь немногие действительно обладают полным суверенитетом, поскольку большинство из них схожим образом заключает контракты на свою оборону с США или (в последнее время) с Китаем.

Другой ответ состоит в том, что это тема для отдельной книги (и, возможно, нам придётся добавить ещё одну главу), но для фундаментально цифровой сущности с физической децентрализацией по всему миру основным способом будет ненасильственная цифровая защита посредством секретности, псевдонимности, децентрализации и шифрования. Google и Биткойн, каждый на свой лад, защищают цифровой след многих миллионов людей без какой-либо огромной армии.

5.2.10. Почему создавались национальные государства?

Можно задать вопрос иначе: что было до национального государства?

Короткий ответ: у людей были разные наборы идентичностей. В Европе население до весьма поздних времён не считало себя в первую очередь «французом» или «немцем». Вместо этого они думали о себе в контексте своего феодального сеньора, региона (Бретань, Пруссия) или религии (например, протестант/католик). Транснациональные образования, такие как Католическая церковь, также претендовали на господство над всеми верующими, где бы они ни находились, поэтому возник вопрос, обладает ли Папа или король высшей властью в той или иной конкретной юрисдикции. Начались войны.

Вестфальский мир 1648 года разрешил эти проблемы и, по мнению многих, положил начало национальному государству европейского образца. Вестфальский мир разделил территорию линиями на карте. На каждой очерченной таким образом территории существовало правительство, которое представляло людей на этой территории и имело право применять силу от их имени. И эти «суверенные» государства должны были оставить друг друга в покое.

Теоретически государство должно было стать инновацией в области снижения уровня насилия. Ты остаёшься на своей полосе, я остаюсь на своей. Чёткие суверенитеты будут поддерживать внутренний порядок, а принцип национального суверенитета будет сдерживать агрессию из-за границы. Конечно, вышло не совсем так; как

внутригосударственные, так и межгосударственные конфликты всё ещё имели место. Но такая абстракция, как национальное государство, возможно, всё ещё была предпочтительнее предыдущей эпохи империй с нечеткими границами и конфликтующих суверенов.

5.2.11. Как национальное государство расширяется и сжимается?

Существует как минимум четыре пути расширения национального государства:

- *Демографический*. Путем воспроизводства или иммиграции. Нация растет, когда она видит больше рождений, чем смертей. Государство растет, когда в одной из входящих в него наций наблюдается демографический рост или когда оно принимает иммигрантов, которые могут принадлежать и к другой нации. Отметим, что здесь может проявиться разница между расширением государства и нации!
- *Географический*. Путем завоевания (например, экспансия России при Иване Грозным), путём приобретения (например, покупка Луизианы) или по соглашению (например, принудительное отделение Сингапура от Малайзии).
- *Экономический*. Торговлей и открытием рынков. Это не всегда происходит мирно: см. Британскую Ост-Индскую компанию, Смедли Батлера и Опиумные войны.

- *Идеологический*. Путем образования и обращения. Революционная Франция вложила значительные средства в обучение всех граждан французскому языку, расширяя самоидентифицированную французскую нацию. Точно так же христианские, мусульманские и коммунистические группы потратили огромные усилия на пропаганду. Конечно, в то время как часть этой пропаганды увеличивает базу поддержки национального государства (как это сделал маоизм для КНР и, возможно, ваххабизм для Саудовской Аравии), другие виды вирусных идей дестабилизируют как государственные, так и национальные границы.

5.2.12. Как государства влияют на нации, и наоборот?

Формирование национального государства – двунаправленный процесс; нации создают государства, которые влияют на нации, и так далее. Хотя нация должна стоять на первом месте, многие из самых успешных национальных государств в истории привлекали людей из смежных (а затем и отдалённых) краёв в состав своего населения с помощью самых разных средств: от культурной привлекательности до изнасилований и похищений.

До Гарибальди только около 2,5% «итальянцев» говорили на том языке, который мы сейчас знаем как итальянский, а тогда это был флорентийский диалект итальянского языка.

Точно так же до Французской революции менее 50% населения Франции говорили на сегодняшнем официальном варианте французского языка. И до объединения Германии Бисмарком между Пруссией и Австрией существовало соперничество («немецкий дуализм») за то, как именно и следует ли вообще формировать «Германию».

Связанным с этим явлением является петля обратной связи между политическими границами и национальной культурой. 38-я параллель не имела ранее существовавшего исторического значения в корейской культуре, но после Корейской войны уровень смешанных браков между новыми «северокорейскими» и «южнокорейскими» группами резко упал. Такое положение дел сохраняется уже 70 лет; чем дольше это продолжается, тем больше культурный разрыв между двумя группами.

Жёсткие политические границы такого рода служат той же цели, что и естественные физические границы в прошлом, такие как реки, горы и пустыни. Они препятствуют аллельной и культурной диффузии и, таким образом, способствуют динамике формирования нации. Существует петля обратной связи между политическим/территориальным и лингвистическим/генетическим/культурным аспектами.

5.2.13. Что не является национальным государством?

Что *не* является национальным государством? Я не имею в виду тривиальные утверждения вроде того, что банан не является национальным государством. Я имею в виду, какой еще крупномасштабный способ организации людей в физическом мире не является национальным государством?

Put another way, to understand what something is, we need to understand what it is not. We live in a world of nation states, so conceptualizing something different is difficult. The ideal counterexamples are things that are close, but not quite there. Here are a few:

Другими словами, чтобы понять, чем что-то является, нам нужно понять, чем оно не является. Мы живем в мире национальных государств, поэтому концептуализировать что-то иное сложно. Идеальные контрпримеры — это вещи, которые близки, но всё же отличаются. Вот некоторые из них:

1. *Многонациональные империи*, такие как Советский Союз, не были традиционными национальными государствами, поскольку в их границах проживало более одной национальности.
2. *Безгосударственные нации*, такие как курды, не являются национальными государствами, поскольку у них нет официально признанной территории и правительства.
3. *Транснациональные движения*, такие как Католическая церковь, не являются национальными государствами, поскольку совокупность всех верующих не содержится в пределах

территориального государства, которым она управляет. (У Церкви есть Ватикан, но несёт скорее церемониальные функции, примерно как Британская королевская семья.)

4. *Террористические группы*, такие как ИГИЛ, которые действуют через границы и время от времени захватывают территории, не считаются государствами, поскольку им не хватает дипломатического признания (из-за их отвратительных преступлений!). Тем не менее, советские коммунисты были ИГИЛом своего времени, и им просто нужно было продержаться 16 лет, чтобы Ф.Д. Рузвельт признал их, поэтому при достаточной настойчивости террористические группы могут получить признание.
5. *Кочевые племена*, такие как цыгане и масаи, не являются национальными государствами, поскольку они мигрируют между странами. По факту, большая часть человечества раньше жила именно так, а сельское хозяйство и регулярные армии стали относительно недавним нововведением, и мы можем вернуться к чему-то подобному старой модели с развитием цифрового кочевничества.
6. *Корпорации, работающие в нескольких юрисдикциях*, такие как Google, имеют на своих серверах больше аккаунтов, чем население большинства стран, и контролируют огромную часть жизни своих пользователей, например, их переписку и балансы. Однако они являются переходной формой к нашей концепции сетевого государства, поскольку их пользователям не хватает национального самосознания, а их управлению не хватает качеств, которые мы привыкли ожидать от государства.
7. *Этнические диаспоры*, такие как японская или армянская, не являются национальными

государствами. У них могут быть деловые районы и некоторая степень общественной самоорганизации в этих районах, но они представляют собой всего лишь отросток нации, а не полноценную нацию, и им определенно не хватает свойств полноценного государства.

8. *Местные кланы*, такие как пуштуны и хазарейцы в Афганистане, не являются национальными государствами. Это разные нации внутри несостоявшегося государства.
9. *Наднациональные образования*, такие как Европейский Союз, ВТО или МВФ, также не являются национальными государствами и с точки зрения их влияния на отношения между юрисдикциями больше похожи на Католическую церковь.¹⁵²

5.2.14. Какие технологические разработки лежат в основе современной национальной государственной системы?

Обычно мы не думаем о создании карт, печати и огнестрельного оружия как о новых видах деятельности, поскольку лежащие в их основе технологии были изобретены много поколений назад. Но каждое из них лежит в основе нашей современной концепции государств с границами, где люди с огнестрельным оружием обеспечивают соблюдение писанных законов.

1. *Картографирование.* Карта мира, которую мы делим на национальные государства, возможна только в том случае, если у нас есть собственно карта мира. Не нужно быть знатоком картографии, чтобы знать, что такой карты не существовало в 1492 году, когда Колумб бороздил океан в поисках Индии, с которой можно было бы торговать. «Старые» карты с надписями «здесь водятся драконы» нужно было тщательно создавать. До появления современной GPS существовал огромный набор технологий для создания карт, включая компасы, телескопы и небесную навигацию.
2. *Печать.* Не только печатный станок, но и вся практика *печатного капитализма* помогла зарождению национального государства. Точно так же, как Facebook и Google, желая расширения клиентской базы, хотели, чтобы все сидели в интернете, новые коммерческие типографии 1500-х годов хотели, чтобы все говорили на одном языке, поскольку это поможет максимизировать продажи печатных товаров.
3. *Стрельба.* «Людей создал Бог, но Сэм Кольт сделал их равными». Феодализм насаждали верховые рыцари в блестящих доспехах и с тяжелыми мечами; огнестрельное оружие изменило ситуацию. О переходе к пороховой эпохе писали и другие. Если вкратце, то огнестрельное оружие уменьшило важность физического неравенства. Любой мужчина (или, в конце концов, женщина) с аркебузой мог убить любого другого мужчину, даже если стрелок был стар и немощен, а мишенью был сам сэр Ланселот. Появление ручного огнестрельного оружия (а также арбалетов и пушек) дестабилизировало феодальную иерархию; сильная правая рука внезапно стала стоять меньше, чем сильное левое

полушарие, поскольку технологии и цепочка поставок, необходимые для производства мушкетов, внезапно стали стоить больше. Пистолет помог ускорить переход от феодальной иерархии к националистической республике и способствовал продвижению «республиканских» идеалов Американской и Французской революций.

Итак: сочетание картографирования, печати и стрельбы помогло подготовить почву для вестфальского национального государства, где карта определяла границы, печатный документ устанавливал закон, а парень с пистолетом стрелял в тебя за то, что ты пересек эти границы или нарушил закон.

---

¹⁵¹ Для ясности: даже если цель состоит в том, чтобы постепенно и мирным путем получить минимально необходимый суверенитет – что мы настоятельно рекомендуем! — основателю стартап-сообщества понадобится «армия» в том смысле, в каком была «армия» у Ганди. Это означает, что своё сетевое государство стремится построить большая группа людей. Это коллективная ролевая игра, а не просто мечта одного человека.

¹⁵² Принятие Сальвадором Биткойна в качестве национальной валюты в нарушение требований МВФ по-своему похоже на то, как некогда протестантские государства демонстративно пренебрегали требованиями католической церкви.

6.1.

Благодарности

Сетевое государство. 6. Приложения

Для создания этой книги потребовалось немало труда, и я хочу поблагодарить людей, которые тесно сотрудничали со мной, чтобы воплотить ее в жизнь.

@zane1729 – помощь со всеми аспектами книги: от исследований и проверки фактов до корректуры и расшифровки рисунков и кода. @gfodor – создание сайта, а также читалки электронной книги. @jonstokes – выпуск для книги сувенирных NFT и управление нашим сообществом. @aaraalto – обложка и арт для NFT. @elijahmadonia – рисунки и веб-дизайн, @OFJAKE и @xenbh – помощь с логистикой книг. Их вклад был неоценим.

А, и ещё:

மேலும், எனக்கு ஆதரவும், ஊக்கமும்
அளித்த என் குடும்பத்தாருக்கும் நன்றி
கூறிக்கொள்கிறேன். இந்த நூல், என்
குடும்பத்தாருக்கு சமர்ப்பணம்.

Сетевое государство. 6. Приложения

Эта работа издана проектом 1729. Он назван в честь числа Рамануджана, которое символизирует для нас сокрытый талант: всех этих людей из ниоткуда, обойдённых вниманием истеблишмента, с безумными, но правильными идеями, которые могли бы добиться великих результатов, получи они такую возможность. Именно такие люди, как мы ожидаем, создадут стартап-сообщества и сетевые государства.

Это также сообщество для людей, интересующихся математикой, криптовалютами, систедингом, трансгуманизмом, космическими путешествиями, продлением жизни и идеями, изначально кажущимися безумными, но технологически осуществимыми... например, теми самими сетевыми государствами.

Если вы хотите присоединиться к нам, первым делом нужно подписаться на рассылку новостей через виджет на thenetworkstate.com. Вы также будете получать бесплатные бонусные главы «Сетевого государства» по мере их выхода